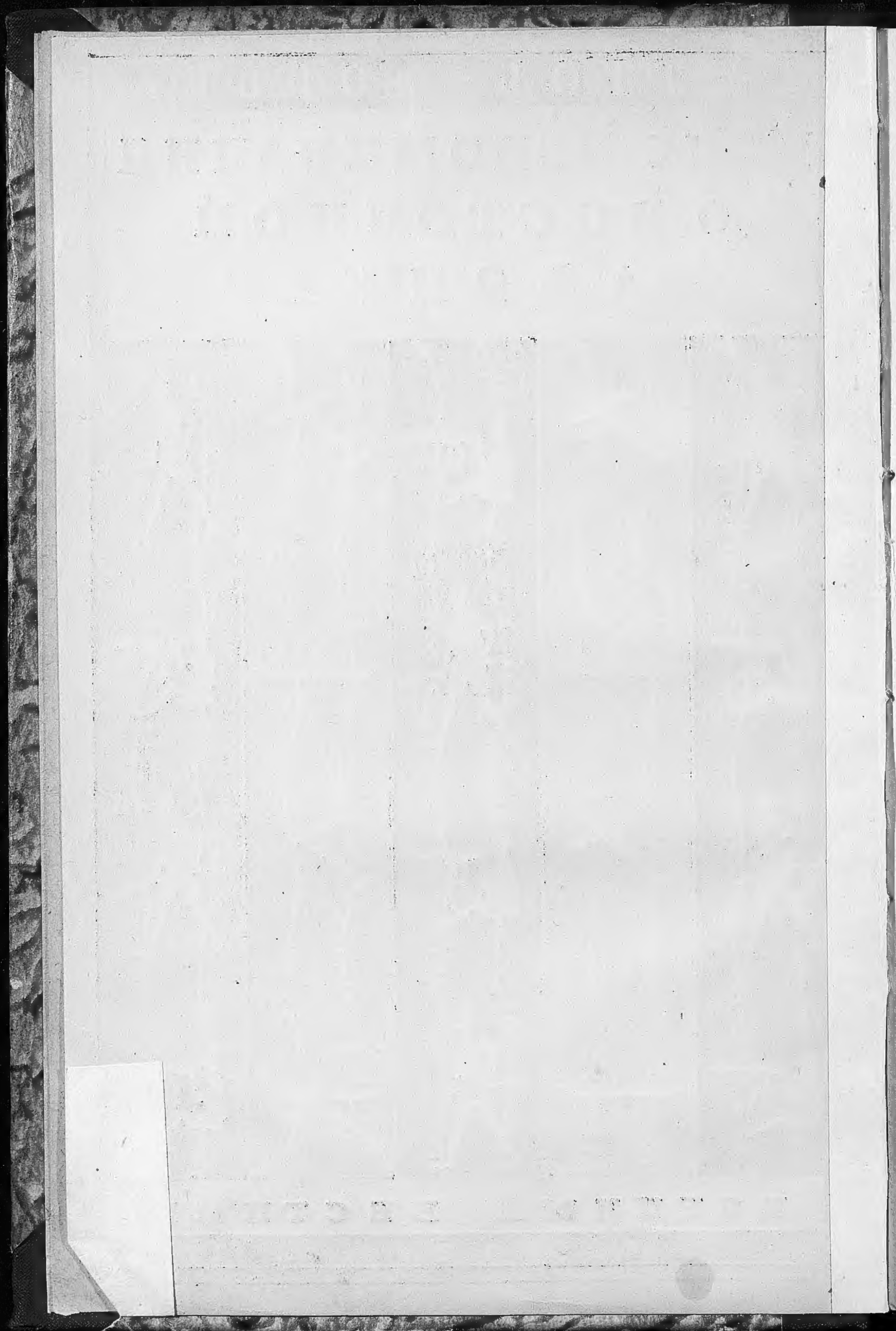
…ТОВ-ФОРБЕК

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК

1927

ВОЕННЫЙ
ВЕСТНИК

MEINE ERINNERUNGEN
AUS
OSTAFRIKA

von

GENERAL VON LETTOW-VORBECK

LEIPZIG
VERLAG VON K. F. KOEHLER

Л Е Т Т О В - Ф О Р Б Е К

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
Ф. П. ШАФАЛОВИЧА

В О Е Н Н Ы Й   В Е С Т Н И К
М О С К В А
1927

Ленинградский Гублит № 23121. Тираж 6000—21 л. Заказ № 1496.

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая вниманию читателей книга Леттов-Форбека, командовавшего германскими силами в Восточной Африке во время мировой войны, представляет несомненный интерес и ценность, так как рисует нам успешную неравную борьбу слабых, плохо вооруженных и плохо снабженных германских колониальных частей с противником, который и по своей численности и по технике значительно превосходил германцев. К этому надо еще прибавить полную отворванность от метрополии, равнодушное, а иногда и враждебное отношение туземного населения, убийственный тропический климат и малокультурный, бездорожный район, который по площади почти в два раза превышает Германию. Тем не менее, несмотря на такую тяжелую обстановку, Леттов-Форбек сумел продержаться до конца и сложил оружие, только получив сообщение, что война в Европе окончена и что Германия капитулировала.

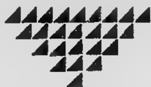
Леттов-Форбек в начале войны дает высокоценный образец действий по внутренним операционным направлениям, а затем, после потери колонии, искусно ведет малую партизанскую войну. Его книга дает, на-ряду с подробным описанием отдельных боев, богатый, чисто практический, материал по боевой службе мелких разведывательных и партизанских партий. Кроме того, в ней уделяется много внимания вопросам снабжения и устройства тыла в исключительных тяжелых условиях тропической Африки.

Надо, однако, иметь в виду, что Леттов-Форбек — прусский юнкер, монархист и типичный представитель высшего командного состава старой германской армии. Поэтому его книга, как и «Воспоминания» Людендорфа, проникнута местами шовинизмом и отличается определенной тенденциозностью в изложении и освещении событий.

Так, например, автор все время подчеркивает глубокую преданность туземного населения германским интересам и рисует

самоотверженную боевую службу германских туземных солдат. Но, вместе с тем, его книга содержит достаточное количество фактов, которые заставляют усомниться в правильности его уверений: в 1891 году «преданные» туземцы почти полностью уничтожают Целевскую экспедицию у Иринги; германские правители отдельных областей опирались для поддержания порядка и сбора налогов на вооруженные отряды наемных туземных солдат. Автор не мог также умолчать о сильно развитом дезертирстве из рядов колониальных войск, при чем объясняет это явление зловредной агитацией англичан; однако, на-ряду с этим, он приводит мнение одного из туземцев, что последним безразлично, кто будет их хозяином,— немцы или англичане, и сообщает о случаях нападения на отдельных немцев, а также о поголовном бегстве жителей из некоторых районов, охваченных боевыми действиями. Наконец, тот факт, что из 8 миллионов населения немцам удалось навербовать в армию всего около 11.000 туземцев, более правильно рисует отношение местного населения к войне и к своим поработителям, чем все разглагольствования автора на эту тему.

Во всех этих отрицательных сторонах наш читатель разберется без всякого труда. Недостатки книги все же не лишают ее серьезной ценности и интереса. Вот почему нами предпринят перевод этой книги в надежде на то, что тщательное изучение боевых операций германцев в Восточной Африке принесет значительную пользу комсоставу нашей армии.

КНИГА ПЕРВАЯ

СОБЫТИЯ ДО ВСТУПЛЕНИЯ В ВОЙНУ ЮЖНО-АФРИКАНСКИХ ВОЙСК

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

(Январь — июль 1914 года)

(Чертежи I, II и III)

Когда я в январе 1914 года высадился в Даресаламе, я вряд ли предчувствовал, какая задача встанет передо мной через несколько месяцев. Однако, в течение последнего десятилетия мировая война не раз становилась настолько вероятной, что я вынужден был серьезно ставить себе вопрос, придется ли подчиненным мне частям играть вообще какую-либо роль в такой войне и какие задачи могут быть на нас возложены. Судя по положению колонии и по численности имевшихся налицо войск, которые по составу мирного времени немногим превышали 2 тысячи человек, нам могла выпасть только второстепенная роль. Я знал, что судьба колоний, как и других немецких владений, будет решена на европейских полях сражений. Каждый немец, независимо от того, где бы он ни находился, должен был принять посильное участие в этом решении. Таким образом и на нас в колониях возлагалась обязанность в случае мировой войны сделать для родины все, что было в наших силах. Вопрос заключался в том, были ли мы в состоянии оказать влияние на судьбу Германии на наших второстепенных театрах военных действий и могли ли с нашими слабыми силами отвлечь сколько-нибудь значительные части противника от вмешательства в Европе или на других важных театрах борьбы или же нанести неприятелю серьезные потери в личном составе или военном снаряжении. Лично я в то время отвечал на этот вопрос утвердительно. Тем не менее в этом не удалось убедить все инстанции настолько, чтобы можно было провести в жизнь все необходимые приготовления к войне.

Следовало иметь в виду, что мы только тогда сможем связать неприятельские войска, если действительно атакуем противника в чувствительном для него пункте или, по крайней мере, будем

ему угрожать. Затем не надо было забывать, что при чисто оборонительной тактике нельзя было с имеющимися средствами обеспечить даже защиту колонии. Ведь речь шла о сухопутной и береговой границе, примерно, такой же длины, как и у Германии. С этой точки зрения выявлялась необходимость не дробить незначительные наличные силы для местного сопротивления, но, наоборот, держать их вместе, схватить противника за горло и этим заставить его использовать свои силы для собственной защиты. Если бы удалось осуществить эту мысль, то были бы обеспечены самым действительным образом и наша береговая линия и наши бесконечной длины сухопутные границы. Когда же задавали себе вопрос, где находится такой чувствительный для противника пункт, который давал бы надежду на успешное нападение или, по крайней мере, на возможность серьезной угрозы, то, само собой, останавливались на границе между германской и английской Восточной Африкой. Вдоль нее, в расстоянии нескольких переходов, проходит жизненная артерия британских владений — Угандская железная дорога, которую, при длине в добрых 700 километров, неприятелю было бы чрезвычайно трудно защищать и которая поэтому при действительной угрозе привязывала бы к себе большую часть его войск.

Начатые мною в 1914 году первые разведывательные и инспекторские поездки привели меня от Дaресалама на пароходе в Тангу, оттуда в Узамбару и дальше в окрестности Килиманджаро и горы Меру. В Узамбаре я нашел в лице моего друга еще по военной школе, капитана в отставке, фон-Принца, одного из наиболее горячих сторонников мысли, что мы восточно-африканцы не имеем права сидеть спокойно в случае войны против Англии, но должны нанести удар, если только представится возможность облегчить ведение войны в Европе. Он мог вместе с тем ориентировать меня в том, что в районах Узамбары, Килиманджаро и у горы Меру формируются добровольческие стрелковые отряды, в которые, как это можно предвидеть, скоро войдут почти все способные носить оружие немцы этой северной области. При тамошней плотности расположения колонистов это имело большое значение. Когда мы в течение войны смогли выставить в общем около 3.000 европейцев на службу в колониальных войсках, то как раз эти районы, прилегающие к Узамбарской железной дороге, дали главную массу набора. Во всяком случае, было трудно подыскать подходящую прочную военную организацию для этих добровольче-

ских объединений и полностью использовать широкое добровольческое движение. Однако в общем было достигнуто, что все, даже и те, кто не был военнообязанным, были готовы пойти в случае войны в колониальные части. В местных правительственных учреждениях я также нашел большую поддержку, но в то же время и правильные опасения — будут ли такие добровольческие организации иметь необходимую прочность в случае мировой войны, которая, по всей вероятности, совершенно отрежет нас от родины, так что мы будем предоставлены собственным силам. Плохо обстояло также дело с вооружением. Правда, почти каждый европеец имел годную для использования магазинную винтовку, но до описываемого времени не было устранено разнообразие образцов, что затрудняло правильное снабжение патронами. Предложения о вооружении этих стрелковых обществ оружием военного образца остались не разрешенными к началу объявления войны.

В Вильгельмстале я встретил отделение чернокожих полицейских под командой дюжего вахмистра, родом из Дитмаршена.

В то время как собственно колониальные войска подчинялись военному командованию, некоторые отделения полицейских войск зависели от гражданских властей, и, таким образом, каждый управляющий округом имел отряд от 100 до 200 человек для взыскания налогов и для того, чтобы придавать его распоряжениям нужный авторитет. Господствовало стремление постоянно увеличивать эти полицейские части за счет колониальных войск. Рядом с колониальными войсками образовались такие же сильные полицейские части, которые по своему составу едва ли могли быть чем-либо иным, кроме как карикатурой на военную организацию. Управляющий округом, штатский человек, часто мало понимал в военном деле и предоставлял командование и обучение своих полицейских аскари * полицейскому вахмистру. Последний усердно работал с чувством долга старого служаки, унтер-офицера, но указания старшего строевого начальника редко доходили до него, так как полицейский инспектор-офицер мог только время от времени посещать каждый округ. Поэтому полицейские аскари распускались, и им часто не хватало строгой дисциплины, необходимой, чтобы сохранить их годными для их обязанностей, исполнение которых, однако, требует надежных людей. К сожалению, полицейские части часто отнимали от колониальных войск лучший

* Аскари — солдат-туземец.

личный состав, — старослужащих из туземцев, которые затем в полиции теряли свои хорошие военные качества. В результате качества колониальных войск все более и более ухудшались ради полицейских частей, из которых при существующем положении никогда не могло получиться что-либо годное для боевого использования.

Из Неймоши, конечного пункта Узамбарской дороги, я отправился через Марангу, где жил английский колонист и где я встретил английского консула Кинга из Даресалама, в область Килиманджаро, а оттуда в Арушу. Несколько немецких колонистов, частью бывшие офицеры, которых я посетил во время пути в их владениях, подтвердили мне, что и тамошние немецкие поселенцы также представляют ценный военный материал.

Я ознакомился с прекрасным поместьем капитан-лейтенанта в отставке Нимейера, жена которого угостила нас отличным кофе собственного производства. Позднее она нам случайно немного помешала, а именно: когда ее муж во время войны находился в лагере Энгаре-Нероби, северо-западнее горы Килиманджаро, мы предоставили ей временно телефонный аппарат для переговоров с ее мужем. Вслед затем прекратилось всякое телефонное действие, и после долгих розысков мы узнали, что наша милая хозяйка не выключила телефона и не выказывала никакого намерения это сделать.

Капитан флота в отставке Шенфельд гостеприимно предложил нам в своей недалеко расположенной колонии стакан замечательного вина. Это было сделано тоном военной команды, который уже тогда обнаруживал в нем энергичного начальника, защищавшего позднее так упорно устье реки Руфиджи против превосходных сил неприятеля. Недалеко перед Арушей я встретил любезного старого обер-лейтенанта в отставке фон-Бока во время обеда на кофейной плантации моего старого товарища по кадетскому корпусу барона фон-Ледебура. Мы беседовали о добровольческих стрелковых объединениях, которые предполагалось создать в районе горы Меру, и я не предчувствовал, что несколько месяцев спустя 60-летний старик сделается одним из наших настойчивых передовых разведчиков в восточной части Килиманджаро и нередко будет вместе со своими немногими людьми, большей частью новобранцами, успешно драться против нескольких неприятельских рот. Его прямодушие и отеческая заботливость о подчиненных скоро завоевали ему сердца его чернокожих товарищей в такой

степени, что он был в их глазах самым храбрым из всех немцев и они привязались к нему с трогательной преданностью.

В Аруше впервые состоялся смотр роты аскари. Дух и дисциплина черной части свидетельствовали о превосходном воспитании, которое было дано моим предшественником, полковником фон-Шлейницем, но обучение боевым действиям против вооруженного по-современному противника, с точки зрения существовавших до войны тактических требований, было поставлено значительно слабее. Эта рота, как и большинство рот аскари, была вооружена старыми ружьями образца 1871 года с дымным патроном. Неоднократно высказывалось мнение, что такое вооружение более целесообразно для туземных частей, чем современная винтовка с малодымным патроном. Эти части никогда до сих пор не применялись против вооруженного по-современному противника, а использовались только для боев с туземцами, где крупный калибр представляет известные преимущества, а вред демаскировки от дыма выстрелов не имеет никакого значения. Правда, с началом войны даже самые ярые сторонники пехотного ружья образца 1871 года переменили свои убеждения. Последнее было безусловно ниже современной бездымной винтовки не только для боя на дальних дистанциях на открытой равнине, но также в поросшей кустарником местности, где стрелки бывают часто отделены друг от друга только несколькими шагами. В самом деле, стрелок, пользующийся бездымной винтовкой, остается скрытым, в то время как облако дыма скоро и верно выдает противника не только острому глазу туземца-аскари, но даже привыкшему к канцелярской работе европейцу. Таким образом, в начале войны самая большая награда, которая могла достаться аскари, заключалась в том, что ему давалась вместо его старого ружья с дымным патроном современная винтовка из числа трофейных.

Необходимо принять во внимание тот недостаток, что при разброске частей отдельными ротами по всей территории колонии нельзя было практиковаться в боевом применении крупных войсковых соединений и обучить старших офицеров управлять последними. Было ясно, что на войне движение и руководство в бою войсковыми частями силой больше роты должно было натолкнуться на большие затруднения и трения. По моему мнению, перед войсками стояла двоякая задача — быть одинаково готовыми как к бою против внешнего противника, вооруженного по-совре-

менному так и к борьбе с туземцами внутри колонии; поэтому и боевая подготовка частей должна была распадаться на два различных отдела. Тактические учения для подготовки к войне с туземцами представляли при этом картину, которая сильно отличалась от наших европейских приемов обучения. В Аруше на таком учении рота двигалась сквозь густой кустарник — «пори» и, по обычаю туземцев, была атакована во время похода. Противника изображали воины племени Меру, которые, в полном военном

«Пори», африканский лес-кустарник.

наряде, с копьями и в своих головных украшениях из страусовых перьев, устроили засаду и затем с расстояния в несколько шагов, испуская свой военный клич, напали на походную колонну Сафари. В подобного рода близком бою, — в таком бою в 1891 году погибла Целевская экспедиция у Иринги, — столкновение разыгрывается накоротке и в несколько минут. Часть быстро смыкается вокруг начальника и атакует противника. В соответствии с таким характером боя с туземцами, до сих пор не было необходимости в тщательном и основательном стрелковом обучении аскари в духе современных требований. Поэтому оно находилось на довольно низкой ступени и, что для военного читателя должно быть интересным, при стрельбе стоя с руки на 200 метров по круглой мишени некото-

рые роты едва достигали круга с отметкой 3 и только очень немногие роты несколько превосходили круг с отметкой 5 *. Характер боя с туземцами не предъявлял также достаточных требований для основательного обучения пулеметному делу. К счастью, я очень скоро выяснил, что у всех европейцев части имеется отчетливое сознание всей важности именно этого оружия в современном бою. Несмотря на такую не совсем высокую степень обучения, результаты боевых стрельб на дальние дистанции были удовлетворительными. Аскари тут в значительной степени пригодилось его острое зрение, при помощи которого он наблюдал за местом падения пули и, сообразуясь с этим, вносил изменения в точку прицеливания.

Путешествие привело меня затем через миссию Уфиоме, где жил патер Дюр, в Кондоа-Иранги, Килиматинди и назад в Дарессалам. Впечатления этой первой инспекторской поездки сводились к тому, что многое надо было еще сделать в военном отношении, если мы хотели быть серьезно подготовленными на случай войны англичан против нас. К сожалению, не удалось вполне убедить в этом влиятельных должностных лиц. Царило мнение, что мы находимся в необыкновенно хороших отношениях с Англией и что война, если она вообще случится, то в далеком будущем. Таким образом, когда через несколько месяцев война действительно грянула, мы оказались к ней неподготовленными.

Для меня, как новичка в Восточной Африке, путешествие имело не только военный интерес. В Бомала-Нгомбе, районе между Неймоши и Арушей, еще при покойном обер-лейтенанте Иогансе была поселена масса старых аскари. Они занимались главным образом торговлей пивом и достигли известного благосостояния. Известие о моем приезде опередило меня, и люди явились в полном составе, чтобы приветствовать меня при моем прибытии. У меня осталось впечатление, что эта преданность не была чисто внешней; люди восторженно рассказывали мне о немцах, под начальством которых они раньше служили, и, кроме того, с началом войны они без приглашения и без малейшего нажима предоставили большую сумму денег для содержания войск. В той же местности я увидел также первых массаи, которые, в противоположность большинству восточно-африканских племен, чистые

* Круглая мишень разделена на десять кругов, при чем отметки идут от края к центру. Таким образом, попадание в центр определяется отметкой 10, а попадание в самый край мишени — единицей.

семиты и живут в особом округе. Нужно упомянуть, что Меркер, лучший знаток массаи, видит в них первобытных евреев. Они в ярко выраженной форме обладают качествами настоящих степных жителей. Случайно в моих охотничьих поездках меня сопровождал один из этих высоких, стройных и очень проворных людей. Острота их зрения, а также способность разбирать следы, поразительна. На-ряду с этим массаи умны и очень лживы, по крайней мере по отношению к чужим. Они живут в закрытых поселках из глиняных хижин и, как все номады, кочуют со своими стадами по степям. На военную службу они поступают редко. Земледелием массаи почти совсем не занимаются, в то время как оно составляет главное занятие у остальных племен и вызывается густотой населения. Так например, банановые области на восточном склоне Килиманджаро кормят туземное население, племени Вадшагга, приблизительно в 25.000 человек, и это число может в дальнейшем еще увеличиться. Большое богатство скота в области Аруши, в Массейской степи и у Кондоа-Иранги показало мне, что муха це-це *, этот главный враг африканского скотоводства в этих областях, попадается сравнительно редко. Для сравнения можно указать, что число рогатого скота в одном только округе Аруша считается больше, чем во всей юго-западной Африке. В Кондоа-Иранги и в Сингидде люди пришли издалека и выстроились вдоль дороги. Все путешественники, исследовавшие эти области, не могут не сделать наблюдения, что в плодородном и высоко расположенном центральном районе хватит места для поселения сотен тысяч европейцев.

Я хотел бы здесь упомянуть об одном впечатлении, которое я получил позднее, во время войны. Мы иногда проходили по плодородным областям, совершенно брошенным туземцами, но, как было известно, еще год тому назад густо населенным. Люди просто ушли и поселились в другом пункте обширной никому не принадлежавшей, безлюдной и плодородной местности, где они вновь обработали новые поля. Если бы действительно использовать годную для заселения площадь, то в немецкой Восточной Африке, до сих пор населенной примерно 8 миллионами, можно было бы прокормить население, которое по числу жителей не многим уступало бы Германии. Англичанин, взятый в плен во время войны

* Це-це — особый вид африканской мухи, укус которой смертелен для лошадей и скота.

в Махенге, утверждал, что из Восточной Африки можно сделать вторую Индию, и я убежден, что он был прав. Опыт войны укрепил мое мнение, что существует много экономических возможностей, о которых перед войной мы едва ли имели ясное представление.

В Сингидде я осмотрел один из конных заводов области. В качестве племенного материала там находились два жеребца, не было ни одной кобылы, имелось несколько мулов и значительное количество ослиц местной породы. Я не мог выяснить целей завода. Во всяком случае не удалось получить потомство от жеребцов и ослиц. Однако, эта область исключительно благоприятна для разведения лошадей, и находившийся там правительственный ветеринарный врач Гофмейстер высказывал большое стремление обосноваться в этой области в качестве частного фермера и коннозаводчика. Подобные конные заводы имелись в Килиманджаро, Иринге и Убене. От Сингидды до Килиматинди я путешествовал вдоль реки Мпонди. Охотнику будет интересно узнать, что эта область славится во всей Восточной Африке как район, где водятся лучшие буйволы.

Уже несколько дней, как я удачно охотился на буйволов, но мне не удалось подстрелить сильного самца, и я выслеживал такого, насколько мне это позволяло время. Кроме туземца-мальчика, у меня были еще, в качестве следопытов, два лучших аскари Кондоаской роты. Как только я после окончания перехода прибывал в лагерь и сходил с мула, я спрашивал Кадунду, одного из этих аскари, который проделывал этот переход пешком, готов ли он к охоте. Всякий раз он соглашался с величайшей охотой, и мы отправлялись дальше по следам сквозь кустарник, который иногда бывал до того густым, что нужно было ползти под ветвями для продвижения вперед. Подобная охота по следам сквозь густой кустарник и тростник выше человеческого роста, часами под палящим солнцем представляет чрезвычайное напряжение для еще не привыкшего к африканскому климату европейца. Подстреленный буйвол считается в Восточной Африке самым опасным диким животным; нередко он с большой решимостью и стремительно бросается на человека. В Мпонди, несколько времени тому назад, подстреленный буйвол так неожиданно напал на охотника, что тот, хотя и очутился по счастливой случайности верхом на спине животного, но вряд ли спас бы свою жизнь, если бы в критический момент не упала его тропическая шляпа. Чудовище атаковало

тогда шляпу, а стрелок воспользовался этим обстоятельством, чтобы всадить ему в лопатку смертельную пулю. Из этого и подобных рассказов можно судить, как чрезвычайно растет напряжение и обостряются все чувства, когда следы, по которым идешь, становятся все более и более свежими. Однако, хотя я часто в нескольких шагах от себя слышал дыхание буйвола, чаща была настолько густая, что я не мог стрелять. Я уже потерял надежду на исполнение своего желания и пустился со своим караваном в однообразный обратный путь, когда мы, в 7 часов утра, пересекли совершенно свежие следы буйвола. Здесь лес был реже, и проводники выразили желание итти по этим следам. Тогда мы оставили караван, который двинулся дальше, а сами после четырехчасового напряженного преследования увидели буйвола. Когда я в прогалине, шириной около ста метров, хотел прицелиться, Кадунда запротестовал и настоял на том, чтобы мы подкрались на 30 шагов к буйволу, который прошел мимо нас в очень редком строевом лесу. К счастью, пуля пробила большую сонную артерию, и буйвол сразу упал. Этим были исключены всякого рода дальнейшие неожиданности. Как это часто случается, мы и здесь нашли во внутренностях животного застрявшую пулю из туземного ружья. Остальная охотничья добыча состояла из большого количества антилоп и газелей различных пород. Львов мы часто слышали, но не видели.

Во время этого путешествия сквозь пори я узнал, к своему смущению, тот факт, что бесследно исчезнуть даже в глубине Африки не легко. Я уехал, не оставив указаний, какую выберу дорогу. Вдруг неожиданно во время перехода через пори появился туземец и передал мне заокеанскую почту. Туземцы обмениваются друг с другом точными сведениями обо всем, что творится в их районе. Крики, огневые сигналы, звуки трубы служат для быстрого распространения и обмена новостями. Необъяснимую способность распространения бесчисленных слухов, с которой я впоследствии должен был познакомиться, нужно по большей части отнести к этим приемам передачи.

В марте, после возвращения в Дaресалам с первой инспекторской поездки, было начато перевооружение трех следующих рот. До сих пор только три роты имели современные винтовки. Оказалось очень важным, что, по крайней мере, эти ружья с соответствующим количеством патронов попали в колонию как раз вовремя, еще до начала войны. При инспекторской поездке в апреле

в Линди, где я осматривал третью полевую роту, я при падении на камень повредил себе колено и поэтому мог начать мою следующую большую поездку только в конце мая. Хотя пассажирское движение по Центральной железной дороге могло быть открыто только до Таборы, все же постройка продвинулась так быстро вперед, что я по этой дороге добрался до Кигомы (у озера Танганайки) и таким образом уже тогда получил поверхностное знакомство с этим важным средством сообщения, которое непосредственно связывало наше морское побережье с озером Танганайкой, с прилегающими к нему богатыми областями и дальше с водной системой реки Конго. В Кигоме пароход «Гецен» находился еще в постройке, и я отправился в Бисмаркбург на маленьком пароходе «Гедвиг ф.-Виссман». В Бодуинвилле, в области Конго, я сделал короткий визит тамошнему епископу Белых отцов, не имея никакого представления о том, что скоро начнется война с этой областью. Обширные роскошные фруктовые сады окружали станцию. Бедствия от львов должны быть там очень велики; миссионеры рассказывали мне, что недавно лев ночью пробрался через стену внутрь двора и убил корову. Нам был оказан очень хороший прием.

Точно так же нас хорошо приняли в миссии Мвази в германской области, где также жили Белые отцы, по большей части бельгийцы. Однако, захваченная во время войны переписка доказала, что французские миссионеры, которые жили также на станциях области Танганайка, не только старались о распространении христианства, но также вели определенную агитацию в пользу Франции. Письмо одного миссионера содержит объяснения, в чем заключается разница между «missionaires catholiques» («миссионерами католическими») и «missionaires français» («миссионерами французскими»). Последние обязаны вести на-ряду с проповедью христианства также и французскую национальную пропаганду. Известно, что от такой национальной пропаганды немецкие миссионеры в общем держались в стороне.

Эти миссии, которые расположены в густо размещенных и хорошо заселенных районах, имеют исключительно большое влияние на воспитание туземцев. Миссионер в большинстве случаев—единственный старожил-белый, который хорошо изучает страну и людей и пользуется их доверием. Большая заслуга миссионеров, это — повсеместное распространение европейских ремесел, как, например, столярного и сапожного дела и обжигания кирпичей.

Дальнейшие путешествия показали мне, что в высшей степени плодородная область расположена около Нейлангенбурга и Сонги, где находится много полей пшеницы и о плотности населения которой можно судить даже по карте — по многочисленным имеющимся там миссиям. Между тем область эта обеспечивалась только одной единственной ротой, с которой не было даже непосредственной проволочной связи. Если хотели снестись с Нейлангенбургом по телеграфу, то из Даресалама это можно было сделать только через Южную Африку по английской линии. Имевшаяся связь по гелиографу от Иринги до Нейлангенбурга благодаря своей ненадежности не могла заменить в полной мере телеграфа. Необходимо отметить, что в этой области не только туземцы вовлекались в культурную работу через миссии и немецкое управление, но что там существует также достойная упоминания старинная туземная промышленность. При почве, богатой железом, там встречаются часто многочисленные кузницы, меха, которые по первобытному образцу сделаны из шкур и продолбленных сучьев. Очень хороши также ткацкие работы туземцев, распространено и плетение корзин, которое существует здесь, как почти всюду в колониальной области. Они делаются с большим вкусом и настолько плотными, что туземцы употребляют для питья плетеные кубки.

Большое количество скота у некоторых европейских фермеров — особенно в районе Мбеягоф между Ниассой и озером Танганайка — не находило себе соответствующего сбыта при слабо развитых средствах сообщения.

Я остановился в миссии Мбози, и тамошний миссионер Бахман, многолетний и выдающийся знаток страны и населения, сообщил мне, что бросается в глаза перемена, происходящая в настроении туземцев. Пришлые арабы и зуахели появлялись в стране и рассказывали населению, что немцы теперь скоро уйдут и англичане завладеют страной; это было в июне 1914 года.

Дальнейшее путешествие привело меня около Иринги в такие районы, где значительный вождь, по имени Квава, не подчинялся вначале немцам, а около Ругано отдельные люди из многочисленных собравшихся туземцев могли сообщить мне свои личные наблюдения об уничтожении Целевской экспедиции.

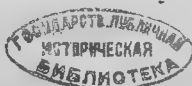
Несмотря на мое стремление войти в круг своих восточноафриканских обязанностей, я считался у старых африканцев

новичком. Во всяком случае, моя служебная карьера подготовила меня до известной степени к задаче, поставленной мне судьбой.

Вероятно, примерно в то время, когда я, рано оторванный от своей родины — Померании, будучи кадетом, изучал «Галльские войны» Цезаря, Бисмарк подарил Германии ее первые колонии. В 1899—1900 году я изучал в генеральном штабе, наравне со многими иностранными, и наши собственные колонии. Во время китайской смуты (1900—1901) я изучил в Восточной Азии все воюющие вместе с нами войсковые иностранные части, особенно англичан, как во время службы, так и при товарищеских сношениях. Восстание гереро и готтентотов в Южной Африке познакомило меня в 1904—1906 году с особенностями войны в кустарнике. Тогда же я, будучи в распоряжении генерала Трота, получил, в качестве самостоятельного командира роты и отряда, богатый личный опыт в отношении не только туземцев, но и буров. Выдающиеся качества нижне-германского племени, поселившегося с давних времен в африканской степи, обеспечивали мне уважение. Я не предчувствовал тогда, что позднее бурский народ окажет решающее влияние на переход германской части Африки к англичанам.

В 1906 году я был ранен на юго-западе. Это привело меня в Капштадт, так что я слегка ознакомился и с Капской колонией. На обратном пути я тогда впервые проехал по германской Восточной Африке — арене моей позднейшей деятельности.

Моя последняя должность — командира 2 морского батальона в Вильгельмсгафене, позволила мне заглянуть во внутреннюю жизнь нашего быстро развивавшегося морского флота, который был так тесно связан с заокеанской деятельностью Германии. Я принимал участие в упражнениях и морских походах на больших и малых судах, в маневрах флота и плавании флота в Норвегию, при чем всегда выявлялись новые стороны как общественной, так и военной жизни. Точно так же и после возвращения в армию переходы из строя в штаб и обратно давали мне много поводов и случаев к сравнению. Таким образом, я по своему образованию был подготовлен к тому, чтобы быстро разобраться в новой обстановке. Однако, как бы я ни был признателен за всякое расширение моего кругозора, за все лучшее я должен благодарить отечественную армию, где под руководством отличных командиров мне посчастливилось ознакомиться с правильно понятым духом военной службы и настоящей дисциплиной.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НАЧАЛО ВОЙНЫ

(Август 1914 года)

(Чертеж III)

В начале августа 1914 года, по дороге через Кидоди на Килоссу, я получил через срочного курьера телеграмму губернатора, что я должен немедленно вернуться в Даресалам, а на следующий день пришло сообщение, что объявлена мобилизация, но что военное положение не распространяется на территорию колонии. Телеграмма статс-секретаря государственного колониального управления призывала колонистов к спокойствию. Наоборот, адмиралтейство — по радио — указывало на Англию, как на вероятного противника.

В Килоссе удалось захватить товарный поезд, и таким образом 3 августа я прибыл в Даресалам. Здесь царило большое оживление. Объявление войны непосредственно совпало с приготовлениями к большой выставке, в программу которой должно было также входить и торжественное открытие Танганайкской железной дороги. В Даресалам прибыло в гости большое количество немцев, которые не смогли больше уехать. С целью подготовки к выставке туда прибыл и капитан фон-Гаммерштейн, начальник 6 полевой роты в Уджиджи. Было очень кстати, что я смог немедленно же воспользовался для мобилизации этим дельным офицером, с которым меня связывали, кроме общности взглядов, также и сердечные личные отношения.

Сразу же возникал вопрос, останется ли колония нейтральной в предстоящей, повидимому, мировой войне, в которой, по всей вероятности, примет участие также и Англия. Как выше было уже отмечено, я считал, что нашей военной задачей является — сковать, если это будет возможно, неприятельские, то-есть английские, войска. Но это было бы невыполнимым, если бы мы оставались нейтральными. В этом случае, не владея морем,

мы вынуждены были бы бездействовать с нашим, в данный момент, правда, маленьким, войском, за которым, однако, стояло больше 8 миллионов крепкого, преданного, очень здорового и вполне годного для военной службы населения. Наоборот, Англии не было никакого расчета использовать против нас в Восточной Африке хотя бы одного человека. Англия могла бы, насколько это допускалось заботой об английском туземном населении, притянуть даже последнего годного аскари на другие театры военных действий, которые были важнее восточно-африканского. Таким образом, для Англии, несомненно, было бы выгодно, если бы какое-либо соглашение принудило нас к нейтралитету. Но этого не случилось. Договор в Конго относительно экваториальных областей говорит только о том, что при столкновениях двух из подписавших соглашение держав третья может предложить свои услуги в качестве посредника. Но, насколько мне известно, никто не предлагал такого посредничества. Итак, мы не были обязаны воздерживаться от операций на основании какого-либо договора. С военной точки зрения, являлось выгодным для нас, а не для англичан, чтобы война велась и на восточно-африканской территории. То обстоятельство, что нам не нужно было оставаться нейтральными, дало нам возможность вследствие благоприятных условий морского побережья служить опорным пунктом и убежищем для крейсерской войны в Индийском океане, и, что важнее всего, мы могли со своими несколькими тысячами человек удерживать в продолжение всей войны значительно превосходившие нас неприятельские силы. Колониальные войска в начале войны состояли из 216 белых (из которых часть считалась в отпуску) и 2.540 аскари; затем, в полицейских частях было 45 белых и 2.140 аскари; к этому позднее прибавился личный состав с «Кенигсберга» (который в начале войны ушел в плавание) в 322 человека и «Чайки» — в 102 человека. Наши силы во время войны в общем переоценивались, хотя сообщения, появившиеся непонятным образом в германской печати, давали неприятелю довольно верные сведения. Фактически во время войны наибольшее число войск едва достигало 3.000 европейцев и 11.000 аскари. Приведенные цифры содержат также в себе и всех нестроевых, как, например, полицейскую охрану, санитарный состав, служащих магазинов и т. д. Во сколько миллиардов обошлась противнику попытка сломить наши небольшие военные силы, это, вероятно, бу-

дет когда-нибудь изложено в английской печати. Здесь же можно только отметить, что мы были в состоянии, по всей вероятности, продолжать войну еще несколько лет.

Что же касается неприятельских сил, то в моем распоряжении нет точных сведений, и я должен возложить ответственность за правильность приводимых мной цифр на английских офицеров и на сообщения печати. По этим данным, против нас было выставлено 130 генералов и около 300.000 солдат, при чем противник потерял 20.000 европейцев и индусов убитыми и 140.000 лошадей и мулов. Эти цифры, особенно число генералов, кажутся мне самому, безусловно, несколько преувеличенными, а потому я могу только повторить, что они взяты из английских источников. Во всяком случае, потери должны были быть очень велики, и, принимая во внимание то обстоятельство, что число убитых и умерших чернокожих солдат не было опубликовано, общее число убитых можно считать не ниже 60.000 солдат. В журнал военных действий уже сейчас внесено, по крайней мере, около тысячи боев, хотя в нем нет еще сведений от Тафеля и Винтгенса.

Было очень интересно в эти напряженные дни наблюдать поведение английского консула в Даресаламе Кинга. Его можно было встретить везде — и в офицерском собрании за игрой в карты, и на почте, куда сдавались наши телеграммы. Захваченные позднее у Танги официальные распоряжения английского экспедиционного корпуса, которые по большей части были основаны на сведениях от Кинга, показали, как был спокоен этот человек накануне войны и как отлично он был осведомлен во внутренних делах нашей колонии. Его оценка обстановки отличалась такой полнотой, что он сравнивал между собой европейцев различных областей в отношении их боевых качеств и отмечал отсутствие у Даресаламцев большого стремления к бою (stomach for fighting). Будучи честным, нужно признать, что, действительно, для большей части тамошних немцев, а также для тамошних правительственных учреждений, потребовалось некоторое время, пока они прониклись воинственным настроением, без которого нельзя было выполнить нашу задачу.

Очень тяжелое положение было у приморских районов, густо населенных европейцами (среди них много женщин и детей), которые каждую минуту могли подвергнуться обстрелу со стороны

английских военных судов. Губернатор отстаивал ту точку зрения, что необходимо во что бы то ни стало избежать подобного обстрела. Согласно существующих законоположений, которые, без сомнения, не предусматривали случая европейской войны, высшая военная власть в колонии находилась в руках губернатора. Вследствие прекращения связи с Германией не было возможности изменить этот порядок, и я должен был считаться с этим очень значительным, с военной точки зрения, затруднением. При точном выполнении указаний губернатора следовало учитывать, что Даресалам и Танга, начальные пункты наших железных дорог и готовые опорные пункты для неприятельских операций от побережья вглубь страны, попадут без боя в руки противника.

По моим соображениям, мы лучше всего могли защитить колонию, угрожая неприятелю на его собственной территории. Мы могли очень сильно его связать на чувствительном для него пункте — Угандской железной дороге. Густо населенный нашими колонистами район нашей Северной железной дороги (Танга—Ней-моши) до известной степени способствовал этому плану. Но губернатор не согласился с предлагаемым мною еще раньше, на случай войны, сосредоточением войск на севере у Килиманджаро. Однако, для того, чтобы вообще иметь возможность действовать, надо было сосредоточить части, разбросанные по всей колонии, и, так как этого нельзя было сделать в желательном для меня районе Килиманджаро, пришлось поневоле сбор войск произвести в одном переходе к западу от Даресалама, на высотах Пугу. Здесь Даресаламская рота соединилась с ротами, переброшенными частью пешком, частью по железной дороге из Килиманджаро, Таборы, Уджиджи, Узумбуры и Кисенджи. Полиция, которая, после небольших связанных с войной приготовлений, должна была немедленно присоединиться к колониальным войскам, поступила в мое распоряжение, включив в свой состав некоторое количество служивших ранее аскари. Таким образом, сразу было сформировано 4 новых роты, получивших номера с 15 по 18-й.

Немцы, находившиеся в отпуску, были призваны по мере надобности, и каждая рота состояла в среднем из 16 европейцев, 160 аскари и 2 пулеметов.

В некоторых местах призыв европейцев в армию натолкнулся на затруднения. На запросы команд некоторых кораблей восточноафриканской линии, которые стояли в гавани Даресалама, комен-

дант станции ошибочно ответил, что для них нет места в войсках. По предложению заместителя губернатора людям было затем предложено дать подписку, по которой они брали на себя письменное обязательство оставаться нейтральными во время войны. Затем им стало ясно, что это является проступком против воинской повинности, и, кроме того, это противоречило их здоровому чувству долга. С подробным изложением всех обстоятельств они обратились ко мне, я же не имел никакого понятия об этом случае; к счастью, можно было еще исправить эту ошибку, так как их обязательства о нейтралитете еще не попали в руки неприятеля.

Число носильщиков в роте колебалось и составляло в среднем примерно около 250 человек. Находившиеся в гавани Даресалама запасы оружия, снаряжения и прочие военные припасы были распределены по различным пунктам внутри страны вдоль железной дороги, где были учреждены склады.

Подготовка войск стала немедленно производиться в спешном порядке, и уже тогда оправдала себя предложенная одним практичным ротным командиром, капитаном Тафелем, маскировка наших головных уборов травой и листьями. Возникал, конечно, вопрос, способны ли наши аскари воевать против европейских частей. Это оспаривалось многолетними знатоками страны. Однако, по наблюдениям, которые я сделал во время восстания в Южной Африке 1904 — 1908 года, я был убежден, что можно было возбудить храбрость и военные способности также и у восточноафриканских чернокожих, которые ведь принадлежали к той же самой обширной группе племен банту, как и гереро. Это был известный риск, но у нас не было другого выхода.

Все организационные вопросы, которые обыкновенно тщательно обдумываются и подготовляются еще в мирное время, в данном случае необходимо было разработать и решать немедленно. Сюда относилось чрезвычайно важное урегулирование снабжения и пополнения. Приходилось в первую очередь обратить внимание на большие дороги, важные также в военном отношении. Какие же это могли быть дороги?

Прежде всего выяснилось, что между Центральной и Узамбарской железными дорогами не было никакого колесного сообщения. Сообщение между ними в мирное время происходило пароходом, от Даресалама до Танги; теперь эта возможность была

исключена. Очевидно, не подумали о подготовке дорожной сети в военном отношении. Для исправления этого недочета нам пришлось проложить этапную дорогу к Северной железной дороге между Морогоро и Корогве. Вторая дорога проходила западнее Массейских запасных земель от Додомы через Кондоа-Иранги — Уфиоме к Аруше, и третья дорога шла из богатой области Таборы, главного города страны Ваньямвези, к Муанзе у озера Виктории и в область Васукума, которые были населены наиболее значительными из наших племен, что признавалось и консулом Кингом. Эта дорога имела большое значение еще потому, что по ней, кроме скота, нам доставлялся рис от области озера Виктории. Другие линии связывали Килоссу с богатыми областями Махенге, Иринга, и даже Нейлангенбургом, которые покрывали большую часть нашей потребности в пшеничной муке.

После того, как первоначальная организация снабжения была в общем и целом закончена, командование не могло уже в дальнейшем вникать во все мелочи. Нужно было найти человека, который по своей военной подготовке был бы способен руководить службой снабжения не только с точки зрения простого управления, но и учитывая также настойчивые требования боевой обстановки.

Генерал-майор в отставке Вале, который 2 августа случайно прибыл для посещения сына и Дâресаламской выставки, немедленно предоставил себя в распоряжение армии и по моей просьбе принял руководство этапами. Его задача была особенно трудной, потому что там, где не было железных дорог, могли быть использованы, главным образом, только туземцы-носильщики. Я не располагаю никакими данными о числе носильщиков, потребовавшихся для обслуживания армии, и было бы очень трудно установить эти цифры. В это число необходимо включить также людей, которые только переносили тяжести с одного места на другое, пока их не принимал постоянный носильщик. Однако, можно, пожалуй, без преувеличения сказать, что в общем обслуживанием армии были заняты сотни тысяч носильщиков, которых необходимо было, в свою очередь, снабжать продовольствием и обеспечить в врачебном отношении.

Среди многих других затруднений следует упомянуть еще об одном — совершенно особого рода. В мирное время европейцы в тропических колониях из гигиенических соображений привы-

кали к известным удобствам. Европейских продуктов нельзя достать в Восточной Африке, когда находишься в путешествии, и только немногие европейцы привыкли жить фруктами, которые доставлялись туземцами или природой. Редко можно найти убежище под крышей. Необходима также защита от москитов. Таким образом, европеец, чиновник или военный, едва ли мог обойтись в дороге менее, как с 11 носильщиками, которые, кроме его палатки, походной кровати и одежды, несли также значительное количество продовольствия. Но такое число носильщиков было неприемлемо для армии, которая должна быть подвижной, а между тем дальнейшие затруднения заключались в том, что почти каждый аскари имел боя *. Чрезвычайно трудно бороться с подобными обычаями наивных людей, которые, благодаря исламу, еще более непоколебимо придерживаются своих закоренелых предрассудков и, кроме того, обладают большой гордостью и очень тщеславны. В единичных случаях ротному командиру не всегда бывало легко найти среднее решение.

В войне под тропиками, которая нам предстояла, обеспеченность в санитарном отношении играла большую роль. Туземец в общем крайне невосприимчив к малярии, и редко случается, чтобы аскари действительно заболел, но некоторые племена, которые живут в высоко лежащих свободных от малярии областях, как например, Вадшагга у Килиманджаро, и у которых поэтому с детства не выработан иммунитет, сильно страдают от этой болезни, как только они спускаются в равнину. Каждому европейцу необходимо строго применять средства механической защиты, в виде москитной сетки против малярийного комара, начиная с вечерних часов и до утра. Я много месяцев спал на земле, и в этом случае меня также в значительной степени спасала москитная сетка. Конечно, у меня все-таки десятки раз была малярия, так как в поле не всегда имеется возможность применять предохранительные меры так широко, как это желательно с санитарной точки зрения.

Для нас было большим счастьем, что значительное число санитарных офицеров находилось для изучения и для борьбы с сонной болезнью в Танганайке и в южных областях у Рувумы, так как это давало возможность обеспечить почти каждую роту врачом.

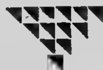
*.Бой — мальчик-слуга.

Хлопоты, которые принесла с собой вся эта мобилизационная работа, не давали также передышки ни днем ни ночью и туземцу у телефона в Пугу, и надо было удивляться, с какой ловкостью здесь и в других местах туземец обслуживал свой аппарат. Его большая восприимчивость к технике оказала нам ценные услуги.

Разумеется, было бесчисленное число затруднений и недоразумений. Случалось, что в первые дни скот, который перегонялся из области севернее Таборы в Даресалам для снабжения тамошнего гражданского населения, встречался по дороге с другим гуртом скота, шедшим в то же время в обратном направлении для войсковых надобностей. Я еще до сих пор с дрожью во всем теле вспоминаю, как на станции Пугу подобный поезд, нагруженный лучшим скотом для выставки, на всем ходу врезался в другой, около которого я стоял, и едва не причинил очень чувствительных потерь личному составу, необходимому для проведения мобилизации.

Наш сборный пункт был расположен внутри страны, примерно в 20 километрах от Даресалама. Здесь наш лагерь находился у подножья горы Пугу. Лес там чрезвычайно густой, и район густо покрыт туземными и европейскими плантациями. Несмотря на слегка возвышенное положение, Пугу принадлежит к жаркой береговой полосе, и, хотя август относится еще к прохладному времени года, температура была такой, какую мы определяем выражением «тропическая». Это — давящая, слегка влажная жара, которая делает для европейцев большие переходы очень изнурительными.

В то время мы имели еще для европейцев палатки и для каждого походную кровать с неизбежной сеткой от москитов, так что в этом отношении не существовало никаких затруднений. На случай болезни был открыт приемный полевой лазарет в ближайшей плантации Вихман. Наши лошади не страдали безмерно. Но все наши животные заболевали одно за другим от це-це. В полевом лагаре мы уже не могли дать животным ту защиту, которой они пользовались в Даресаламе в виде обеспеченной от це-це конюшни, снабженной проволочной решеткой наподобие оконной сетки от мух.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕРВЫЕ БОИ

(Август — сентябрь 1914 года)

(Чертежи II, III и IV)

Итак, мы вели в лагере Пугу деятельную подготовку, когда 8 августа утром, до полудня, со стороны Даресалама послышался сильный артиллерийский огонь. По полученным скоро донесениям, он исходил от двух английских небольших крейсеров — «Астрея» и «Пегасус», которые взяли на прицел станцию беспроволочного телеграфа. Эта станция была выдвинута далеко в море, так как такое положение у берега обеспечивало большой радиус действия в сторону открытого моря. Станция в Даресаламе была для нас очень ценной, так как строящаяся большая станция в Таборе еще не была готова, а две небольших станции Муанзы и Букобы имели только местное значение. Станция была разрушена не англичанами, а взорвана нами самими из опасения, что она легко могла попасть в руки неприятеля. Спустя некоторое время офицер-наблюдатель передал донесение, что неприятель, повидимому, готовит десант у Кондучи, в одном дневном переходе к северу от Даресалама. По характеру берега это было правдоподобно. Поэтому я приказал семи наличным ротам аскари немедленно выступить, чтобы использовать благоприятный случай захватить неприятеля врасплох во время самой высадки.

Перед выступлением в поход я говорил на станции Пугу, во время остановки поезда, с губернатором Шнее, проезжавшим в Морогоро. Он казался очень удивленным враждебными действиями со стороны англичан и вполне был согласен с моим намерением атаковать неприятеля у Кондучи. По дороге туда я встретил двух чиновников Дaресаламского управления, которые мне показали официальный документ о переговорах относительно передачи Даресалама англичанам. Так как губернатор мне об этом ничего не сообщил, и, кроме того, я очень торопился, то

я только бегло взглянул на бумагу. Мне не приходила мысль, что здесь может быть речь о договоре, одобренном губернатором. Когда же войска ночью достигли гор в 16 километрах севернее Даресалама, и мы на следующее утро увидели гавань и расположенные перед ней английские крейсера, то выяснилось, что сообщение о попытке десанта в Кондучи было ошибочным. Мы твердо установили, что английские корабли имели сообщение с берегом, и мне стало теперь ясно, что с неприятелем ведутся переговоры. Тогда я направился к городу, и, так как можно было опасаться, что поспешность в данный момент может, по всей вероятности, привести к заключению невыгодного для нас договора, я послал вперед капитана Тафеля. Он должен был объявить, что я принимаю исполнительную власть и что переговоры с неприятелем должны происходить исключительно через меня. Только через капитана Тафеля я узнал, что действительно, по распоряжению губернатора, происходят переговоры. Мое вмешательство не было одобрено губернатором, которому принадлежало право использования колониальных частей, но верховная военная власть предоставлялась ему, конечно, в расчете на совершенно другие обстоятельства.

Практически это не имело в данный момент никаких последствий. Только несколько английских морских отрядов побывало на берегу и уже вернулось на корабли. Но настоящий солдат не мог допустить, что здесь перед глазами большей части армии, силой в тысячу человек, заключался договор, который запрещал нам всякие враждебные действия в Даресаламе, в то время как со стороны неприятеля это обстоятельство принимал на себя только командующий флотом. Таким образом, мы были бы связаны, неприятель же фактически сохранял свободу действий. Он мог маневрировать, разведывать и затем — как он это скоро и сделал — открыть операции против Даресалама. Об этом очень важном в военном отношении шаге я не был совершенно поставлен в известность.

«Кенигсберг» уже несколько дней тому назад вышел из гавани Даресалама, а лежавшее в гавани измерительное судно «Меве» было взорвано своим командиром 8 августа. Это означало для нас ценное увеличение сил на суше, так как командир «Меве» морской капитан Циммер поступил теперь в мое распоряжение. Морской обер-лейтенант Горн отправился 9 августа с 30 матро-

сами в Кигому, где принял и вооружил небольшой пароход «Гедвиг фон-Виссман». Он охотился на Танганайке за бельгийским пароходом «Делькоммун», который 22 августа захватил врасплох и повредил, и таким образом обеспечил за нами чрезвычайно важное господство на озере Танганайка. Быстрая переброска войск, расположенных у Центральной железной дороги на Бисмаркбург или на Узумбуру, зависела, безусловно, от наличия постоянного и беспрепятственного транспорта по Танганайке, и это сыграло большую роль в дальнейшем ходе операций.

На севере колониальной области стоявшая в Аруше 1 рота была усилена 13 ротой, прибывшей из Кондоа, и ротой, сформированной из полицейских аскари в Неймоши. Точно так же и большая часть европейцев северного округа была сведена в отряд под командой капитана фон-Принца. Эти войска находились, главным образом, в области Неймоши. Лежащая восточнее на английской территории Тавета была занята неприятелем. Было очень важно быстро захватить этот пункт, владение которым давало неприятелю возможность угрожать нашим европейским поселениям северных областей. Потребовалось порядочно времени, пока удалось двинуть туда войска. Многие думали, что мы на основании договора в Конго обязаны оставаться нейтральными, и имели мало доверия к моим распоряжениям; только 15 августа была, наконец, взята слабо занятая Тавета.

Ведение боя показало, что войска нуждаются еще в длительном обучении совместным действиям в закрытой местности, поросшей кустарником. Командованье, здесь на севере, принял капитан Краут, который случайно находился в северо-западной пограничной области для проведения границы. В следующие дни удалось также убедить и губернатора, обладавшего высшей военной властью, согласиться на переброску главных сил обороны к Северной железной дороге.

Это само по себе простое передвижение требовало в условиях данной обстановки значительной подготовки. Можно было найти очень мало немцев, которые бы настолько хорошо знали всю область между Даресаламом — Морогоро, с одной стороны, и Танга — Корогве — с другой, чтобы быть в состоянии дать верные сведения в отношении дорог и условий снабжения. Было необходимо послать офицеров-разведчиков, чтобы таким способом определить число дорог, годных для подвоза. Однако, нельзя было прове-

рить результатов этой разведки, а нужно было начать марш. По предположениям европейцев, область была редко населена, и имеющиеся материалы оценивали местные средства только с точки зрения, хватит ли продовольствия и воды на часть не больше роты. Поэтому не представлялось возможным без приготовлений и глубокого эшелонирования направить по одной дороге колонну больше роты. В то время не было еще практики в быстром сборе продовольствия, которую армия приобрела к концу войны. В общем дело сводилось к тому, что марш и снабжение роты в местной обстановке требовали, примерно, таких же усилий, как и дивизии в германских условиях. При этом передвижении надо было считаться с опасностью, что роты известное время будут недосягаемы для приказаний. Единственная телеграфная линия от Центральной железной дороги на север шла непосредственно вдоль побережья и в любое время могла быть прервана, если бы неприятель захотел это сделать.

Быстрота, с которой директор почт Роте и секретарь Крюгер, идя навстречу потребностям армии, сразу приступили к постройке новой проволочной линии Морогоро — Гандени — Корогве и при этом, под давлением обстоятельств, временно отказались от обычной под тропиками прочности, — эта быстрота дала возможность проложить эту линию в несколько недель. В мирное время во избежание порчи линий термитами * ставились основательные железные телеграфные шесты, которые, ввиду многочисленных как раз в этой области жирафов, должны быть очень высоки и снабжены очень крепкой телеграфной проволокой. Эта же вынужденная легкость постройки и проводки кабеля имели следствием беспрерывную порчу и ремонт линии.

Между тем полученные донесения о движении мелких неприятельских партий у Яссини, в двух переходах севернее Танги, укрепили во мне уверенность, что неприятель намерен высадить здесь десант для быстрого затем вторжения внутрь страны вдоль Северной железной дороги. Отдельные роты, выступившие из различных пунктов участка железной дороги Даресалам—Мпапуа, находились на марше, сосредоточиваясь, главным образом, у Гандени, несколько же частей направлялись на участок Танга—

* Термиты — так-наз. „белые муравьи“ (получившие это название ввиду сходства с нашими муравьями). Опустошения, производимые ими громадны, так как они способны изгрызть все, кроме железа и камня.

Корогве, когда я 23 августа, в Пугу, был вызван после обеда по телефону обер-лейтенантом фон-Шаппюи, который находился у Багамоджо с 17 полевой ротой. Он сообщил мне, что небольшой английский крейсер появился перед Багамоджо, предложил местному начальнику гражданского управления разрушить телеграфную станцию и угрожал в противном случае обстрелять город. Я приказал капитану фон-Шаппюи немедленно принять на себя всю полноту власти и силою воспрепятствовать десанту неприятеля. Поэтому лодка с военного корабля, которая под парламентерским флагом хотела пристать к берегу, была отослана обратно, и в результате город был обстрелян. Это доставило большое развлечение роте и туземцам, так как почти не было удачных попаданий.

В конце августа командованье отправилось по железной дороге в Кимамба у Морогоро. По дороге генерал Вале, который из Морогоро руководил этапным делом, пожелал мне удачи в решительном бою, которого мы ожидали в окрестностях Гандени и для участия в котором направлялся также его сын. Затем командованье двинулось дальше на Гандени на двух реквизированных автомобилях. После 30 километров езды пришлось отказаться от этого способа передвижения, так как намеченный ремонт дороги еще недостаточно продвинулся вперед. Капитан фон-Гаммерштейн и я продолжали дальнейший путь на велосипедах и обгоняли на походе одну роту за другой. Предполагаемый десант неприятеля не подтвердился, и в начале сентября мы прибыли в Корогве. Между тем в Танге появился английский крейсер и утащил лежавшие там катера.

Теперь нужно было организовать подвоз и снабжение армии на севере. Прежний полевой интендант капитан Шмидт выбыл вследствие болезни, и было трудно найти подходящего человека. По счастливой случайности нашелся заместитель в лице отставного капитана Фейльке — долголетнего опытного руководителя плантациями в Узамбаре, который находился в окрестностях Танги, где он предоставил себя в распоряжение армии. Бывший адъютант 8 егерского батальона, этот 52-летний опытный и ловкий офицер наилучшим образом соединял военное образование, необходимое для тяжелого поста интенданта, с хозяйственными способностями. Он явился немедленно, и мы оба поехали в Неймоши. Там я встретил капитана Краута. В Килиманджаро малая

война была подготовлена устройством продовольственных складов. Наши дозоры ходили через Тавету в направлении британской Угандской железной дороги, и дело доходило уже до многочисленных мелких стычек.

Но войска не обладали еще в то время необходимым для дальних поисков опытом, который позднее приводил к таким удачным разрушениям железной дороги. Первые дозоры достигли Угандской дороги наполовину истощенными и были взяты в плен. Я отправился из Неймоши в лагерь на реке Химо, где капитан фон-Принц находился на укрепленной позиции. Он сопровождал меня к Тавете, занятой выдвинутым вперед офицерским постом. Мы могли теперь обсудить на месте перевод главных сил северной группы к Тавете. Местное очень многочисленное туземное население всецело доверяло поставленному армией европейскому управлению; жители продавали свои продукты на базаре; настроение было очень благоприятное.

Уже с самого начала войны во многих местах возникло опасение туземных восстаний. В районе Центральной железной дороги появились дикие слухи о возмущении вахехе — одного из тех воинственных племен, которые в районе Иринги так долго сопротивлялись германскому владычеству, а у Килиманджаро опасались восстания Вадшагга. Многочисленные черные рабочие на европейских плантациях Северной области считались администрацией тоже неблагонадежными по причинам продовольственного характера. Однако, все эти опасения в общем не оправдались. Позднее очень развитой пленный английский аскари сказал мне прямо: «Ты ведь знаешь, что туземцы всегда стоят за того, кто сильнее», а английский массай выразился откровенно: «нам безразлично, кто наши господа — англичане или немцы».

Только позднее, после вторжения неприятеля, туземцы представляли для нас существенную опасность; тогда она была, разумеется, очень велика. Туземец обладает хорошим чутьем на то, когда фактическая власть переходит из одних рук в другие.

После возвращения на короткое время в Корогве командование перешло в Неймоши и вскоре затем в Тавету. Три из прибывших к Северной железной дороге рот сосредоточились у Танги, остальные пять были направлены в область Килиманджаро. Вблизи Даресалама остался только капитан фон-Карнацкий с вновь сформированной 18 ротой.

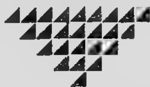
В следующий период были развиты действия различных летучих колонн, силой в роту, цель которых состояла в том, чтобы оттеснить неприятельские отряды, удерживавшие, по полученным донесениям, пункты с источниками воды приграничной английской области, нанести им потери и этим облегчить действия наших патрулей против Угандской и Магадской железных дорог. Так, в конце сентября капитан Шульц двинулся со своей ротой из Килиманджаро вниз по реке Тсаво, пробился к Угандской дороге и там натолкнулся на противника силой в несколько рот, которые, вероятно, были переброшены по железной дороге. Севернее Килиманджаро капитан Тафель преследовал со своей ротой и отрядом европейцев силою в 50 человек английскую конную колонну, но был затем атакован ею в густом кустарнике в своем лагере у горы Энгито.

Это был первый сравнительно серьезный бой наших аскари на севере. Хотя неприятель состоял из английских и бурских фермеров, то-есть хороших наездников и стрелков, которые были привычны к жизни в степи, наши аскари так энергично перешли в наступление с примкнутыми штыками, что от противника, силой в 80 европейцев, около 20 человек осталось на месте убитыми, и, таким образом, в общем его потери можно определить, по крайней мере, в половину всего отряда.

Точно так же, как и у Килиманджаро, действия капитана Баумштарка, который командовал тремя сосредоточенными у Танги ротами, привели к боям в пограничной области между Яссини и Момбасой. Цель всех этих предприятий заключалась в то же время в том, чтобы создать необходимую ясность в сведениях об этом неизвестном районе военных действий, так как этот район в мирное время не был разведан, а также не был изучен в отношении воды и населенности. Таким образом, постепенно, была получена точная картина страны и населения. Английская пограничная область была вдоль самой границы густо населена и богато застроена. Дальше вглубь она имела характер безводной степи, покрытой местами густым кустарником. Среди степи подымалось несколько горных хребтов, которые очень часто резко выделялись в виде скалистых массивов. Войска были расположены в нескольких укрепленных лагерях восточнее Килиманджаро, командование же, вследствие трудности связи, скоро вернулось из Таветы в Неймоши.

Проволочную связь между Неймоши и Таветой прибывший позже директор полевой почты мог характеризовать только как сносную. Изоляторами служили отбитые горлышки от бутылок, прикрепленные на кольях или на ветках от деревьев; проволока была взята из изгородей на плантациях. Однако, повреждения были настолько значительными, что широкий обмен сведениями и донесениями путем подобного провода не мог долго продолжаться.

Наша связь с внешним миром с началом войны была почти что отрезана, и хотя вначале мы принимали радио-передачу из Камины, а также при благоприятном состоянии погоды — сообщения по радио из Науена, но обыкновенно для получения новостей мы были вынуждены перехватывать неприятельские разговоры по радио и захватывать неприятельскую почту или другие документы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
НОЯБРЬСКИЕ БОИ У ТАНГИ

(Октябрь — ноябрь 1914 года)

(Чертежи V и VI)

Добытые английские газеты указывали, что Германия особенно мучительно почувствовала бы потерю своих колоний, и что германская Восточная Африка самая «ценная добыча». Перехваченная почта сообщала о предстоящем прибытии индусского экспедиционного корпуса в 10.000 человек, и, так как я, уже по другим соображениям, всегда считался с вероятностью неприятельского десанта в крупном масштабе в окрестностях Танги, то в конце октября отправился туда, объездил всю местность в захваченном с собой автомобиле и договорился на месте с капитаном Адлером, командиром 17 роты, а также и с окружным чиновником Аурахером. К счастью, он согласился с моими взглядами, что, при серьезной угрозе Танге, необходимо прежде всего действовать совместно, и я его заверил, что, само собой разумеется, я принимаю на себя ответственность за все вытекающие отсюда последствия. Это имело большое значение, особенно потому, что, согласно указаний, данных губернатором, необходимо было при всех обстоятельствах избежать обстрела Танги. Таким образом, взгляды на то, как следует поступить в данном случае, могли быть самыми разнообразными.

Спустя несколько дней после моего возвращения в Неймоши, 2 ноября, из Танги протелеграфировали, что 14 неприятельских транспортных судов и 2 крейсера появились перед Тангой и потребовали безоговорочной сдачи города. Переговоры об этом затянулись, так как окружной чиновник Аурахер, который отправился на корабль, указал на то, что он должен запросить особые инструкции, и предотвратил предполагаемую бомбардировку замечанием, что Танга—открытый и неукрепленный пункт. Капитан Баумштарк, находившийся с двумя ротами в пограничной области

северее Танги, был немедленно двинут на Тангу. Одновременно были переброшены усиленными переходами к Неймоши из Таветы и Килиманджаро обе европейские роты и рота аскари. Два грузовых автомобиля, которые при этом передвижении войск служили для подвоза продовольствия на участке Неймоши—Тавета, оказали нам большую помощь. Я решил сосредоточить возможно ближе к Танге против вполне вероятного десанта все части, которые можно было использовать. Даже при усиленных переходах войск этот план мог быть выполнен только при условии, что Северная железная дорога увеличит свою пропускную способность до крайних пределов. А это было чрезмерное требование при наличном числе паровозов, которых насчитывалось всего восемь. Этот участок длиной около 300 километров — узкоколейная железная дорога, по которой при полном составе поезда от 24 до 32 осей можно было отправить только одну роту с обозом или две роты без обоза и без носильщиков. Только содействием всех имеющих отношение к этим перевозкам лиц (я могу особенно выделить поступившего в армию в качестве лейтенанта железнодорожного комиссара Кробера и заведующего эксплоатацией Кюльвейна), которые сопровождали поезда у Танги до поля сражения и в полосе обстрела, можно объяснить, что эта задача вообще могла быть выполнена. Еще 2 ноября были переброшены по железной дороге расположенные в самом Неймоши войсковые части, всего полторы роты, а 3 ноября, утром — штаб со следующей ротой; три же остальные роты последовали позднее. Таким же способом были стянуты в Тангу и все мелкие формирования железнодорожной охраны. Настроение отъезжающих войск было блестящее. Однако, это следует меньше приписать тому, что аскари отдавали себе ясный отчет в серьезности положения, и гораздо больше тому, что для них поездка по железной дороге при всех обстоятельствах является большим удовольствием.

Командование прибыло в Корогве 3 ноября, вечером. Я отправился в устроенный там лазарет и разговаривал с ранеными в бою у Танги, вернувшимися в тот же день. Один из них, обер-лейтенант Меренский, сообщил мне, что 2 ноября у Танги происходили стычки между сторожевыми охранениями и между патрулями в окрестностях Рас-Казоне, и что 3 ноября подошедший к Рас-Казоне неприятель, силой, повидимому, в несколько тысяч

человек, атаковал 17 роту восточнее Танги. Эта рота, усиленная европейцами и полицейскими аскари из Танги под командой обер-лейтенанта Аурахера, сдерживала наступление, пока не вмешались прибывшие первыми из Неймоши полторы роты, которые были немедленно направлены против левого фланга неприятеля и отбросили его. Обер-лейтенант Меренский получил впечатление, что неприятель совершенно разбит и что повторение атаки было маловероятно.

Когда командование 4 ноября в 3 часа утра высадилось из вагонов в 6 километрах западнее Танги и там встретило капитана Баумштарка, я не мог еще составить ясной картины положения по тем отрывочным телеграммам, которые были мною получены во время переезда.

Капитан Баумштарк иначе оценивал обстановку и считал, что при значительном превосходстве противника нельзя будет удержать Тангу в случае повторения атаки. Поэтому он к вечеру собрал в 6 километрах западнее Танги свои две роты, прибывшие с севера, и части, которые накануне принимали участие в бою у Танги, а в самом городе оставил только патрули. Свободна ли Танга или же занята неприятелем — об этом не было никаких сведений. Сильные офицерские патрули были тотчас же посланы через Тангу на Рас-Казоне. К счастью, мы захватили с собой несколько велосипедов, и, таким образом, я мог, чтобы немедленно выяснить положение личной разведкой, быстро добраться до вокзала Танги с капитаном фон-Гаммерштейном и вольноопределяющимся военного времени Лесселем. От встреченного здесь передового поста 6 полевой роты я также не мог узнать ничего нового о неприятеле и поехал дальше через опустевшие улицы города. Город был совершенно оставлен, и белые дома европейцев резко выделялись при ярком свете луны на улицах, по которым мы проезжали. Таким образом, мы достигли гавани на противоположном конце города. Итак, Танга была свободна от неприятеля. В 400 метрах перед нами лежали ярко освещенные транспортные суда, на которых царило большое оживление; не могло быть никаких сомнений, что подготовляется десант. Я пожалел, что наша артиллерия — мы имели также 2 орудия образца 73 г. — еще не прибыла. Здесь при ярком лунном освещении и на таком близком расстоянии она могла бы причинить большие разрушения, несмотря на присутствие неприятельских крейсеров.

Затем мы поехали дальше на Рас-Казоне, где оставили в правительственном госпитале свои велосипеды, и пошли пешком к морскому берегу, у которого, совсем перед нами, лежал английский крейсер. На обратном пути, у госпиталя, нас окликнул, повидимому, индусский пост — мы не могли понять языка, — но мы ничего не увидели. Мы сели на велосипеды и поехали обратно. Начинало светать, и слева от себя мы услышали первые выстрелы. Это был офицерский патруль лейтенанта Бергмана 6 полевой роты, который западнее Рас-Казоне наткнулся на патруль противника. Один из моих велосипедистов был послан к капитану Баумштарку с приказом немедленно выступить со всеми своими частями к вокзалу Танги. Для принятого мною плана предстоящего боя местность имела решающее значение. На севере дома расположенной у гавани европейской части города давали укрытие от взоров, а следовательно, и от артиллерийского огня близлежащих крейсеров. Город был окружен многочисленными кокосовыми пальмами и каучуковыми деревьями, которые простирались почти до Рас-Казоне и между которыми, кроме туземной части города, были также разбросаны и несколько туземных плантаций. Мелкий кустарник имелся только в немногих местах, и местность была совершенно ровная. Представлялось наиболее вероятным, что противник произведет давление на нашем южном, т.-е. правом, фланге, не только если он высадится в Рас-Казоне, но и при одновременной высадке сразу в нескольких пунктах, например, также у Мвамбани. Точно так же и для нас местность южнее Танги давала больше свободы действий. Я решил принять предполагаемый удар противника, заняв восточную окраину Танги и эшелонировав сильные резервы за своим правым участком для контр-атаки во фланг противнику.

При постановке частных задач необходимо было принять во внимание особенности каждой части армии. В то время каждая рота имела еще свой особый отпечаток, в зависимости от своего состава и условий формирования. Лучшей, 6 полевой, роте, которая в мирное время получила в Уджиджи тщательную подготовку и в пулеметной стрельбе, было поручено занять широким фронтом восточную окраину Танги. Правее и уступом сзади нее, вне Танги, был эшелонирован батальон Баумштарка, в составе 16 и 17 полевых рот, образованных из полиции и сводной роты из мелких отдельных формирований. Еще правее и уступом

назад, у телеграфной линии Танга-Пангани, оставались в моем распоряжении три хороших роты из европейцев, а именно 7 и 8 колониальные роты с 3 пулеметами и 13 полевая рота с 4 пулеметами. Само командование осталось вблизи дороги Танга-Пангани и включилось в проходящую здесь телеграфную линию. 4 и 9 полевые роты, а также батарея капитана Геринга из 2 орудий 73 года находились еще на походе, и время их прибытия было неизвестно. Это расположение оставалось в общем без существенных изменений и после обеда. Под палящим солнцем береговой полосы мы очень страдали от жажды, которую утоляли соком молодых кокосовых орехов. Кроме того, в Танге имелись еще обычные напитки, и мы располагали вином и сельтерской водой. Даже теплые сосиски были доставлены войскам мясником Грабовым.

За всем происходящим у неприятельских судов велось непрерывное и зоркое наблюдение. Считали каждую лодку, которая от них отваливала, и ее экипаж. Я оценивал силы неприятеля, высадившегося до обеда, в 6.000 человек. Но и при такой, слишком еще низкой, оценке противника я должен был поставить себе вопрос: следует ли мне с моими тысячью винтовками рискнуть и принять решительный бой? По многим причинам я ответил на этот вопрос утвердительно. Было слишком важно помешать неприятелю закрепиться у Танги. Иначе мы уступали бы ему лучшую базу для операций против северных областей. При своем движении он имел бы в Северной железной дороге отличное вспомогательное средство для наступления, и все новые войска и боевые средства могли бы быть легко и неожиданно переброшены и использованы. При таких условиях можно было с уверенностью ожидать, что мы не будем в состоянии удержать область Северной дороги и нам придется отказаться от столь удачного до сих пор способа ведения войны на границе с английскими колониями. Перед этими вескими и реальными соображениями должен был отойти на задний план приказ губернатора — избежать обстрела Танги при всякой обстановке.

Некоторые данные были также в нашу пользу. Еще раньше, в восточной Азии, мне пришлось лично познакомиться с неповоротливостью английских частей во время передвижений и в бою, и надо было ожидать, что затруднения для них возрастут во много раз на очень закрытой и совершенно незнакомой для неприятель-

ского десанта местности. Малейшее нарушение порядка должно было повлечь за собой очень крупные последствия. Я рассчитывал использовать слабые стороны противника ловким и быстрым маневрированием своих частей; европейцы были хорошо знакомы с окрестностями Танги, а аскари чувствовали себя в кустарнике, как дома.

Конечно, в случае неудачи было бы очень плохо. Уже раньше мой активный способ ведения войны не находил одобрения, и если бы к этому еще прибавилось крупное поражение в бою, то я бы, по всей вероятности, окончательно потерял доверие войск. Точно так же и со стороны руководящих учреждений меня, вероятно, ожидали бы в дальнейшем большие затруднения в отношении управления армией. Мне приходилось принимать решение в тяжелой военной обстановке, которая совершенно напрасно усложнялась еще тем, что мне, ответственному руководителю, не было предоставлено достаточной свободы. Но ничего не поделаешь. Необходимо было рисковать всем.

Еще утром я лично приказал капитану фон-Принцу продвинуться к Танге с его двумя ротами европейцев, чтобы иметь возможность быстро и, не ожидая особых распоряжений, ввязаться в бой при нападении противника на роту аскари, расположенную на восточной окраине города. Я уже начал сомневаться, состоится ли вообще нападение противника в тот же день, когда в 3 часа пополудни один из аскари со своей простой и вместе с тем воинской выправкой доложил: «Адуи таджари» (неприятель готов). Этого краткого донесения я никогда не забуду. В следующий момент одновременно по всему фронту вспыхнула ружейная перестрелка. При быстром развитии боя о постоянно меняющейся обстановке можно было судить только по направлению ружейной трескотни. Было слышно, как огонь с восточной окраины Танги перекинулся в город; это означало, что 6 рота отброшена. Неприятель, в 20 раз сильнее нас, проник в город до самого вокзала. Капитан Принц немедленно бросился вперед со своими двумя европейскими ротами, сразу остановил отход бравых аскари и помог им перейти в наступление. Британский Северо-Ланкастерский полк, состоящий только из старослужащих европейцев, силой в 800 человек, был отброшен с тяжелыми потерями. Точно так же наступавшая между этим полком и берегом моря индусская бригада (кашмирские стрелки) после упорного уличного боя была выбита

из захваченных ею домов. Южнее Танги капитан Баумштарк подкрепил фронт своей ротой, и я наблюдал, как после, примерно, часового боя аскари начали здесь отходить между пальмами к дороге Танга—Пангани. Европейцы штаба немедленно бросились туда и остановили этих людей. Я как сейчас вижу перед собой вспыльчивого и упрямого капитана фон-Гаммерштейна, когда он, полный возмущения, бросил пустую бутылку в голову одному из отступавших аскари. В конце концов, большая часть из сражавшихся здесь рот было молодыми, только что сформированными частями, которые смешались, попав под сильный неприятельский огонь. Но, когда мы, европейцы, появились перед ними и начали над ними насмехаться, они скоро пришли в себя и убедились, что не всякая пуля попадает. Но в общем натиск, который производился противником на нашем фронте, был все-таки настолько сильным, что я не считал возможным медлить дальше с выполнением своего плана и решил приступить к контр-удару. Для этого в моем распоряжении была только одна единственная рота, но это была хорошая — 13 полевая рота. 4-я же рота, которой я с нетерпением ожидал с минуты на минуту, еще не прибыла.

До сих пор, судя по ходу боя, неприятель на своем открытом левом фланге не распространялся на юг дальше наших правофланговых частей. Таким образом, сюда именно и был направлен сокрушительный контр-удар, и каждому участнику должен быть памятен момент, когда здесь открыли фланговый огонь пулеметы 13 роты и привели к быстрому перелому боя. Весь фронт поднялся и бросился вперед с радостным криком — ура. Между тем, прибыла также и 4 рота. Хотя она вследствие недоразумения и не была сразу направлена с похода южнее 13 роты, а заняла место между этой ротой и остальным фронтом, ей все-таки удалось до наступления темноты принять участие в развитии успеха. Неприятель обратился в дикое бегство густыми толпами, и наши пулеметы перекрестным огнем с фронта и флангов косили целые роты, человека за человеком. Несколько аскари явилось к нам, сияя от радости, с английскими винтовками за спиной и с пленными индусами в каждой руке. Однако, тех наручников, которые мы у них нашли для немецких пленных, никто из нас не надел на них.

Представьте себе этот момент: в густом лесу все части многократно и беспорядочно перемешаны — свои вместе с врагами; нестройные крики на различных языках, и ко всему этому надо при-

бавить быстро спускающуюся тропическую ночь. Тогда станет понятным, что организованное мною преследование совершенно не удалось. Я находился на правом фланге и быстро двинул ближайшие части в направлении на Рас-Казоне для энергичного преследования. Затем я отправился на левый фланг. Там я не нашел почти никого из наших людей, и только спустя более или менее продолжительное время я услышал в ночной темноте шум от сапог, подбитых гвоздями, отряда аскари. Я был рад получить, наконец, часть и несколько разочаровался, так как это был отряд с правого крыла под командой лейтенанта Лангена, который сбился с направления на Рас-Казоне и, таким образом, очутился на нашем левом фланге. Но этих недоразумений оказалось мало. Неизвестно почему, войска считали, что по приказу командования им необходимо отойти опять в прежний лагерь западнее Танги. Только в течение ночи на вокзале Танги мне удалось выяснить, что почти все роты выступили туда. Само собой разумеется, они получили приказ о немедленном возвращении. К сожалению, благодаря этому произошла такая задержка, что нельзя было еще ночью при лунном свете обстрелять неприятельские суда прибывшей батареей капитана Геринга.

Только утром 5 ноября войска, сильное утомление которых было вполне понятно, прибыли опять в Тангу и снова заняли в общем положение прошлого дня. Оказать немедленно давление всеми силами на неприятеля у Рас-Казоне было бы нецелесообразно ввиду того, что местность там была совершенно открытая, и оба крейсера находились здесь в непосредственной близости. Однако, сильным патрулям и отдельным ротам, которые были выдвинуты на Рас-Казоне, чтобы тревожить противника, удалось все-таки внезапно обстрелять пулеметным огнем отдельные неприятельские отряды, несколько его лодок, а также палубу находившегося у госпиталя крейсера. В течение дня все больше укреплялось впечатление, что неприятель потерпел очень сильное поражение. Хотя вначале его потери не могли быть известны в полном объеме, но примерную оценку мы могли сделать как по часто встречавшимся грудам многих сотен павших, так и по запаху разложения, который, благодаря действию тропического солнца, окутывал всю местность. Мы оценивали потери очень осторожно — около 800 убитых, но я думаю, что это слишком низкая оценка. Один высший английский офицер, который был

вполне знаком со всеми подробностями, передавал мне позже по поводу другого боя, английские потери в котором он определял в 1.500 человек, что потери у Танги были значительно больше этой цифры. Теперь я считаю, что определять эти потери в 2.000 человек было бы слишком низкой оценкой. Еще более сильным было моральное потрясение неприятеля. Он начал почти верить в духов и привидения: уже спустя несколько лет меня спрашивали английские офицеры, употребляли ли мы при Танге дрессированных пчел, но я, пожалуй, могу сейчас признаться, что у нас в одной роте в решительную минуту все пулеметы были выведены из боя этими «дрессированными пчелами», так что мы от этого способа дрессировки пострадали точно так же, как и англичане.

Неприятель чувствовал себя плохо и был действительно совершенно разбит. В диком беспорядке бежали его части и, сломя голову, бросались в катера. Вероятность нового боя вообще не учитывалась. Из опроса пленных и найденных официальных английских документов выяснилось, что сводный англо-индийский экспедиционный корпус, силой в 8.000 человек, был совершенно разбит нашими войсками, силою немногим больше 1.000 человек. Только вечером нам стали вполне ясны размеры этой победы, когда явился английский офицер-парламентер, капитан Мейнертсгаген, и вступил в переговоры с посланным мною капитаном фон-Гаммерштейном о выдаче раненых. Капитан Гаммерштейн отправился в госпиталь, который был переполнен тяжело ранеными английскими офицерами, и от моего имени объявил, что они могут быть взяты англичанами под честное слово не сражаться против нас в эту войну.

Трофейное оружие дало возможность вооружить по-современному больше 3 рот; при этом особенно пригодились нам взятые пулеметы. Настроение войск и доверие к начальникам сильно поднялись, и я одним ударом освободился от большей части затруднений, которые тяжелым тормозом лежали на командовании. Продолжительный огонь судовых орудий, безрезультатный вследствие закрытой местности, перестал пугать наших бравых чернокожих. Материальная добыча была значительна. Кроме 600.000 патронов, неприятель бросил все наличное телефонное имущество и так много обмундирования и снаряжения, что их могло хватить, по крайней мере, на год для удовлетворения наших потребностей, особенно в теплых шинелях и шерстяных одеялах. Наши собствен-

ные потери были незначительны. Было убито около 16 европейцев, в том числе отличный офицер капитан фон-Принц, 48 аскари и носильщиков пулеметов. Европейцы были погребены в общей братской могиле в тени чудесного дерева, где простая дощечка обозначает их имена.

(«Дрессированные пчелы» эпизод из боев у Танги).

Уборка поля битвы и погребение убитых потребовало несколько дней напряженной работы всей армии; улицы были буквально усеяны убитыми и тяжело ранеными. Последние на непонятном языке просили о помощи, которую при всем желании не всегда можно было оказать немедленно.

На нашем главном перевязочном пункте, расположенном вне Танги, наш санитарный личный состав самоотверженно ухаживал за своими и неприятельскими ранеными под огнем тяжелых судовых орудий. Еще вечером 4 ноября я посетил раненых. Я не пред-

видел, что лейтенанту Шоттштадту, который сидел на стуле, тяжело раненый в грудь, осталось жить всего только несколько минут. Английский лейтенант Кук, 101 индусского гренадерского полка, лежал тут же с тяжелым ранением ноги. Рана этого цветущего молодого офицера, который попал к нам в руки в месте горячего боя на индусском левом фланге, не могла нарушить его веселого настроения. Так же, как и большую часть остальных раненых, его лечил в течение 9 месяцев в полевом лазарете в Короге наш лучший хирург, штабной врач, доктор Миллер. Он начал уже ходить, когда, к сожалению, несчастный случай на лестнице привел к смертельному исходу.

Дни боев у Танги впервые предъявили значительные требования к уходу за ранеными. С этой целью были устроены в Корогве, а также и в других пунктах Северной железной дороги, лазареты, куда больные могли быть доставлены без пересадки по железной дороге. Для перевозки не было особого постоянного санитарного оборудования, но никогда не представляло больших затруднений создать все необходимое.

Несмотря на явную неудачу у Танги, можно было ожидать, что англичане со свойственным им упорством не смогут окончательно примириться с таким положением. И после своего поражения противник во много раз превосходил нас численно, и попытка десанта в другом месте была вполне вероятна. Однако, поездка на велосипеде 6 ноября в северном направлении к бухте Манза убедила меня, что неприятельские суда заходили сюда, повидимому, только для ухода за своими ранеными и для погребения умерших и не имели в виду никакого десанта. Затем флотилия скоро ушла в направлении на Занзибар.

В то время для меня было интересным короткое посещение нашего правительственного госпиталя у Рас-Казоне, который был уже очищен от английских раненых, отпущенных на честное слово. Здесь лежали два немецких офицера, раненых 3 ноября у Танги, а также и другие раненые в прежних боях офицеры, которые могли наблюдать из лазарета за событиями во время главного боя, 4 ноября, находясь позади английского фронта. С напряженным вниманием следили они за десантом у Рас-Казоне и наступлением на Тангу; затем после обеда они услышали огонь наших пулеметов, решивших исход боя, и выстрелы неприятельских судовых орудий, а также видели у самого госпиталя дикое бегство неприятеля.

Многочисленные падавшие вблизи лазарета пули, к счастью, не причинили никакого вреда. 5 ноября очень рано они вдруг снова услыхали орудийную стрельбу со стороны Танги; они предполагали, что это, должно быть, немецкие орудия. Это были две наших пушки, которым, хотя и не удалось ночью, при свете луны, взять на прицел английские транспортные суда, но которые, по крайней мере, смогли с наступлением дня сделать несколько удачных выстрелов. К сожалению, нельзя было продолжать дальше стрельбу, так как дым от выстрелов сразу выдал местонахождение орудий и притянул на них огонь судовой артиллерии.

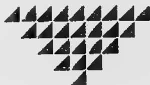
Между тем выяснилось, что наступление неприятеля у Танги не являлось каким-то отдельным предприятием, но было задумано в более широких размерах одновременно с другими действиями. 3 ноября северо-западнее Килиманджаро, у горы Лонгидо, которую занимал капитан Краут с тремя ротами аскари и конной ротой европейцев, неожиданно в утреннем тумане появились английские войска. Первые выстрелы раздались как раз в то время, когда к Лонгидо пришел по гелиографу приказ, что капитан Краут должен отойти к Неймоши. Неприятель, силою около тысячи человек, взобрался в нескольких местах на лежащую среди открытой степи огромную гору Лонгидо, пользуясь проводниками из племени массаев, которые кричали нашим постам: «Мы люди капитана Краута». Но нашим быстро развернувшимся трем полевым ротам удалось в скалистой местности охватить части противника и быстро их отбросить назад. Неприятельский конный отряд, который был замечен в степи у подножия горы и, повидимому, хотел на нее взобраться с юга или же прервать нашу связь, был взят под действительный огонь и отброшен.

Вероятно, в связи с этими событиями в области Северной железной дороги находились и действия противника у озера Виктории. В конце октября в округ Букоба с севера вторглись многочисленные отряды племени Ваганда. Для поддержки 31 октября из Муанзы была отправлена часть из 670 ружей, 4 пулеметов и 2 орудий на небольшом пароходе «Муанза» с 2 буксирами и 10 баржами. Вскоре после выхода эта флотилия была атакована вооруженным английским пароходом, но ей удалось без повреждений вернуться назад в Муанзу. Английская попытка десанта у Каджензе севернее Муанзы потерпела неудачу и была отбита огнем наших постов.

Таким образом, в начале ноября была налицо попытка нападения на нашу колонию с разных сторон, организованного в крупном масштабе. Неудача этого нападения возбудила в каждом из нас надежду, что мы сможем держаться, пока будет держаться Германия, а отрывочные известия, которые мы смогли перехватить, дали нам в этом уверенность.

Хотя мы в период боя у Танги еще не слыхали имени Гинденбурга, но в то же время мы ничего не знали и о неудаче на Марне и находились под впечатлением победоносного наступления во Францию.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В ОЖИДАНИИ ДАЛЬНЕЙШИХ СОБЫТИЙ

(Ноябрь — декабрь 1914 года)

(Чертежи IV и VI)

Учитывая вероятность угрозы для области Килиманджаро со стороны неприятеля, я считал необходимым после решительного столкновения у Танги, которое все-равно нельзя было уже использовать более широко, быстро перебросить войска опять в район Неймоши. Радость колонистов Северной области, которые составляли большинство сражавшихся у Танги европейцев, была неописуема. Украшенный цветами, подошел первый поезд с европейцами снова к Неймоши. Мне оставалось еще достаточно дел у Танги, и я только через несколько дней прибыл на вокзал Неймоши, где командование опять принялось за свою деловую работу. При недостатке личного состава мы не могли себе позволить иметь постоянно отдельных людей для выполнения различных обязанностей. Как офицер штаба должен был в случае необходимости превращаться в стрелка или велосипедиста, так и интенданту приходилось быть ординарцем, а писарю стрелять в бою и работать в качестве посыльного. Большим облегчением для штабной работы являлось то, что мы располагались в построенном по-европейски здании вокзала Неймоши, где, несмотря на большую тесноту внутри штаба, могли быстро путем личных переговоров разрешать большинство вопросов. Мы располагали хорошим телефонным и телеграфным оборудованием и находились в центре телефонной связи и телеграфных линий в обоих направлениях — как на Тангу, Тавету, восточнее и западнее Килиманджаро, к Лонгидо, так и к Аруше — которые мы провели наново или усовершенствовали там, где они уже имелись. Бывали недели, когда наша служебная деятельность проходила почти как в мирное время, хотя и при повышенном темпе работы. Хотя почти никто в штабе не был знаком или подготовлен к штабной деятельности, все-таки

общая работа выполнялась дружно и успешно. Она поддерживалась высокими стремлениями, любовью к делу и товарищеской спайкой.

Я отправился в автомобиле — мы ведь пестроили себе также автомобильную дорогу и до Лонгидо — к расположенной между Лонгидо и Килиманджаро Энгаре-Нероби (холодная река), небольшой речонке, которая с северных склонов Килиманджаро пересекает степь в северо-западном направлении. Там на своих фермах жило несколько бурских семейств. Отряд Краута перенес сюда свой лагерь, так как снабжение продовольствием до Лонгидо при двухдневном марше через степь не могло быть ограждено от нападения, а потому являлось слишком рискованным. Я убедился, что также и здесь, севернее Килиманджаро, нельзя ожидать в данное время военных действий, и вернулся в Неймоши. Дорога от Неймоши, куда по железной дороге сосредоточивалась главная масса запасов продовольствия из Узамбары и из областей, расположенных далее на юг, имеет до Таветы 50 километров. Хотя мы имели в своем распоряжении незначительное количество автомобилей, а именно всего 3 легковых и 3 грузовика, но и это число в наших условиях приносило существенную пользу. В сухую погоду по хорошо оборудованной дороге трехтонные грузовики могли свободно в течение для проехать из Неймоши в Тавету и обратно, тогда как носильщикам требовалось для этого, по крайней мере, 4 дня. Таким образом, этот расчет показывает, что один автомобиль может дать ту же работу, как и 600 носильщиков, которые к тому же сами нуждаются в продовольствии.

Нельзя не согласиться с решением, которого позднее придерживались англичане,—снять переноску грузов с плеч носильщиков и животных и заменить их автомобилями, тем более, что люди и животные очень страдали от тропических заболеваний, в то время как комары были ведь совершенно бессильны против автомобиля. Но мы не могли использовать этого явного преимущества, так как имели только ограниченное количество автомобилей. Нам постоянно приходилось даже в этот удобный для снабжения продовольствием спокойный период войны прибегать к носильщикам. Еще и сейчас я вспоминаю радость тогдашнего интенданта, когда из Муанзы в Неймоши прибыл караван носильщиков в 600 Вассокума. Они доставили от озера Виктории через Кондоа-Иранги до Килиманджаро рис, в котором здесь ощущался острый недостаток. Принимая во внимание, что носильщик во время этого

марша, потребовавшего, по меньшей мере, 30 дней, сам ежедневно съедает килограмм продовольствия, а несет, самое большее, 25 килограммов, — марши должны быть организованы очень обдуманно и проходить преимущественно по населенной и богатой продовольствием местности, чтобы вообще такой способ транспортирования представлял известную выгоду. Если, несмотря на эти недостатки, переноска грузов насильщиками применялась в широких размерах, то это указывает на те затруднения в снабжении продовольствием, с которыми мы должны были считаться.

Интендант, капитан Файльке, умел отлично обращаться с людьми и о них заботиться. Носильщики чувствовали себя хорошо, и слово «командование», которое некоторые считали именем собственным, сделалось очень популярным. Лично мне два имеющихся автомобиля дали возможность производить многочисленные разведки местности, а также осматривать войска. В 2 часа я мог доехать из Неймоши до Таветы, куда вернулась часть войск из Танги. При другом же способе передвижения на это пришлось бы потратить 4 дня. Позднее я в один день проехал из Неймоши к Энгаре-Нероби и дальше на запад вокруг всей горы Меру, а затем назад в Неймоши,—путешествие, которое, пожалуй, с носильщиками нельзя было бы сделать меньше, чем в десять дней. Успех у Танги возбудил решимость всей колонии к сопротивлению.

26 ноября начальнику этапной службы генерал-майору Вале удалось добиться в Морогоро согласия губернатора на оборону Дaресалама в случае нападения. К счастью, это согласие было дано как раз во-время. Уже 28 ноября у Даресалама появились 2 военных судна, транспортное судно и буксир, и потребовали осмотра наших лежащих в гавани судов. Здесь среди остальных судов находился пароход германо-африканской линии «Табора», оборудованный под лазарет. Так как англичане еще раньше объявили, что они не считают себя связанными какими бы то ни было договорами относительно Даресалама, то каждый раз при желании избежать обстрела требовалось бы новое соглашение. Таким образом, получалась бесконечная история. Я телефонировал, что теперь следует силой оружия воспрепятствовать требованию допустить в гавань большой английский вооруженный катер. К сожалению, на это посещение катера немецкие власти, непонятным для меня образом, дали согласие, и старший из офицеров, находившихся в Дерасаламе, чувствовал себя этим связанным. Когда же

англичане, вместо одного разрешенного катера, ввели в гавань несколько более мелких судов, произвели разрушение на «Таборе» и даже взяли в плен личный состав этого парохода, всем, кто до сих пор еще колебался, стала вполне очевидной вся безрезультатность нашей уступчивости. Капитан фон-Корнацкий прибыл как раз во-время, чтобы удачно взять под пулеметный огонь мелкие английские суда, когда они при выходе проходили узкий северный фарватер. При этом, к сожалению, был также ранен один из немецких пленных. Меры защиты не были приняты во-время. Это может служить небольшим примером того, как опасно и в конце концов невыгодно, когда во время войны военачальнику постоянно мешают при выполнении его планов и необходимых мероприятий.

Впрочем, последовавший затем обстрел Даресалама не причинил сколько-нибудь значительного вреда, так как было повреждено всего только несколько домов.

Время сравнительного бездействия, в котором находились мы в Неймоши, было благоприятно в хозяйственном отношении. Европейцы, по большей части принадлежавшие к колонистам Северной области, сами снабжали себя главными видами своего продовольствия; рис, пшеничная мука, бананы, ананасы, европейские овощи, кофе и картофель щедро текли с плантаций в армию. Сахар добывался на многочисленных заводах, а соль главным образом доставлялась из солеварни Готторп, расположенной у Центральной железной дороги между Таборой и Танганайкой. Многие плантации целиком отдавали свое производство для снабжения армии, и при имеющихся в большом количестве рабочих силах обработка этих плантаций не представляла никаких затруднений.

Однако, необходимо было организовать подвоз. Большая этапная дорога, ведущая от Кимамбы к Северной железной дороге (к Момбо и Корогве), все время удлинялась, чтобы иметь возможность доставлять на север продукты из района Танганайкской железной дороги и из более южных областей. По крайней мере, 8.000 носильщиков были постоянно заняты только на этом участке. Скоро выяснилось, что выгоднее не давать караванам носильщиков проходить сразу все это расстояние, длиной около 300 километров, но распределить носильщиков по отдельным этапам. Тогда являлась возможность установить для них постоянные стоянки, а также следить за состоянием их здоровья. Санитары объезжали этапы и делали все, что было в человеческих силах,

для охраны здоровья носильщиков, ведя борьбу главным образом против дизентерии и тифа. Таким образом, на этой оживленной этапной дороге возникли на расстоянии дневного перехода постоянные лагери носильщиков, в которых люди помещались сначала во временных, а затем в хорошо выстроенных хижинах. Была установлена строгая лагерная дисциплина. В заботе о многочисленных приезжающих европейцах для них были устроены небольшие дома с бетонным полом; следовавшие одиночным порядком имели возможность довольствоваться здесь из запасов этапа вместо того, чтобы, как это принято при африканских путешествиях, быть вынужденными тащить с собой все продовольственные запасы на продолжительное время. Работа на этой этапной дороге была предметом постоянного внимания; европейцы и цветные должны были научиться сначала приемам совместной работы при такой большой массе людей и понять важность порядка и дисциплины для службы подвоза и для здоровья всех участников.

На вокзале Неймоши телеграф и телефон работали круглые сутки. При создании заново всей организации нельзя было совершенно обойтись без трений. Все лица, принадлежавшие к штабу, были чрезвычайно перегружены. Однако, в напряженной работе встречались также и светлые минуты. Материальная помощь со стороны европейцев здесь на севере оказывалась также и нашему штабу. Мы были прямо избалованы многочисленными посылками от частных лиц. Когда кто-нибудь из нас ехал по Северной железной дороге, на которой в мирное время было трудно, несмотря на деньги и усиленные просьбы, добыть себе немного продовольствия, то теперь почти на каждой станции кто-нибудь заботился о нас. Я вспоминаю один случай, когда в штаб, в Неймоши, вернулся из области северной горы Эрок сильно истощенный усиленной разведывательной службой обер-лейтенант фон-Шроттер. После того, как его с 7 до 11 часов, казалось, отлично накормили, он застенчиво попросил дать ему все-таки еще раз поужинать. На следующий день он отправился в 14-дневный отпуск в свою плантацию, расположенную в Узамбаре, чтобы отдохнуть и притти в себя. После завтрака мы дали ему с собой в вагон кофе, хлеба, масла и мяса и просили различные станции позаботиться об этом совершенно изголодавшемся разведчике. Таким образом, через полчаса в Кахе тамошней станционной охраной ему снова был подан завтрак; в Лембени милая жена местного коменданта вокзала

спекла ему пирог, и в Саме о нем позаботился начальник местного рекрутского депо фельдфебель Рейнгард. В Макандже дежурный колонист Барри принес ему собственноручно приготовленный шоколад и «бычачье сердце», — это фрукты величиной приблизительно с дыню. В Буйко гостеприимный начальник движения Северной дороги Кюльвейн, который так часто подкреплял нас при наших проездах, приготовил ему великолепную еду. В Момбо, куда стекалось продовольствие из Узамбарских гор и где мы главным образом устроили наши армейские мастерские, нашего лейтенанта ожидал морской офицер Мейер с сытным ужином. Но тут мы получили телеграмму: «Прошу больше ничего не заказывать. Я больше не могу».

Насколько в этой продолжительной заботе видна сочувственная шутка над настроением проголодавшегося лейтенанта, настолько же такая забота лучше отвлеченных рассуждений показательна для взаимной внутренней спайки всех частей населения Северного округа с войсками и стремления уловить в наших глазах каждое наше желание. Эта взаимная связь не ослабевала, пока войска находились на Севере.

Когда служба это допускала, мы не забывали о развлечении и отдыхе. Часто мы собирались по воскресеньям в окрестностях Неймоши для веселой облавы. Носильщики и аскари скоро поняли свою роль загонщиков и в образцовом порядке гнали к нам сквозь густейший кустарник дичь, о которой они предупреждали громкими криками «Худжу, худжу» («вот он, вот он»). Что же касается разнообразия дичи в этом районе, то такого никогда нельзя встретить на охотах нигде в Европе: зайцы, различные карликовые антилопы, цесарки, различных родов куропатки, утки, кустарные и водяные козлы, рыси, разных пород дикие свиньи, шакалы и множество другой дичи. Я вспоминаю, что однажды, к моему изумлению, в 15 шагах передо мной бесшумно появился лев. К сожалению, я имел в руках охотничье ружье, и, пока успел привести в готовность лежавшую у меня на коленях винтовку, он так же бесшумно исчез. Охота в богатой дичью области Килиманджаро и еще больше на восток от Таветы давала нам приятное разнообразие в нашей мясной пище. Главным образом снабжение мясом основывалось на пригоне массами для войск гуртов скота из областей Килиманджаро и Меру, а также издалека из областей, примыкающих к озеру Виктории.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОПЯТЬ ТЯЖЕЛЫЕ БОИ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ

(Декабрь 1914 — январь 1915 года)

(Чертеж VII)

Когда мы в Неймоши, в нашей столовой, на вокзале, праздновали Рождество 1914 года, военная обстановка северней Танги начала настолько обостряться, что решительное наступление противника сделалось там вероятным. Наши патрули, которые находились здесь на британской земле, в последних числах декабря были постепенно оттеснены назад и сосредоточились на немецкой территории, южнее Яссини. Здесь соединились 2 роты и отряд, сформированный примерно из 200 арабов. Неприятель, повидимому, усилился и занял здания немецкой плантации Яссини.

Создавалось впечатление, что он стремится постепенным наступлением вдоль побережья пробиться к Танге и обеспечивает занятую им область системой блокгаузов. Чтобы на месте ознакомиться с положением дел, я отправился в середине января вместе с капитаном фон-Гаммерштейном в Тангу, а затем в автомобиле по только что построенной новой дороге, длиной в 60 километров, которая шла на север вдоль побережья, в лагерь капитана Адлера у Мвумони. На разведке меня сопровождал лейтенант Блек, который был очень полезен вследствие своих удачных многочисленных разведывательных поисков в этом районе. Местность в окрестностях Яссини состояла, главным образом, из кокосовых плантаций германского Восточно-Африканского общества протяжением около мили, засаженных сизалем — растением из породы агавы, с острыми шипами. Этот сизаль образовал густую поросль между стволами кокосовых пальм и во многих местах так тесно переплетался своими колючими листьями, что можно было пробраться сквозь него, только испытав множество очень неприятных уколов. Всегда бывает трудно принимать боевое решение на такой незнакомой местности, о которой можно судить только по донесе-

ниям патрулей, ввиду отсутствия основных картографических данных. Сейчас эти затруднения могли быть устранены тем, что призванный в армию старый служащий плантации, лейтенант резерва Шефер, мог дать точные сведения. Был составлен сносно исполненный план, снабженный военными наименованиями. В общем казалось, что у Яссини дело идет о выдвинутом посте и что главные силы неприятеля находятся еще севернее в укрепленном лагере. Можно было предположить, что нападение на пост у Яссини выманит противника из лагеря и побудит к бою в открытом поле. Я решил использовать это положение, и, чтобы создать наиболее благоприятную тактическую обстановку для боя с противником, двигавшимся из своего лагеря на выручку поста у Яссини, я имел в виду держать части наготове на пути вероятного наступления неприятеля так, чтобы он, со своей стороны, должен был столкнуться с нами.

Сбор продовольствия в этой густо населенной местности не встречал никаких затруднений, и требуемое количество носильщиков могло быть взято из многочисленных европейских плантаций. Таким образом при переброске вызванных сюда по телеграфу из Неймоши рот вместе с ними должны были следовать только носильщики для пулеметов и боевых припасов, что представляло существенное облегчение для железнодорожного транспорта.

Перевозка прошла быстро и без трений при испытанной предусмотрительности коменданта линии лейтенанта Кребера, а также благодаря тому пониманию обстановки и горячему усердию, с которым весь личный состав дороги безропотно переносил неизбежное напряжение.

16 января роты, прибывавшие из Неймоши, были высажены в нескольких километрах западнее Танги и сразу же направлены походным порядком на Яссини. Туда же были двинуты и части из Танги, где для непосредственной защиты осталась только одна рота. 17 января вечером военные силы, в общем 9 рот при 2 орудиях, были собраны в 11 километрах южнее Яссини, у плантации Тотохову, и был отдан приказ об атаке на следующее утро. Майор Келлер был назначен с двумя ротами для охвата справа, а капитан Адлер с двумя следующими ротами должен был охватить противника слева, у деревни Яссини. Арабский отряд был расположен северо-западнее на дороге, идущей из Семанджи; капитан Отто

наступал с 9 ротой с фронта по главной дороге на Яссини. Непосредственно за ним следовало командование, а затем главные силы, состоявшие из роты европейцев, трех рот аскари и 2 орудий. Движение было рассчитано так, что при первом проблеске утра должна была последовать одновременная атака на Яссини, и все колонны должны были энергичным движением вперед взаимно поддерживать друг друга. Еще до рассвета раздались первые выстрелы в колонне Кеплера, несколько минут поздней начался огонь также впереди нас в колонне Отто, и разгорелся затем по всему фронту. Было невозможно, при отсутствии всякого обзора в бесконечном пальмовом лесу, составить себе хотя бы только приблизительную картину того, что собственно происходит. Но мы были уже так близки к неприятельской позиции у Яссини, что противник казался застигнутым врасплох, несмотря на свое выдвинутое вперед охранение. Это предположение подтвердилось позднее, по крайней мере отчасти. Действительно, неприятель не имел никакого понятия о нашем быстром сосредоточении южнее Яссини и о последовавшем непосредственно за ним нападении в таких крупных силах.

Отряд Отто быстро отбросил находившийся перед ним укрепленный пост противника, и командование отправилось левее, через лес, вместе с обходящей колонной, в которую была сначала назначена одна, а затем и две следующие роты для обходного движения на Яссини. При этом бросалось в глаза, что мы попали под хорошо направляемый огонь с близкого расстояния, вероятно не более как в 200 метров, и только гораздо позднее удалось выяснить, что неприятель имел в Яссини не только слабый пост, но что тут засели в отлично замаскированном форту солидной постройки 4 индусских роты. Капитан фон-Гаммерштейн, который шел сзади меня, вдруг осел: он получил пулю в нижнюю часть тела. В то время я должен был оставить тяжело раненого на попечение врачей, хотя его состояние меня сильно тревожило. Через несколько дней смерть этого выдающегося офицера причинила трудно вознаградимую потерю нашему штабу.

Бой стал очень сильным. Две наших роты, несмотря на то, что оба ротных командира, обер-лейтенанты Герлих и Шпольдинг, были убиты, быстро заняли блестящим броском вперед крепкие здания плантации Яссини и закрепились непосредственно перед неприятельской позицией. Скоро мы почувствовали вмешатель-

ство главных сил неприятеля. С севера от Ванги подошли сильные неприятельские колонны и неожиданно появились прямо перед нашими ротами, лежавшими у укреплений Яссини. Противник предпринял здесь 3 энергичных атаки, но всякий раз был отбит. С севера и северо-запада также подходили новые неприятельские колонны. При столкновении с противником, наступавшим с запада, арабский отряд плохо выполнил свою задачу; еще накануне многие арабы умоляли меня отпустить их. Теперь же, когда они должны были ожидать приближения противника, скрытые в засаде в густой чаще на пути его движения, это напряжение оказалось для них чрезмерным. Вместо того, чтобы внезапно открыть уничтожающий огонь, они стали стрелять вслепую в воздух, а затем бросились бежать. К счастью, эти неприятельские колонны встретили затем обе роты капитана Адлера и были отброшены с большими потерями. До сих пор весь бой можно было характеризовать как неудержимое стремление вперед; даже последний резерв, а именно европейская рота, по ее настойчивой просьбе, был введен в дело. Около полудня наступление во многих местах остановилось перед сильными неприятельскими укреплениями. Фактически мы не располагали никакими средствами для их разрушения и не могли ничего предпринять против этих позиций. Наши полевые орудия, расположенные на дистанции в 200 метров, тоже не достигли никаких результатов. Жара была невыносимая, и, как при Танге, все утоляли жажду молодыми кокосовыми орехами.

Я лично отправился с лейтенантом Блеком на правый фланг, чтобы разузнать о положении в колонне майора Кеплера. Я не имел тогда ясного представления о позиции противника, и потому мы опять попали на открытой прогалине с сухим песчаным грунтом под хорошо направленный огонь. Пули падали с дистанции в 500 метров совсем рядом с нами, и ясно видимые песчаные брызги позволяли противнику легко корректировать стрельбу. Песок был так глубок, и жара настолько велика, что только несколько шагов можно было сделать бегом или скорым шагом. Мы должны были двигаться, преимущественно медленно, по открытому месту и терпеть этот невыносимый обстрел. К счастью, последний не причинил нам никакого серьезного вреда, хотя пуля, пробившая мне шляпу, а другая — мою руку, показывают, что во всяком случае огонь был достаточно метким. По возвращении с правого фланга жажда и изнурение были так велики, что между несколь-

кими обычно дружелюбно настроенными людьми возникла пере-бранка по поводу кокосового ореха, хотя с имеющихся в огромном количестве деревьев не трудно было достать сколько угодно дру-гих орехов. Командование снова отправилось на дорогу Тотохову—Яссини. Рядом с ней имелась узкоколейная железная дорога план-тации, вагоны которой беспрестанно перевозили раненых в Тото-хову, где в европейских домах был устроен лазарет. Огнепри-пасы — аскари нес около 150 патронов — начали истощаться, и все чаще начали поступать сообщения из боевой части, что они не могут больше держаться. Легко раненые и толпы беглецов стекались к штабу — целые части разбежались или по разным причинам оставили указанные им места. Все эти люди были со-браны, вновь распределены, и таким образом получился сравни-тельно боеспособный резерв. Снаряженные пулеметные ленты были по большей части израсходованы, и новые патроны подава-лись сюда из Тотохову по подвесной железной дороге. Люди, за-нятые набивкой пулеметных лент, прикрепленных к стволам пальм, работали непрерывно. Было ясно, что мы уже понесли значитель-ные потери. Некоторыми высказывалось желание прекратить бой, на том основании, что овладеть неприятельскими укрепле-ниями казалось безнадежным делом. Однако, когда представляли себе, в каком затруднительном положении находится запертый в своем укреплении неприятель, который не имел воды и был вы-нужден совершать все отправления повседневной жизни, скучен-ный на узком пространстве под раскаленным солнцем и под нашим огнем, то все-таки казалось возможным, при непоколебимом упор-стве с нашей стороны, достигнуть в конце концов успеха. Конец дня и ночь прошли в беспрестанном бою, и, как всегда в подобном критическом положении, возникали всевозможные слухи. Гарни-зон неприятельского укрепления яко бы состоит из южно-афри-канских европейцев, выдающихся метких стрелков; некоторые будто бы точно разобрали их язык. И в данное время было еще действительно очень трудно представить себе ясную картину. Мой ординарец омбаши (ефрейтор) Раджабу немедленно приготовился к близкой разведке, подполз вплотную к неприятельской линии и там был убит. Чернокожие, вообще очень впечатлительные, нерв-ничали вдвойне ночью в таком критическом положении, и я не-однократно должен был серьезно ругать людей, когда они вслепую стреляли в воздух.

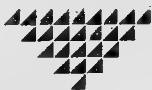
С утра 19 января огонь снова достиг большого напряжения. Противник, окруженный со всех сторон, сделал неудачную вылазку и скоро затем выкинул белый флаг. 4 индусские роты с европейскими офицерами попали в наши руки. Мы все обратили внимание на победоносный вид, с которым наши аскари смотрели на противника; я никогда не думал, чтоб наши черные могли иметь такой важный вид.

Обе стороны находились в тяжелом положении и были близки к истощению своей нервной энергии. Так обычно бывает в каждой серьезной борьбе — аскари поняли теперь, что нужно превозмогать первые затруднения для получения преимущества над противником, необходимого для победы. Потери неприятеля я оценивал, по меньшей мере, в 700 человек; захваченные бумаги давали ясное представление о его силах, которые больше чем вдвое превосходили наши собственные. Судя по документам, командующий войсками в Британской Восточной Африке генерал Тигхе, незадолго перед тем прибывший в Вангу, сосредоточил в Яссини и ее окрестностях свыше 20 рот, которые большей частью прибыли походным порядком вдоль побережья со стороны Момбасы. Они должны были наступать дальше в направлении на Тангу.

Отправка раненых из Яссини в лазареты Северной железной дороги прошла без задержек в несколько дней с помощью автомобилей и рикш, которые курсировали между полевым лазаретом Тотохову и Тангой. Эти рикши — небольшие двухколесные плетеные коляски, передвигаемые людьми, которые в Танге играют роль извозчиков, — были реквизированы санитарными офицерами для транспорта раненых. Неприятель отошел в свой укрепленный лагерь, севернее государственной границы, новое нападение на который обещало мало успеха. У Яссини был оставлен небольшой отряд из нескольких рот для противодействия деятельности патрулей, которая немедленно возобновилась. Главная масса войск была опять переброшена обратно в область Килиманджаро.

По дороге к пункту посадки на Северную железную дорогу войска должны были пройти через плантацию Амбони. Здесь жители Танги приготовили из своих запасов пищу и освежающие напитки. После чудовищных трудов, перенесенных во время операции у Яссини, длительных и усиленных переходов при уничтожающей жаре и после боев, происходивших днем и ночью, неболь-

шой серный ручей Сиги быстро покрылся сотнями белых и черных купающихся фигур. Все лишения были забыты, и настроение поднялось до высшего предела, когда как раз в этот момент после продолжительного перерыва снова были получены по беспроволочному телеграфу вести с родины. Они показали нам, что сообщение о боях у Танги только теперь было получено в Германии, и содержали благодарность за достигнутый успех.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

МАЛАЯ ВОИНА И НОВЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

(Февраль — июнь 1915 года)

(Чертежи VII и VIII)

Позднее из захваченных бумаг выяснилось, что противник предпринимает передвижение войск от озера Виктории к Килиманджаро. Таким образом, бой у Яссини действительно облегчил положение других далеко расположенных областей. Эти сведения лучше всего подтверждали первоначальную мысль, что сильный удар по противнику в одном пункте представляет в то же время лучшую защиту также и остальной колониальной территории; при этом вопрос об энергичной обороне других пунктов колониальной области имел второстепенное значение. Несмотря на это, я с радостью приветствовал согласие губернатора, в феврале 1915 года, отдать приказ, по которому прибрежные пункты должны оказывать сопротивление при угрозе со стороны неприятеля.

Прежние удачные столкновения показали, что такое местное сопротивление может быть небезуспешным даже против огня судовых орудий.

Наш удар, произведенный 9 ротами, хотя и привел у Яссини к полному успеху, но показал мне, что такие тяжелые потери, которые мы понесли, могут быть терпимы только в исключительных случаях. Мы должны были беречь наши силы, чтобы выдержать длительную войну. Из кадровых офицеров пали майор Кеплер, обер-лейтенанты Шпалдинг и Герлих, лейтенанты Кауфман и Эрдман, а капитан фон-Гаммерштейн умер от своей раны.

Нельзя было возместить потерю этих солдат по призванию, которые составляли примерно седьмую часть всех наличных кадровых офицеров.

Точно так же расход в 200.000 патронов показал мне, что с имеющимися средствами я смогу, самое большее, провести еще три подобных сражения. На первый план настоятельно выступила

необходимость только в исключительных случаях наносить крупные удары, а вместо них вести, главным образом, малую войну.

Основная мысль о постоянных набегах на Угандскую железную дорогу могла быть опять выдвинута, тем более, что здесь все равно нельзя было вести операции крупными войсковыми частями. Достигнуть железной дороги можно было только после многодневного перехода через обширную степь, бедную водой и слабо населенную, где, кроме случайной охотничьей добычи, было очень мало продовольствия. Приходилось нести с собой не только запасы продовольствия, но и воду. Уже это одно ограничивало численность действующего отряда. Для такой экспедиции через бедные местными средствами и водой области от войск требуется много опыта, которого в тогдашний период войны еще не могло быть налицо. Для перехода через эту степь было слишком много даже роты, и если бы она после многих дней марша достигла все-таки Угандской железной дороги, то ей пришлось бы опять повернуть назад, так как нельзя было организовать правильный подвоз продовольствия. Со временем эти условия улучшились, благодаря большему опыту войск и постепенно растущему знакомству с местностью, которая, в сущности, сначала была совершенно неисследованной областью.

Таким образом, ничего не осталось другого, как достигнуть намеченной цели мелкими отрядами — патрулями. В дальнейшем эти патрули ценились очень высоко. Из Энгаре-Нейроби маленькие смешанные отряды, от 8 до 10 человек европейцев и аскари, огибали лагеря противника, который продвинулся до Лонгидо, и действовали на его сообщениях с тылом. Благодаря добыче, взятой у Танги, мы располагали телефонными аппаратами; эти отряды включали их в английские телефонные провода и выжидали, пока мимо не проходили большие или меньшие неприятельские отряды или транспорты, запряженные быками. С 30 метров противник обстреливался из засады, брались пленные и добыча, и патруль исчезал снова в бесконечной степи.

Таким образом, добывалось в то время оружие, патроны и всякого рода военное снаряжение.

Один из этих патрулей установил у горы Эрок, что противник всегда в определенное время гоняет своих верховых лошадей на водопой. Быстро собрались десять наших кавалеристов и после двухдневного путешествия верхом через степь залегли вблизи не-

приятеля. 6 человек вернулись назад с лошадьми, остальные четверо произвели разведку, взяли затем каждый по седлу и прокрались в нескольких шагах от неприятельских постов к расположенному за лагерем водопою. Английский солдат гнал табун, как вдруг из кустов вышли два наших разведчика-кавалериста с ружьями на изготовку и крикнули: «Hands up» (руки вверх). От изумления у него изо рта выпал свисток. Тотчас же к нему обратились с вопросом: «где находятся недостающие лошади?» Дело в том, что наш добросовестный патрульный заметил в табуне только 57 голов, в то время как накануне он насчитал больше 80 лошадей. Оказалось, что они были отправлены в тыл. Быстро были оседланы лошадь-вожак табуна и несколько других лошадей, на которых вскочили, и наши быстро понеслись карьером кругом неприятельского лагеря по направлению к немецким постам

Точно так же и в пленном англичанине, который вынужден был вместе с остальными проделать это путешествие, сидя, не совсем удобно, прямо на скользкой спине лошади, проснулся прирожденный спортивный дух его народа. Полный юмора, он воскликнул: «Я, право, хотел бы увидеть, какое лицо теперь у моего капитана», и, когда животные счастливо прибыли в немецкий лагерь, он сказал: «это было чертовски ловкое дело».

Полученная таким образом добыча, вместе с известным числом захваченных лошадей и мулов, позволила выставить вторую конную роту. Обе имевшиеся теперь конные роты, которые состояли частью из европейцев и частью из аскари, были сведены вместе. Это мероприятие вполне себя оправдало. Оно дало нам возможность посылать сильный партизанский отряд в продолжительные рейды по обширным степным областям, лежащим к северу от Килиманджаро, и, кроме того, проникать до Угандской и Магадской железных дорог, разрушать мосты, нападать на железнодорожные посты, подкладывать мины под железнодорожное полотно и производить всякого рода внезапные нападения на путях сообщения в районе между железной дорогой и неприятельскими лагерями. Мы тоже несли потери. Один из патрулей произвел вблизи Магадской железной дороги блестящее огневое нападение на две индусских роты, но затем потерял от неприятельского огня своих верховых лошадей, которые были оставлены за прикрытием; длинный 4-дневный обратный путь через степь ему пришлось сделать пешком и без продовольствия. К счастью, люди достали в одном из

массейских кроалей * молоко и немного мяса; позднее их спас от голодной смерти убитый слон. Однако, вместе с успехом росла также и предприимчивость, и просьбы о разрешении возможно скорее отправиться в поиски, верхом или пешком, стали многочисленны.

Другой характер носили патрули, которые из области Килиманджаро высылались, главным образом, в восточном направлении. Они двигались в течение многих дней пешком сквозь густой кустарник. Патрули, разрушавшие железные дороги, были большей частью слабы: один или два европейца, от двух до четырех аскари и 5— 7 носильщиков. Им приходилось пробираться через неприятельское охранение, и их часто выдавали туземные шпионы. Несмотря на это, они большей частью достигали цели и иногда бывали в пути более двух недель. Для такого небольшого числа людей одно убитое животное или незначительная добыча представляли тогда существенную помощь в отношении продовольствия. Несмотря на это, лишения и жажда при нестерпимой жаре были так велики, что много раз люди умирали от жажды. Плохо обстояло дело, когда кто-нибудь заболевал или был ранен; часто, несмотря на все желание, не было никакой возможности его транспортировать. Переноска тяжело раненых от Угандской железной дороги через всю степь до немецкого лагеря, если это случалось, представляла неимоверные трудности. Это понимали и цветные, и бывали случаи, когда раненый аскари в полном сознании, что он безнадежно погиб и оставлен на съедение многочисленным львам, не жаловался, когда приходилось его раненого бросать в кустах, а, наоборот, передавал товарищам оружие и патроны, чтобы, по крайней мере, не дать им погибнуть.

Эта патрульная деятельность все более и более совершенствовалась. Росло знакомство со степью, и рядом с патрулями, которые действовали скрытно, избегали столкновений и взрывали железные дороги, развивали деятельность боевые патрули. Они, из 20—30 и больше аскари, иногда вооруженные одним или двумя пулеметами, искали неприятеля и старались нанести ему потери в бою. При этом в густом кустарнике доходило до таких близких и неожиданных столкновений, что наши аскари иногда буквально перепрыгивали через лежащего противника и таким образом снова

* Кроаль — туземный поселок с обширными огороженными местами для загона скота.

появлялись у него в тылу. Влияние этих предприятий на самодеятельность и готовность к бою было у европейцев и цветных так велико, что трудно было бы найти армию с лучшим боевым духом.

Правда, приходилось считаться с известными недочетами. При малом количестве патронов мы не могли достигнуть такой высокой степени стрелкового совершенства, чтобы действительно уничтожить противника в тех случаях, когда мы ставили его в тяжелое положение.

Наша техника также не оставалась без дела. Ловкие фейерверкеры и оружейные мастера непрестанно изготовляли, совместно с заводскими инженерами, аппараты, годные для порчи железных дорог. Некоторые из этих механизмов взрывались в зависимости от того, как они были установлены, или сразу, или же после того, как по ним проехало определенное число осей. При помощи последнего устройства мы рассчитывали на разрушение паровозов, так как англичане, в виде мер охраны, ставили перед ними один или два вагона, нагруженные песком. В качестве взрывчатого материала на плантациях имелся в большом количестве динамит, но гораздо более действительными оказались захваченные при Танге подрывные патроны.

В апреле 1915 года неожиданно пришло известие о прибытии вспомогательного судна. При входе в бухту Манза, севернее Танги, оно подверглось погоне со стороны английского крейсера, было обстреляно, и командир был вынужден его потопить. Хотя в следующие недели удалось почти полностью спасти столь драгоценный для нас груз, но, к сожалению, оказалось, что патроны были сильно попорчены морской водой. Порох и капсюли разрушались все более и более, и, благодаря этому, росло число осечек. Нам не оставалось ничего другого, как только разобрать наличные боевые припасы, вычистить порох и отчасти вставить новые капсюли. К счастью, последние нашлись на территории колонии, хотя и другой конструкции; таким образом, в Неймоши в течение месяца все аскари и носильщики, каких только можно было собрать, были заняты с утра до вечера восстановлением патронов. Прежний запас исправных патронов был оставлен исключительно для пулеметов, а из переснаряжаемых огнестрельных припасов те патроны, которые давали около 20% осечек, употреблялись для боевых целей, другие же, с большим процентом осечек, — для обучения.

Прибытие вспомогательного судна вызвало сильное воодушевление, так как показало, что действительно еще существует связь между нами и родиной. Все с напряженным вниманием слушали рассказы командира, лейтенанта флота Христиансена, когда последний, после выздоровления от своей раны, прибыл ко мне в Неймоши. Сильные бои на родине, готовность жертвовать собой и безграничный дух предприимчивости, которые направляли военные действия немецких войск, нашли отклик также и в наших сердцах. Многие из тех, кто повесили голову, приободрились, так как услышали, что можно совершать дела совершенно, по-видимому, недостижимые, когда для этого имеется решительная воля.

Другим средством влиять на дух войск являлась практика производств. Вообще я мог проводить производства не выше унтер-офицерского чина, в то время как право производства в офицеры, во многих случаях вполне заслуженное, мне, конечно, не было предоставлено. В каждом отдельном случае очень строго взвешивалось, имелся ли действительно налицо подвиг. Таким образом избегали незаслуженных производств, которые очень неблагоприятно отражаются на моральном состоянии частей. В общем мы были вынуждены влиять на моральные факторы наградами меньше, чем другим способом. Военных орденов мы почти что совершенно не видели и должны были возбуждать и поддерживать не личное честолюбие отдельных бойцов, но настоящее чувство долга, продиктованное любовью к родине, и все более укреплявшееся со временем чувство товарищества. Может быть, именно то обстоятельство, что это длительное и чистое побуждение к действиям не было омрачено другими мотивами, как раз и давало европейцам и аскари отвагу и силу размаха, которой до конца отличалась колониальная армия.

Англичане у Килиманджаро не бездействовали. Утром 29 марта с горы Ольдоробо, в 12 километрах восточнее Таветы, занятой немецким офицерским постом, по телефону сообщили о нападении двух индусских рот. Капитан Кель и австро-венгерский обер-лейтенант фон-Унтеррихтер немедленно выступили походным порядком из Таветы и с двух сторон так энергично атаковали эти роты, засевшие на крутых скатах горы Ольдоробо, что отступивший противник оставил на месте около 20 человек и в наши руки попал один пулемет и 70.000 патронов. Другие операции велись

противником вдоль Тсаво на северо-восток от Килиманджаро. Эти действия развивались из сильно укрепленного и занятого несколькими ротами лагеря Мзима, расположенного у Тсаво. Разыгравшиеся северо-восточнее Килиманджаро стычки патрулей проходили для нас во всех отношениях удачно. Точно так же и молодые аскари из отряда Ромбо, силой в 60 человек, который получил свое название от миссии, расположенной у восточного Килиманджаро, безгранично доверяли своему начальнику, более чем 60-летнему обер-лейтенанту фон-Боку. Я вспоминаю, как один раненый, который пришел от него в Неймоши и сделал мне донесение, отказался от лечения, чтобы не терять времени для возвращения к своему начальнику. В некоторых боях, иногда против двух неприятельских рот, эта молодежь отбрасывала неприятеля, и оказалось, что вокруг этих боев у англичан сложились легенды. Британский главнокомандующий письменно жаловался мне, что в этих боевых столкновениях принимает участие немецкая женщина, которая отличается жестокостью.

Это заявление не имело, конечно, никакого основания и только показало мне, до какой степени нервничали в неприятельской главной квартире.

Несмотря на большую добычу у Танги, было ясно, что при предстоящей продолжительной войне запасы нашей колонии должны истощиться. Цветные в Неймоши сразу начали носить шелковые материи: это ни в коем случае не было признаком особенной роскоши, а попросту пришли к концу запасы индусских лавок в отношении хлопчато-бумажной ткани. Мы серьезно должны были подумать о том, чтобы самим создать что-нибудь новое и превратить имеющийся в большом количестве сырой материал в готовые фабрикаты. Развернулась своеобразная деятельность, напоминающая своим творчеством какого-нибудь Робинзона. Хлопковые поля имелись в большом количестве. Раздобыли популярные книги, говорившие о забытом искусстве ручной пряжи и ткани; белые и черные женщины пряли вручную; на миссиях и у частных ремесленников устраивались прялки и ткацкие станки. Скоро, таким образом, была получена первая годная хлопчато-бумажная ткань. Корень дерева, известного под названием ндаа, был признан после испытания наилучшим среди различных красящих средств и придавал этой ткани коричнево-зеленоватый цвет, который не выделялся ни в траве, ни в кустарнике и был особенно

пригоден для военного обмундирования. Добываемый из деревьев каучук обрабатывался серой, и таким образом получилась резина, годная для автомобильных и велосипедных покрышек. В районе Морогоро некоторым плантаторам удалось добыть из кокосов похожее на бензин вещество, названное треболь и годное для моторов и автомобилей. Как в прежние времена, изготовлялись свечи из сала и воска в домашнем хозяйстве и в войсках, варилось мыло. Точно так же многочисленные заводы на плантациях Северной области и вдоль Танганайкской железной дороги были преобразованы для удовлетворения жизненных потребностей.

Особенно важно было изготовление обуви. Сырой материал доставляли многочисленные шкуры скота и диких животных, а дубильный материал — мангровые заросли морского побережья. Уже в мирное время миссии изготовляли хорошие сапоги; теперь их деятельность была расширена, и, кроме того, войска также устраивали большие дубильни и мастерские. Во всяком случае прошло некоторое время, пока запасы смогли в достаточной мере удовлетворить настойчивые и необходимые потребности войск, особенно в отношении буйволовых шкур, необходимых для подошвенной кожи. Таким образом, историческая борьба за коровью шкуру вновь возродилась в восточно-африканских условиях. Первые сапоги, изготовленные в большом количестве, происходили из Танги. Хотя их первоначальная форма и нуждалась в улучшении, но они все-таки защищали ноги наших белых и черных солдат во время похода и патрульных действий в колючих зарослях пори, где упавшие на землю шипы впивались в ногу. Все мелкие начинания в области изготовления пищевых продуктов, существовавшие уже на плантациях еще в мирное время, теперь широко развились благодаря войне и необходимости снабжения больших масс людей. На некоторых фермах Килиманджаро изготовлялось в большом количестве масло и отличный сыр, а работа бойни в окрестностях Вильгельмсталя едва могла удовлетворять потребность в колбасе и обычных копченых изделиях.

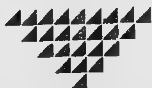
Можно было предвидеть, что столь важный для поддержания здоровья европейцев хинин скоро истощится и что потребность в нем не сможет быть покрыта одной только добычей. Таким образом, имело большое значение то, что удалось в биологическом институте Амани, в Узамбаре, организовать производство хороших хинных лепешек из добытой на севере коры хинного дерева.

Необходимая для движения подвод и автомобилей постройка дорог повела к устройству постоянных мостов. Призванный в армию инженер Рентелль построил из камня и бетона западнее Неймоши мост с крепкими устоями через Кикаду, отличающуюся быстрым течением. В период дождей, т.-е. особенно в апреле, никакой деревянный мост не мог бы выдержать напора водяных масс в крутом русле, глубиной, вероятно, в 20 метров.

Усердно работали также и над организацией войск. Передачей имевшихся в стрелковых ротах в большом количестве европейцев в роты аскари покрывалась убыль здесь европейцев; аскари же помещались в стрелковые роты. Таким образом, полевые и стрелковые роты сделались одинаковыми по составу и, в течение 1915 года, однородными. В Муанзе, Кигоме, Бисмаркбурге, Линди, Нейлангенбурге и в других местах образовались под различнейшими названиями мелкие войсковые соединения, об существовании которых командование узнавало большей частью только после довольно продолжительного времени. Эти формирования также постепенно были реорганизованы в роты; таким образом, в течение 1915 года число полевых рот постепенно возросло до 30, стрелковых рот — до 10 и остальных соединений, силой в роту, — приблизительно до 20; в общем, таким образом было достигнуто наибольшее число в 60 рот. При ограниченном числе годных к службе европейцев и надежных аскари было нежелательно увеличивать дальше число рот, — тогда фактически имелись бы соединения без всякой внутренней устойчивости.

С целью увеличить общее число бойцов, штат роты был увеличен с 160 до 200 аскари, и ротам было разрешено иметь аскари больше этого штата. Роты иногда сами обучали своих рекрут. Но главная масса пополнения аскари шла из устроенных в населенных областях Таборы, Муанзы и Северной железной дороги рекрутских депо, которые в то же время составляли местную охрану и обеспечивали порядок. Однако, при большом числе вновь выставленных рот рекрутские депо не могли давать столько пополнения, чтобы довести сплошь все роты до штатного состава в 200 человек. Наивысшая численность выставленных войск была достигнута в конце 1915 года и составляла 2.998 европейцев и 11.300 аскари, считая в том числе моряков, тыловые учреждения, лазареты и полевую почту. Насколько были необходимы все эти военные приготовления, показало полученное в конце июня 1915 г.

известие, что из Южной Африки на театр военных действий в Восточной Африке должен прибыть генерал Бота с 15.000 буров. Эта новость с самого начала казалась очень правдоподобной. Отрывочные переговоры по беспроволочному телеграфу и немногие сообщения о событиях внешнего мира отмечали, что обстановка в юго-западной Африке складывается для нас неблагоприятно и что находящиеся там британские войска будут, вероятно, в ближайшее время использованы в другом месте.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В ОЖИДАНИИ БОЛЬШОГО НАСТУПЛЕНИЯ НЕПРИЯТЕЛЯ. ЭНЕРГИЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОСТАЮЩЕГОСЯ ВРЕМЕНИ

(Июнь — декабрь 1915 года)

(Чертежи IV и VI)

Сначала казалось, что ожидаемое выступление южно-африканцев не состоится, так как англичанин пытался, повидимому, одолеть нас без их помощи собственными силами. В июле 1915 года он сделал нападение на колонию в различных пунктах. Восточнее озера Виктории появились организованные и руководимые англичанами большие банды массаев, как полагали — в несколько тысяч, которые напали на богатые скотом области немецких вассукума. Однако, когда дело касается увода скота, вассукума не понимали шуток и оказывали всякую помощь нашим слабым постам. Они набросились на массаев, снова отбили у них захваченный скот и в знак того, что они «говорят правду», сложили перед нашей полицейской станцией 96 отрезанных массайских голов.

В области Килиманджаро неприятель в значительных силах повел наступление против нашей главной группы войск. Чтобы, с одной стороны, осуществить действительную защиту Узамбарской железной дороги и ее богатых плантациями областей, а с другой стороны, сократить путь наших патрулей к Угандской железной дороге, из Таветы был выдвинут отряд из 3 рот к Мбуджуни, что в одном усиленном переходе восточнее Таветы. В одном дневном переходе к востоку находился прочно занятый и укрепленный английский лагерь Макатау на большой дороге, которая вела от Неймоши через Тавету, Мбуджуни, Макатау, Буру к Вой на Угандской железной дороге. Неясные слухи дали повод предполагать, что из Вой можно ожидать новых больших операций.

14 июля в степи Макатау, покрытой редким колючим кустарником, появилась неприятельская бригада под начальством гене-

рала Маллесона. Огонь полевой батареи по стрелковым окопам наших аскари был мало действителен, но превосходство противника (семь против одного) было все-таки настолько велико, что наше положение стало критическим. Неприятельская европейская конница охватила наш левый фланг. Заслугой обер-лейтенанта Штейнгейзера, который впоследствии был убит, является то, что он вместе с доблестной 10 полевой ротой, получившей боевой опыт еще под Лонгидо, не отступил, несмотря на отход соседних рот. Как раз в критический момент в тыл неприятельским охватывающим частям вышел патруль тоже убитого позднее обер-лейтенанта фон-Левинского, который сразу двинулся на шум боя и совершенно парализовал опасный для нас охват. Английские войска, европейцы и индусы, смешанные вместе с аскари, очень храбро атаковали наш фронт в местности, дающей мало закрытия. Однако, неудача английского охвата закончилась их поражением с потерей в 200 человек. На вокзале в Неймоши я по телефону следил за ходом боя и таким образом в отдалении пережил все напряжение, от неблагоприятного сначала положения до полной победы.

Этот успех и значительная добыча снова подняли дух предприимчивости наших европейцев и аскари. Только теперь, строго говоря, наступил период, когда, опираясь на прежний опыт и приобретенную ловкость, развились непрерывные поиски боевых патрулей и попытки взрывов железной дороги. По позднейшим сообщениям английского коменданта линии, было достигнуто в общем до 35 удачных разрушений железной дороги.

Захваченные фотографии и данные разведки подтверждали наше предположение, что противником действительно строится железная дорога от Вой до Макатау, которая, благодаря своей досягаемости и своему значению, представляла отличную цель для действий наших патрулей. Постройка этой важной дороги показала, что готовится нападение большими силами и именно в этом пункте области Килиманджаро. Таким образом, здесь можно было ожидать появления южно-африканцев. Надо было укрепить противника в этом намерении для того, чтобы южно-африканцы действительно были сюда переброшены, и притом в возможно большом количестве, и, таким образом, были бы использованы далеко от других более важных театров военных действий. Поэтому предприятия против Угандской железной дороги

велись с крайним напряжением. Однако, при создавшейся в то время обстановке эти операции могли состоять, главным образом, из мелких патрульных действий и только в исключительных случаях из столкновений целых рот.

Более близкое знакомство с степью между Угандской железной дорогой и англо-германской границей показало, что из различных круто поднимающихся над равниной горных вершин массив Касигао был богат водой и порядочно населен. При удалении всего только 20—30 километров от Угандской железной дороги Касигао должно было образовать удобно расположенный опорный пункт для партизанских действий. Еще раньше патруль обер-лейтенанта Гроте сыграл шутку над небольшим англо-индусским лагерем, расположенным на середине ската горы. Стрелки его патруля окружили обнесенный каменной стеной лагерь и открыли очень удачный огонь с более высокой части горы прямо по лагерю. Очень скоро неприятель выкинул белый флаг, и английский офицер и около 30 индусов сдались. Части сил неприятеля удалось уйти на гору и обстрелять наш патруль во время отхода. Только в этот момент мы понесли потери в несколько раненых, среди которых был также и санитарный офицер. Неприятельский пост у Касигао был обстрелян также при случае и огнем 6-см. орудия.

К концу 1915 года неприятель был снова атакован у Касигао, где он к тому времени устроил свой лагерь. Немецкий боевой патруль под командой обер-лейтенанта фон-Руктешеля всю ночь напролет, в течение 9 часов, карабкался на крутую гору и, порядочно изнуренный, расположился вблизи неприятельского укрепления. Второй действующий совместно с патрулем Руктешеля патруль под начальством обер-лейтенанта Гроте несколько отстал вследствие болезни и утомления этого офицера. Обер-лейтенант фон-Руктешель послал к неприятелю парламентера, старого солдата из чернокожих, с предложением сдаться и наблюдал, что наш аскари был очень сердечно встречен, так как он нашел там между английскими аскари нескольких своих хороших знакомых. Но, несмотря на всю любезность, противник отклонил сдачу. Наше положение вследствие большого изнурения и недостатка в продовольствии было критическим. Если вообще нужно было что-нибудь предпринять, то следовало действовать немедленно. К счастью, неприятель в своем укреплении не выдержал огня наших пулеметов и последовавшего затем наступления; он был уничтожен, и

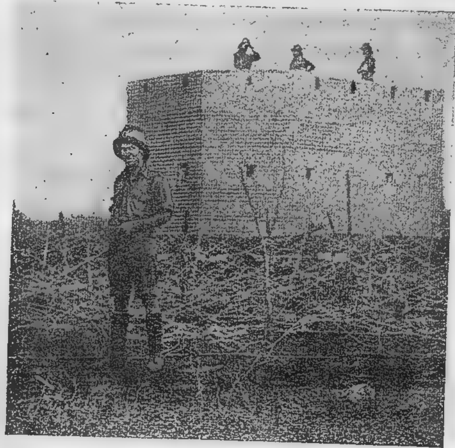
большая часть его убегающих людей разбилась при падении с крутых скал. Кроме большого количества продовольствия и одежды, было захвачено также и ценное палаточное оборудование. Чувство взаимной связи, которое наши аскари испытывали по отношению к нам, немцам, и которое сильно развивалось благодаря многочисленным совместным предприятиям, привело в этом случае к своеобразной сцене. После ночного восхождения на Касигао, которое шло через скалистые утесы и колючие заросли, один аскари заметил, что обер-лейтенант ф.-Руктешель до крови расцарапал себе лицо. Он тотчас же взял свой чулок, который, вероятно, не менял дней шесть, и вытер им лицо своему «Бвана» (обер-лейтенанту). Слегка удивленный вопрос последнего он предупредил словами: «Это военный обычай; это делается только для своих друзей».

Для того, чтобы на месте разобраться в положении вещей и ускорить предприятия против Касигао, я отправился по железной дороге до Саме, оттуда в автомобиле к миссии Гонджа и затем частью на велосипеде, частью пешком в направлении на Касигао к немецкой границе, где у источника воды стояла лагерем наша рота. Связь посредством гелиографа и посыльными оттуда на Касигао действовала удовлетворительно, и, таким образом, можно было закрепить одержанный при Касигао успех. Немедленно были стянуты войска, и несколько рот продолжали занимать Касигао до появления южно-африканцев. Однако, подвоз туда продовольствия производился с большим трудом. Несмотря на то, что немецкая область западнее Касигао была богата местными средствами, она не могла обеспечивать продолжительное время продовольствием такую большую войсковую массу, численность которой, вместе с носильщиками, определялась примерно в 1.000 человек.

Затем я отправился на автомобиле вокруг гор южного Паре по проложенной заблаговременно еще в мирное время шоссейной дороге. Постройка этой дороги была приостановлена ввиду недостатка средств, и кучи щебня лежали годами без использования по обе стороны дороги. Трубы, проложенные под полотном дороги для стока воды, были по большей части в хорошем состоянии. Требовалась незначительная работа, чтобы укрепить эту дорогу и сделать ее годной для грузовых автомобилей. Перевозка грузов от Буйко на Северной железной дороге производилась автомоби-

лями до Гонджи и оттуда дальше на Касигао носильщиками. Телефонный провод до границы уже проводился, и через несколько дней связь была установлена.

Патрули, выдвигаемые с Касигао, имели многочисленные столкновения с неприятельскими отрядами, а также производили разрушения на Угандской железной дороге. Однако, в дикой скалистой и густо поросшей колючим кустарником местности передвижения производились с такими большими затруднениями, что Касигао не вполне оправдало свое назначение служить опорным пунктом для партизанских действий до прибытия южно-африканцев. Но, вместе с тем, вследствие постоянной угрозы железной дороге, противник был, по крайней мере, вынужден принять обширные меры к ее защите. По обе стороны железной дороги были расчищены широкие полосы, которые с внешнего края были огорожены сплошной засекой из колючего кустарника. Затем, примерно через каждые два километра были устроены крепкие, снабженные искусственными препятствиями блокгаузы, или укрепления, из которых патрули должны были постоянно обследовать железнодорожное полотно. Наготове держались особые отряды, силой в роту или больше, для немедленной переброски в специальных поездах при получении сообщения о нападении на какой-либо пункт железной дороги. Кроме того, в нашу сторону были выдвинуты прикрывающие отряды, которые пытались отрезать наши патрули при их возвращении с железной дороги, как только об этом сообщали шпионы или посты, расположенные на возвышенных пунктах. На высотах юго-восточнее Касигао вплоть до берега моря и дальше в области прибрежных поселений, были также рас-

Английский блокгауз для защиты Угандской железной дороги.

положены английские лагери, против которых, в свою очередь, направлялись действия наших патрулей и летучих отрядов. Мы стремились непрерывно вредить противнику, заставить его принимать меры защиты и, таким образом, связать его силы здесь, в области Угандской железной дороги.

С этой целью были созданы от побережья до Мбуджуни (на дороге Тавета—Вой) опорные пункты для наших боевых патрулей; в таком же направлении мы работали и в более северном районе. Неприятельский лагерь у Мзимы в верховьи реки Тсаво и его сообщения с тылом, шедшие вдоль этой реки, являлись постоянными предметами для наших предприятий, осуществляемых как патрулями, так и более крупными отрядами. Капитан Огар при выполнении подобного предприятия был застигнут врасплох со своей 13 ротой в густом кустарнике, юго-западнее лагеря Мзимы, тремя неприятельскими европейскими ротами вновь прибывшего 2 Родезского полка. Противник появился с разных сторон. Однако, ему, еще мало знакомому с условиями войны в кустарнике, не хватало необходимого единства в действиях. Благодаря этому нашей роте аскари посчастливилось сначала отбросить одну часть неприятеля, а затем, быстро приняв решение, разбить также и другую часть, которая появилась в тылу.

Точно так же и дальше к северу разыгрывались успешные для нас бои в кустарнике, где мы действовали силами около роты и наносили противнику, который часто превосходил нас числом, чувствительные потери. Севернее Энгаре-Лена особенно энергично работала притянутая из Линди 3 полевая рота, и ее боевые патрули доходили до Угандской железной дороги. Уже только то обстоятельство, что мы могли теперь производить быстрые походы отрядами в роту и больше среди лишенной местных средств и бедной водой степи, показывает, что войска сделали громадные успехи в этом способе ведения малой войны. Европеец понял, что многие крайне желательные для путешествия по тропическим областям удобства должны отпасть именно на войне и что в случае необходимости можно некоторое время обходиться услугами только одного носильщика.

Патрули должны были избегать предательского дыма от костров во время стоянок и брать с собой, по возможности, уже готовую пищу. Если же было необходимо варить, то это являлось особенно опасным в утренние и вечерние часы. Начальник

должен был тогда выбрать укрытое от взоров убежище и, во всяком случае, переменить после приготовления пищи место стоянки, перед тем, как расположиться на ночлег. Полная защита от москитов была невозможна при трудных условиях работы патрулей. Поэтому постоянно после возвращения обнаруживалось среди участников известное число случаев заболевания малярией. Однако, так как патрульная служба, несмотря на постоянный урон, наносимый неприятелю, требовала сравнительно мало людей, то только часть рот должна была находиться в передовой линии. После нескольких недель каждую роту отводили в тыл для отдыха в лагерь, расположенный в здоровой местности. Европейцы и аскари могли отдохнуть от чрезмерных лишений, возобновить свою подготовку и укрепить дисциплину.

К концу 1915 года недостаток воды в лагере Мбуджуни был настолько велик, а доставка продовольствия стала настолько затруднительна, что там оставили только пост, а остальной отряд был оттянут назад на запад в район горы Ольдоробо. Неприятельский же лагерь Макатау между тем все время увеличивался. Царило оживленное движение поездов, и было ясно видно, как в западном направлении создавалась большая насыпь для дальнейшего проведения железной дороги. Хотя наши патрули часто имели здесь случай нанести противнику потери при его работах и охране последних, постройка железной дороги все-таки подвигалась вперед в западном направлении.

Приходилось принимать во внимание, что область Северной железной дороги может скоро попасть в руки неприятеля. Таким образом, следовало позаботиться о том, чтобы войсковые запасы Северного округа во-время были перевезены в безопасное место. Это не представляло затруднений, пока в нашем распоряжении находилось полотно железной дороги. В Неймоши и в Момбо была расположена большая часть наших запасов боевых припасов, обмундирования и санитарного имущества. Можно было рассчитывать, что машинное оборудование и части машин смогут быть перевезены по обыкновенным дорогам; поэтому их следовало возможно дольше использовать на месте и продолжать производство. Сообразно с неприятельским наступлением определилось направление нашего отхода, в общем, в южном направлении, и не только приготовления, но и сама перевозка должна была начаться не теряя времени, то-есть уже в августе 1915 года.

Поэтому комендант линии лейтенант Кребер предусмотрительно собрал с плантаций материал полевой железной дороги и в один день построил ветку полевой железной дороги от Момбо до Гандени. Вагонетки были тоже закуплены на плантациях, и после серьезного обсуждения было отдано предпочтение ручному способу передвижения перед паровозами. Таким образом, запасы севера полностью и своевременно были переброшены по железной

Английский наблюдательный пост в районе Угандской железной дороги.

дороге в Гандени. Там, если не считать нескольких повозок, перевозка возлагалась, главным образом, на носильщиков до Кимамбы на Центральной железной дороге. Однако, приходилось воздерживаться от перевозок, так как, несмотря на очевидные приготовления неприятеля для вторжения в область Килиманджаро, я все-таки считался с возможностью, что главные силы неприятеля, или, по крайней мере, значительная их часть, будут двинуты не у Килиманджаро, а в район Багамоджо—Даресалам.

К концу 1915 года неприятель продвинулся с постройкой железной дороги постепенно на запад. Чтобы воспрепятствовать этому, майор Краут с 3 ротами и 2 легкими орудиями укрепился

на позиции на горе Ольдоробо. Эта гора подымалась среди ровной степи, покрытой колючим кустарником, в 12 километрах восточнее Таветы, на главной дороге и далеко господствовала над окружающей местностью во все стороны. Ее вырубленные отчасти в скалах укрепления в связи с многочисленными ложными сооружениями образовали опорный пункт, которым почти нельзя было овладеть. Недостатком позиции являлось абсолютное отсутствие воды. Хотя поступивший в армию колонист, лейтенант резерва Матушка, достиг хороших результатов в качестве разведчика воды у Таветы и открыл там отличные источники, но у Ольдоробо не нашли ни капли воды, хотя рыли в разных местах по его указанию на глубине более 30 метров. Поэтому воду к Ольдоробо приходилось возить из Таветы в маленьких тележках, запряженных ослами, и там собирать в бочки. Эта доставка воды была чрезвычайно тяжелым бременем для наших перевозочных средств. Замечательно, что неприятель и не подумал о том, чтобы расстроить подвоз воды и сделать таким образом невозможным для нас удержание Ольдоробо. Вместо этого, он, опираясь на строящуюся железную дорогу, продвинулся на 5 километров с востока к горе и построил там сильно укрепленный лагерь. Помешать ему в этом не удалось, так как, благодаря затруднениям в снабжении водой и перевозочными средствами, более крупные войсковые соединения могли только на время удаляться от Таветы. Неприятель, в свою очередь, покрывал свою потребность в воде посредством длинного водопровода, который начинался от источников горы Бура. Разрушение неприятельского водяного резервуара патрулями лейтенанта резерва Ститенкрона причинило противнику только временные затруднения.

В это время появились у противника и первые аэропланы и забросали бомбами наши позиции у Ольдоробо и у Таветы, а позднее также и Неймоши. 27 января 1916 года один из этих летчиков, возвращавшийся от Ольдоробо, был с успехом обстрелян нашей выдвинутой вперед пехотой и упал. Англичане объявили туземцам, что эти аэропланы — новый «Мунгу» (бог), но тем, что этот новый «Мунгу» был сбит и захвачен нами, он скорее послужил к усилению, чем ослаблению уважения к немцам.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ УЧАСТКИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ МАЛАЯ ВОЙНА НА ВОДЕ И СУШЕ

(В течение 1914—1915 года)

(Чертежи I и III)

При использовании главных сил армии в районе Северной железной дороги, нельзя было окончательно очистить остальные части колонии. Необходимо было обязательно держать в повиновении туземцев внутри страны, чтобы в случае надобности иметь возможность удовлетворять все повышенные требования в отношении носильщиков, возделывания земли, перевозки грузов и работ всякого рода. С этой целью 12 рота осталась в Махенге, а 2 рота в Иринге. На-ряду с их обычными задачами обе эти роты представляли из себя большие рекрутские депо, которые служили для заполнения образовавшихся на фронте дыр и в то же время давали возможность новых формирований.

Далеко оторванные от центра и не связанные с ним проводом, начальники отрядов на границах вполне правильно стремились предупредить неприятеля и напасть на него на его собственной территории. При недостатке связи у нас, эти боевые действия распадались на целый ряд одиночных предприятий, которые велись независимо друг от друга. Иначе обстояло дело у неприятеля; последний, повидимому, старался согласовать свои главные боевые операции с теми действиями, которые происходили в других местах границы.

В октябре 1914 года, то-есть перед боями у Танги, капитан Циммер сообщил из Кигомы, что на бельгийской границе находится около 2.000 человек; капитан Брауншвейг из Муанзы, — что на озере Виктория у Кизуму тоже сосредоточен очень сильный противник, что у Кизи около 2 рот и, кроме того, имеются еще части у Карунгу. По другим совершенно не связанным между собой све-

дениям от туземцев, в октябре в Момбасу прибыли индусские войска и были затем переброшены дальше в направлении на Вой. В округе Букоба английские войска наступали через Кагеру, а соседний пункт Умбулу сообщал о продвижении неприятельских войск в области Сонджо. Повидимому, это была подготовка к операциям, которые должны были быть согласованы с большим наступлением, направленным на Тангу в начале ноября 1914 года.

При недостатке в колонии средств связи было невозможно действовать против этих отдельных наступающих вдоль границы неприятельских отрядов нашими главными силами и быстро их перебрасывать по-очереди то против одного, то против другого противника. Поэтому мы должны были придерживаться основной идеи нашего плана ведения войны, а именно, из района Северной железной дороги сильно нажать на расположенного здесь неприятеля и таким образом облегчить также и другие участки, где велись военные действия.

Таким образом, в сентябре 1914 года от Иринги и Убены были передвинуты в область Нейлангенбурга главные силы Фалькенштейна, а также Ауман с частью второй роты. В марте 1915 года 26 полевая рота была переведена из Даресалама через Табору к Муанзе. В апреле 1915 года сосредоточение частей наприятеля в Марадрейке (восточнее озера Виктория) и у Бисмаркбурга побудило к дальнейшим требующим времени передвижениям войск из Даресалама через Муанзу к Марадрейку, а также через Кигому к Бисмаркбургу; последнее еще более замедлялось недостатком перевозочных средств на озере Танганайка, так как постройка в Кигоме парохода «Гецен» подвигалась очень медленно.

Вначале неприятельские действия были направлены, главным образом, на морское побережье.

В начале войны наш небольшой крейсер «Кенигсберг» вышел из гавани Даресалама и 20 сентября 1914 года застиг врасплох у Занзибара английский крейсер «Пегасус» и нанес ему серьезные повреждения. После этого появилось несколько крупных неприятельских крейсеров, которые усиленно разыскивали «Кенигсберг». 19 октября большой вооруженный катер подошел у Линди к укрытому в реке Лукуледи пароходу «Президент» Восточно-Африканской линии. Расположенные в Линди местные окружные части и запасная рота под командой капитана Огара как раз отсутствовали, для противодействия десанту противника, предполагавшемуся

у Микиндани, так что ничего нельзя было предпринять против вооруженного катера.

Только 29 июня 1915 года несколько неприятельских судов поднялись вверх по Лукуледи и взорвали находившийся там пароход «Президент».

«Кенигсберг» после удачных крейсерских набегов в Индийском океане укрылся в устьи Руфиджи. Но его стоянка была открыта противником. Река образовала здесь далеко разветвленную и очень закрытую дельту, острова которой заросли густейшим кустарником. Выходы из отдельных речных рукавов защищались отрядом «Дельта». Это был отряд колониальных войск, который состоял из моряков, добровольцев-европейцев и аскари всего около 150 ружей, несколько легких орудий и несколько пулеметов, — под командой капитана Шенфельда. Многочисленные попытки неприятеля прорваться легкими судами в устье реки постоянно отражались нами со значительными для него потерями. «Адъютант» — небольшой пароход, который англичане захватили, как ценный приз, и вооружили, был во время этих действий снова отбит у них и затем использован в качестве вспомогательного судна, на Танганайкском озере. Точно так же несколько английских аэропланов получили повреждения у устья Руфиджи. Заградительное судно, потопленное англичанами в северном рукаве Руфиджи, не достигло своей цели — запереть наш крейсер. Капитан Шенфельд искусным выбором места стоянки и своевременной переменой последней встречал постоянный обстрел судовых орудий противника, против которых он был бессилен бороться. В начале июля 1915 года англичане доставили к Руфиджи 2 мелкосидящих канонерских лодки, снабженных тяжелыми орудиями. 6 июля было произведено первое нападение 4 крейсеров, 10 других вооруженных судов и 2 речных канонерских лодок. Неприятельские суда с помощью аэропланов обстреляли «Кенигсберг», который стоял на якоре на реке. Нападение было отбито; но при его повторении 11 июля «Кенигсберг» сильно пострадал. Прислуга, обслуживавшая орудия, была выведена из строя. Тяжело раненый командир приказал выбросить замки от орудий через борт и взорвать крейсер. Сама по себе тяжелая, потеря «Кенигсберга» принесла, по крайней мере, ту пользу для боевых действий на суше, что личный состав и ценный материал поступили теперь в распоряжение колониальных войск.

Брошенные за борт части орудий были снова выловлены, и десять 10,5-см. орудий «Кенигсберга» были постепенно приспособлены к перевозке на сделанных в колонии лафетах. По указаниям командующего крейсером десять орудий «Кенигсберга» были полностью собраны и снова приведены в боевую готовность; 5 были установлены в Дaресаламе, по два — в Танге и Кигоме и одно — в Муанзе. Капитан флота Шенфельд, командовавший у устья Руфиджи, приказал использовать для перевозки несколько повозок, построенных для тяжелых грузов и находившихся на одной ближайшей плантации. Это орудия оказали большие услуги со своих закрытых позиций на суше, и, насколько мне было известно, ни одно орудие при таком способе использования не было повреждено, несмотря на неоднократный обстрел неприятельскими судами.

26 сентября 1915 года пароход «Вами» был ночью переведен из Руфиджи в Даресалам. В конце августа из Мозамбика в Линди прибыли на нескольких лодках люди с парохода «Цитен», чтобы поступить в армию.

10 января 1915 года на острове Мафия высадилось около 300 человек индусских и черных войск с пулеметами. Наша полицейская часть, состоявшая из 3 европейцев, 15 аскари и 11 новобранцев, в течение 6 часов оказывала упорное сопротивление, но затем вынуждена была сдаться после того, как выбыл из строя тяжело раненым командир, лейтенант резерва Шиллер, который с мангового дерева вел меткий огонь по противнику. Англичане решили занять Мафию несколькими сотнями людей и устроили также на соседнем меньшем острове наблюдательный пост.

Повидимому, отсюда же велась пропаганда среди туземцев. В ночь на 30 июля 1915 года у Кисинджу была задержана лодка с прокламациями.

О событиях у Даресалама, где 22 октября 1914 года командир одного из английских крейсеров объявил, что не считает себя связанным никакими договорами, уже говорилось выше.

Аэроплан, прибывший до объявления войны в Даресалам на выставку, был вскоре после открытия военных действий передан для обслуживания армии; однако, 15 ноября он разбился при несчастном случае у Даресалама. При этом погиб летчик оберлейтенант Геннебергер.

У Танги после больших боев в ноябре 1914 года было спокойно. 13 марта 1915 года наскочило на риф судно, но при мор-

ском приливе снова освободилось. Сразу же начали извлекать из воды 200 тонн угля, которые судно выбросило за борт.

Несколько рядов самодельных мин, которые могли быть взорваны с берега, не оправдали себя, и позднее выяснилось, что они пришли в негодность.

Обстрел различных пунктов побережья продолжался все время. 20 мая военный корабль обстрелял Линди после того, как было отклонено его требование о сдаче расположенных там войск. Точно так же 1 апреля 1915 года был обстрелян район южнее Паангани, затем 12 апреля остров Квале, а в ночь на 24 апреля дельта Руфиджи.

15 августа 1915 года перед Тангой появились «Гиацинт» и 4 сторожевых лодки. Наши два 6-см. орудия были быстро переброшены с места стоянки у Гомбези к Танге и вместе с легким орудием из Танги были 19 августа с успехом использованы, когда «Гиацинт», 2 канонерских лодки и 6 китоловных судов появились снова, уничтожили пароход «Маркграф» и обстреляли Тангу. Канонерская лодка получила два метких попадания, а одно из китоловных судов ушло с разбитым 4 удачными выстрелами бортом.

В области Сонджо, между Килиманджаро и озером Виктория, в течение этих месяцев неоднократно появлялись неприятельские патрули, и туземцы, казалось, готовы были выйти из повиновения. Фельдфебель Баст, посланный туда с патрулем, попал, вследствие вероломства населения Сонджо, в засаду и 17 ноября 1914 года был убит вместе с 5 аскари. При помощи карательной экспедиции призванного в армию чиновника округа Аруши, лейтенанта резерва Кемфе, население Сонджо было усмирено.

Только в июле 1915 года в этом районе дело опять дошло до столкновений патрулей, при чем в одной из стычек было убито 22 неприятельских вооруженных туземца. Затем, в конце сентября и начале октября 1915 года, патруль обер-лейтенанта Бюхселя совершил замечательное путешествие верхом через Сонджо в английскую область, не встретив противника, так как английский пост, который был, повидимому, предупрежден, уклонился от столкновения.

7 рота, расположенная в Букобе, у озера Виктории, и 14 рота — в Муанзе были связаны друг с другом радиотелеграфом. Господство на озере было, неоспоримо, в руках англичан, так как неприятель располагал здесь, по меньшей мере, 7 большими паро-

ходами. Однако, несмотря на это, наш маленький пароход «Муанза», так же как и другие более мелкие суда, мог сохранять большую свободу передвижения. В то время как резидент в Букобе майор фон-Штюмер прикрывал границу со своей полицией и при содействии войск дружественного нам Букобского султана, капитан Бок фон-Вюльфинген перешел с главными силами 7 роты из Букобы к Муанзе. Отсюда он в начале сентября 1914 года выступил со сводным отрядом, состоявшим из частей 7 и 14 роты, а также из Васукумских новобранцев и вспомогательных туземных воинов, по восточному берегу озера Виктории в северном направлении против Угандской железной дороги. 12 сентября у Кизи, по ту сторону границы, он отбросил отряд противника, но затем, получив сведения о движении других неприятельских отрядов, отошел к югу. Таким образом, для защиты границы восточнее озера Виктории остались только слабые отряды.

Ведение войны в районе озера Виктории было для нас очень тяжело. Постоянно существовала опасность, что неприятель высадится у Муанзы или в другом пункте южного побережья, захватит область Васукуму и будет угрожать Таборе, древней столице страны. Если бы наши войска остались в районе Муанзы, то опасность угрожала не только областям вокруг Букобы, но и Руанде. Больше всего шансов на успех у озера Виктории могло иметь активное ведение военных действий объединенных общим руководством. Однако, провести такой план было не особенно легко, так как наиболее подходящий для этого руководитель майор фон-Штюмер был связан своей деятельностью в качестве резидента с округом Букоба, в то время как именно Муанза имела более важное значение.

В конце октября 1914 года попытка перебросить на лодках часть войск от Муанзы снова к Букобе кончилась неудачно, вследствие появления у Муанзы вооруженных английских судов. Очевидно, неприятель расшифровал наши переговоры по радиотелеграфу и принял соответствующие меры. Экспедиция из Муанзы для поддержки Букобы состояла из 570 ружей при 2 орудиях и 4 пулеметах и была отправлена 31 октября 1914 года на пароходе «Муанза» с 2 буксирами и 10 туземными лодками. В тот же день утром эта флотилия была рассеяна неожиданно появившимися неприятельскими пароходами и вскоре снова собралась без потерь в Муанзе. Вслед за этим попытка англичан произвести высадку

у Каджензе оказалась безрезультатной, благодаря нашему противодействию; через несколько дней английский пароход «Сибиль» был найден разрушенным и потопленным у Маджиты.

20 ноября после 12-часового боя севернее Букобы отряд Штюмера отбросил английские войска, которые проникли на немецкую территорию, и затем снова нанес им поражение у Кифумбиро после их переправы через реку Кагеру. 5 декабря 1914 г. англичане безуспешно обстреливали со стороны озера Ширати, а 6 декабря — Букобу.

Мелкие патрульные стычки происходили постоянно восточнее и западнее озера Виктории. Более сильный удар неприятель попытался произвести 8 января 1915 года, когда он со стороны озера обстрелял 6 орудиями и пулеметами Ширати и высадил 2 индусских роты и большое количество европейской конницы. Обер-лейтенант фон-Гакстгаузен после 3½-часового боя отступил со своими 2 орудиями, ввиду превосходства противника. В следующие дни противник усилился до 300 европейцев и 700 индусов. Затем 17 января Гакстгаузен двумя пулеметами рассеял на границе 80 европейцев и 150 аскари, а 30 января противник снова очистил Ширати и ушел в море в направлении на Карунгу. Я думаю, что этот отход был вызван тяжелым поражением, которое в то время потерпел неприятель (18 января) у Яссини. Он, повидимому, считал необходимым снова подтянуть свои силы к Угандской железной дороге.

Западнее озера Виктории, на север от Кифумбиро, капитан фон-Бок напал на неприятельский пост, силой в 40 человек, и отбросил его назад, при чем противник потерял 17 человек убитыми.

1 марта 1915 года английские суда напали на пароход «Муанза» в проливе Ругези. «Муанза» получила течь и была подведена вплотную к берегу. Попытке противника ее увести помешал наш огонь, так что удалось на следующий день укрыть пароход и увести его в безопасное место в Муанзу, где он был исправлен. При трудности перебросок войск водой между Муанзой и Букобой общее руководство операциями было признано в дальнейшем нецелесобразным; командиры обоих округов были поэтому непосредственно подчинены командованию.

Попытки десанта со стороны англичан были отбиты нашими постами: 4 марта — в бухте Мари, 7 марта — у Укереве, 9 марта —

у Мусомы. У Ширати произошло одновременно несколько патрульных стычек, во время которых был убит командир обер-лейтенант Река, а наши патрули рассеяны. 9 марта обер-лейтенант фон-Гакстгаузен с сотней европейцев и аскари разбил у горы Майки во много раз превосходившего неприятеля; противник отошел, потеряв убитыми 17 белых и большое число аскари. У нас были убиты один европеец и 10 аскари, а 2 европейца и 25 аскари ранены; один раненый европеец был захвачен в плен. Кроме указанной выше 26 полевой роты, Муанза была усилена 100 аскари из области Букобы, которые прибыли туда 6 апреля.

В начале апреля были также обстреляны со стороны озера некоторые пункты восточного берега, и одновременно массеи сделали набег восточнее озера, убили миссионера и несколько туземцев и угнали скот. В средине апреля капитан Брауншвейг перешел из Муанзы с 110 европейцами, 430 аскари, 2 пулеметами и 2 орудиями к Марадрейку и усилил обер-лейтенанта фон-Гакстгаузена. В Муанзе осталось свыше 500 ружей.

4 мая по английскому пароходу в бухте Мари было сделано 3 метких выстрела из орудия 73 года, и это, очевидно, помешало десанту войск. 12 мая у Маджиты высадилось 30 человек, но уже 18 июня они опять ушли обратно и увезли с собой обломки «Сибилы».

Точно так же неприятель, силою в 900 человек, 20 мая опять очистил Марадрейку и укрепился на нескольких высотах по ту сторону границы. Обстрел побережья в этот период производился довольно часто.

Майор фон-Штюмер занимал с начала декабря 1914 года сильно растянутую позицию у Кагеры. Противник, оцениваемый примерно в 300 человек, постепенно оживлялся. Казалось, что он готовит материал для переправы через Кагеру; его суда часто показывались в бухте Санго.

На границе у Ширати в ночь на 5 июня 1915 года пост Бекер силою в 10 аскари был окружен 10 европейцами и 50 индусами 98 полка. В бою принял также участие вооруженный пароход. Однако неприятель был разбит и потерял убитыми 2 европейцев и 5 аскари.

Здесь можно упомянуть, что вооруженные неприятельские разведчики употребляли здесь на границе у Ширати также и отравленные стрелы.

21 июня англичане силою в 800 европейцев, 400 аскари и 300 индусов с 3 орудиями и 8 пулеметами напали, при поддержке огня вооруженных пароходов, на Букобу. Наш гарнизон, силою немногим более 200 ружей, очистил этот пункт после двухдневного боя. Неприятель его разграбил, разрушил станцию беспроволочного телеграфа и 24 июня снова ушел в направлении на Кизуму. Он понес тяжелые потери. По его показаниям, было убито 10 и ранено 22 европейца. Но с немецкой стороны наблюдали, как отчалил пароход с 150 убитыми и ранеными. Мы потеряли убитыми 2 европейцев, 5 аскари и 7 воинов вспомогательных частей и ранеными 4 европейцев и 30 цветных, а также одно орудие.

Из событий следующего периода следует упомянуть, что 18 июля 1915 года была безрезультатно обстреляна Букоба. В Мпороро на сторону англичан перешел сравнительно крупный туземный вождь. В Муанзу 12 сентября прибыло одно из 10,5-см. орудий с «Кенигсберга», и, кроме того, там постепенно было вновь сформировано 5 рот из людей племени Васукума.

Создавалось впечатление, что в отношении Букобы неприятель держится пассивно и передвигает оттуда войска к Кисенджи. 29 октября было отбито с безусловно большими потерями нападение на нашу позицию у Кагеры английского отряда силою около 100 ружей с пулеметами, одним орудием и одним минометом. Точно так же английские атаки 4 и 5 декабря нижней Кагеры оказались безуспешными. Несколько неприятельских отрядов вторглись в округ Карагве. Командование в Букобе принял в конце 1915 года капиан Гудовиус, который до этого момента был окружным чиновником в Пангани. Вместе с ним прибыла вновь сформированная 7 резервная рота для усиления гарнизона Букобы.

В Руанде решительные действия местного резидента капитана Винтгенса дали хорошие результаты. 24 сентября 1914 года он захватил врасплох остров Идшви на озере Киву и взял в плен тамошний бельгийский пост с его бронированной лодкой. Другая бронированная лодка была также взята обер-лейтенантом флота Вундерлихом, который вместе с несколькими матросами команды «Меве» перешел на реквизированной моторной лодке в озеро Киву. 4 октября севернее Кисенджи Винтгенс со своими полицейскими аскари, вспомогательными туземными частями и несколькими людьми «Меве» отбросил назад 4 бельгийские роты с тяжелыми потерями для неприятеля. Затем 20 и 30 ноября и 2 декабря 1914

года капитан Винтгенс после нескольких мелких столкновений нанес севернее Кисенджи частичное поражение превосходным силам бельгийцев в 1.700 человек при 6 орудиях. У озера Чахати он отбросил назад английский пост, при чем были убиты один англичанин и 20 аскари; наши потери — 2 убитых аскари, и один европеец был тяжело ранен.

Затем у Кисенджи и на границе в феврале 1915 года снова произошло несколько небольших столкновений. 28 мая лейтенант Ланг со своим маленьким гарнизоном в Кисенджи отбил нападение 700 бельгийцев с 2 пулеметами. Неприятель потерпел при этом тяжелые потери, у нас был убит один европеец.

В июне 1915 года в районе озера Киву было, повидимому, сосредоточено более 2.000 бельгийских аскари с 9 орудиями и 500 английских аскари; поездка бельгийского главнокомандующего Томбера к Киву говорит за правдоподобность этого сообщения. 21 июня нападение на Кисенджи 900 бельгийцев с 2 пулеметами и 2 орудиями было отбито. 5 июля в ночном нападении 400 бельгийцев на Кисенджи неприятель понес тяжелые потери. 3 августа Кисенджи было безрезультатно обстреляно орудиями и пулеметами. Вследствие подавляющего превосходства сил противника из Муанзы в Кисенджи была переведена 26 полевая рота.

Непосредственно после прибытия в Кисенджи 26 роты капитан Винтгенс 31 августа разбил бельгийские передовые посты, которые потеряли 10 аскари убитыми. 2 сентября он взял штурмом позицию, занятую 150 аскари с 3 орудиями и одним пулеметом. В течение следующих недель ежедневно происходили более мелкие столкновения. 3 октября у Кисенджи было отбито нападение 250 аскари с одним пулеметом, при чем у неприятеля наблюдались потери в 14 человек. Затем было установлено движение довольно сильных неприятельских частей на юг, быть может, вследствие боя у Лувунги 27 сентября.

22 октября снова был захвачен врасплох бельгийский передовой пост из 300 аскари с 2 орудиями, 2 пулеметами, при чем неприятель потерял убитыми 10 аскари. 26 ноября отряд Руанды и взвод прибывшей из Букобы 7 роты, в общем 320 ружий, 4 пулемета и одно 3,7-см. орудие, выбили неприятеля, силой в 200 человек, из укрепленной позиции, при чем он потерял 2 европейцев и 70 аскари убитыми, 5 аскари пленными и много ранеными. С нашей стороны были убиты один европеец и 3 аскари, ранено 4 евро-

пейца, 5 аскари и один воин вспомогательных войск. 21 декабря неприятель снова атаковал Кисенджи с 1.000 аскари, 2 пулеметами и 8 орудиями, в том числе 4 современных 7-см. гаубиц. Он оставил на месте 21 раненого аскари, 6 раненых было взято в плен, многочисленные раненые унесены. Наши войска, силой в 350 ружей, 4 пулемета и 2 орудия, потеряли 3 аскари убитыми и одного европейца и аскари тяжело ранеными.

12 января 1916 года капитан Винтгенс напал севернее Кисенджи на бельгийскую колонну, при чем было убито 11 бельгийских аскари. 27 января капитан Клингард с 3 ротами отбил нападение на позицию у Кисенджи 2.000 бельгийских аскари с ручными гранатами и 12 орудиями с тяжелыми для противника потерями.

В области Руссисси * было также много столкновений. 10 и 13 октября при Чангугу, 21 и 22 октября у Чивитоке, 24 октября у Каджагги произошли успешные для нас мелкие стычки между немецкими патрулями и войсками Конго.

12 января 1915 года капитан Шиммер напал на бельгийский лагерь у Лувунги, но задуманное нападение не удалось. Капитан Шиммер и 3 аскари были убиты, 5 ранено. Затем 16, 17 и 20 марта 1915 года происходили небольшие стычки патрулей, и 20 мая было произведено нападение на бельгийский пост. Такие же мелкие столкновения постоянно происходили также в течение июня и июля. В августе неприятель, повидимому, увеличил там свои силы. Руководство военными действиями у Руссисси было теперь возложено на капитана Шульца. Находившиеся там наши вооруженные силы состояли в то время из 4 полевой роты, части команды «Меве» и отряда Урунди силою около роты. Кроме того, там находились 2 легких орудия. 27 сентября при нападении капитана Шульца на Лувунги были установлены потери у противника убитыми 4 европейца и 54 аскари и, сверх того, ранеными 71 аскари. Таким образом, потери достигали 200 человек, что подтвердилось также более поздними показаниями туземцев.

Ввиду характера местности и соотношения сил мы не достигли у Руссисси желательных успехов. Поэтому там был оставлен только отряд Урунди и полевая рота; 2 роты были переброшены 18 и 19 декабря 1915 года к капитану Винтгенсу в Руанду, а 3 роты — к Центральной железной дороге.

---

* Руссисси — река, вытекающая из озера Киву и впадающая в Танганайку.

19 октября неприятель, несмотря на двойное превосходство сил, потерял при столкновении с 14 резервной ротой 20 аскари; у нас было убито 3 и ранено 12 аскари. Несмотря на то, что, по заслуживающим доверия сообщениям туземцев, поблизости находился главный бельгийский лагерь, силой в 200 аскари, представлялось возможным уменьшить число наших войск у Руссисси, чтобы усилить другие пункты, так как условия для обеих сторон казались неблагоприятными для наступления.

У Руссисси остался майор фон-Ланген с отрядом Урунди и 14 резервной ротой.

На озере Танганайка капитан Циммер собрал в начале войны около 100 человек с «Меве» и около 100 аскари в Узумбаре; кроме того, он располагал в Кигоме несколькими вступившими в армию европейцами, а также примерно 100 аскари поста Урунди и из Руанды (от Винтгенса); так что общее количество составляло приблизительно 400 ружей.

22 августа 1914 года небольшой вооруженный пароход «Гедвиг фон-Висман», под управлением обер-лейтенанта флота Горна с «Меве» имел успешный бой с бельгийским пароходом «Делькоммун». Однако, как позднее выяснилось, «Делькоммун» не был окончательно приведен в негодность. Командир «Меве», капитан флота Циммер, после уничтожения своего судна, взорванного в августе 1914 года, отправился со своей командой в Кигому. Пароход «Кингани», а также несколько более мелких судов, были перевезены по железной дороге из Даресалама и спущены на озеро Танганайка. Затем эти суда капитаном флота Циммером были вооружены и приспособлены к боевой службе. Он поставил также на плот 9-см. морское орудие и обстрелял некоторые из крупных бельгийских береговых станций. Самую Кигому он сильно укрепил и превратил в опорный пункт для ведения озерных боевых операций на озере Танганайка.

Отряд из Бисмаркбурга, силою в полуроту, совместно с вооруженными небольшими пароходами «Гедвиг фон-Висман» и «Кингани» отбросил 20 ноября 1914 года в кустарнике западнее Бисмаркбурга бельгийскую роту и захватил четыре 11-мм. пулемета, а также 150 кг. телеграфной проволоки. Последняя была использована для удлинения телеграфной линии Килосса—Иринга до Нейлангенбурга, что было настоятельно необходимо в военном отношении.

В начале октября попытка окончательно разрушить бельгийский пароход «Делькоммун», находившийся у Бараки на западном берегу озера, кончилась безуспешно. После вторичного обстрела 23 октября 1915 года команда «Гедвиг фон-Висман» напала врасплох на бельгийский пост у Тембве и взяла пулемет. Были убиты бельгийский офицер и 10 аскари, а тяжело раненый бельгийский офицер и один англичанин попали в плен. Мы потеряли одного аскари убитым, одного аскари тяжело раненым, и один европеец умер от ран.

В марте 1915 года бельгийцы произвели массовые аресты в Убвари, население которого относилось к немцам дружелюбно, и повесили несколько жителей.

Судя по перехваченным переговорам по радио-телеграфу, бельгийцами на Танганайке была в июне закончена постройка нескольких судов, и велись работы по постройке нового парохода «Барон Данис». С нашей стороны, 9 июня 1915 года был готов пароход «Гетцен» и передан армии. Он оказал ценные услуги при войсковых перевозках на озере Танганайка. У Бисмаркбурга местные полицейские части под командой дельного управляющего округом, лейтенанта резерва Гауна, вошли в состав колониальных войск. Начались незначительные стычки на неприятельской территории, и в этом районе также удалось в общем удержать неприятеля в известном расстоянии от границы.

Только в начале февраля 1915 года несколько сот аскари противника вступили в Аберкорн, и часть их проникла в окрестности миссии Мвази, но потом они снова отошли.

Затем в середине марта войска под командой лейтенанта Гауна были атакованы в лагере у горы Кито англо-бельгийским отрядом. Лейтенант Гаун был тяжело ранен и попал в плен, а несколько аскари было убито. Обер-лейтенант Оман был выделен из 5 роты капитана Фалькенштейна (в Нейлангенбурге) вместе со взводом, который позднее развернулся в роту, и прикрывал немецкую границу в районе Мбози. Здесь в феврале 1915 года неоднократно производил нападения на немецкую территорию отряд в несколько сот человек. В конце марта было получено сообщение о появлении в Коронге европейских частей неустановленной численности, а в Фифе и в других пунктах границы — около 800 человек. Неприятель, повидимому, готовился к нападению. Его разъезды появлялись в районе Итаки, а в начале

апреля были получены донесения, что Китута на южном берегу озера Танганайки укреплена бельгийцами. Майору фон-Лангену, который после выздоровления от своей тяжелой раны (он потерял глаз) действовал у Руфиджи, было поручено ведение операций в знакомом ему районе Бисмаркбург — Нейлангенбург. Кроме своей прежней 5 полевой роты, находившейся у Ипианы и в районе Мбози, ему были еще подчинены отряд Бисмаркбурга, силой около роты, и три роты, переброшенные от Кигомы и Даресалама. Во время перевозки их по озеру к Бисмаркбургу восточнее последнего произошло несколько успешных столкновений наших патрулей с неприятельским летучим отрядом силой от 50 до 250 человек.

Майор фон-Ланген 7 мая 1915 года собрал у Мвази 4 роты; расположенный здесь бельгийский отряд отошел. 23 мая патруль обер-лейтенанта фон-Дебшица отбросил назад бельгийскую роту, которая потеряла убитыми 2 европейцев и 6 аскари. 24 мая майор Ланген получил приказ перейти с тремя ротами к Нейлангенбургу в предвидении ожидаемого там, на основании донесений, наступления. Командование в районе Бисмаркбурга принял генерал Вале. Он 6 июня прибыл в Кигому и сосредоточил у Бисмаркбурга реорганизованный в 29 полевую роту отряд последнего и переброшенные из Даресалама 24 полевую роту и полроты европейцев.

28 июня генерал Вале с 2½ ротами атаковал ферму Ирихо, но прекратил бой, когда выяснил, что эту крепкую позицию нельзя взять без артиллерии. У нас было убито 3 европейца, 4 аскари и ранено 2 европейца, 22 аскари. Генерал Вале был усилен 2 ротами из Нейлангенбурга.

25 июля 1915 года генерал Вале с 4 ротами и 2 орудиями 73 года осадил у Ирихо сильно укрепившегося противника. Попытки противника со стороны Аберкорна освободить гарнизон Ирихо были отбиты, но 2 августа 1915 года осада была снята, так как с наличной артиллерией нельзя было достигнуть успеха. Генерал Вале отправился с 3 ротами в Дарсалам. 29 рота осталась у Ирихо, 2 орудия — в Кигоме.

19 июня лежавший на берегу у Китуты пароход «Сесиль Родс» был «Гетценом» утащен и потоплен.

В течение сентября и октября происходили постоянные стычки патрулей на границе у Бисмаркбурга; бельгийцы опять получили подкрепление со стороны Аберкорна. 3 декабря было установлено,

что укрепления Ирихо оставлены и разрушены противником. Обер-лейтенант Франкен 6 декабря обстрелял 100 ружьями и одним пулеметом новый форт, построенный северо-восточнее Аберкорна, при чем, повидимому, нанес неприятелю потери.

Мелкие морские суда англичан, за движением которых через Елизабетвиль — Букаму мы давно следили, 22 октября 1915 года достигла Лукугской железной дороги. Перехваченные документы, в которых говорилось, что на немцев готовится неожиданное нападение на озере Танганайке, навели меня на мысль, что нам здесь придется иметь дело с особо устроенными маленькими судами, снабженными, быть может, минами. Таким образом, дело шло об очень серьезной угрозе нашему господству на озере Танганайке, которая могла иметь решающее влияние на весь наш план ведения войны. Происходившие одновременно с этими приготовлениями передвижения неприятельских войск в направлении к озеру Киву и к Аберкорну показывали, что операции на озере будут тесно связаны с задуманным наступлением на суше. Чтобы разбить неприятеля по возможности во время его сосредоточения, капитан Шульц 27 сентября 1915 года напал у Бувунги на бельгийцев и нанес им тяжелые потери.

Пароход «Кингани» в ночь на 29 октября напал на бельгийскую телеграфно-строительную колонну и взял кой-какую добычу. У устья реки Лукуги было установлено движение железнодорожного поезда. «Кингани» не вернулся с разведки к устью Лукуги и погиб. Судя по перехваченным бельгийским радиограммам, 4 европейца и 8 цветных были убиты, а остальные взяты в плен. Очевидно, благоприятный момент, чтобы помешать неприятельским приготовлениям на озере Танганайке, был упущен.

9 февраля 1916 года в славном бою пошел также ко дну и старый «Гедвиг фон-Висман».

На озере Ниасса немецкий пароход «Герман фон-Висман», который ничего не знал о начале войны, был застигнут врасплох 13 августа 1914 года английским правительственным пароходом «Гвендолин» и уведен.

Капитан фон-Ланген со своей расположенной в Массоко близ Нейлангенбурга 5 полевой ротой атаковал 9 сентября 1914 года английскую станцию Карунгу. В бою против занимавших укрепленную позицию англичан капитан фон-Ланген был тяжело ранен. Оба офицера роты были тоже тяжело ранены и

попали англичанам в плен. Немецкие унтер-офицеры и аскари сражались храбро, но должны были признать, что они ничего не могут поделать против укреплений противника, и поэтому прекратили безнадежный бой. Было убито свыше 20 аскари, погибло несколько пулеметов и легких орудий. Из Иринги и Убены кружным путем прибыли на поддержку две роты. Было также призвано несколько сот вспомогательных войнов племени Вахе. Постепенно выяснилось, что неприятель также понес тяжелые потери. Он избегал крупных предприятий против округа Нейлангенбурга, так что эта плодородная и очень важная для нас в продовольственном отношении область оставалась за нами в течение полутора лет.

Позднее наша 5 рота у Нейлангенбурга снова продвинулась своими главными силами ближе к границе к миссии Ипиана. 2 ноября 1915 года на реке Луфире произошел бой передовых постов, и в пароход «Гвендолин» на озере Ниасса попало нескольких наших снарядов.

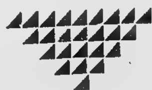
В начале декабря 1914 года севернее Каронги, у реки Сонгве, происходили стычки патрулей. Главный врач, доктор Готгейн, вернувшись в начале мая 1915 года из английского плена, рассказывал, что в первом бою у Каронги 9 сентября 1914 года неприятель потерял убитыми 6 европейцев и 50 аскари, тяжело ранеными 7 европейцев и свыше 50 аскари. Англичане вели деятельный шпионаж, в особенности через «вали» (туземного чиновника) управления в Сонгве.

На границе в мае 1915 года произошло несколько благоприятных для нас столкновений. Дождливый период затянулся, так что южную часть округа Нейлангенбурга можно было считать до конца июня обеспеченной от нападения.

В июне 1915 года, когда прибыл майор фон-Ланген со своим подкреплением, вопреки ожиданию дело не дошло до серьезных боев. Время было использовано, чтобы разрушить телеграфную линию на английской территории и установить телеграфную линию в нашей области в направлении на Убену. В августе тоже не подтвердилось известие о планомерном неприятельском наступлении. Только 8 октября в Фифе прибыли более сильные части противника — европейцы и аскари. На этом участке границы также происходили многочисленные мелкие стычки. К концу года было установлено прибытие новых подкреплений также и у

Икавы. Капитан Ауман отбил там 23 декабря 1915 года нападение неприятельского отряда примерно в 60 европейцев с 2 пулеметами.

У озера Ниасса можно отметить только незначительные столкновения. 30 мая англичане высадили у гавани Сфинкса 30 европейцев и 200 аскари с 2 орудиями и 2 пулеметами. Они понесли потери от огня наших 13 ружей и 1 пулемета, повидимому более чем в 20 человек, и ушли, разрушив остов «Германа фон-Висмана».

КНИГА ВТОРАЯ

НАСТУПЛЕНИЕ СО ВСЕХ СТОРОН ПРЕВОСХОДНЫХ СИЛ ПРОТИВНИКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАСТУПЛЕНИЕ НЕПРИЯТЕЛЯ У ГОРЫ ОЛЬДОРОБО

(Февраль 1916 года)

(Чертеж IV)

Восточнее Ольдоробо были обнаружены крупные неприятельские силы в 1.000 и более человек, которые развернулись перед горой в большом отдалении, но не приближались. Там производились, как видно, занятия, посредством которых молодые южноафриканские европейские войска должны были подготовиться к маневру и бою в пори. В начале февраля неприятель повел наступление несколькими полками с востока на гору Ольдоробо. Для нас было бы желательным, чтобы он в этом направлении возможно больше завяз и не мог уйти; только в этом случае можно было бы рассчитывать разбить его контр-атакой отряда капитана Шульца, расположенного у Таветы. Другие немецкие отряды, силой в несколько рот, находились восточнее Таветы, по дороге к Неймоши и Кахэ у плантации Ней-Штиглиц.

12 февраля противник, силою, по нашим соображениям, в несколько европейских полков, снова придвинулся до 300 метров к Ольдоробо. Командование, которое в Неймоши находилось в постоянной телеграфной связи с лейтенантом Краутом, считало, что теперь наступил благоприятный момент, и отдало приказ об открытии огня. Действие пулеметов и 2 легких орудий было хорошее, судя по тем сообщениям, которые были получены, когда командование покинуло на автомобиле Неймоши, чтобы отправиться на поле битвы. Отряду Шульца было приказано продвигаться из Таветы вслед за отрядом Краута по подступам, закрытым от огня неприятельской тяжелой артиллерии, и решительно атаковать правый (северный) фланг противника. Войска, находившиеся у Ней-Штиглица, подошли к Тавете. Поступило несколько диких донесений о неприятельских броневых автомобилях, которые должны были проехать через степь, покрытую кустарником.

Фантазия чернокожих, для которых эти броневики представляли нечто совершенно новое и поразительное, заставляла людей видеть несуществующие вещи. По прибытии в Ольдоробо командование узнало по телефону, что неприятель, атаковавший нашу сильно укрепленную позицию, был отбит с тяжелыми потерями и что отряд Шульца, закончив развертывание, наступает на правый фланг противника. Многочисленные снаряды английских гаубиц, попадавшие на нашу позицию на Ольдоробо, почти не причинили никакого вреда, несмотря на то, что они ложились очень хорошо. В противоположность большому расходу снарядов неприятельской артиллерией наши легкие орудия должны были ограничиться только особенно благоприятными целями, не только потому, что огнеприпасов было мало, но также и потому, что мы не имели шрапнели. Неприятель в беспорядке отошел назад через пори. Более 60 европейцев было похоронено нами. По словам пленных и по захваченным документам, в бою участвовало 2 полка второй южно-африканской пехотной бригады. Таким образом, англичанам, действительно удалось использовать военные силы Южно-Африканского Союза для своих империалистических целей; по захваченным бумагам, оказалось, что при вербовке людей в качестве притягательного средства пользовались обещанием плантаций и ферм. Неожиданная болезнь британского генерала Смитта-Дорвьена накануне его поездки для принятия главного командования в Восточной Африке была на-руку англичанам, так как переход командования к южно-африканскому генералу Смуттсу оказал на вербовку благоприятное влияние. Подготовка этих вновь сформированных соединений была незначительна, и по поведению часто очень молодых европейцев можно было судить, что многие из них никогда еще не принимали участия в серьезном бою. После боя у Ольдоробо мы наблюдали, как неприятель усиленно старался восполнить пробелы в своей подготовке.

Несмотря на наступление отряда Шульца и многократный обстрел неприятельских отрядов, противник, благодаря пересеченной и закрытой местности, все-таки отошел в свой укрепленный лагерь.

Интересно, что в некоторых найденных дневниках отмечался выразительный приказ — пленных не брать. Хотя фактически неприятель и не взял пленных, но все же показалось необходимым послать запрос британскому командующему для того, чтобы мы

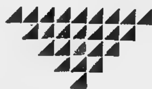
могли, сообразно с этим, определить свое поведение по отношению к неприятельским пленным. Нет никакого основания сомневаться в сообщении британского генерала Маллисона, что такого приказа не отдавалось; однако, этот и некоторые позднейшие случаи показали, какой вздор пишется в частных дневниках. Поэтому неправильно, когда неприятель, без соответствующего расследования, принимает всерьез немецкие заметки, попавшие в его руки.

К этому времени неприятельские войска на горе Лонгидо были также значительно усилены. Эта гора, которая была сначала очищена неприятелем, вероятно из-за трудности снабжения, была снова занята им. Наши патрули неоднократно взбирались по густо заросшим скалам и наблюдали за неприятельским лагерем в непосредственной близости. Если вообще трудно правильно выяснить численность войск, то в местности, покрытой кустарником, где одновременно можно увидеть только немногих людей и где картина постоянно меняется, — это совершенно невозможно. Показания туземцев были слишком неточны. Однако, в общем, можно было заключить, как по всей обстановке, так и по увеличившемуся подвозу, который постоянно производился с севера к Лонгидо повозками, запряженными быками, что неприятель значительно усилился.

Его летучие разъезды в районе Килиманджаро были отбиты с большими потерями. Когда эскадрон индусских лансеров двигался на юг между Килиманджаро и горой Меру, он был немедленно и энергично атакован одним из наших конных патрулей под начальством обер-лейтенанта фон-Линкера. Наши аскари, которые поняли большое значение верховых лошадей для нашего способа ведения войны, бросились с криком: «вахинди камато фраси» (это — индусы, ловите лошадей), на спешившегося неприятеля. Последний был так поражен быстротой наших людей, что панически бежал и бросил часть своих лошадей. Между прочим, на месте схватки остался убитым и храбрый командир-европеец; ему не удалось воспрепятствовать бессмысленному поведению своих людей.

Я хотел бы вообще подчеркнуть, что в первый период войны поведение британских офицеров во всех отношениях было рыцарским и что уважение, которое они к нам выказывали, было вполне взаимным. Также и наши аскари своей храбростью в бою и своим человеческим отношением заслужили уважение неприя-

теля. Тяжело раненый английский обер-лейтенант Баррет попал 10 марта в руки наших аскари; вследствие лживых рассказов он был убежден, что настала его последняя минута, и удивился, когда наши аскари, при которых не было европейца, его заботливо перевязали и отнесли к врачу. Удивленный, он сказал: «ведь ваши аскари — порядочные люди». До какой степени неправильное представление было внушено английским солдатам, доказал мне 12 февраля молодой захваченный у Ольдоробо южно-африканец, который спросил, будет ли он теперь расстрелян. Мы, разумеется, подняли его на-смех. Конечно, во время длительной войны встречаются примеры грубости и бесчеловечного обращения, но это случается с обеих сторон и не должно обобщаться и истолковываться для недостойной травли, как это делала английская печать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НАСТУПЛЕНИЕ НЕПРИЯТЕЛЯ И БОЙ У РЕАТЫ

(Март 1916 года)

(Чертежи IV, VIII и IX)

В это время стали наблюдаться первые неприятельские разведывательные патрули, которые частью были захвачены. Это были «шензи» (по виду мирные туземцы), которые, в знак того, что они действительно достигли цели своего поручения, должны были приносить с собой определенные предметы, как, например, что-либо с Узамбарской железной дороги. Общая картина, которую можно было себе нарисовать, показывала, что неприятель подробно разведывал район у Узамбарской железной дороги и пути наступления к ней. При взгляде на карту можно было прийти к заключению, что одновременное наступление противника от Ольдоробо и Лонгидо в направлении на Неймоши должно было привести к потере ценной в хозяйственном отношении Килиманджарской области. Если бы мы хотели постепенно отступать перед превосходными силами противника на нашу главную линию подвоза, то это повело бы к движению наших главных сил вдоль Узамбарской железной дороги, т.-е. почти под острым углом к направлению возможного нападения со стороны Ольдоробо. Опасность быть отрезанными противником от этой главной линии подвоза была очень велика. При наступлении противника севернее озера Джипе он был бы стеснен в своих движениях Килиманджаро и крутым массивом гор Северного Паре. Очевидно, что тогда его натиск непосредственно на Кахе был бы для нас крайне неприятным и в случае успеха прерывал бы нашу связь с тылом — Узамбарскую железную дорогу. Однако, для нас еще более опасным было бы наступление неприятеля южнее озера Джипе через долину, отделяющую горы Северного Паре от Среднего Паре и ведущую к Северной железной дороге, южнее Лембени. Наконец, противник мог достигнуть железной дороги между горами Среднего и Южного Паре через долину

у Саме. При наступлении на Лембени и Саме неприятель мог быстро и без особых приготовлений проложить по равнине дорогу, годную для автомобилей, и базироваться на ней при своих действиях.

При ограниченной численности наших войск в районе Килиманджаро—всего около 4.000 ружей—не представлялось возможным ослабить наши части, чтобы обеспечить себя от всех вероятных случаев нападений. Даже исходя только из требований обороны, мы принуждены были держать все силы вместе и оставаться в непосредственной близости от противника, чтобы его удерживать там, где мы находились и, таким образом, наблюдать за его передвижениями. Сначала было под сомнением, удастся ли нам разбить порознь обе главные группы неприятеля, нападение которых ожидалось со стороны Лонгидо и Макатау и из которых каждая в отдельности была сильнее нас. Это было бы возможным только в том случае, если бы наши войска могли молниеносно двинуться сначала против одной, а затем так же быстро против другой неприятельской группы. Все приготовления были сделаны, и путем личной разведки было установлено известное число дорог для колонн, в пересеченной лесистой местности северной большой дороги, идущей от Неймоши на запад. Эти дороги получили наименования и были снабжены указателями. Однако, широко использовать их не пришлось. Тем не менее, нам не приходилось бояться проделывать что-либо 99 раз безрезультатно, если имелась надежда на успех в сотый раз. Преследуя это правило, мы не проигрывали.

Деятельность неприятеля усиливалась, и противник во многих мелких стычках обнаруживал хорошую подготовку. Он формировал также многочисленные войсковые части аскари, которые укомплектовывались, главным образом, из наиболее развитых племен области Ниасса. Степной и покрытый редким кустарником район к с.-з. от Килиманджаро не был благоприятен для нашего внезапного нападения, ввиду открытого характера местности; больше шансов в этом отношении представляла область между Килиманджаро и горой Меру, покрытая густым кустарником; по ней как можно было предположить, должен был пройти противник, наступающий от Лонгидо. А потому здесь был сосредоточен отряд из 5 отборных рот аскари, круглым числом в 1.000 ружей. Однако, ввиду обширности района, этому отряду не удалось произвести

решительную атаку на одну из многочисленных неприятельских колонн, наступавших в начале марта на юг. Трудность ориентировки была так же велика и для противника, и мы, благодаря ошибке ординарца-индуса, который вместо своих собственных войск привез донесение нам, узнали, что здесь находится первая восточно-африканская дивизия под начальством генерала Стеварда. Наши резервы, находившиеся у Ней-Штеглица и Химо, не могли быть использованы при этих столкновениях, которые разыгрывались в районе Герарагуа и юго-западнее, так как были слишком удалены (Герарагуа—Неймоши—около 2 дневных переходов). Прежде чем явилась эта возможность, неприятель стал нажимать также и с востока. Направление полета неприятельских летчиков указывало на очевидный интерес противника к району в расстоянии 1—2 часов севернее Таветы. Можно было прийти к заключению, что неприятель, расположенный в лагере восточнее Ольдоробо, не желает снова нести у этой горы кровавых потерь, но намеревается обойти эту позицию с севера и достигнуть реки Луми, протекающей в часовом расстоянии севернее Таветы. 8 марта со стороны Ольдоробо наблюдались огромные облака пыли, которые двигались от неприятельского лагеря в указанном направлении. Были также отмечены многочисленные автомобили. Это движение наблюдалось и командованием с горы Восточное Китово, находящейся в 6 километрах западнее Таветы. Наши боевые патрули, имевшие случай успешно обстрелять неприятельские колонны и захватить некоторое число пленных, с несомненной точностью установили, что в этом районе двигаются главные неприятельские силы и что там находится генерал Смуттс.

Еще после обеда 8 марта командование наблюдало сильные неприятельские колонны европейцев у озера Дзалла, которые оттуда, сильно растянутыми стрелковыми цепями, несколько продвинулись в направлении на Восточное Китово. При недостатке артиллерии мы должны были в этот день, так же как и позднее, спокойно смотреть, как неприятель, в сравнительно небольшом удалении от нашего фронта, безнаказанно мог выполнять не особенно умелые передвижения. Однако, было ясно, что это охватывающее движение неприятеля делало теперь невозможным удержание позиции у Ольдоробо, на которой мы имели в течение войны целый ряд удачных боев. Я решил развернуть войска для новой обороны на высотах, которые, западнее Таветы, запирали проход между

горами Северное Паре и Килиманджаро. Отряду Краута было передано по телефону приказание занять позицию на горах Реата—Латема у дороги, ведущей от Таветы к Ней-Штеглицу. Отряд Шульца занял горы Северного Китово северо-восточнее горы Латемы у дороги из Таветы в Химо и обеспечил отход отряда Краута. Эти передвижения были выполнены ночью без помехи со стороны противника. На нашем открытом левом фланге у юго-восточных отрогов Килиманджаро рота капитана Штеммермана заперла дорогу, ведущую от миссии Ромбо к Химо и Неймоши. Неприятель занял миссию Ромбо. Часть туземцев не скрывала, что они теперь на стороне англичан. Это является лишним доказательством того, что в этой местности уже давно работал английский шпионаж и влиял на туземцев, а также можно было предположить, что световые сигналы, часто наблюдавшиеся на восточном склоне Килиманджаро, имели с этим некоторую связь.

Оборона занятой нами горной позиции сильно облегчалась характером местности, но все же имела и тот большой недостаток, что наших двух тысяч аскари было слишком мало для действительной обороны фронта шириной около 20 километров. Могли быть заняты только некоторые пункты передовой линии; главная же масса войск держалась в резерве в Химо для использования, в зависимости от того, как развернутся события. Это было периодом большого напряжения. Мы имели превосходные силы противника не только перед собой, но и в нашем тылу, где неприятель наступал со стороны Лонгидо в южном направлении, и, кроме того, нашему пути подвоза, который одновремено являлся и нашим путем отхода, неприятель угрожал, как выше отмечено, самым чувствительным образом. Принимая во внимание характер местности, наше знакомство с ней и учитывая также очевидную слабость тактического управления у противника, я не считал безнадежным попытку нанести серьезное поражение, по крайне мере, одной из его групп. Поэтому позиции на линии Реата—Северное Китово необходимо было оборудовать для упорной обороны. От Танги по железной дороге было доставлено одно из установленных там Кенигсбергских судовых орудий. Читатель вправе спросить, почему это не было сделано ранее, но орудие было без колес и стреляло с постоянной установки, и, таким образом, совсем не обладало подвижностью. Поэтому понятно, что его использование оттягивалось так долго, пока не было точно определена позиция.

Теперь события развертывались так быстро, что орудие не могло больше действовать против Таветы, а потому оно было установлено у железной дороги около Кахе на южном берегу реки Пангани, откуда позднее оно отлично действовало в боях у Кахе.

10 марта неприятель вел разведку на всем протяжении нашего фронта. Конные отряды, силой около 50 человек, приближались,

Передовой пост в горах Северного Паре.

затем спешивались и двигались дальше вперед, держа лошадей в поводу, редкими стрелковыми цепями, пока не вызывали нашего огня. В этом и состояла их задача. Огонь обнаруживал отчасти наше расположение. Благодаря такому способу разведки, мы имели несколько мелких удачных столкновений, которые стоили неприятелю известного числа людей и дали нам около 20 лошадей. С нашей горы у Северного Китово мы отлично наблюдали, как отдельные части нашей стрелковой линии, заметив оплошность противника, быстро выдвигались вперед и с разных сторон брали под перекрестный огонь неприятельские разведывательные партии. Силы, направленные противником для этих действий, казались мне

слишком большими для производства одной только разведки. У меня создалось впечатление, что здесь дело шло о серьезной, но неудавшейся наступательной попытке. Направление неприятельского удара еще оставалось пока невыясненным. Охват нашего левого (северного) фланга представлял для неприятеля гораздо меньше тактических трудностей, но в то же время не приводил к нажиму на наши тылы. Самое опасное для нас направление — от Таветы через Реату — требовало от противника тяжелого фронтального наступления на укрепленные высоты Реаты и Латемы, без больших шансов на успех, даже при значительном превосходстве. Я считал необходимым за отрядом майора Краута, занимавшим высоты Реаты и Латемы, расположить возможно ближе капитана Кёля с 2 ротами, чтобы он имел возможность быстро ввязаться в бой, не дожидаясь особого распоряжения. Телефонная связь с нашими отрядами была в данный момент обеспечена. Однако, нужно было считаться с тем, что она, по меньшей мере, будет сильно затруднена, как только какая-либо часть удалится от постоянной проволочной линии: не было материала для быстрой прокладки кабеля при движении частей. Нам также не хватало легких радиостанций, посредством которых англичане впоследствии с успехом регулировали движение своих колонн в кустарнике.

11 марта, рано утром, снова появился аэроплан над Неймоши и сбрасывал там бомбы. Я как раз в это время разговаривал с одним старым буром о бое 12 февраля и о том, что со стороны англичан, все-таки, непростительно так безжалостно подвергать такую массу молодых и совершенно непривычных к тропикам людей влиянию нашего климата и тропической войны. Из Реаты майор Краут донес, что крупные неприятельские части наступают от Таветы на его расположение. Скоро последовала также сильная атака противника в несколько тысяч человек против 3 роты, окопавшейся на своей позиции. Наши три легких орудия не могли, понятно, вести бой против тяжелой артиллерии и должны были, как и в бою у Ольдоробо, ограничиваться тем, чтобы использовать небольшой запас гранат против наиболее густых масс неприятеля. Я считал, что наступление в знакомой мне неудобной для передвижения местности обещало мало успеха, тем не менее обе роты капитана Кёля, находившиеся в резерве за отрядом майора Краута, были подготовлены к атаке. Капитан Кёль, который первоначально, учитывая создавшуюся обстановку, предполагал нанести реши-

тельный удар во фланг противника, был вынужден от этого отказаться в незнакомом и густом кустарнике. Время и место, а в связи с этим и результаты его наступления, не могли быть точно учтены, а потому он правильно поступил, двинувшись для непосредственной поддержки майора Краута. Судя по моим наблюдениям с горы Северное Китово, а также из поступающих донесений, я получил впечатление, что неприятель стремится занять наш фронт от Реаты до Китово, но что его главные усилия направлены к обходу нашего левого фланга. В этом направлении, прежде всего, двигались большие конные массы, которые то появлялись на высотах, то снова исчезали в лощинах юго-восточного склона Килиманджаро. 11 рота капитана Штеммермана, расположенная на скатах выше этой конницы, помешала ей взобраться на гору. В течение дня передовые части конницы пробрались через густые банановые плантации до района Марангу. Повидимому, люди были очень изнурены. Было видно, как они подкреплялись найденными неспелыми бананами.

В течение дня выяснилось, что на отряд Краута, на горах Реаты и Латемы, подготовляется сильный удар противника с фронта. Однако, поступающие телефонные донесения были благоприятны. Неприятель, повидимому, понес тяжелые потери, и сотни носилок были заняты у него переноской раненых. К вечеру все атаки противника на наши расположения были отбиты с тяжелыми для него потерями. При наступлении темноты обе роты отряда Кёля энергично атаковали и взяли под огонь пулеметов вновь появившегося неприятеля. Вечером я отправился обратно в Химо и около одиннадцати часов был занят составлением приказа о наступлении рано утром 12 марта на неприятельскую конницу, занявшую Марангу. В это время лейтенант Штернгейм, командир батареи отряда Краута, телефонировал, что неприятель атаковал еще раз ночью и большими массами вторгся на позицию у Реаты. Судя по донесениям, казалось вероятным, что эти сильные части противника будут продолжать наступление от Реаты в направлении на Кахэ и отрежут нас от сообщения с тылом. Рисковать этим и все-таки вести атаку на Марангу представлялось мне слишком опасным. Поэтому я отдал войскам, находившимся у Китово и Химо, приказ к отступлению еще в течение ночи к дороге Кахе—Реата. В качестве прикрытия, в Химо должна была оставаться рота Штеммермана. Неприятным последствием этого отступления являлось то,

что всякая связь командования с отдельными войсковыми частями прерывалась, в лучшем случае, на несколько часов. Кто знаком с такими ночными переходами в густом кустарнике, тот знает, как легко часть может совершенно оторваться и затем на продолжительное время стать вообще недостигаемой для управления. К счастью, местность была мне до известной степени знакома, — поэтому мы могли через поле перейти на новую дорогу, и притом мы постоянно слышали оживленный огонь со стороны гор Реата и Латемы. Несколько беглецов, удравших в кусты, вышли нам навстречу; они не поверили нашим заявлениям, что мы немцы, и снова исчезли. На новой дороге мы натолкнулись на перевязочный пункт. Показания многочисленных раненых были так противоречивы и неясны, что получалось лишь впечатление очень сильного и близкого боя в кустарнике, но ничего нельзя было выяснить об его ходе и развитии. В конце концов, удалось установить телефонную связь с майором Краутом. Последний находился с частью своего отряда у юго-западного склона горы Реаты, у дороги Кахе—Тавета. Перестрелка на высотах постепенно замерла, и его патрули не обнаружили больше на горе Реате никаких признаков неприятеля. Рано утром 12 марта майор Краут снова нашел на высотах часть своего отряда на старой позиции; неприятель отошел к Тавете.

Когда около 6 часов утра я прибыл на гору Реата, там собирали многочисленные трофеи. Беспорядок во время ночого ближнего боя в кустарнике был очень велик. Убитые англичане, лежавшие в кустах позади фронта отряда Краута, показывали, как далеко проникали отдельные партии противника. Неприятельские одиночные стрелки, засевшие в скалах, поддерживали меткий огонь, и от них нельзя было очистить позицию. Было ясно, что наступление противника было отбито с тяжелыми для него потерями. Перевозка своих и неприятельских раненых прошла так же гладко, как и отправление в тыл пленных. Отсутствовала всякая связь с отрядами, двигавшимися сквозь густой кустарник из района Химо к дороге Кахе—Реата, и трудно было ожидать, что она будет восстановлена ранее нескольких часов.

В таком положении можно было пожалеть, что я оттянул к дороге Кахе — Реата войска нашего левого фланга, находившегося в районе Китово — Химо. При очищении высот на нашем левом фланге нельзя было долго удерживать позицию у Реаты, тем более, что в нашем расположении не имелось воды, которую нужно

было доставлять из тыла, в расстоянии около часа. Нельзя было вернуть назад части левого фланга, находящиеся в походе, и снова направить их в район Химо и Китово ввиду отсутствия в данный момент связи с ними, восстановления которой, как уже было сказано, трудно было ожидать ранее нескольких часов. Поэтому я решил очистить позицию у Реаты и после уборки поля битвы отошел назад к воде, имевшейся юго-западнее горы Реата. В течение дня начали прибывать остальные отряды в различные пункты дороги Кахе—Реата, где и расположились биваком.

Командование отправилось на плантацию Ней-Штеглиц. Постройки плантации находятся на полдороге между Кахе и Реатой, на небольшой возвышенности, с которой открывается далекий кругозор через лес, как раз особенно густой у дороги Кахе — Реата. По пути я встретил капитана Шенфельда, сообщившего мне об установке своего 10,5-сантиметрового кенигсбергского орудия у деревни Кахе, на южном берегу реки Пангани. После нашего отхода неприятель занял гору Реату и некоторое время стрелял в воздух из винтовок и легких орудий.

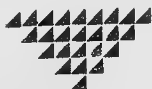
Следующие дни наблюдалось передвижение сильных неприятельских отрядов от Таветы к Химо и устройство там обширных лагерей. Против расположенной перед нашим фронтом и не занятой нами горы Малое Химо по открытой здесь равнине противник повел наступление крупными силами и после долгого и оживленного обстрела занял эту свободную высоту. К сожалению, мы не могли достаточно скоро помешать этому наступлению быстрыми выдвижениями войсковых частей из нашего густого кустарника. С горы Малое Химо легкая артиллерия противника получила возможность чаще обстреливать здания плантации Ней-Штеглиц. В немногих комнатах этой плантации несколько недель тому назад я приятно провел час после успешной охоты на буйволов. Тогдашний туземный руководитель охоты перебежал к англичанам. Теперь здесь очень тесно разместился штаб и его центральная телефонная станция. Я сам был очень счастлив устроить себе сносную постель с помощью шез-лонга и скатерти с обеденного стола. Телефонные разговоры и донесения происходили беспрерывно днем и ночью; однако, они не мешали нам устроиться сравнительно уютно, по крайней мере в материальном отношении. Мы имели над собой крышу, в нашем распоряжении была также по-европейски оборудованная кухня, и мы устроили нашу общую

столовую, как до сих пор в Неймоши. Своеобразность восточно-африканской обстановки требует, чтобы европеец имел там прислугу, по европейским понятиям многочисленную. Так и теперь, в походе почти у каждого было два туземца-боя, которые ведали взятой с собой кухонной посудой и продовольствием, отлично готовили, пекли хлеб, стирали и таким образом придавали жизни в кустарнике большую часть того уюта, который в Европе можно найти в жилых домах. Я стремился возможно меньше ограничивать эти удобства, принимая во внимание силы, здоровье и настроение европейцев. Если же штаб все-таки часто предпочитал постройки, то это меньше объясняется стремлением к удобству, чем необходимостью облегчить письменные работы и черчение.

Здесь, на плантации Ней-Штеглиц, нас застала поразительная новость, что в колонию прибыло второе вспомогательное судно с оружием, амуницией, несколькими тысячами снарядов для 10½-см. кенигсбергских морских орудий, использованных теперь на суше, и другим военным материалом для нас. Пароход прибыл в бухту Суди, на крайнем юге побережья, и немедленно начал доставлять на берег свой груз. Несмотря на большое расстояние и употребление в качестве транспортного средства только носильщиков, этот груз был полностью использован для войск. Это, при наличии многих неприятельских судов, блокировавших и обыскивавших наш берег и осведомленных о прибытии вспомогательного парохода, был невероятный случай. Но, вероятно, также и англичанам наше судно дало повод к удивлению. После того, как груз был доставлен на берег, пароход снова ушел и, к немалому изумлению неприятеля, исчез. Когда при происходящих также и в Англии пререканиях между морским флотом и армией последнюю упрекали, что она не может с нами справиться, то моряков заставили замолчать правильным указанием на то, что они обязаны были не допустить этого подвоза оружия и боевых припасов немцам.

Запасы, доставленные вспомогательным пароходом, были направлены, главным образом, на Центральную железную дорогу и сложены у последней, или поблизости от нее, и поступили в распоряжение командования. При нашем недостатке соответствующей артиллерии было особенно важно получить возможность быстро перебросить прибывшие на корабле 4 полевых и 2 горных орудия.

Вспомогательное судно привезло также военные знаки отличия: железный крест 1-й степени для командира «Кенигсберга» и так много 2-й степени, что ими могла быть украшена половина всего экипажа. Для колониальных войск был получен один только железный крест 1-й и один 2-й степени, предназначенные мне, и, кроме того, некоторое число знаков отличия для аскари. Относительно европейцев лишь в сентябре 1916 года, по беспроволочному телеграфу, было получено сообщение, что награды, представленные командованием, утверждены.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОТСТУПЛЕНИЕ ПОД НАТИСКОМ ПРЕВОСХОДНЫХ СИЛ ПРОТИВНИКА

(Март — апрель 1916 года)

(Чертежи III, IX и X)

В нашем тылу майор Фишер, расположенный со своими пятью ротами между Килиманджаро и Меру, отошел, под натиском превосходных сил противника, к Неймоши и был переброшен в Кахе. Находившийся в его подчинении капитан Ротгерд под сильным давлением неприятеля отошел со своей ротой и другим отрядом, силой также около роты, через Арушу в направлении на Кондоа-Иранги. Установления связи с ним можно было ожидать лишь спустя продолжительное время по проводу, проложенному от Додомы — Кондоа-Иранги к Умбулу. Очищение нами Неймоши отдавало неприятелю дорогу Тавета—Неймоши—Аруша. В связи с этим, последний получил возможность своими частями, направленными от Таветы через Арушу — Кондоа-Иранги, вторгнуться вглубь колонии и здесь в крайне чувствительном для нас районе затронуть источники нашего снабжения; при этом ему не приходилось слишком опасаться нашего быстрого сосредоточения в окрестностях Кахе и Ней-Штеглица. Мы могли угрожать противнику только в случае нападения. Если бы мы стянули даже все роты из Танги и оставили там лишь самое необходимое прикрытие, то, со своими четырьмя тысячами ружей, хотя и могли допустить движение противника в удобном для нас районе с тем, чтобы использовать ловкими и быстрыми действиями те ошибки, которые он мог сделать, но соотношение сил 1 : 7 все же было слишком неблагоприятно для нас, и мы не могли рассчитывать на особенно крупные результаты. Я не мог ждать никакого успеха от нападения на неприятеля, не только более многочисленного, но и сильно превосходящего нас вооружением и к тому же находящегося на укрепленной позиции. Поэтому я не уступил просьбам

некоторых командиров о наступлении; но это выражение смелого, воинственного настроения было для меня поддержкой в том тяжелом положении, в котором мы находились. Мелкие действия, которые мы предпринимали патрулями и отдельными партиями против неприятельского лагеря, не давали существенных результатов, но, быть может, способствовали тому, что неприятель держал против нас главные свои силы, а не просто проходил мимо нас, не обращая внимания. Противник от Химо продвинулся дальше на запад, и наблюдались также большие облака пыли, которые тянулись к Неймоши и западнее. Большую же часть сил противник повернул из района Химо против нас. Подобная обстановка для начальника является чрезвычайно трудной, так как, не будучи хозяином положения, он вынужден отказаться от инициативы. Только самая точная разведка может обнаруживать слабые стороны противника, но для того, чтобы их использовать и снова вернуть себе свободу действий, нельзя терять ни одной минуты. Однако, к счастью, неприятель делал ошибки, которые могли быть, хотя бы частично, использованы.

Воздушная разведка, при наличии густого кустарника и высокого леса, под защитой которых находился наш лагерь, едва ли могла дать противнику какие-нибудь сведения. Бомбы, сброшенные летчиками у Кахе, причинили лишь небольшие потери и не помешали проходившему через этот пункт подвозу наших запасов. Чтобы вызвать наш огонь, опять появились северо-западнее Ней-Штеглица знакомые уже нам английские всадники, редкими и сильно растянутыми стрелковыми цепями. Скрытые в кустарнике наши роты были готовы к немедленному столкновению, как только появятся более крупные отряды. Подобный контр-удар был произведен поздно днем 18 марта и с порядочным успехом. Чтобы основательно познакомиться с местностью для наших будущих действий, постоянно высылались европейские патрули. Я также пользовался для этого каждой минутой, которой мог располагать. Сквозь чащу были проложены и обозначены дороги. Этим была создана возможность точно определять, к какому пункту хотят направить тот или иной отряд.

У большой дороги, ведущей от Химо к Кахе, сильные части противника сблизились также с отрядом Штеммермана, который у Кахе занимал укрепленную позицию по обе стороны этой дороги фронтом на север. Неприятельские патрули вошли в непосред-

8*

ственное соприкосновение с нашим отрядом и тем самым искусно замаскировали передвижение противника. Таким образом, когда я после полудня 20 марта прибыл в отряд Штеммермана, совершенно не было ясно, что собственно происходит перед фронтом. Можно было предположить, что неприятель здесь только демонстрировал для нанесения нам удара в другом, более чувствительном для нас, месте. Подобный маневр был бы для нас очень опасным, так как в необозримом кустарнике он мог быть обнаружен лишь очень поздно, вернее всего, слишком поздно. Я решил неприятельское сторожевое охранение, находящееся перед нашим фронтом, отбросить к главной позиции противника. Заранее было указано, что к часу ночи роты должны снова вернуться на свои прежние места; пулеметы были оставлены в наших окопах, во избежание потери их и для обеспечения нашей позиции. Светила яркая, полная луна, когда головная рота попала под огонь, повидимому, со стороны неприятельского часового или патруля, который отошел. Дальше мы столкнулись с несколькими патрулями и затем около 5 километров севернее нашей собственной позиции добрались до крупных частей противника с пулеметами. Развившийся здесь очень сильный огонь показал нам, что мы натолкнулись на главные позиции неприятеля, штурмовать которые мне показалось бесцельным. Оставив патрули, я снова отошел. В числе наших незначительных потерь были также три трудно заменимых ротных командира, из которых обер-лейтенант фон-Штош и Гроте через несколько дней умерли от ран, в то время как капитан Огар лишь спустя продолжительное время стал годным к службе благодаря искусственной ноге.

Наш отход, который противник, вероятно, считал вынужденным, вселил в него, повидимому, уверенность, что он сможет на следующий день отбросить нас энергичным ударом. 21 марта атаки больших неприятельских сил на фронт отряда Штеммермана у Кахе закончились безрезультатно. Они были отбиты с тяжелыми потерями для противника, который состоял, главным образом, из южно-африканской пехоты. Наше 10½-см. кенигсбергское орудие, огонь которого направлялся с высоких наблюдательных пунктов, дающих большой обзор, повидимому, удачно обстреляло отступающего противника. Нужно признать, что за часть понесенных англичанами тяжелых потерь, которые только для южно-африканских европейских частей достигали в этот день

нескольких сот человек, можно благодарить также и это орудие. Противник понял, что новое наступление на фронт шириной в 500 метров, под огнем наших стрелковых окопов, является безнадежным, и попробовал обойти наш правый фланг. Однако, в свою очередь, наш контр-удар был хорошо подготовлен разведкой, а также благодаря обозначению дорог, и начал после полудня успешно развиваться со стороны отряда Шульца на неприятельский фланг. Последняя часть наступления отряда Шульца была очень затруднена густым кустарником. Аскари с трудом пробирались через него только шагом, когда они вдруг в нескольких шагах от себя услышали работу неприятельских пулеметов.

К сожалению, этот контр-удар не удалось довести до конца, ввиду событий, происходивших в это время на нашем левом фланге. Деятельность неприятельских патрулей за последние дни и облака пыли указывали, что из района Неймоши сильные конные отряды пытаются обойти западнее железной дороги. Кахе — Неймоши наш обращенный на север фронт, левый фланг которого находился у вокзала Кахе. Это движение противника, в случае его дальнейшего развития, привело бы его к железной дороге позади нашего расположения и отрезало бы нас от наших сообщений с тылом в то время, как мы боролись бы фронтом на север с превосходными силами неприятеля. Поэтому я удержал у вокзала Кахе сильный резерв из 8 рот. Однако, так как я считал необходимым лично находиться во время боя у деревни Кахе вблизи отряда Штеммермана, то не имел возможности непосредственно и быстро распоряжаться резервами у станции Кахе. Густо заросшая местность делала всякий обзор невозможным. Использование резервов, расположенных у Кахе, должно было быть предоставлено инициативе тамошнего начальника и его подчиненных. Последние обнаружили, что неприятельские части, пользуясь кустарником, заняли холм, расположенный юго-западнее вокзала Кахе. Одна рота, по собственному почину, двинулась на этого неприятеля, но его шрапнельный огонь остановил ее продвижение. Затем наше 10½-сантиметровое орудие обстреляло неприятельские легкие пушки и заставило их отойти.

Поздно днем до меня дошло важное сообщение, что неприятель наступает нам в тыл к железной дороге у Кисанджире, т.-е. произошло то, чего мы опасались. Я был вынужден отдать приказ о немедленном выступлении на Кисанджире. Я хотел быстро

обрушиться всеми силами и разбить находившегося там противника, который в данный момент не мог быть еще достаточно сильным. Таким образом, случилось, что отмеченная выше начатая атака отряда Шульца не была доведена до конца. Ночной переход наших сил через близлежащую от нашего фронта реку Пангани, через которую уже заранее было устроено известное число переходов и мостов, прошел гладко и без задержек. Оставленные нами патрули и на следующий день нашли северный берег Пангани свободным от неприятеля. Наше исправное 10½-сантиметровое орудие, которое мы не могли захватить с собой вследствие его неповоротливости, было взорвано. После полуночи, т.-е. 22 августа, рано на рассвете, я прибыл на вокзал Кисанджире и, к большому своему удивлению, увидел, что все донесения о движении сильных неприятельских частей к Кисанджире были ошибочны, так что наше отступление оказалось бесполезным. Это было для меня особенно разительным доказательством того, как чрезвычайно трудно наблюдать за передвижением частей в густом кустарнике и как осторожен должен быть каждый командир при оценке подобных донесений. Однако, этот случай показал также, как тяжело каждому начальнику создавать по собственным наблюдениям и оценке обстановки, а также по противоречивым, обыкновенно, донесениям не только аскари, но и европейцев, основания для своего решения, которое, хотя бы приблизительно, отвечало бы действительности. Именно в африканском кустарнике важно проверять каждое имеющееся донесение посредством собственных наблюдений при первой к тому возможности.

Однако, нашего отступления нельзя было уже исправить, и пришлось наново группировать войска. При этом наличие воды играло решающую роль. Принимая во внимание эшелонированное в глубину расположение на высотах у Кисанджире, я оставил только один отряд из нескольких рот для наблюдения отсюда за безводной степью, покрытой колючим кустарником и простирающейся на 12 километров до Пангани. Восточнее отряда майора Бемкина, расположенного у Кисанджире, был выдвинут в горы Северного Паре отряд Отто и запер проход, ведущий через эти горы. Майор Краут занял позицию в проходе Нгулу, который находится между горами Северного и Среднего Паре. Главные силы расположились в плодородном районе в нескольких укрепленных лагерях.

Несмотря на продолжительный отход в последнее время, настроение войск было отличное, и аскари справедливо гордились своими подвигами в бою против во много раз превосходящего противника. Дезертировали почти исключительно отдельные люди, чей скот находился в области, занятой сейчас неприятелем, и которые поэтому опасались за свое имущество.

Немецкое гражданское население оставило район Килиманджаро и перекочевало, главным образом, в окрестности Вильгельмсталя. Район Аруши был также очищен, и фермеры ушли с повозками, запряженными быками, через Кондоа-Иранги к Додоме. Находившиеся в колонии в большом количестве греки остались, главным образом, на своих кофейных плантациях у Килиманджаро; буры английской национальности — на своих скотных фермах, которые тянулись от северо-западного склона Килиманджаро на север, а также вокруг горы Меру и вдоль ее западных склонов до района Аруши. В Лембени порядок несения службы не нарушался; поезда с продовольствием подходили к станции; роты, находившиеся в передовой линии, усердно работали над своей подготовкой, и командование, как и в Неймоши, продолжало свою деятельность, расположившись теперь в станционных зданиях Лембени. Появлялись летчики и сбрасывали бомбы, — совсем как раньше.

Местность была тщательно подготовлена для боевых действий в различных направлениях, были созданы проходы сквозь густой кустарник, и расчищены поля обстрела. Личные разведки отнимали много времени и приводили меня часто к ротам, расположенным в густом кустарнике и на командующих высотах. Способность войск приспосабливаться и искусство устраиваться в материальном отношении возможно удобнее уже порядочно развились. Я охотно вспоминаю случай, когда в уютно устроенной тростниковой хижине мне предложили чашку кофе с хорошим жирным молоком, полученным из растертой мякоти спелых кокосых орехов. Мои обходы приводили меня также довольно часто и на горы Северного Паре. Здесь я находил цветущую и богатую водой зону, через которую с трудом можно было пробираться вне дорог. Обилие воды в этой местности оказалось большим, чем можно было ожидать на основании прежних исследований; этот пример тоже показывает, как вызванная войной необходимость открывает новые богатства страны и таким образом ведет к такой оценке последней, которая далеко превышает прежнее представление о ней.

Туземцы Северного Паре точно так же, как и района Килиманджаро, — мастера в искусственном орошении своих полей водой, текущей с гор.

4 апреля одна из моих разведывательных прогулок привела меня к отряду Отто на горах Паре. Со стороны северо-западного края открывался ясный вид на лежащий внизу неприятельский лагерь у вокзала Кахе. К сожалению, нельзя было осуществить естественную мысль об обстреле последнего одним из наших дальнобойных орудий — мы к этому времени доставили от Лембени поставленное на колеса 10½-сантиметровое кенигсбергское орудие, а также 8,8-см. орудие, установленное на лафете полевой пушки образца 73 года. В своем немного излишнем усердии войска основательно разрушили железнодорожный путь, который вел от Лембени к Кахе. При наших средствах он не мог быть настолько быстро восстановлен, чтобы оказаться годным для быстрой переброски между этими двумя пунктами одного из наших орудий.

Все наши наблюдения и донесения сходились на том, что неприятель, который раньше часто высылал патрули, а также более сильные отряды, южнее озера Джипе, теперь не выказывал большого интереса к этой местности. Во всяком случае, он перешел со своими главными силами на Кахе и через Неймоши далее на запад к Аруше.

После холодной ночи на сырой высоте у Северного Паре я 5 апреля снова спустился к Лембени. Здесь были получены донесения, что днем раньше капитан Ротгерт, находившийся с 28 ротой у Лолкизале — высокой горы, расположенной в Массейской степи в 2 днях марша юго-западнее Аруши, был атакован сильным противником. Связь по гелиографу, идущая от Лолкизале на юго-запад, в то время прекратилась. Лишь позднее выяснилось следующее. Несколько конных неприятельских рот, двигавшихся от Аруши, повели наступление по равнине с разных сторон на нашу 28 роту, расположенную на горе. Так как наши обладали водой, то могли свободно выдержать бой с неприятелем, который ее не имел. На второй день боя положение для противника сделалось критическим вследствие недостатка у него воды. К сожалению, после тяжелого ранения капитана Ротгерта это обстоятельство не было правильно оценено с немецкой стороны. Положение было признано настолько безнадежным, что рота со своими пуле-

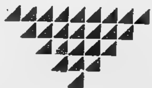
метами и снаряжением сложила оружие. Также и в этом случае некоторые аскари выказали хорошее военное воспитание и не сдались вместе с остальными. Они, как и раненые, которых неприятель не задерживал, ушли в район Уфиоме к нашим войскам. Здесь они встретили недавно сформированную стрелковую роту с Центральной железной дороги и отряд из Аруши, которые сосредоточились у Уфиоме.

Дорога на Кондоа-Иранги вглубь колонии была, вероятно, открыта для неприятеля, вторгавшегося от Аруши. Поэтому из района озера Киву в северо-западной части колонии были переброшены три роты, под начальством испытанного в боях у Кисенджи капитала Клингарта — сначала походным порядком, затем по Танганайке на пароходе до Кигомы, а оттуда далее по железной дороге к Саранде. Отсюда они двинулись на Кондоа-Иранги. Находившиеся уже севернее дороги Кондоа-Иранги войска (около двух рот), а также рота, переброшенная по железной дороге из Даресалама, были подчинены капитану Клингарту. Эти передвижения потребовали для выполнения много времени. Поэтому немедленно была доставлена по железной дороге из Лембени в район Буйко также и хорошая, испытанная 13 рота. Она проследовала оттуда далее через Массейскую степь к Кондоа-Иранги, где в мирное время и квартировала. Этот марш через бедную водой и мало знакомую область необходимо было предпринять раньше, чем были закончены производившиеся в данный момент разведки. Этот переход для такого, по африканским понятиям большого, числа людей, как рота со своими носильщиками, представлял большой риск теперь, в самое сухое время, перед началом больших дождей.

Однако, на этот риск надо было пойти, тем более, что расположенный у Кахе противник в настоящий момент не выказывал никакого намерения наступать, после того, как его разведывательные отряды были неоднократно нами отбиты. Таким образом, в это время Кондоа-Иранги не являлась центром внимания противника. Ввиду того, что, по изложенным уже выше причинам, наша атака от Лембени на Кахе оказалась нецелесообразной, я решил только сковать противника, расположенного у Кахе, с тем, чтобы обрушиться главными силами на неприятельскую группу, которая между тем вторглась в местность Кондоа-Иранги. Проведение этого плана было далеко не легким; требовалось много времени

для марша на протяжении 200 километров от станции выгрузки Северной железной дороги к Центральной железной дороге, а изменение обстановки могло постоянно потребовать новых немедленных распоряжений командования. Поэтому нельзя было оставаться без связи ни с одной войсковой частью. Отдельные части не могли быть двинуты по очень отдаленным друг от друга дорогам, как в свое время при переходе от Центральной железной дороги к Северной. Движение нашей 15 полевой и двух конных рот должно было происходить по одной дороге. Это поставило войска перед совершенно новой и трудной задачей. Нельзя было терять времени. Отряды капитана Корнацкого, капитана Отто, обер-лейтенанта Бока и капитана Штеммермана, каждый в составе 3—4 полевых рот, были перевезены по железной дороге от Ламбени к Момбо-Корогве с однодневным запасом продовольствия. Оттуда они были двинуты дальше к Кимамбе (станция Центральной железной дороги западнее Морогоро). Начались различного рода трения. Ротам нельзя было твердо назначать величину перехода на каждый день, так как пошли сильные дожди, которые местами так растворяли чернозем, что, действительно, едва можно было двигаться вперед.

Бывали случаи, что один отряд делал совсем короткие переходы, и на него надвигался следующий сзади. Это было очень неприятно и мешало правильному снабжению продовольствием на этапной дороге, а также и переноске ротного багажа, для которой пришлось привлечь носильщиков с этапов. Роты начали теперь, по укоренившемуся африканскому обычаю, сами себе помогать — захватывали, не обращая внимания на имеющиеся распоряжения, этапных носильщиков и попросту удерживали их у себя. От этого сильно страдала служба этапной линии, которая была основана на правильной работе районных носильщиков.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НАСТУПЛЕНИЕ НЕПРИЯТЕЛЯ В РАЙОНЕ СЕВЕРНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

(Апрель — июнь 1916 года)

(Чертежи IV, VIII и IX)

После того, как все транспорты выступили из Лембени, я передал командование всеми расположенными у Северной железной дороги войсками майору Крауту. Для него было организовано также и отдельное интендантство. Наша поездка по железной дороге в Корогве показала нам лишний раз, как спаяно немецкое население Северной области с войсками и как оно ценило их труды. На каждую станцию являлись люди, иногда издалека; каждому было ясно, что наше расставание с северными округами было окончательное и что этот район попадет в руки неприятеля. Несмотря на это, настроение было приподнятое. Нам приносили большую часть тех незначительных запасов европейского продовольствия, которые еще имелись. Вдова недавно похороненного в Буйко прежнего коменданта линии Кребера не могла отказать себе в том, чтобы не предложить нам последней бутылки из запасов своего погреба.

Майор Краут и капитан Шенфельд сопровождали меня до Буйко, откуда мы могли видеть различные местные предметы, которые казались мне важными для дальнейших операций. Затем они остались для личной, более подробной, разведки. Из Корогве наш автомобиль быстро доставил нас к Гандени — конечному пункту проложенной из Момбо железной дороги. По пути мы обогнали наши конные роты, и восклицание чиновника местного гражданского управления в Гандени: «да ведь это знаменитый браконьер ван-Ройен», — снова показало мне, что между нашими кавалеристами имелись привыкшие к опасности и к охоте люди, на которых можно было положиться при предстоящих испытаниях. В Гандени был первый сборный пункт продовольствия, которое

доставлялось с севера. Майор фон-Штюмер, сменивший свою прежнюю должность в Букобе на управление нашей самой важной в данный момент этапной дорогой, не мало жаловался на помеху, которой он ожидал от проходящих войск для дальнейшей перевозки запасов. В Гандени — центре местного управления — куда сходились этапные дороги от Морогоро, Корогве, Кондоа-Иранги к голове полевой железной дороги Момбо—Гандени, развился, благодаря войне, европейский квартал почти городского типа. Небольшие дома, построенные обер-лейтенантом флота Горном в норвежском стиле, представляли прелестный вид, который в настоящий момент во всяком случае был испорчен проливным дождем. Внутри эти дома, из которых каждый, в большинстве случаев, состоял из 3 комнат, были оборудованы для размещения европейцев. Много неприятностей причиняла огромная масса крыс, бегавших часто ночью по спящим. Капитан Кальтенборн, который приехал на прибывшим в Суди втором вспомогательном пароходе, явился здесь ко мне и смог устно дополнить пересланные им мне уже некоторое время назад сообщения с родины.

На следующий день мы перегнали на автомобиле некоторое число двигавшихся отрядов и смогли, по крайней мере частично, уладить возникавшие между ними недоразумения. Переговоры по телефону удавались лишь редко, вследствие повреждений линии, вызываемых сильными дождями, а также порчей проволоки колоннами носильщиков, отдельными повозками и жирафами. Тем важнее было для меня быстро миновать этот поврежденный участок, который отделял меня от войск и поступающих донесений. Но это становилось все труднее и труднее.

Дожди все время усиливались, и все более непроходимыми становились дороги. Сначала встречались только немногие трудные места; затем наш автомобиль тянули и толкали двадцать и более носильщиков. «Ниампара» (начальники носильщиков) с танцами шли впереди. Вся компания подхватывала «Амзиго» и «Кабуби-кабуби», и под ритм этих песен работа спорилась при лучшем настроении. Когда же мы проезжали Тулиани, проливные дожди настолько вздули обычно мелкую реку, что ее быстрое течение утром совершенно снесло годный для езды мост. Мы свалили одно из больших деревьев на берегу, но оно не было достаточно длинным, чтобы при падении зацепиться своей верхушкой за противоположный берег. Как щепку, сносило ствол толщиною в метр.

Адъютант, обер-лейтенант Мюллер, попробовал переплыть реку, но был также отнесен и вернулся обратно на берег. Затем это попробовал сделать капитан Тафель, который снова оправился от своего тяжелого ранения и занимался в штабе оперативной работой. Он достиг противоположного берега, и это удалось также и нескольким туземцам — хорошим пловцам, но не удалось при помощи пловцов перетянуть на другой берег веревку, и, таким образом, мы основательно застряли: капитан Тафель, совсем без одежды, на том берегу, а мы — на этом. Ждать до тех пор, пока не спадет вода, нам не улыбалось, так как я не мог терять ни одной минуты, чтобы догнать голову находившихся на походе отрядов. Тут, поздно днем, выступил туземец с заявлением, что немного ниже имеется знакомый ему брод. Переправа там, все-таки, не была совсем легкой и длилась, по меньшей мере, ¾ часа; по очень извилистому броду мы должны были точно следовать за проводником и осторожно пробираться от мелководья к мелководью. Вода доходила нам до плеч, и течение было настолько быстрое, что требовалось напрягать все силы, чтобы не упасть. Наконец, в темноте, с совершенно промокшими вещами, мы достигли другого берега, куда нам навстречу выслали трех мулов с проводниками-аскари из одного отряда, с которым, к счастью, оказалась телефонная связь.

При дальнейшем движении, которое, под проливным дождем, продолжалось всю ночь напролет, нам приходилось неоднократно в течение часа ехать в воде до седла или итти в воде по горло, но все-таки мы добрались, в конце-концов, еще ночью до большого, построенного во время войны, моста через Вами. Он также был почти совершенно разрушен, но кое-что от него, все-таки, уцелело, так что мы перешли на ту сторону и смогли добраться до полевой железной дороги, ведущей к станции Кимамба. Эта дорога также возникла во время войны, как и железная дорога Момбо-Гандени, и вагонетки на ней продвигались вручную. В своем слишком большом усердии добрые люди брали некоторые повороты немного слишком быстро, и вагонетки не раз скатывались со всем, что в них находилось, — в том числе и с нами, — в прилегающие рвы и даже через них. Во всяком случае, нам было более чем достаточно этого путешествия в воде, когда мы рано утром прибыли в Кимамбу. Проживавший там призванный в войска вице-фельдфебель Рефельд принял нас самым радушным обра-

зом. Благодаря тому, что в Кимамбе имелся склад обмундирования, мы смогли, по крайней мере, переодеться в сухую форму аскари. Ведь нельзя было предвидеть, когда прибудет остальной штаб с нашими вещами.

После переговоров с губернатором, который для этого прибыл в Кимамбу, я отправился на следующий день в Додому. В районе Центральной железной дороги еще мало проявлялась энергичная, отвечающая требованиям войны, работа, которая на севере вошла в плоть и кровь каждого. Прибывший незадолго до нас в Додому отряд капитана фон-Карнацкого терпел некоторые затруднения в продовольственном отношении, хотя Дадома лежала на железной дороге, по которой могла быстро получать продовольствие. С капитаном Клингартом, занимавшим высоты Бурунги в одном переходе южнее Кондоа-Иранги, я связался по телефону и на следующий день утром с несколькими офицерами штаба отправился к нему из Додомы верхом.

Дорога вела через безлюдную степь, покрытую кустарником. Проложенная во время войны проселочная дорога проходила в направлении, наиболее благоприятном в строительно-техническом отношении, и лишь местами пролегала мимо селений. Страна Угого отличалась большим богатством скота. Ее жители принадлежали к кочевым племенам, которые в своих обычаях подражают массаям, и поэтому часто называются «массайскими обезьянами». Нам навстречу попадалось много запряженных быками телег, в которых направлялись в Додому со своими семьями немецкие и бурские фермеры из района горы Меру. Это была знакомая юго-западной Африке картина удобного путешествия в этом очень приспособленном к степным условиям фургоне.

Этапная служба в отряде Клингарта не была еще налажена. Мы заночевали в первой из маленьких этапных станций. Выяснилось, что отдел снабжения необходимо значительно усилить, так как на нем должно было базироваться продовольствие столь крупных войсковых масс, как те, которые были в настоящее время переброшены на Кондоа-Иранги. К этому прибавились новые трудности: прежние полевые интенданты не соответствовали в отношении здоровья тем требованиям, которые предъявляются руководителю тяжелой службы снабжения. Капитана ландвера Шмидта очень скоро сменил капитан ландвера Фелькэ; последнего — капитан резерва фон-Ледебур, а затем — капитан в отставке Рихтер,

пожилой человек. К сожалению, последний в то время, к началу новой серьезной операции, окончательно переутомился. Его должность пришлось принять незнакомому вначале с этой работой отставному майору фон-Штюмеру, который работал в Гандени по этапному делу.

На следующий день к вечеру мы проделали путь, равный четырем нормальным переходам, и прибыли в горы Бурунги к капитану Клингарту. Сосредоточение двигавшихся вслед за нами с Северной железной дороги отрядов должно было закончиться через более или менее продолжительное время, и, таким образом, являлось возможным произвести ряд необходимых разведок. Было кстати, что мы здесь ознакомились с совершенно новой, отличной картой.

Последняя затерялась при отправке грузов гражданского Окружного управления из Кондоа-Иранги, когда разбежались носильщики, и была найдена в одной деревне у гор Бурунги.

Конные английские патрули из европейцев часто приближались к нашим позициям, и было известно, что за ними стоят более сильные конные отряды противника. Однако, отсутствовали сведения, где последние находятся. Некоторые донесения гласили: «в Кондоа-Иранги», другие—южнее этого пункта, и опять новые,— что у дороги, ведущей от Кондоа-Иранги к Саранде. Было очень важно, что у Бурунги были расположены более или менее крупные туземные плантации, так что там имелось много продовольствия. Не надо было ждать, пока полностью начнет действовать подвоз продовольствия, направляемого из Додомы. Войска могли быть более чем когда-либо не связаны с этим подвозом и жить, главным образом, на местные средства. Как только прибыли остальные отряды, началось наступление на Кондоа. Южнее этого пункта мы натолкнулись на сравнительно сильные конные охраняющие отряды, которые были легко отброшены, и в начале мая мы без серьезного боя овладели большими высотами, которые находились в 6 километрах впереди Кондоа.

Мы захватили с собой два морских орудия, одно 8,8-сантиметровое и другое 10½-сантиметровое на колесных лафетах, и сейчас же поставили их на позицию. Они обстреливали с наших командующих позиций с явным успехом неприятельский лагерь южнее Кондоа. Палатки были немедленно убраны. Наблюдалось, что неприятель усердно укрепляет свою позицию и поспешно от-

тягивает свои повозки обратно в направлении на Кондоа. Несколько патрульных стычек были успешны для нас, и мы легко отбрасывали мелкие неприятельские части, которые противник пытался выдвинуть в различных местах. С юга, т.-е. в тылу, мы увидели, что конные патрули направлялись на позицию. Так как и наши конные патрули находились в этом районе, то я сначала подумал, что это немцы. Однако, скоро однообразная пригонка находившихся в ружейных чехлах карабинов показала нам, что это англичане. Последние, повидимому, не имели представления о нашем присутствии. Их подпустили на очень близкое расстояние, и они, вследствие огня с короткой дистанции, потеряли приблизительно половину своего состава. По прежним наблюдениям, было очевидно, что неприятель очищал свою позицию перед нами. 9 мая 1916 года я решил в случае, если это наблюдение подтвердится, немедленно самому захватить небольшие, занятые теперь неприятелем, высоты. Обстановка не была благоприятна для нападения, так как наше наступление могло быть легко замечено, и неожиданная атака была исключена. Без элементов же внезапности попытка штурмовать занятую противником позицию не имела никаких шансов на успех; неприятель достаточно укрепился на небольших высотах, и последние полностью командовали над ближайшей полосой местности, которая была покрыта низким колючим кустарником и многочисленными обломками скал, что сильно затрудняло движение.

Я находился при роте, которая следовала за находившимся впереди охраняющим патрулем. Последний, незадолго до наступления темноты, донес, что высоты очищены неприятелем. Поэтому наши роты продолжали движение; командиры отдали приказ подвезти багаж, чтобы устроиться на ночь. Сам я отправился в расположение командования, которое осталось на больших высотах, расположенных немного позади. Свое сильное переутомление я пробовал побороть чашкой кофе с ромом, но скоро крепко заснул с сознанием, что ничего не могло случиться. Рядом с моей лагерной стоянкой было расположено 8,8-сантиметровое орудие. Около 11 часов вечера меня разбудили замечания, которые делал обер-лейтенант флота Вундерлих — начальник орудия. Он не мог объяснить себе многократные вспышки, которые видел со стороны неприятеля. Я в первый момент был также в недоумении, но скоро не оставалось уже сомнения, что эти вспышки, все более

него времени. Они отстали от частей и грабят на плантациях юго-западнее Морогоро.

Из Киссаки к нам был протянут телефонный провод, и но нем капитан Тафель сообщал нам все время, что у Киссаки не обнаружено никаких следов неприятеля. Но к западу от нас нашими патрулями было установлено наступление неприятельских сил в южном направлении. Поэтому я отошел к Киссаки и был вынужден уничтожить часть военных материалов, находившихся в небольшом складе у нашей дороге. К сожалению, при этом, благодаря несчастному случаю, опять как и раньше, при таких же обстоятельствах в Морогоро, погиб отличный фейерверкер. Прошло несколько дней, пока мы не вошли в непосредственное соприкосновение с неприятелем. Занимать самую бому (крепость) было бесполезно; она состояла из нескольких зданий, окруженных высокой, массивной стеной, и находилась среди совершенно открытой местности. Таким образом неприятель мог ее взять только с большими потерями, но ему не надо было ее атаковывать; артиллерией и бомбами с аэропланов он сделал бы невозможным пребывание в тесном пространстве бомы, и защитники оказались бы вынужденными со своей стороны произвести вылазку через открытое поле и под спокойным выдержанным огнем противника. Поэтому наши позиции, подготовленные для боя, были расположены далеко вне бомы, замаскированы от воздушных нападений и оборудованы так, чтобы их можно было незаметно занять и снова очистить.

Отчетливое представление о количестве запасов, боевых материалов и продовольствия в Киссаки я получил только после своего прибытия туда и выяснил, что, вопреки моим распоряжениям, далее на юг от Бехобехо и на Руфиджи, у Кунгулио, почти никаких складов не имелось. У Киссаки находились большие запасы, но, несмотря на густое туземное население, перенести их было невозможно. Многочисленное находящееся там население, для которого война и большое число аскари было чем-то совсем новым, потеряло голову и скрывалось в кустах. Гражданское управление, которое пользовалось полным доверием населения, оказалось бессильным против впечатлений, непреодолимо нахлынувших на туземцев. Даже подарки различных предметов одежды, которые обычно высоко ценились, не смогли удержать людей. Казалось, что все злые духи поклялись лишить нас транспортных

средств. Нашу колонну из нескольких сот вьючных ослов гнали из Морогоро через горы. Она прибыла в Киссаки с опозданием и совершенно истощенной. Немногие запряженные быками повозки, которыми мы располагали и которые, ввиду состояния дорог, должны были объезжать восточнее гор Улугуру, почему-то не прибывали. Начальник снабжения не видел никакой возможности для дальнейшего транспорта наших запасов, необходимых для войны, и в то же время было ясно, что, ввиду превосходства неприятельских сил, мы должны продолжать отступление на юг к Руфиджи. Все же утешением являлось, что наши большие гурты скота, пасшиеся восточнее Мпапуа, были выведены оттуда вовремя. Несколько тысяч голов рогатого скота, в большинстве хорошего, прибыло в Киссаки и могло представлять в высшей степени удобный продовольственный резерв. Однако, к сожалению, радость была омрачена мухой це-це, часто встречающейся в некоторых местах; если животные заболевали от ее укуса, то они очень теряли в теле и погибали через несколько недель. Поэтому главная масса скота была направлена далее, в здоровую местность у Руфиджи. Впрочем, переноска грузов к Бехобехо и далее к Кунгулио производилась очень энергично всеми войсковыми носильщиками и затем всеми людьми, которых можно было достать в округе, а также немногими повозками. Для этого нужно было выиграть время, а капитан Штеммерман, двигавшийся по восточной дороге, вокруг гор Улугуру, должен был очень медленно отступать перед дивизией противника, которая вела настойчивое наступление.

У Киссаки я выждал с главными силами, чтобы иметь возможность, быстро выявив благоприятную обстановку, немедленно ее использовать. Как и нужно было ожидать, вследствие нашего отступления на Киссаки неприятель отказался от сосредоточения своих войск у Морогоро и двинулся частью своих сил непосредственно через горы Улугуру, а другими отдельными колоннами — в обход далеко западнее и восточнее этих гор. Наша надежда разбить одну или несколько из неприятельских колонн порознь оправдалась теперь выше всякого ожидания. Генерал Бритс разделил, западнее гор Улугуру, свою дивизию на отдельные бригадные колонны (две конные и одну пешую бригады), которые с трудом могли поддерживать между собой связь. Скоро были установлены, в одном переходе западнее Киссаки, большие неприятельские

бивуаки, и 7 сентября 1916 года находившийся на плантации у Киссаки отряд капитана Отто был атакован сильным конным европейским противником, а также черными и белыми пехотными

Германский транспорт на волах.

частями. Позднее выяснилось, что неприятель состоял из конной бригады генерала Энслинга и частей пехотной бригады дивизии Бритса. Обход, предпринятый неприятелем против левого фланга отряда Отто, развивался без препятствий с нашей стороны, вплоть до того момента, пока неприятельский обходящий отряд не очу-

тился почти совсем в тылу отряда Отто, в районе крепости Киссаки. Повидимому, противник не рассчитывал, что в более глубоком тылу были скрытно расположены немецкие резервы, которые в этот момент перешли в наступление. Доблестная 11 полевая рота, во главе с лейтенантом резерва Фольквейном, настигла в густом кустарнике обходившего противника и немедленно бросилась на него с примкнутыми штыками и криком «ура». Этим были разрушены прекрасные планы противника; при дальнейшей атаке он был теперь попросту смят и окончательно разбит. Энергичное наступление и преследование в широких размерах через едва проходимый кустарник были невозможны, но неприятельские войска были большей частью расстроены и мелкими группами, в большом беспорядке рассеяны по кустарнику, — верховые лошади с их коноводами были захвачены, и около 15 европейцев взято в плен. Еще на следующий день явился в совершенно противоположном направлении английский коновод, заблудившийся в густом кустарнике со своими лошадьми и не имевший никакого представления о том, куда он должен был направиться. Этот человек обладал юмором; он перебросил через ручей свою винтовку и патроны и сказал: «все — дело случая; я мог выбрать верную или неверную дорогу. Я имел несчастье попасть на неверный путь, и в этом моя ошибка».

Отряд Тафеля, который был расположен лагерем на нашем пути наступления, севернее Киссаки, вступил в бой 7 сентября только вечером; я задержал его движение, так как предполагал, что, одновременно с происходящей 7-го атакой противника с запада, необходимо также ожидать его наступления с севера. Весьма вероятно, генерал Бритс и имел в виду это само по себе целесообразное движение; однако, выполнить это ему не удалось. Конная бригада генерала Нусси, не имея никакого понятия о столкновении, происшедшем 7 сентября, подошла 8-го с севера к отряду Тафеля. Она была так же основательно разбита, как и ее товарищи накануне.

Часть взятых в течение двух дней пленных (около 30 европейцев) была отпущена к противнику на честное слово не сражаться больше в этой войне против Германии и ее союзников. Это было в интересах самих пленных, особенно в тропической обстановке; однако, эта человечная мера была неправильно понята англичанами. Они, подозревая шпионаж, задержали парламентера,

передававшего пленных, затем вывели его с завязанными глазами на середину густого леса и оставили там на произвол судьбы. Чудо, что этому человеку, истощенному долгим блужданием, удалось вернуться к нам назад. Это показывает, насколько англичане заставляли нас обращаться с излишней суровостью с неприятелем. При этом, однако, английский солдат доверял нашему отношению к пленным. Раненые англичане при уборке поля сражения, в которой участвовали немецкие и английские врачи, все же просили, чтобы их пользовал немецкий врач. Позднее раненые также заявляли, что при уходе английского медицинского персонала они с трудом выздоравливают.

Я считал, что эти удовлетворительные успехи у Киссаки не принесли окончательных результатов в отношении войск генерала Бритса, и думаю еще и теперь, что, при густом кустарнике и пересеченной местности, нельзя было осуществить энергичного преследования, а последнее только одно могло завершить победу, к которой мы стремились. Мое внимание было, главным образом, направлено теперь на двигающегося вслед за отрядом Штеммермана неприятеля, который подошел на расстояние двух переходов, северо-восточнее Киссаки. Положение там за последние дни сложилось очень неблагоприятно; пересеченная местность вынуждала часто к дроблению наших и без того слабых сил. Отдельные части попадали в засады, войска находились в напряженном состоянии, и у многих такая обстановка сильно повлияла на нервы. 9 сентября отряд Штеммермана приблизился к району Дутуми, который был мне знаком по прежней разведке. Я предполагал, что уже на следующий день неприятель будет продолжать наступление, и считал случай благоприятным для того, чтобы быстрым движением наших главных сил от Киссаки к Дутуми добиться там успеха. Мы выступили вечером из Киссаки по прекрасной широкой дороге и в течение ночи достигли Дутуми. Капитан Отто остался с 5 ротами в Киссаки. По прибытии я решил захватить противника врасплох и рано утром обойти и атаковать неприятельский левый фланг, на котором неприятель находился в тесном соприкосновении с отрядом Штеммермана. Мне было известно, что этот фланг расположен в долине, в то время как, если смотреть с нашей стороны, неприятельский центр и правое крыло тянулись влево, по предгориям хребта Улугуру. Именно благодаря этим предгориям, условия атаки на нашем левом фланге были не совсем

благоприятны. 10 сентября, рано утром, на нашем правом фланге отряд Шульца перешел в наступление. Скоро с обеих сторон был открыт ружейный и пулеметный огонь, а также начала стрелять неприятельская легкая артиллерия; однако, вследствие густой высокой травы, покрывавшей долину, нельзя было получить ясного представления об обстановке. Я считал, что наступление развивается хорошо, и отправился для ориентировки на левый фланг. Высоты здесь также густо заросли. Требовались большие усилия для движения вперед, и было трудно кого-нибудь отыскать. Достаточно измученный, лазил я кругом в полуденной тропической жаре, когда, к счастью, услышал звук жестяной посуды, и оправдалось мое предположение, что здесь обедают именно европейцы. Это был капитан Геринг, который расположился в кустах на одной из высот, дающей хороший обзор. Здесь, около 3 часов дня, было получено мало утешительное сообщение, что на нашем правом фланге атака капитана Шульца не увенчалась успехом, — попросту, не удалось добраться до противника сквозь густую траву. Таким образом, если теперь вообще необходимо было предпринять какие-либо решительные действия, то это было возможно выполнить только на нашем левом фланге. Весьма вероятно, что, ввиду тяжелых условий местности, здесь также нельзя было достигнуть успеха. Наступавшие роты попали в очень пересеченную горную местность, в которой они вели безрезультатную перестрелку с неприятелем, и с наступлением темноты отошли в свое исходное положение.

Следующие дни неприятель производил атаки, главным образом, на нашем левом фланге, но каждый раз бывал отбит нашими контр-ударами. В общем, было ясно, что в районе Дутуми можно было достигнуть решительного успеха только при большой оплошности противника. Между тем, наши сообщения с тылом, которые вели теперь уже не в Киссаки, а в юго-восточном направлении на Бехобехо, находились под серьезной угрозой со стороны противника. Поэтому я отказался от Дутуми и передвинулся с главными силами в расстоянии часа на юг, через реку Мгету, где части заняли растянутый укрепленный лагерь, в котором они оставались в течение нескольких месяцев. К сожалению, благодаря этому движению, было оставлены плодородные поля Дутуми. В бедном районе Кидеренгвы мы вынуждены были базироваться, главным образом, на подвозе, который шел от Руфиджи. К несчастью, тяже-

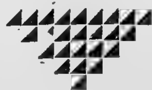
лые условия этого подвоза, в связи с заболеваниями от це-це, очень скоро привели к почти полной потере наших вьючных ослов. Из Кидеренгвы боевые патрули направлялись на сообщения противника с тылом, отходившие от Дутуми на северо-восток, а также на дорогу Дутуми — Киссаки, по которой происходило теперь оживленное движение неприятельских отрядов и транспортов.

Целым рядом однородных наблюдений отмечалось теперь бросающееся в глаза передвижение войск у неприятеля. Как восточнее, так и западнее гор Улугуру были видны транспорты с войсками, которые направлялись к Морогоро в таких размерах, что туземцы говорили: «вана хама» (они переселяются). Это были 12.000 южноафриканцев, которые окончательно растратили свои силы и отправлялись на родину. Если прибавить к этому потери в боях и от болезней в течение последних месяцев, то оказывается, что и эта вторая большая экспедиция англичан потерпела также неудачу.

Неприятель должен был подготовить третье большое наступления, для которого он постепенно стянул один полк с Золотого Берега, два полка с острова Ямайки, одну бригаду из Нигерии, два белых и несколько смешанных полков из Южной Африки и, кроме того, полки из Родезии, из Европы, а также войсковые части из Индии. Он все шире использовывал черные войска, усиливая каждый свой восточно-африканский стрелковый батальон военного времени, и формировал также совершенно новые полки.

Другие наблюдения указывали на передвижение частей на восток. В общем, наступил период затишья, который нарушался только мелкими поисками патрулей и редкой артиллерийской стрельбой.

Генерал Смутс понял неудачу своего наступления. Он письменно предложил мне сдаться и этим показал, что им исчерпаны до конца все имевшиеся в его распоряжении средства.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НАПАДЕНИЕ ПРОТИВНИКА НА ЮГО-ВОСТОЧНУЮ ЧАСТЬ КОЛОНИИ

(Сентябрь 1916 — январь 1920 года)

(Чертежи XIII, XIV и XVI)

Между тем, обстановка у Кильвы потребовала особого внимания. Там в течение нескольких дней происходила значительная высадка войск. Мы имели только слабые отряды, прикрывавшие побережье, которые, главным образом, состояли из молодых, вновь навербованных аскари и были сведены в одну роту. Этой роты не было достаточно, и являлась опасность, что от Кильвы неприятельские войска двинутся к Руфиджи и к Ливале и очутятся в нашем тылу. Без сомнения, неприятель имел подобное намерение, и нужно было что-нибудь против этого предпринять. Майор фон-Бемкен с тремя ротами отошел с поля битвы у Дутуми к Кунгулио на Руфиджи; отсюда последовало походное движение и затем перевозка на плоскодонном пароходе «Томондо» к Утете. «Томондо» был единственным плавающим на Руфиджи, очень мелко сидящим пароходом и служил, главным образом, для перевозки продовольствия, которое доставлялось от нижнего течения Руфиджи к Кунгулио, а затем далее ослами и носильщиками к войскам у Кидеренгвы. Потребовались длинные переговоры, прежде чем «Томондо» было предоставлено правлением в распоряжение армии для нужд войскового транспорта. У Кильвы события развертывались вопреки нашему желанию; хотя произошло несколько успешных для нас мелких боев, однако, как это не раз случалось во время войны, нам не удалось сосредоточенно использовать находящиеся там войска. Между прочим, неприятелю удалось разрушить расположенный западнее Кильвы в слишком близком расстоянии от берега продовольственный склад. Туземцы искусно подстрекались противником к восстанию и оказывали ему ценные услуги в качестве шпионов. Некоторые немецкие разведыватель-

ные отряды понесли большие потери, попав в засаду. Главный гражданский чиновник округа Кильвы был взят в плен. Тяжесть обстановки у Кильвы усугублялась еще тем, что аскари окружного управления не были подчинены военному командованию.

Одновременно с севера, в направлении от Даресалама, стало ощущаться наступление неприятельских сил против Нижнего Руфиджи. Наши слабые отряды, отступавшие от Даресалама на юг к Руфиджи, состояли, главным образом, из вновь сформированных рот аскари и части команды «Кенигсберга» и не представляли достаточного прикрытия для богатой местными средствами области Нижнего Руфиджи. Однако, войска могли рассчитывать на эти средства, так как область Среднего Руфиджи была слабо населена и не могла долгое время снабжать продовольствием солдат и носильщиков. На сбор урожая с кукурузных полей, которые мы, ввиду такого тяжелого положения, засеяли в плодородных равнинах, как у Логелоге, так и у Мпанганджи, нельзя было рассчитывать раньше марта 1917 года. Поэтому атака индусской ротой нашего выдвинутого в боме Кисанджира офицерского поста представляла собой серьезную угрозу. Неприятель, штурмовавший без достаточной огневой подготовки отвесные стены укрепления, был отбит с тяжелыми потерями. К сожалению, здесь также был убит и начальник поста — лейтенант резерва Бальдамус, который слишком открыто держался под неприятельскими выстрелами. Его храброе и стойкое поведение обеспечило нам пребывание местного Окружного управления в Кисанджире до подхода достаточных подкреплений, и, таким образом, надо благодарить этого доблестного офицера за то, что мы еще в течение нескольких месяцев могли удерживать за собой богатую продовольствием область Нижнего Руфиджи.

Уже отмечалось, что у Кидеренгвы наступил перерыв в действиях; нападение на противника, занимавшего сильно укрепленную позицию, не имело никаких шансов на успех. Поэтому командование оставило в районе Киссаки — Кидеренгвы лишь восемь рот под командой капитана Тафеля; впоследствии этот отряд был еще уменьшен. С главными силами командование перешло к Нижнему Руфиджи. Дорога на Кунгулио пролегала мимо больших озер, в которых, так же, как и в Руфиджи, водилось много гиппопотамов. При общей потребности в жирах охота на этих животных стала насущной необходимостью. Надо следить, пока голова зверя

не появится из-под воды и не станет ясно видимой, для того чтобы можно было произвести смертельный выстрел. Тогда гиппопотам погружается в воду, через некоторое время снова всплывает наверх, и при помощи веревки, наскоро сделанной из коры дерева, его вытягивают на берег. Там его разбирают на части, и опытный человек очень хорошо знает места, где находится белое аппетитное сало. Количество последнего очень колеблется. Лучшие экземпляры могут свободно дать два полных ведра. Однако, необходимо изучать не только способы получения жира, но также знать наиболее уязвимые места для нанесения смертельного выстрела. Неопытные люди принимались за дело легкомысленно, и можно было видеть во многих местах, как трупы подстреленных и умерших от ран животных быстро портились и становились негодными для еды. На слонов теперь также начали смотреть совершенно другими глазами, чем раньше; в то время как обыкновенно охотник за слонами перед тем, как делал выстрел, оценивал длину и вес клыков, теперь прежде всего возникал вопрос— а сколько жира даст это животное, так как жир слона очень хорошего качества и даже, пожалуй, лучше на вкус, чем жир гиппопотама.

У Кунгулио взятые с собой гурты скота гнались прямо в реку и переплывали ее. Переправа же войск производилась на паромах, которыми заведывал начальник службы движения потерянной нами Северной железной дороги Кюльвейн, удовлетворявшийся скромной ролью заведывающего Кунгульской паромной переправой. Ко времени нашего прибытия был уже готов мост, длиной около 300 метров, годный также и для повозок. На южном берегу мы разбили лагерь у плантации Нджакисику, принадлежащей поступившему в армию лейтенанту резерва Блеку. Дома европейской постройки были приспособлены под лазарет и совершенно переполнены. В Логелоге мы застали Управление этапами; там было устроено большое число обширных тростниковых бараков для размещения войск. Сама плантация, принадлежавшая Обществу, имела далеко тянувшиеся поля сизаля. Точно так же и снабжение войск было отлично поставлено. В свободном от це-це районе держали много рогатого скота, и, кроме того, уцелевшие у нас вьючные ослы были обратно направлены сюда из области це-це, севернее Руфиджи. Семьи европейцев жили здесь еще, как в мирное время, в своих солидных домах и благодарили судьбу, что происходившие до сих

пор военные действия давали им возможность в течение более чем 2 лет продолжать без помехи свою домашнюю и хозяйственную жизнь.

В Логелоге на опытной станции Мпанганджи, которой мы достигли на следующий день, собрались также и другие европейцы из окрестностей; так как они не могли поместиться в имевшихся постройках, то строили дома из деревянных жердей, камыша или травы. При этом обнаружилось также мало утешительное явление. В то время как войска на фронте были проникнуты воодушевлением и предприимчивостью, в тылу картина иногда получалась совершенно другая. Люди, которые меньше всего разбирались в положении вещей, были убеждены, что знают все лучше других, и питали известное недовольство. Подобное поведение действует заразительно и с течением времени убивает лучшие побуждения. Однако, к счастью, у многих находившихся в тылу военных солдатская гордость была достаточно сильна, чтобы при случае самым резким образом обрывать этих недовольных. В одном из местных лазаретов кто-то слишком много болтал и занимался низкой критикой; тогда один из раненых ответил ему: «вот что я вам, все-таки, хочу сказать: командир — мозг армии, а вы ж. . армии». Это неприкрашенное выражение было так удачно, что оно немедленно привлекло всех смеющихся на сторону раненого, и опасность крупного столкновения, которая надвигалась, была рассеяна.

Теперь возникал вопрос, должно ли командование сначала обратиться на север, на неприятеля у Кисанджира, или же действовать против противника у Кильвы. Последний не двигался дальше в направлении на Ливале, как писал майор фон-Бемкин, но повернул на север, быть может вынужденный к этому передвижениями наших войск. Таким образом, противник перешел в богатый, но очень гористый и тяжелый для передвижения войсковых частей, район Кибаты. Там он в данный момент казался мне мало опасным. Я считал достаточным воспрепятствовать ему в его дальнейшем наступлении на Руфиджи. Для этой задачи было довольно слабых по численности пяти рот под командой капитана Шульца. Майор фон-Бемкин, обеспокоенный за Ливале, ушел с двумя ротами и 10½-сантиметровым орудием в район Мпоторы. Из этого обстоятельства мы, как это выяснилось дальше, извлекли позднее много пользы. При этом я имел свободу действий для даль-

нейшего движения на Кисанджир. Это являлось важным, делая возможным для нас охрану богатой продовольствием области Северного и Нижнего Руфиджи и отправку оттуда богатых запасов к Среднему Руфиджи. Нельзя было предвидеть, сможем ли мы рассчитывать там на удачное столкновение; однако, я думал, что неприятель, который передвинул свои части также и от гор Улугуру на восток в район Кисанджира, будет наступать с севера. Таким образом, здесь очень легко мог представиться случай для удачного боя. Мы переправились через Руфиджи у Утеты в лодках и через несколько дней прибыли в Макиму, в одном переходе южнее Кисанджира. Между тем, в Кисанджире был сосредоточен достаточный гарнизон, силой в две роты, которые там энергично занялись укреплением местности. Немного далее на север, у Манероманго, были расположены сильные части противника, и наш европейский патруль, который был выслан еще из Кидеренгвы, подтвердил нам передвижение неприятельских сил с запада сюда, в район Манероманго — Кисанджир.

Этот патруль, через несколько дней после своего выступления из Кидеренгвы, попал во время страшной жары в безводный район, и отдельные люди потеряли друг друга в густом кустарнике. Чтобы привлечь на себя внимание, они начали стрелять и вынуждены были сдаться англичанам. Только стойкий начальник патруля ушел в туземную деревню, где население с виду встретило его дружелюбно и предложило ему яиц; когда же он нагнулся над последними, черные напали на него и передали английскому патрулю из аскари, скрывавшемуся поблизости. Аскари, который на муле должен был сопровождать немца далее, обращался с ним довольно высокомерно. В пути немец, во время разговора, отвлек внимание аскари, указав ему на ошибку в седловке, и ему удалось получить мула в свои руки; перед тем, как он ускакал, он в происшедшей рукопашной схватке вырвал винтовку у аскари и застрелил его.

Точно так же и восточнее Кисанджира наши отряды подвигались вперед все дальше на север, и дело доходило до целого ряда мелких стычек в кустарнике, которые иногда отличались большими потерями для неприятеля. Немного восточнее, на побережьи, в районе Кисинджу, также появилось несколько неприятельских отрядов, и там же находилось небольшое английское военное судно. Капитан фон-Либерман однажды утром произвел нападение со своей одиннадцатой ротой на этого противника, и наши

аскари, с криком «ура», очень решительно бросились на последнего. По военному судну было сделано также несколько, повидимому удачных, выстрелов из полевого орудия. Выбив противника из Кисинджу, капитан фон-Либерман немедленно отошел назад. Одновременно мы действовали и против тыловых сообщений противника, и почти ежедневно дело доходило до мелких боевых столкновений.

Можно без преувеличения сказать, что густо населенная страна была сказочно богата. Аскари и европейцы, кроме муки в большом количестве, имели в своем распоряжении также и апельсины, папэины, мустафеле, кокосовые орехи и другие тропические фрукты. Поразительно было наличие здесь рисовых полей, которые начинались непосредственно южнее Даресалама, в то время как до войны рис ввозился из Индии. Скота здесь было мало, но роты начали высылать охотничьи команды далеко в богатую дичью степь, которая простиралась, главным образом, на запад от наших позиций. На наличие дичи в районе указывало уже большое количество львов. Семейство из пяти львов неоднократно ночью бродило по нашему лагерю и при этом нападало на наших животных.

В октябре, в то время, как командование находилось в Макиме, было получено сообщение, которое заставило предполагать, что высадка крупных войсковых частей противника у Кильвы, а также появление на реке Мбаранганду неприятельских отрядов, подвигавшихся с запада в направлении на Ливале, указывают на большое концентрическое наступление противника на Ливале. Португальский отряд из трех тысяч, почти исключительно европейцев, переправился через Ровуму, вторгся в гористую страну Маконде и 22 октября 1916 года занял Невалу. Командир «Кенигсберга», капитан флота Лоф, после очищения Даресалама сначала отправился в прежний район действий «Кенигсберга» у Руфиджи, а затем двинулся к Линди. Теперь он принял командование на юге. С двумя вновь сформированными ротами аскари, которыми он мог в первую очередь располагать, он укрепился перед сильными позициями неприятеля, высадившегося у Линди, обеспечил перевозку на вспомогательных суднах из Суди на север и более мелкими действиями наносил вред португальцам, появившимся у Нижней Рувумы. У него не было достаточно сил, чтобы одновременно действовать с надеждой на быстрый и решительный успех также

и против португальцев, наступавших на него сзади, со стороны Невалы.

Оказалось очень кстати, что, как выше отмечено, две роты и 10½-сантиметровое кенигсбергское орудие отряда фон-Бемкина случайно находились у Мпоторы. В качестве командира для этого отряда был командирован от Руфиджи капитан резерва Роте, который до последнего времени работал как главный директор почт и по своему собственному желанию всецело предоставил себя в распоряжение войск. Через несколько дней он прибыл на велосипеде из Нджакисику к своему отряду и повел его вперед на Невалу. Капитан Лоф принял общее командование. Португальцы были сильно обстреляны кенигсбергским орудием, и их позиции взяты штурмом. Как оказалось, нам досталась очень значительная добыча, состоявшая из четырех горных орудий, некоторого числа пулеметов, нескольких сот ружей, большого количества патронов, нескольких автомобилей, продовольствия и всякого рода снаряжения. В течение следующих недель постоянно обнаруживались в скрытых местах закопанный в земле материал и боевые припасы. Наиболее скрытые места отличались особенным обилием. Португальцы были окончательно изгнаны из немецкой области и преследовались, отчасти, и по их собственной территории. Однако, учитывая общую обстановку, я воздержался продолжать преследование до последней возможности. Отряд Роте, ввиду необходимости уделить больше внимания постоянно усиливавшемуся противнику у Кильвы, был снова притянут к Мпоторе. Еще до того, как было выполнено это движение, я считал необходимым переброску более крупных сил из района Кисанджира к Кибате. Однако, не представилось случая завязать севернее Нижнего Руфиджи решительное и успешное сражение. Я был вынужден уйти в горы Кибаты навстречу, повидимому, продолжительным и безрезультатным операциям.

Передвижения войск из Кибаты произошли в конце ноября 1916 года. Во время похода мы расположились на бивуак у Утеты, где в здании гражданского Управления были устроены обширные лазареты и на веранде развернулась жизнь маленького офицерского собрания. Утета, расположенная на командующей высоте, была сильно укреплена стрелковыми окопами с засеками и господствовала отсюда над нижележащим и широко разбросанным туземным городом. Ночью было слышно почти непрерывное и глухое

сопение гиппопотамов, а один дерзкий лев, после того, как ему не удалось нападение на чернокожего, попытался убить в нашем лагере другого человека. К счастью, его добыча была у него вырвана в последний момент подоспевшим европейцем и несколькими черными. При дальнейшем движении мы вышли на дорогу Мохоро—Кибата. Капитан Шульц, занимавший со своим отрядом укрепленную позицию в 2 часах севернее Кибаты, снабжался продовольствием посредством подвоза из богатой местности Мохоро. Различные магазины на этой дороге пополнялись непосредственно из окрестных плодородных районов. Кроме того, капитан Шульц высылал закупочные команды в ближайшие от его лагеря области, наиболее богатые во всей стране.

Поблизости Мбиндии, у лагерной стоянки отряда Шульца можно было видеть с горы широкую проложенную по высотам насыпь. Это была дорога для движения одного 10,5-сантиметрового кенигсбергского орудия, перевозкой которого на позицию руководил капитан-лейтенант Апель. Сотни туземцев, под однообразный напев, тащили тяжелый груз вверх и вниз по крутым скатам, через которые, сквозь густой кустарник, была проложена и расчищена годная для движения дорога. Вскоре по прибытии в Мбиндию орудие было установлено на позицию на одной горной вершине и позднее могло отсюда успешно производить обстрел. Точно так же, одна из 10,5-сантиметровых полевых гаубиц, расположенных дальше впереди, в лощине, стреляла через лежавшие перед ней высоты по неприятельским лагерям. Сведения, поступавшие от резведки, выявили возможность продвинуть нашу пехоту, под прикрытием густого кустарника, на одну из высот, которая командовала над местностью севернее Кибаты. Слабый неприятельский гарнизон этой высоты был атакован врасплох с тыла и быстро отброшен. Затем была атакована другая высота, лежащая непосредственно севернее массивной европейской постройки у одного источника. Скоро можно было видеть, как наши аскари забрались на эту гору и засели на ней, примерно в 80 метрах перед сильными неприятельскими позициями.

Между тем, было закончено передвижение нашей артиллерии; кроме 10,5-сантиметрового кенигсбергского орудия и гаубицы, были также поставлены на позицию оба горных орудия, именно на линии нашей пехоты. Огонь по строениям, где на голой высоте были видны бродившие вокруг многочисленные люди и животные, не

открывался до тех пор, пока не было все готово. Одна из рот, обошедшая неприятеля и расположившаяся на его пути отхода, наблюдала, как тяжелые снаряды, попавшие в бому, вызвали страшную панику. Полки неприятельских аскари убегали со всех ног вдоль фронта скрытно расположенной роты. Но, к сожалению, рота воздержалась от того, чтобы использовать этот благоприятный момент. Она рассчитывала, что за отдельными толпами аскари вскоре последуют еще более сильные группы, и не хотела упускать случая для огневого нападения. Но предполагаемые неприятельские крупные отряды не появились, и, таким образом, тут, как, впрочем, это бывает часто, был упущен хороший случай из-за ожидания еще лучшего. Пехотная атака упомянутых высот, расположенных непосредственно за Кибатой на север, стоила нам потери нескольких очень энергичных европейцев; фельдфебель Миров был убит, вице-фельдфебель Зицман получил, вследствие ранения в ногу, тяжелые и очень болезненные повреждения ножного нерва. Он раньше часто отличался своими неутомимыми и успешными партизанскими действиями против Угандской железной дороги. Теперь он был потерян для службы ввиду длительного пребывания в лазарете и еще до своего выздоровления попал в руки неприятеля.

Было очень трудно правильно ориентироваться в чрезвычайно изрезанных ущельями горах Кибаты. Однако, после произведенных многочисленных разведок, мы спустя несколько дней почувствовали себя в горах почти, как дома. Можно было хорошо наблюдать и Кибату, и пути сообщения противника с тылом, и мы твердо установили, что неприятель продолжал постепенно усиливать свои войска. В сущности, он использовал у Кибаты главную массу высадившейся у Кильвы дивизии. Наши наблюдения и характер местности наводили на мысль, что неприятель предполагает обойти нас от Кибаты в западном направлении, т.-е. вокруг нашего правого фланга, чтобы таким образом заставить нас очистить высоты, которые командовали с севера над Кибатой и над ее главными источниками воды. Фронтальная атака 129 Белуджистанского полка была отбита с тяжелыми потерями для противника. В первых числах декабря были замечены сначала слабые, затем более сильные отряды, которые продвигались с высоты на высоту против нашего правого фланга и скоро достигли своими передовыми частями одной из командующих гор, которая была англичанами названа «Холмом Золотого Берега». Ущелье и лес благоприят-

усиливавшиеся, означают орудийные и пулеметные выстрелы. Когда ветер переменился, был также отчетливо слышен шум боя. Таким образом, вопреки всем ожиданиям перед нами происходил серьезный бой, но учитывая большое удаление и необходимость перехода сквозь закрытую скалистую местность, поросшую кустарником, я считал невозможным надеяться на успешное введение в бой оставленных резервов. Даже самое поверхностное ознакомление с обстановкой боя потребовало бы нескольких часов, а до захода луны оставалось уже меньше часа. Поэтому, волей-неволей, я был вынужден предоставить бой своему собственному течению.

Высоты, обследованные патрулями, наши роты нашли, действительно, свободными от противника, но непосредственно за ними на втором гребне, на укрепленной позиции, находился неприятель. На эту позицию неожиданно и натолкнулись наши части и при закрытом характере местности и темноте потеряли обзор и связь. Наши аскари засели против неприятеля, и капитан Линке, принявший командование после того, как обер-лейтенант фон-Бок был тяжело ранен, а капитан фон-Карнацкий убит, вполне понимал, что если он останется тут лежать, то после наступления дня будет лишен всякой возможности передвижения. Так как нельзя было рассчитывать на успех, то он осторожно, еще ночью, прекратил бой и вернулся к исходному положению. Неприятель, состоявший, главным образом, из 11 Южно-Африканского пехотного полка, хорошо дрался и неоднократно брал наши роты под действительный пулеметный огонь. Наши потери — около 50 убитых и раненых, нужно признать тяжелыми, принимая во внимание то незначительное число ружей — около 400, которые, собственно, принимали участие в этом бою.

В следующие дни мы заняли большие высоты, расположенные далее на запад, и потеснили находящиеся впереди конные отряды с очень чувствительными для них потерями. Часто случалось, что из отрядов противника, силою около 20 человек, почти никто не оставался или лишь немногие люди. Да и вообще, мы имели целый ряд очень удачных столкновений. Неоднократно мы наблюдали в сильные бинокли с наших высот, открывающих широкий обзор, как неприятельские войска и колонны обозов двигались с севера на Кондоа, затем сворачивали на восток и исчезали в горах. Точно так же и наши патрули, высылаемые далеко в тыл неприятелю,

подтверждали передвижение больших транспортов от Аруши в направлении на Кондоа-Иранги.

Англичане немедленно взяли в свои руки гражданское управление в Кондоа, искусно привлекли туда туземных вождей и дали им указания об их дальнейшем образе действий. Сюда входила и обязанность сообщать о передвижении немецких войск. Таким образом, для наших патрулей часто бывало целесообразным выдавать себя в неприятельском районе за англичан. Ведь различие в формах одежды было невелико и еще больше стерлось благодаря долгой боевой жизни; в общем, часто, вместо форменного обмундирования, носили лишь рубахи с открытым воротом, а маленький суконный значок, который англичане носили на тропической шляпе, мало бросался в глаза, тем более, что часть немцев была также вооружена английскими винтовками.

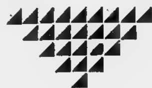
В общем, не получалось впечатления, что в Кондоа находятся очень крупные силы противника. Однако, наше наступление, если бы оно даже и было успешно, должно было итти через открытую местность против укреплений, обороноспособность которых мы не могли достаточно подавить нашими немногими орудиями. Значительные и трудно возместимые потери, которых можно было с уверенностью ожидать, побудили меня отказаться от общей атаки и вредить противнику лишь мелкими действиями, которые до сих пор оказались очень полезными. Наша артиллерия — прибыли также оба горные орудия и две полевые гаубицы, доставленные в колонию на вспомогательном судне, — обстреливала наиболее выгодные неприятельские цели, когда они появлялись. Точно так же и здания Кондоа-Иранги, куда прибыл генерал ван-Девентер, брались при случае под огонь нашего 10½-сантиметрового орудия. Западнее расположения наших крупных сил у дороги Саранда—Кондоа-Иранги наша вновь сформированная стрелковая рота в нескольких удачных столкновениях постепенно оттеснила к Кондоа-Иранги части Южно-Африканского конного полка. Неприятель все более усиливался. В начале июня он обстрелял нас с большого расстояния, около 12 километров, тяжелыми орудиями 10—12,5-сантиметрового калибра. Необходимо признать хорошее наблюдение и руководство огнем артиллерии противника. Во всяком случае, 13 июня 1916 года его снаряды очень скоро стали точно ложиться в расположение нашего командования. Я прервал свою работу, которой занимался под защитой тростниковой крыши,

и укрылся немного в стороне за скалой. Непосредственно после того, как ко мне присоединился также и офицер-ординарец, обер-лейтенант Боль, прямо над нами разорвался снаряд, тяжело ранивший обер-лейтенанта Боля в бедро и легко меня и нескольких других европейцев. Материального вреда неприятельская артиллерия нам, впрочем, почти совсем не причинила, но, все-таки, было неприятно, когда ее тяжелые орудия время от времени обстреливали наш лагерь.

От значительных работ, которые требовали хорошего оборудования, мы отказались, так как должны были полностью использовать силы наших людей как для патрульной и сторожевой службы, так и для сбора продовольствия. Вся страна, насколько мог охватить глаз, была покрыта туземными плантациями; главным образом, — и тут, прежде всего, принималось в соображение продовольствие войск, — возделывалась мтама, род пшена, который как раз начал поспевать. Туземцы, большей частью, разбежались. Снабжение из Додомы не смогло следовать за нашим наступлением; поэтому довольствие базировалось почти исключительно на запасах, который собирали особо выделенные из роты команды. Снопы быстро сохли на камнях под горячим солнцем. Во всех ротах производилась оживленная молотьба. Получаемые зерна растирались камнем или же толклись в муку шестами в «киносах» — твердых деревянных сосудах. Для европейцев в то время имелась еще пшеничная мука, которая подвозилась по этапным дорогам. Под Кондоа наш хлеб, состоявший из смеси пшеничной муки с туземной, был превосходного качества. Кроме мтамы и других зерновых сортов, имелся сахарный тростник, мухого (растение с вкусным съедобным корнем), сладкий картофель, различные сорта гороха и другие туземные плоды, а также и мясо в достаточном количестве. Войска могли обильно и разнообразно питаться в богатой области Кондоа.

Наблюдавшаяся растяжка неприятеля от Кондоа на восток привлекла наше внимание также и на этот до сих пор мало знакомый район. Капитан Шульц был послан туда с несколькими ротами и попал в чрезвычайно трудную для передвижения гористую и сильно заросшую местность, где встречались поселения только на плодородных участках. Здесь дошло до целого ряда боев, в которых с нашей стороны принимали участие одна или несколько рот и которые отличались большими потерями для неприятеля.

Сравнительно сильный неприятельский отряд старался вклиниться между нами и ротами отряда Шульца и, вероятно, имел намерение отрезать последнего. Однако, эта попытка противника совершенно не удалась. Наши войска сжали с обеих сторон этот неприятельский клин и отбросили его назад. При этом особенно отличился старый эфенди (офицер из туземцев) Юма Мурзаль. Он расположился у источника воды и с большим успехом обстреливал англичан, приходивших туда пить; по его наблюдениям, при этом было убито 6 человек. За время боев у Кондоа-Иранги противнику были в общем нанесены очень значительные потери. Если к этому прибавить еще убыль от болезней в его новых белых войсках, непривычных к тропикам и чрезвычайно небрежных в применении мер защиты от тропических болезней, то вряд ли можно расценивать общие потери противника за период Кондоа-Иранги ниже чем в 1.000 человек белых.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МЕЖДУ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЖЕЛЕЗНЫМИ ДОРОГАМИ

(Июнь — август 1916 года)

(Чертежи XI и XII)

В конце июня 1916 года события на других боевых участках получили решающее влияние на наши действия у Кондоа. Из района озера Киву и от Руфиджи двигались бельгийцы; западнее озера Виктории, а с середины июля также и от Муанзы наступали на Табору английские войска. Генерал Вале, командовавший из Таборы всеми находящимися на северо-западе частями, постепенно оттянул свои отряды с границы к Таборе.

С юго-запада из района между Танганайкой и Ниассой также наседали неприятельские отряды. Наша рота из окрестностей Бисмаркбурга медленно с боями отходила перед ними в северо-восточном направлении на Табору. Из округа Нейлангенбурга обе наши охраняющие роты постепенно отходили в направлении наИрингу. За ними следовал генерал Нортей, дивизия которого была снабжена всеми средствами современного ведения войны. Об этих событиях при трудности связи командования имело лишь отрывочные сведения.

У Северной железной дороги патрули майора Краута, которые высылались с его постоянной позиции у Лембени, достигли случайных успехов. Несколько аэропланов были вынуждены к спуску и разбились; летчики были захвачены в плен, а аппараты уничтожены. Когда прекратился период дождей, неприятель начал движение от Кахе вдоль Северной железной дороги, а также восточнее ее через горы Паре и западнее вдоль Пангани. Наблюдались сотни автомобилей и большие массы конницы. Чтобы не быть отрезанным ввиду большого превосходства противника, майор Краут оттянул по железной дороге в Буйко свои главные силы, оставив против неприятеля лишь слабые отряды. В этой ме-

стности, как и у Момбо, произошло затем несколько столкновений, во время которых наши роты иногда проезжали через неприятельское расположение и обстреливали противника из вагонов при его попытке загородить за ними полотно железной дороги. Хотя неприятель, благодаря своему численному превосходству, мог легко производить обходные движения постоянно свежими частями, но трудные условия местности в высшей степени влияли на действительность подобных мероприятий. Поэтому казалось, что неприятель очень часто отказывался от мысли производства обходов, но зато придерживался своего рода тактики изнурения. Сегодня он действовал одной частью своих войск, затем давал ей отдых, а на следующий день выдвигал другие части и еще на следующий день опять новые. Несмотря на всю очевидность превосходства противника и благоприятные условия его снабжения, его наступление шло довольно медленно. Ни разу войска майора Краута не попали в действительно тяжелое положение; наоборот, нашим частям удавались огневые нападения, и мы имели частичные успехи, нанося неприятелю очень чувствительные потери, как, например, в арьергардном бою, который вел капитан фон-Бодекер в районе Гандени.

При таком обозначившемся со всех сторон наступлении противника нужно было поставить себе вопрос, что теперь случится с находящейся в Кондоа главной частью войск. Для нападения обстановка была слишком неблагоприятной. Таким образом, возникал вопрос, в каком направлении должно быть произведено наше отступление. Я обратил внимание на район Махенге. Этот район избавлял нас от обхода противника, был богат местными средствами и допускал ведение малой войны. Кроме того, отсюда представлялось возможным уклониться дальше на юг и еще долго продолжать войну.

Другим важным пунктом было обеспечение наших военных запасов у Центральной железной дороги, особенно находившихся в районе Морогоро. Последние подвергались большой опасности при наступлении генерала Смутса, перед которым майор Краут вынужден был отойти до окрестностей Гандени. Если можно было даже предположить, что постоянно увеличивавшаяся длина тыловых сообщений и свяжет генерала Смутса, то все-таки я считал его самым серьезным и опасным противником. Поэтому я решил оставить против неприятеля у Кондоа только один отряд у Бурунги,

под командой капитана Клингарта, а с главными силами перейти снова к Додоме, откуда перебросить части по железной дороге к Морогоро и соединиться с майором Краутом. Позднее обнаружилось, что англичане были до мелочей осведомлены об этом передвижении и знали, например, подробно о несчастном случае с одной из наших рот на железной дороге во время этой перевозки. По прибытии наших рот у европейцев в Морогоро, вследствие отличного поведения аскари, исчезли последние следы подавленного настроения. Каждый мужчина и каждая женщина поняли, что хотя наше положение и было тяжелое, но что не было никакого другого выхода, как только продолжать войну, и что наши войска по своим качествам в состоянии еще долго успешно сражаться. В начале июля я прибыл к майору Крауту. Он занимал укрепленную позицию у горы Канга, северо-восточнее Тулиани. Я думал, что аскари подавлены отступлением, но нашел их в отличном настроении и уверенными в своих силах. Перед позицией они расчистили поля обстрела от 50 до 100 метров и были твердо убеждены, что атака противника будет отбита.

Время, которое оставалось до прибытия остальных отрядов к Тулиани, я использовал для разведки и таким образом скоро получил представление о проходах, которые пересекали тяжелую, скалистую и лесистую местность к западу от нашей этапной дороги.

Попытка нашего сравнительно крупного отряда обойти неприятельский лагерь и атаковать его с тыла не увенчалась успехом ввиду чрезвычайного густого кустарника. Однако, неприятель понес потери, благодаря деятельности многочисленных мелких патрулей, обстреливавших его транспорт и его автомобили, курсировавшие позади фронта. При этом был также удачно обстрелян автомобиль одного из штабов. Неприятель также высылал патрули, и некоторые из его дальних патрулей забрались к нам в тыл. Один из них, под командой лейтенанта Виенгольда, обнаружил себя тем, что напал на колонну наших носильщиков и сжег их грузы. Между последними имелось некоторое количество прибывших на вспомогательном пароходе и нетерпеливо ожидаемых шаровар. Поэтому Виенгольд возбудил в каждом чувство досады, был выслежен на своей стоянке в густом кустарнике и атакован. Лично ему удалось скрыться, и он, рассчитывая, что в африканском кустарнике трудно кого-нибудь найти, попытался пробраться

сквозь наши линии назад к англичанам. Нашим опытным разведчикам, которые раньше совершили успешный захват лошадей у Лонгидо — Ван-Ройену, Нивенгизену и Трупелю, удалось напасть на его след и поймать его. При возвращении с разведки я нашел Виенгольда в нашем лагере Тулиани за веселой пирушкой с теми, кто его захватил. Мы все должны были честно признать отличными действия его патруля, путь которого был точно нанесен на взятой у него карте. Виенгольд был затем направлен вглубь страны — в лагерь пленных, но через несколько месяцев бежал оттуда во время купания. В 1917 году в районе Кильвы и Левале а также позднее, в 1918 году, в Португальской Восточной Африке, он снова развил блестящую партизанскую деятельность против нас. Меня живо заинтересовало его описание нападения леопарда, который с большой дерзостью набросился на стоянке на одного из спутников Виенгольда. Весьма вероятно, что он успел познакомить своих родных и знакомых с этим живым рассказом, оригинал которого был для него, к сожалению, потерян, попав позднее в наши руки при столкновении патрулей.

Теперь, в течение следующих недель, англичане нас беспокоили, главным образом, бомбами с аэропланов. Повидимому, они точно узнали место расположения командования лагеря в Тулиани. Я вспоминаю день, когда четыре аэроплана, против которых мы ничего не могли предпринять, часами кружились над нашим лагерем и сбрасывали бомбы. Однако, мы научились маскироваться; только европеец, занятый на телефонной станции в хижине, был так тяжело ранен, что потерял руку. Расположенная рядом хижина с ценными документами загорелась от зажигательной бомбы.

Мои автомобили были тогда еще на ходу, и я имел возможность часто быстро добираться до отряда Краута, который находился на хорошей этапной дороге. Здесь капитан флота Шенфельд отлично рудоводил огнем 10½- и 8,8-сантиметровых морских орудий. С его артиллерийского наблюдательного пункта, расположенного на вершине горы Канга, открывался хороший обзор неприятельского лагеря. Более мелкие немецкие отряды не последовали из Узамбары за майором Краутом в Тулиани, а отошли вдоль Узамбарской железной дороги в направлении на Тангу. В этом районе, так же как и у Корогве, они имели мелкие столкновения с противником и постепенно отступали на юг, правее отряда Краута. За ними следовали более или менее сильные

отряды неприятеля. С течением времени для войск, расположенных у Тулиани, росла опасность быть обойденными с востока и потерять связь с районом Морогоро, таким важным не только в отношении снабжения боевыми патронами и материалом, но и в смысле продовольствия. Одновременно в южном направлении от Кондоа наступал генерал ван-Девентер, войска которого были доведены до одной дивизии. Перед ним капитан Клингарт отходил сначала на юг, а затем в направлении на Мпапуа.

Закрытый и бездорожный характер местности вынудил при этом капитана Клингарта еще больше раздробить уже сам по себе незначительный отряд (5 рот), чтобы наблюдать и запереть важнейшие проходы. Неприятеля сопровождало большое число автомобилей, и нам удалось случайно повредить один из них заложенными минами. При вынужденной разброске сил капитана Клингарта и при трудности связи между ними одна часть часто могла не знать, что происходило в соседнем отряде. Сильный немецкий конный патруль, следуя с востока, искал связи с отрядом, который, по его предположению, находился у Мейамеи на дороге Додома — Кондоа-Иранги. Ничего не подозревая, он прямо въехал в английский лагерь и был почти целиком взят в плен. Обратное движение нашей Кондоаской группы, которая стремилась не только уйти, но и нанести неприятелю урон, было очень трудным маневром; нелегко уловить момент, когда следует отойти, когда нужно снова задержаться и когда необходимо снова быстро перейти в наступление для контр-удара, чтобы затем немедленно, во-время отступить. Отсутствовали достоверные сведения; при отступательном марше нескольких колонн через незнакомую местность, при недостатке средств связи, трудности росли до бесконечности. Влияние командиров часто сводилось на-нет, и слишком многое предоставлялось случаю. 31 июля 1916 года неприятель достиг Центральной железной дороги у Додомы. Капитан Клингарт отступил на восток вдоль железной дороги.

В боях, разыгравшихся западнее Мпапуа, не были оценены некоторые благоприятные моменты, и соседние отряды, на поддержку которых рассчитывали, не прибыли во-время. Такие случаи легко внушают войскам чувство неуверенности и действуют отрицательно на доверие и дух предприимчивости. Обстановка здесь усложнялась еще тем, что командир, капитан Клингарт, заболел тифом и выбыл как раз в критический момент. В качестве

его заместителя из Тулиани был направлен капитан Отто. Последнему удалось снова собрать разбредшиеся части и использовать их сосредоточенно.

Точно так же, вторая стрелковая рота, которая была вынуждена отступать по дороге Кондоа — Саранда к последнему пункту и связь с которой была совершенно прервана, присоединилась, описав большую дугу, снова к отряду Отто, южнее железной дороги. Бои отряда Отто, при превосходстве сил противника, часто представляли картину фронтальной атаки при одновременном обходе обоих наших флангов. Неприятелю не всегда удавалось согласованно проводить этот маневр, так, например, у Мпапуа противник слишком близко развернулся перед нашим фронтом и понес значительные потери; точно так же и обхваты, даже когда они направлялись в глубокий тыл наших позиций, не имели никакого решающего влияния. В закрытой местности было всегда возможно уйти от опасности и атаковать обходящие части порознь, если к этому представлялся благоприятный момент. Во всяком случае, неприятельская тактика охватов в чрезвычайно густом кустарнике и среди многочисленных скал требовала большого напряжения и истощала силы его войск. Капитан Отто каждый день отступал только на несколько километров на восток, и железная дорога позволяла ему при этом менять по желанию позицию своих тяжелых орудий. Когда отряд Отто подошел к Килоссе, стало необходимым предпринять перегруппировку наших главных сил, находившихся у Тулиани. Штаб и часть войск двинулась к Морогоро. Майор Краут с несколькими ротами и 10½-сантиметровым орудием направился к Килоссе. У Тулиани командование принял капитан Шульц.

Мне приходилось учитывать, что наступающие с севера колонны скоро достигнут района западнее Багамоджо и в этом пункте произойдет также высадка войск. Для личного ознакомления я отправился на станцию Руву и оттуда на велосипеде по песчаной и холмистой дороге к Багамоджо. В однодневном переходе от Багамоджо я натолкнулся на стоянку двух европейцев. Это был управляющий округом Михельс, который хотел перенести местопребывание Управления дальше в глубь страны. Население было доверчиво и продолжало жить, как в мирное время. Мировая война проходила до сих пор мимо него бесследно. Так как время не терпело, я должен был возвращаться назад. Быстрый мул Ми-

хельса доставил меня в несколько часов обратно в Руву. На следующий день я, на велосипеде, начиная с Кидугалло, произвел осмотр продовольственных магазинов, расположенных там, и далее на север, а затем снова отправился в Морогоро. Другие поездки, также на велосипеде, привели меня к горам, расположенным на

Маскировка конницы в Африке — лошадь, выкрашенная под зебру, легко скрывается в лесной светотени.

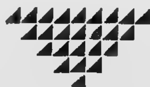
запад в направлении на Килоссу, а также к дорогам, которые проходили западнее и восточнее гор Улугуру. Проходы, ведущие от Морогоро вверх по северному склону гигантского массива гор Улугуру и далее на Киссаки, можно было разведать только пешком. При наступлении генерала ван-Девентера на Килоссу и при опасности, что капитан Шульц будет также обойден у Тулиани, нельзя было упустить момента притянуть отряд последнего к Морогоро. Чтоб, несмотря на это, быть в состоянии производить контр-удары, мы должны были возможно больше удерживать за собой район Тулиани.

Отряд капитана Штеммермана, выдвинутый из Тулиани на короткий дневной переход, непосредственно на север, был атакован от Матомондо сильными европейскими и индусскими частями. Неприятель действовал очень искусно. Один из пулеметов 6 роты, стоявший на скалистом утесе, был захвачен одиночными индусами, незаметно подкравшимися спереди, и быстро сброшен с кручи вниз, так что его нельзя было найти. Вторгнувшись на нашу позицию, неприятель был с тяжелыми потерями отброшен контрударом 21 роты. Английский майор Буллер, сын известного генерала — участника бурской войны, прострелил с близкого расстояния шляпу ротного командира обер-лейтенанта фон-Руктешеля, но затем сам был тяжело ранен последним. Майор Буллер был потом отправлен в немецкий лазарет в Дaресалам, и его выходила жена его противника, работавшая там в качестве сестры милосердия. Во время боя у Матомондо английская кавалерия произвела обход с севера; она неожиданно появилась в горном проходе, идущем с севера к Тулиани. Это была вторая конная бригада, прибывшая из Южной Африки под начальством генерала Бритса; она, повидимому, понесла в густом кустарнике тяжелые потери.

Капитан Шульц, с одобрения командования, отступил к Деркаве, которая лежит в степи, покрытой густым кустарником, у дороги Тулиани—Морогоро, на реке Вами. Он находился здесь на укрепленной позиции на южном берегу и 13 августа был атакован наступающим от Тулиани неприятелем, силой, по меньшей мере, в пехотную и конную бригаду Бритса, а также одновременно и с востока бригадой, которая двигалась вверх по Вами, вдоль правого берега. Во время боя у Морогоро действовала постоянная телефонная связь с капитаном Шульцем; потери неприятеля оценивались в несколько сот человек, что было позднее подтверждено англичанами. Неприятельские атаки были отбиты, но в густом кустарнике обстановка была настолько неясна, что решительный успех казался недостижимым. Капитан Шульц колебался пустить в ход свою последнюю резервную роту. Я одобрил его намерение отойти по окончании боя к Морогоро, так как общая обстановка делала желательным сосредоточение моих сил. После прибытия майора Краута в Килоссу я притянул в Морогоро также и капитана Отто, с частью его рот. Майор Краут прошел через Килоссу вслед за отрядом Отто и, после боев у этого пункта, занял позицию немного южнее у дороги на Махенге. Уже после того, как неприя-

тельские войска заняли Килоссу, несколько часов продолжалась связь с отрядом Краута через неприятеля.

Однако, после этого непосредственная связь с майором Краутом прервалась. Связь по гелиографу не действовала, а проволочная линия, шедшая от Киссаки и позднее от Руфиджи к Махенге и оттуда к войскам майора Краута, не была еще готова, а местами еще совсем не строилась. Со второй половины июля, т.-е. более месяца, отсутствовала всякая связь с генералом Вале у Таборы. Багамоджо попало в руки неприятеля. Надо было ежедневно считаться с возможностью падения Даресалама и перерывом связи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЕ БОИ В РАЙОНЕ РУФИДЖИ

(Август — сентябрь 1916 года)

(Чертежи XII и XIII)

Против войск генерала Нортея, наступавшего от Нейлангенбурга, был направлен в конце июня из Додомы капитан Брауншвейг. Последний привел пополнение из Кондоа и Даресалама обеим ротам аскари, отступавшим из района Нейлангенбурга, и сосредоточил у Малангали свои собственные части, в общем пять рот при одной полевой гаубице. Там его отряд сражался против превосходных сил противника, но был вынужден отойти в направлении на Махенге.

Возникал вопрос, как следует вести наши дальнейшие операции в данное время, когда двигающиеся со всех сторон на Морогоро неприятельские колонны сближались между собою. Неприятель рассчитывал, что мы задержимся у северного склона гор Улугуру, у Морогоро, для последнего решительного боя. Эти расчеты были мне не совсем понятны. Ввиду нашей значительной слабости было бы безумием ожидать здесь соединения неприятельских колонн, из которых каждая в отдельности была численно сильнее нас, и затем драться спиной к крутым скалистым горам, проходы через которые могли быть легко заперты и которые стесняли всякую свободу передвижения в нашем тылу. Я считал более целесообразным вести операции так, чтобы иметь дело только с одной частью неприятеля. При известном стремлении противника, и в особенности генерала Бритса, к глубоким обходным движениям я рассчитывал, что от Деркавы, где были обнаружены сильные неприятельские лагеря, и от Килоссы будут двинуты колонны с тем, чтобы западнее гор Улугуру зайти нам в тыл. Эта возможность казалась настолько вероятной, что я ежедневно выезжал на велосипеде к горам, расположенным западнее Морогоро, чтобы там во-время принять донесения наших патрулей и допол-

нить их собственными наблюдениями над облаками дыма и пыли. Последние скоро не оставили никаких сомнений в том, что сильные колонны начали движение из района Деркавы к железной дороге между Морогоро и Килоссой. Патрули обнаружили неприятельские части, которые перешли железную дорогу и двигались далее на юг.

Наблюдательные посты на высотах доносили, что облака пыли отмечают направление на Млали.

Так как в мои планы входило дать этому движению широко развернуться и затем атаковать отдельные части всеми силами, то я выждал, пока, по моим расчетам, эта колонна могла подойти совсем близко к Млали. Капитану Отто, находившемуся у Морогоро, вечером 23 августа было приказано ночью с тремя ротами отступить к Млали. Он и прибыл туда 24 рано утром, и к этому же времени английская конница захватила склады у Млали. Когда я в автомобиле прибыл в отряд Отто, бой был в полном разгаре. Однако, местность не была благоприятна для коротких решительных наступательных действий, вследствие многочисленных крутых высот, затрудняющих движение. По телефону были стянуты все остальные войска, за исключением отряда капитана Штеммермана. Я сам еще раз съездил в Морогоро для личных переговоров. Отряд Штеммермана, которому, учитывая состояние дорог, я придал также 10½-сантиметровое Кенигсбергское орудие и гаубичную батарею, получил задачу отступать вдоль восточного склона гор Улугуру и там задержать неприятеля. Сами же проходы гор Улугуру были заперты слабыми патрулями. После полудня я прибыл снова в район Млали, где исход боя еще не определился. Неприятельские части были в нескольких местах отброшены, и некоторым из наших казалось, что они заметили у противника значительные потери. Однако, с наступлением темноты мы так глубоко забрались в горы, что передвижения были сильно затруднены и отнимали много времени, а потому мы были вынуждены остановиться.

На следующее утро многочисленные взрывы наших магазинов, захваченных неприятелем врасплох, показали, что противник отошел, уничтожив сложенные там 10½-сантиметровые снаряды. Мы предполагали, что этот обход совершался в юго-западном направлении, что и подтвердилось позднее. Казалось вероятным, что неприятель совершал обходное движение, чтобы раньше нас

достигнуть Киссаки. В обширном продовольственном складе этого пункта было собрано 600.000 килограммов продовольствия, а также вывезенные из Морогоро военные материалы. Дикие слухи опережали действительность и сообщали, что большие силы противника уже появились южнее нас на дорогах, ведущих к Киссаки. Хотя колесная дорога кончалась у Млали и дальнейшие пути сообщения по направлению к Килоссе представляли собой лишь тропинки с многочисленными спусками, подъемами и препятствиями, тем не менее, приходилось очень серьезно считаться с возможностью быстрого появления противника у Киссаки, и нам нельзя было терять времени. Вечером в миссии Мгета мы встретили у местного патера чрезвычайно радушный прием. Здания были красиво расположены в глубоком ущельи реки Мгеты, которая здесь отличалась довольно быстрым течением. Многочисленные огни на склоне горы производили впечатление, будто приближаешься к маленькому курортному месту Германии. Несколько европейских женщин из Морогоро также находились здесь и в последний раз прощались с войсками. За исключением нескольких сестер милосердия, все женщины должны были остаться.

Вывоз наших грузов проходил удовлетворительно. Пришлось очень кстати, что около тысячи чернокожих рабочих, которые еще несколько дней тому назад работали в лесничестве у Морогоро, были, по настоянию предусмотрительного капитана Фейльке, предоставлены в распоряжение войск.

Однако, разрешение вопроса о носильщиках начинало становиться трудным. Население видело, что мы очищаем местность; некоторое число туземцев, обещавших явиться, не прибыло, к отчаянию более разумных вождей, которые охотно хотели нам помочь. Так как в районе Мгеты появились только слабые отряды противника, то было весьма вероятно, что его главные силы выполняют обходное движение. Поэтому, оставив арьергард, который только медленно следовал за нами, я стянул наше главное ядро в следующие дни ближе к Киссаки. Однажды ночью у моей постели появился аскари и стал на вытяжку; это был эффенди Юма Мурзаль, 4 полевой роты, оставленный больным у Морогоро. Он ушел из лазарета и последовал за нами через горы. Он сообщил, что неприятель, примерно такой же численности, как раньше — у Кахе, двигается от Морогоро на запад вокруг гор Улугуру и что некоторым немецким аскари надоели слишком частые бои послед-

ствовали нашему контр-наступлению на этот холм, и наши аскари, неожиданно даже для нас, показались почти у самых неприятельских позиций. Наши орудия были готовы к открытию огня, но, к сожалению, первая граната разорвалась среди наших аскари, и пехотная атака, которая могла быть успешной только при быстроте и внезапности, не удалась. Тем не менее, от огня наших двух горных орудий, открытого теперь с 1.600 метров, а также и от огня нашей гаубицы, расположенной сзади, неприятельский Золотобережный полк понес очень крупные потери. Неприятель был расположен на краю горы, крутые скаты которой были большей частью совершенно оголены. Поэтому он с трудом мог избежать обстрела, а устройство окопов требовало при твердом грунте много времени. Когда мы окружили гору, наша пехота концентрически обстреляла пулеметным огнем ясно видимые цели. Для неприятеля сделалось невозможным удержать такую важную для него позицию. После его отхода мы нашли многочисленные кучи убитых, и потери павшими только на одном этом месте едва ли могли быть меньше 150 человек.

Однако, наступление Золотобережного полка все же принесло неприятелю известную пользу. При моих слабых силах — мы имели в общем около девяти рот — я отвел одну из двух рот, расположенных непосредственно у Кибаты, чтобы использовать ее против Холма Золотого Берега. Когда я ночью вернулся в лагерь, то услышал в расположении единственной оставшейся теперь в соприкосновении с неприятелем роты многочисленные мелкие взрывы. Значение этих взрывов мы узнали только спустя некоторое время, так как это была незнакомая нам тогда атака ручными гранатами. Противник атаковал многими ротами и так быстро и ловко, что неожиданно ворвался в окопы наших слабых частей и отбросил их. Потеря этой позиции лишила нас возможности вести с близкого расстояния огонь по передвигавшимся войскам противника и по его сообщениям с источником воды. Я это до сих пор проделывал успешно и даже, воспользовавшись случаем, выдвинул туда легкое орудие, которое по окончании обстрела было опять оттянуто назад.

Тем не менее, очищение этих высот и понесенные при этом потери теперь вознаграждались успехом, достигнутым у Холма Золотого Берега. Несмотря на нашу численную слабость, мы вполне оставались господами положения. Наши патрули и сильные

летучие отряды проникали непосредственно в тыл неприятеля, а также дальше, до его путей сообщения с тылом. Более мелкие действия, которые неприятель иногда пытался предпринимать, не приводили ни к каким результатам. В общем, противник понес у Кибаты крайне значительные потери, и я думаю, что их нельзя оценивать ниже четырехсот человек. Его оперативные планы были также основательно расстроены. Не подлежало никакому сомнению, что он стремился двигаться вперед от Кильвы на Левале. Наш сильный удар у Кибаты вынудил его обратиться против нас, отвлек его внимание от Кильвы и заставил его оставить в покое остальную область, а также наши запасы продовольствия и пути подвоза. Примерно в конце декабря появились неприятельские аэропланы, которые часто летали над нашими позициями и сбрасывали на них бомбы. Хотя они при этом употребляли теперь гораздо более сильные бомбы, чем раньше, все же они причиняли нам очень слабые потери. В день Рождества мы увидели, что с одного аэроплана была сброшена большая масса груза на бому Кибату, но наша надежда, что неприятель случайно обстреливает свой собственный лагерь, нас обманула: это были большие массы сигарет, которые являлись рождественским подарком своим войскам.

К этому времени я получил однажды личное письмо британского главнокомандующего генерала Смутса, в котором он сообщал мне о пожаловании мне ордена «пур ле мерит» и высказывал надежду, что его сердечное поздравление не будет мне неприятным. Я его поблагодарил таким же вежливым образом. Я упоминаю об этом письме генерала Смутса в доказательство того, что, несмотря на убийственную войну, между противными сторонами безусловно существовало самое глубокое уважение. Вообще, неприятель много раз высказывал, как он глубоко ценит подвиги немецких войск.

В конце 1916 года я считал военное положение в колонии исключительно благоприятным, так как я знал, что южно-африканские войска были большей частью уничтожены вследствие потерь в боях и болезней и что из оставшихся большая часть, по истечении срока своей службы, возвратилась обратно в Южную Африку. Точно так же и индусские войска, после продолжительного пребывания в открытом поле Восточной Африки, численно уменьшились, а вновь прибывшие части — мы твердо установили

присутствие у Кибаты индусских полков из племени патанов — состояли большей частью из молодых солдат. Другие же полки, как 129 Белуджистанский, который раньше сражался во Фландрии, несомненно, представлял собой хороший боевой материал, но в отношении их можно было ожидать, что они не выдержат продолжительных тягот африканской войны. Неприятельские черные войска аскари, в общем, были молоды, и только сравнительно небольшое число их уже принимало участие в боях. Таким образом, можно было спокойно и в дальнейшем выдерживать более длительную войну. Я еще и теперь думаю, что нам удалось бы не только устоять против превосходного противника, но даже разбить его, если бы он не имел возможности постоянно пополнять свои войсковые единицы и привлекать новые войска. В конце 1916 года я не знал, что в то время это было выполнено противником в более широких размерах. Между прочим, была переброшена из Нигерии в Даресалам целая бригада чернокожих войск и оттуда без остановки направлена дальше на Дутуми и Киссаки.

Стоявшие там лагерем пять рот под начальством капитана Отто были в первых числах января 1917 года атакованы генералом Смутсом не менее, чем двумя бригадами. Одновременно с этой атакой с фронта неприятель производил широкое обходное движение. При большом количественном превосходстве он имел возможность преградить путь отхода нашим войскам, отступавшим в направлении на Кунгулио. Наши аскари должны были неоднократно пробивать себе штыками дорогу, и при закрытом характере местности отдельные роты попадали в крайне затруднительное положение. Наша полевая гаубица со слабым прикрытием натолкнулась при отступлении на Бехобехо на расположенного в засаде неприятеля силой в несколько рот. Вся орудийная прислуга была уничтожена, а гаубица захвачена. Но, все-таки, в конце концов, всем частям удалось ускользнуть от обхода неприятеля и собраться у Бехобехо. Тут опять сразу завязались серьезные бои, в которых и неприятель очень стойко сражался. В этом бою пал и хорошо известный в немецких кругах своей любезностью и увлекательными рассказами старый зулус-охотник, поступивший в армию лейтенантом. Несмотря на то, что капитан Отто имел перед собой, а также на флангах, превосходного противника, а сзади широкую реку Руфиджи с одним только очень непрочным

11*

мостом, ему все-таки удалось, согласно поставленной задачи, достигнуть со своими войсками южного берега реки и уничтожить затем мост.

Таким образом, осталось бесполезным и замеченное нами далекое обходное движение неприятеля, которое он произвел из Киссаки дальше на запад, на Мкалинзо у Руфиджи. Двигавшаяся туда неприятельская бригада уже не успела прибыть во-время на южный берег Руфиджи так, чтобы помешать переправе капитана Отто и этим поставить его в чрезвычайно тяжелое положение. Наоборот, это дало нам несколько очень значительных частичных успехов. Наступающий от Бехобехо противник увлекся преследованием и с крупными частями переправился на лодках через Руфиджи у Кунгулио. Капитан Отто имел наготове свой отряд несколько южнее реки, атаковал здесь переправившиеся части и с большими потерями для противника окончательно отбросил его за реку. Этому частичному успеху способствовало поведение направляемых на Мкалинзо неприятельских колонн. Они состояли, главным образом, из белых и, отчасти, из черных войск из Нигерии; и те, и другие не были способны к такому широкому обходному движению и поэтому прибыли к Руфиджи изнуренными и неспособными к боевым действиям. Они выбыли из строя на продолжительное время, и согласованная, вообще недурно задуманная операция генерала Смутса была расстроена.

Наступление у Кунгулио сильного противника скрывало в себе опасность, что он может овладеть средним Руфиджи и районом, расположенным южнее его. В этом случае он мог легко захватить в свои руки главную часть нашего военного материала и аппарат наших путей подвоза, которые шли, главным образом, от Среднего Руфиджи к Ливале. Поэтому я должен был отвечать на его действия посредством наших расположенных перед Кибатой сил и с большей частью последних выступил к озеру Утунги, чтобы быть оттуда готовым поддержать капитана Отто и использовать благоприятную обстановку, если она создастся.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗАБОТЫ И ЗАТРУДНЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ В ОБЛАСТИ РУФИДЖИ

(Январь — март 1917 года)

(Чертеж XIV)

Наше выступление из Кибаты состоялось в соответствии с планом. На следующий день я с несколькими спутниками поехал верхом вперед в надежде, что войска, имевшие при себе нескольких проводников-туземцев, не собьются с дороги. В горах Кисси мы встретили многочисленных, но очень пугливых туземцев, неоднократно при нашем приближении бросавших на произвол судьбы свои богатые запасы риса. Я в тот же день пожалел, что не взял ничего для собственного потребления из этого обильного продовольствия. Во время полуденной жары, мы, всадники, отдыхали в пори. Некоторые знатоки страны обратили мое внимание на освежающий фрукт- мбинджи, которым мы подкреплялись. К сожалению, мы не знали, что поджаренные косточки мбинджи представляют прекрасную пищу, напоминающую по вкусу наш орех. Жара была нестерпимая, но так как мы находились в районе действий неприятельских патрулей, то должны были быть бдительными. Источники воды в то время, в период крайней засухи, были крайне ограничены. После долгих поисков, мы нашли, наконец, маленькое болото, хотя и грязной, но, по указаниям знатоков страны, не вредной для здоровья воды. Под вечер мы достигли большого селения, покинутого жителями. К счастью, мы нашли там черного, состоявшего на немецкой гражданской службе, который сообщил, что это есть Унгвара — цель нашего сегодняшнего перехода. Пройдя через этот поселок, туземец показал нам болото с водой, у которого мы расположились бивуаком. Мой черный повар, старый, бородатый, хорошо известный многим восточно-африканцам Баба, почти не отставал от нас, всадников, и, идя по нашим следам, скоро появился. Он быстро приготовил

себе свою «угали» (кашу) и удобно расположился у огня. Мы смотрели на него с завистью, так как ничего не имели и ждали нашего багажа и двигающихся за нами войск. Но никто не прибывал, и мы легли спать голодными. Спаситель появился в образе великолепной антилопы, подошедшей к водопою при лунном, по силе почти дневном, свете. Почти одновременно затрещали два выстрела обоих моих спутников — ван-Ройена и Нивенгузена — испытанных охотников-буров, ставших немцами. Как наэлектризованные, поспешили мы вскочить из-под наших одеял и, спустя короткое время, жарили аппетитные куски нашей дичи.

На следующий день мы достигли озера Утунги, где нас ожидал капитан Фейльке, подкрепивший нас хлебом, кофе и колбасой, приготовленной из дичи. Ничего не было слышно о следовавших за нами войсках. Они потеряли нас в пори и так основательно разбрелись, что часть их только после нескольких дней достигла нашей телефонной линии в районе Утеты и вошла с нами в связь. При трудности связи мне до сих пор было невозможно получить верную картину о состоянии снабжения. Я рассчитывал найти хорошо пополненные магазины у озера Утунги при Мпангандже, а также в районе Мадабы. Я имел это в виду, когда из богатой области, севернее Нижнего Руфиджи, с крайним напряжением транспортировал продовольствие через Мпанганджу в тыловой район. Но обстановка в отношении продовольствия сложилась совершенно иначе.

В тыловой области, кроме массы носильщиков, нужных для транспорта на юг военных припасов, держалось еще множество персонала, который использовывался для постройки дорог, для сооружения тростниковых хижин и других целей; также и на небольших этапных пунктах находилось большое число людей, которые, даже в самом благоприятном случае, не делали ничего другого, как только доставляли продовольствие для обеспечения самих себя. Но часто и эта доставка, опять-таки, производилась другими людьми, которых, в свою очередь, надо было обеспечивать продовольствием. В большинстве случаев бывало так, что продовольственные грузы, собранные и направленные для боевых частей севернее Нижнего Руфиджи, достигали, в конце-концов, небольшого этапного пункта и поедались людьми, ничего не делавшими или выполнявшими совсем второстепенную работу. При трудности сообщений и больших расстояниях деятельному и энергичному капи-

тану Штеммерману, принявшему на себя заведывание этапной службой, еще не удалось полностью разобраться в этих обстоятельствах и устранить недостатки. В Африке также было слишком много людей, которые стремились применять свои драгоценные силы на второстепенные дела и этим вредили более важным задачам. Это стремление было настолько велико, что только железная метла была способна произвести перемену. Общим результатом всех этих затруднений было то, что тысячи и тысячи лентяев истребляли продовольствие, которое с большим напряжением собиралось в районе действий боевых частей. Этап ничего не давал для снабжения армии, наоборот, еще жил за ее счет, и при этом заметно приближался момент, когда мы будем вынуждены оставить богатые местными средствами области, удерживаемые в данную минуту сражавшимися войсками. В то время хороший совет был бы очень ценным. Надо было со всей энергией заботиться о немедленной обработке полей занятого нами в данное время района, т.-е. окрестностей Мадабы и Ливале, а также и лежавших далее на юг частей колониальной области, которым, вероятно, суждено было иметь большое значение в период дальнейших операций. Но урожая нужно было ждать несколько месяцев. В течение этих месяцев мы должны были еще оставаться у Руфиджи и жить там. Правда, здесь было засеяно несколько сот гектаров кукурузы, но она должна была сначала вполне созреть. По соображениям продовольственного характера, войска могли двинуться на юг только после сбора этого урожая; они должны были удержаться в бедном местными средствами районе, в котором находились в данный момент.

Выполнение этой задачи было затруднительно. Следовало немедленно ввести в жизнь следующее решение: отказаться от всех едоков, которые не были безусловно нужны для ведения войны в ближайшие месяцы. Таким образом, были отпущены на свою родину тысячи носильщиков и рабочих тылового района. Надо было ясно учитывать весь вред этого мероприятия: мы предоставляли неприятелю тысячи людей, показания которых должны были дать ему точную до мелочей картину группировки наших сил, нашего продовольственного положения и внутреннего состояния. Одного только сокращения тылового состава было все же недостаточно. Пришлось также сократить число нестроевых в ротах. Между прочим, было постановлено, что ныне ни один европеец не

мог обслуживаться более, чем пятью цветными. Это для европейцев может показаться слишком большой роскошью, но в африканской обстановке цветная прислуга европейцу, действительно, необходима. Требуется, по крайней мере, один человек или мальчик, который бы готовил и оказывал личные услуги. При этом необходимо постоянно возить с собой все имущество по части одежды, продовольствия, одеял и палаточного оборудования. Если же принять во внимание, что в мирное время каждое находящееся в дороге должностное лицо обслуживалось во время большого путешествия числом носильщиков от одиннадцати до тринадцати, кроме своих трех-четырех личных слуг, то станет понятным, насколько стеснительным был приказ командования об этом ограничении и какую бурю негодования он вызвал. К счастью, на все возражения с санитарной и культурной точек зрения я был в состоянии сослаться на тот простой факт, что сам я в течение месяца довольствовался вместо трех двумя небольшими вьюками, т.-е. в общем четырьмя черными, и остался при этом здоровым. Еще теперь я испытываю особенную признательность к офицерам, которые, как и во многих других случаях, понимали необходимость этой спасительной меры и, чтобы показать пример, шли ей навстречу. Они правильно считали, что верное понимание офицерами обязанностей командира состоит в том, чтобы не требовать особых удобств для себя, а, наоборот, в первую очередь, брать на себя неизбежные лишения. Я думаю, что между всеми солдатами и гражданскими служащими, до высших чинов, нет ни одного, кто теперь осуждал бы эту меру, в начале вызвавшую столько резких возражений.

Однако, одним только сокращением числа едоков задача снабжения не была еще решена. Попросту, не хватало запасов. Уже тогда можно было предвидеть, что подвоз продовольствия из районов военных действий, который, естественно, производился очень энергично, будет недостаточен, чтобы обеспечить нас до начала сбора нового урожая, т.-е. до конца марта. Даже при тщательном и всестороннем обсуждении мы не избежали необходимости сократить также и военный паек; это было крайне нежелательно, так как и чернокожий также должен хорошо снабжаться, если на него хотят положиться. Тут разразился новый, еще более сильный взрыв негодования. Со всех сторон посыпались письма и телеграммы, что размер суточного пайка, установленный в 600 грамм

муки, не мог дать необходимого для тела количества калорий, но и здесь мы столкнулись с неумолимой действительностью, а именно с фактом, что имеется налицо определенное количество продовольствия и что этого продовольствия должно хватить. Нельзя было избежать сокращения продовольственных пайков. Впрочем, как роты, так и отдельные люди должны были заботиться о смягчении кризиса при помощи охоты, на что можно было при некоторой энергии рассчитывать в богатом дичью районе. Но в отношении продовольственного вопроса логика у многих слегка хромала, и для некоторых было легко всю вину на нехватку в данное время продовольствия сваливать на злого командира, а самим играть роль людей, старающихся об увеличении ежедневного пайка. Я должен был спокойно переносить все это и наблюдать, — кто был в состоянии сократить свои потребности в случае неумолимой необходимости и кому это не удавалось.

Выполнение этого решительного приказа натолкнулось на ряд затруднений. Множество жен аскари сопровождали войско, но затем застряли в различных лагерях у Руфиджи, там, где это им нравилось. Мне было бы более выгодно передвинуть их на юг, куда подвозить продовольствие было легче. Это передвижение было организовано, и женщин снабдили продовольствием на время дороги. Но после короткого дневного перехода они просто остались лежать и объявили, что не могут двигаться дальше. Свои запасы, рассчитанные на более долгое время, они съели самое позднее на третий день и требовали теперь еще. Некоторые даже набросились на европейца, ведшего транспорт, и исколотили его.

В конце концов, мы преодолели также и эти затруднения, и продовольственный вопрос разрешился удовлетворительно. Аскари, которым разъяснили положение, поняли затруднение и вели себя разумно. Хорошие охотники были распределены по отдаленным охотничьим районам, и время от времени пустой желудок снова наполнялся изобильно. Я вспоминаю, что у нас, у озера Утунги, около 200 наших чернокожих в один день уничтожили одного крупного буйвола с придатком к нему еще одного слона. Также проходящим караванам носильщиков можно было отпускать немного дичи.

В течение февраля запасы наших магазинов, состояние которых я ежедневно отмечал у себя, сокращались. Я должен был опасаться, что по продовольственным причинам не буду в состоянии

выжидать у Руфиджи новой жатвы. В таком случае была бы потеряна не только эта жатва, но также не мог бы быть использован новый урожай более южных областей. Мы были бы вынуждены удовольствоваться только спелыми уже зернами и двигаться дальше, отказавшись от непоспевших. Счастливый случай явился мне на помощь в этом затруднении. Я двигался однажды от озера Утунги в Мпанганджу к капитану Тафелю, который предусмотрительно руководил делами и в тактическом и в продовольственном отношении. Я остался ночевать в его лагере, и он поставил передо мной очень хорошее блюдо из молодой кукурузы, приготовленной, как спаржа. Таким образом, мы заговорили о кукурузных полях Мпанганджи и окрестностей. Последние были переполнены женщинами и другими туземцами, которые постепенно явились, как стая перелетных птиц, и питались там незрелыми зернами. Это было в высшей степени нехозяйственно, но все же навело меня на мысль в случае необходимости использовать в более крупном объеме кукурузные запасы еще до их созревания. Теперь этот случай скоро представился, и опыт с более зрелыми зернами показал, что. высушивая их в сушильной печи, можно получить из них очень хорошую муку. Каждый день собирали теперь более спелые зерна, и, так как все поля с каждым днем все больше созревали, продовольственное положение постепенно улучшалось. Уже 1 марта порции могли быть увеличены до 700 грамм, следовательно, почти до полного объема прежнего пайка.

Растущая острота общего военного положения требовала более усиленного и напряженного использования наших продовольственных возможностей; спокойная и медленная доставка продовольствия, которая в первый период войны производилась сносно гражданскими властями, теперь не могла уже удовлетворять. Дважды, у Киссаки и у Руфиджи, я был самым неожиданным образом поставлен в крайне тяжелое продовольственное положение, которое поставило под знаком вопроса дальнейшее ведение операции. Более сильная организация продовольственного дела, которая бы учитывала военные потребности, их предвидела, с ними считалась и работала более быстро и с бо́льшим напряжением, являлась жизненным вопросом для дальнейшего ведения войны. К счастью, я в этом убедил также и губернатора, и тогда был послан вперед через Ливале в Массасси вновь сформированный интен-

дантский отдел с некоторым числом сотрудников из состава армии. Этот отдел создал много подотделов, связанных с гражданскими местными органами в округе Линди, и, таким образом, рука-об-руку с гражданскими властями, подготовил и начал там обработку полей и сбор продовольствия в магазины. Благодаря такой организации, было достигнуто усиление военного влияния в общем аппарате снабжения.

В обмундировании в то время не ощущалось чувствительного недостатка, а также оружие и боевые патроны имелись в достаточном количестве.

Вследствие обходного движения противника у Мкалинзо, где были обнаружены крупные массы войск, капитан Отто передвинул из Кунгулио к югу главные силы своего отряда. Севернее Мавы он прикрывал богатую местными средствами область Мадабы, а также путь подвоза и телефонную линию, шедшую от озера Утунги через Маву. 24 января 1917 года севернее Мавы капитан Отто был атакован несколькими батальонами Нигерийской бригады. Неприятель, отбитый с тяжелыми для него потерями, преследовался на протяжении многих километров через кустарник до укрепленной позиции, на которой он укрылся. От Кибаты оставленные там после нашего ухода войска капитана Шульца, которые сообразно обстоятельствам усиливались и сменялись, после боев в районе Кибата—Утета—горы Кисси постепенно были сосредоточены к Унгваре. Значительные силы противника, — осталась одна пехотная бригада, — последовали за ними. Несмотря на его численное превосходство, отдельные бои протекали для противника большей частью неблагоприятно и с большими потерями. Капитан фон-Либерман, капитан Геринг, капитан Кель и многие другие начальники патрулей часто на-голову разбивали вдвое и более сильные отряды индусов и черных солдат и захватывали оружие, пулеметы и боевые припасы. Продолжительная война создала большое число искусных младших начальников, и пример, который показал убитый позднее обер-лейтенант Крегер, вызывал безграничную предприимчивость и отважность. Не справляясь о силе неприятеля, часто с немногими людьми, в густом кустарнике, с примкнутыми штыками и «ура» атаковывал он неприятеля и в том же духе воспитывал аскари. Выдвинулись также и различные цветные руководители патрулей, и, когда позднее храбрый эфенди четвертой полевой роты побил со своим патрулем в самостоятельно

веденном бою целую роту индусов, то этим мы обязаны полученной здесь у Унгвари боевой выучке.

Опасность для наших сообщений, отходивших на юг через Мадабу-Ливале, со стороны сильного противника, расположенного западнее Кибаты, была слишком очевидна, и нам необходимо было позаботиться о соответствующей защите. Это требовало постепенного передвижения наших сил от Руфиджи на юг, тем более, что продовольственные запасы в районе этой реки приходили к концу, и приближался период дождей.

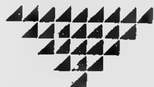
Являлось очень важным не очищать область Руфиджи до наступления больших дождей. Если бы это удалось, то мы могли рассчитывать на значительный выигрыш времени, так как в продолжение самих дождей и ближайшее время после них операции поневоле прекращались и, следовательно, засеянные поля, особенно мтама (просо), могли созреть.

Когда переселение муравьев показало, что надвигается период дождей, командование заблаговременно распорядилось, чтобы женщины, дети и нестроевые в возможно большем числе были переправлены на северный берег Руфиджи, а оттуда далее на Дарессалам. До того обстоятельства, что эта мера, вызванная дождями и продовольственными затруднениями, повлекла за собой большое недовольство, мне было так же мало дела, как и раньше при взрывах негодования. Я и теперь еще остаюсь на той точке зрения, что своевременное передвижение этих людей было больше в их собственных интересах, чем если бы они провели еще часть дождливого времени на размытой земле и в затопленных хижинах, без достаточного обеспечения продовольствием.

Дожди, начавшиеся в конце марта, были в 1917 году особенно сильными. Наш лагерь, расположенный на небольшой возвышенности у озера Утунги, сделался островом, с которого сообщение с Руфиджи через лес было возможно только на лодках. Некоторое количество людей утонуло в лесу во время периода дождей. Другие спасались на деревьях в продолжение целого ряда дней. Вода поднялась настолько, что в Мпанганджи проникла в высоко расположенные жилые помещения и лазаретные строения. Пребывание женщин и детей, больных и раненых стало совершенно невозможным, и после отступления войск они вынуждены были обратиться к англичанам, которые, учитывая их тяжелое положение, позаботились о снабжении их продовольствием и перевозкой оттуда.

Главная часть войск своевременно перешла из залитых водой районов Руфиджи и озера Утунги дальше на юг, после того как она использовала все наличное продовольствие у Руфиджи почти до последнего зерна. Отход совершался планомерными эшелонами. Большая часть войск собралась в Мпоторе, где капитан Роте находился в укрепленном лагере со своими двумя ротами, разбившими португальцев при Невале. У Руфиджи остались только более мелкие отряды, которые были постепенно уменьшены до размеров патрулей. Четыре перехода восточнее Мадабы отрядам Келя и Геринга представился благоприятный случай для успешных действий против неприятельских отрядов, стоявших на западном скате горы Матумби.

Но постепенно все наши отряды были сосредоточены у Мпоторы, и только капитан Отто остался в возвышенной области Мадабы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НА ВТОРОСТЕПЕННЫХ УЧАСТКАХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

(Вторая половина 1916 года)

(Чертежи XI и XV)

В августе 1916 года майор Краут выступил из Килоссы на Махенге и оставил у Кибаты на Руахе только отряд Шенфельда.

Части капитана Бранушвейга поступили в распоряжение майора Краута. Из них в конце мая 1916 года капитан Фалькенштейн с 5 полевой ротой из Ипианы и капитан Оман со своей ротой отошли назад из района Мбози в направлении на Лупембе и Мадибиру с постоянными мелкими стычками с наступающим неприятелем. Наши слабые отряды должны были задержать наступающего противника, силой не менее бригады. Поэтому в конце июня 1916 года отряд капитана Брауншвейга, находившийся в Додоме, был направлен через Ирингу и при помощи рот, подтянутых от Кондоа и из Даресалама, он был доведен до пяти рот, включая обе роты из Нейлангенбурга. В составленный им отряд входили и сто человек команды Кенигсберга (из Даресалама) и одна полевая гаубица. При Малангали он принял атаку противника и, повидимому, причинил ему значительные потери. Затем он очистил позицию и оставил на месте, приведя в негодность, гаубицу, которую трудно было увезти. Положение Брауншвейга затруднялось еще тем, что в его тылу восстал крупный туземный вождь племени Вахехе и перешел на сторону неприятеля, со всеми людьми и скотом. Капитан Брауншвейг отступил тогда с целым рядом небольших арьергардных боев на Махенге и был подчинен майору Крауту. После многочисленных мелких стычек выдвинутые отряды последнего удерживали в общем линию рек Рухудже и Руаха. В богатом местными средствами округе Махенге снабжение продовольствием было отличное, несмотря на то, что лежащие западнее Рухудже рисовые поля были нами оставлены. У этой реки, при Мкапире, неприятель занял сильно укрепленный лагерь. Если этим лагерем

нельзя было овладеть имевшимся у нас средствами, даже при помощи сильной атаки, то все-таки представлялся случай повлиять на неприятеля, перерезав его сообщения, шедшие на Лупенбе, чтобы он был вынужден из-за недостатка продовольствия выйти из своих укреплений.

Майор Краут перешел реку с 5 ротами и одной легкой пушкой и занял в тылу неприятеля, поперек его пути подвоза, укрепленную позицию на горной цепи. На фронте противника наши слабые части прикрывали берег реки, прилегающий к Маханге. К сожалению, наши отдельные роты были так сильно отделены друг от друга, что при трудно доступной местности не могла быть оказана своевременная поддержка. 30 октября 1918 года, перед рассветом, расположенная на правом фланге десятая рота была застигнута врасплох охватывающей неприятельской атакой. Противник искусным маневром зашел также в тыл роты и, нанеся нам тяжелые потери, привел к молчанию наши пулеметы. Точно так же и на левом фланге рота обер-лейтенанта фон-Шретера была атакована со всех сторон и должна была прокладывать себе дорогу штыками, потеряв легкое орудие и один пулемет. Учитывая тяжелые потери, понесенные неприятелем, майор Краут мог оставаться на западном берегу Рухуджи, несмотря на эту частичную неудачу, но также и в его тылу со стороны Лупембе стал слышен шум боя у обеспечивающей его 25 полевой роты. Капитан Краут ошибочно ожидал оттуда серьезной атаки и потому отошел назад на восточный берег Рухуджи. К его удивлению, несколько дней спустя неприятель бросил сильные укрепления у Мкапиры и отступил ночью. Ближайшее обследование показало, что неприятель понес тяжелые потери во время предыдущего боя. Все-таки, этим нельзя было объяснить его отступление; эта загадка разъяснилась только позднее при появлении генерала Вале, с которым до сих пор не было никакой связи.

В предвидении крупного наступления неприятеля в начале 1916 года, подкрепления, направленные мимо озера Виктории на Руанду к Руссисси и в Танганайкскую область, были отозваны назад и притянуты к главным силам, расположенным в районе Северной железной дороги. Необходимо было создать общее руководство боевыми операциями на этом второстепенном театре военных действий. С этой целью было сформировано «Западное командование» под начальством генерал-майора Вале, который в общем

руководил действиями из Таборы. В апреле и мае 1916 года английские главные силы закончили свое выступление в области Килиманджаро и двинулись по окончании периода дождей дальше в южном направлении. Одновременно с этим началось также и на этом второстепенном театре военных действий наступление англичан и бельгийцев со всех сторон на Табору, — от Муанзы, от озера Киву, от Руссисси и от Бисмаркбурга. Наши слабые отряды отошли к Таборе.

Майор фон-Ланген сначала отошел от Чангугу назад на Иссави и отвел сюда также и капитана Видгенса от Кисенджи. Обеим наступающим бельгийским бригадам были нанесены значительные потери во время благоприятных для нас отступательных боев. Затем наш отряд отступил дальше на Мариахильф. Опасность для округа Букобы, заключавшаяся в движении преследующих крупных бельгийских сил, была правильно понята капитаном Гудовиусом. Когда в июне 1916 года более или менее значительные английские части начали наступать на Кагеру, он отошел со своим отрядом от Букобы на юг. Вследствие трудности связи и передачи сведений с ним случилось при этом несчастье: часть его войск 3 июля в районе Уссуви натолкнулась на крупные бельгийкие силы. Сам капитан Гудовиус был тяжело ранен пулей в живот и попал в руки неприятеля. Бой принял неблагоприятный для нас оборот и дал большие потери. Все же отдельным частям отряда удалось пробиться к Муанзе и Уширомбо. Великий султан Букобы Кагиги дал в эти тяжелые дни доказательство привязанности, показательное для отношений цветных к немцам. Он наотрез отклонил предложение английских начальников подчиниться и предоставить носильщиков и покончил самоубийством.

В середине июля 1916 года англичанам удалось неожиданно произвести десант, силой около одной бригады, в районе Муанзы. Также и там произошло несколько удачных для нас отдельных боев, но затем старший начальник, капитан фон-Шаппюи, отошел в направлении на Табору. Примерно на линии Шиджанга — С-нт Михаель войска из Муанзы, а также части майора фон-Лангена и капитана Видгенса образовали новый фронт и отбили многие атаки бельгийцев. Капитан Циммер потопил в Кигоме пароход «Гецен» и взорвал пароход «Вами». Затем он медленно отошел назад к Таборе вдоль железной дороги. Отошла из Узумбары и рота капитана Геринга. Приближение района военных

действий к Таборе дало генералу Вале случай быстро стянуть часть стоявших севернее Таборы войск, перебросить их по железной дороге на запад для короткого удара и затем быстро направить обратно. При этом 8 полевая рота основательно разбила бельгийский батальон западнее Таборы, а отряд Винтгенса, так же внезапно и удачно, ввязался в бой западнее и севернее Таборы. Эти частичные успехи были иногда очень значительны, и неприятель терял в отдельных боевых столкновениях сотни убитых; при атаках было взято также несколько легких гаубиц.

2 июня 1916 года в местностях Бисмаркбурга 29 полевая рота была окружена на своей укрепленной позиции на горе Намема превосходящими английскими и бельгийскими войсками.

Прорываясь через войска противника попал в плен, тяжело раненый, храбрый командир роты обер-лейтенант резерва Франкен. Лейтенант резерва Гасляхер отступал шаг за шагом к Таборе. Он нашел геройскую смерть в стычке патрулей южнее этого пункта.

Таким образом, в сентябре 1916 года значительная часть войск Западного командования собралась вокруг Таборы, и наступил момент для намеченного уже, в общих чертах, отступления в юго-восточном направлении. О последних операциях и о занятии противником Таборы 19 сентября 1916 года командование узнало только значительно позже. Под рукой не было никакой связи с Западным командованием. Последнему было известно, что при отходе наших главных сил принималась во внимание, главным образом, местность Махенге. Сообразно этому генерал Вале направлял свои передвижения; для перевозки грузов и продовольствия могла быть использована железная дорога. Затем восточная колонна под начальством майора фон-Лангена двинулась на Ирингу средняя колонна, под начальством капитана Винтгенса, при которой находился также генерал Вале, — на Мадибиру, западная колонна, под начальством обер-лейтенанта в отставке Гюбенера,— на Илембуле. Они вышли на путь подвоза от Нейлангенбурга на Ирингу и на расположенные на этой дороге неприятельские магазины. Отряд Гюбенера оторвался и после упорного боя капитулировал, будучи в конце ноября окружен при Илембуле превосходным противником. Отряд фон-Лангена имел несчастье при переправе через реку, вблизи Иринги, быть застигнутым врасплох огневым нападением и потерял при этом много людей. Последую-

щее затем его нападение наИрингу было безуспешно и причинило ему большие потери.

Отряд Винтгенса напал врасплох в окрестностях Мадибиры на несколько неприятельских магазинов и войсковых колонн и захватил при этом также орудие и радио-телеграфные принадлежности. Многодневный бой этого отряда у Лупембе, при всем упорстве, не закончился захватом этого пункта и его запасов. Влияние появления отряда Вале в районе Махенге дало себя немедленно почувствовать на военном положении здесь. Повидимому очень хорошие, неприятельские войска, произведшие 30 октября из своей укрепленной позиции у Мкапиры успешное нападение на майора Краута, почувствовали себя крайне угрожаемыми с тыла, очистили укрепленный лагерь и перешли обратно к Лупембе. Генерал Вале взял теперь на себя общее командование у Махенге.

В конце ноября 1916 года войска Западного командующего, генерала Вале, были сгруппированы вокруг Махенге. Отсюда он управлял операциями, производившимися, примерно, до Сонги — Лупембе—Иринга—Кидоди.

Уже упоминалось, что, начиная с июля 1916 года, прекратилась всякая связь с генералом Вале; только в октябре 1916 года южнее Иринги его патрули вошли в соприкосновение с майором Краутом.

Только теперь, т.-е. после боя у Мкапиры, майор Краут, а через него также и командование узнали о движении генерала Вале. Но совершенно иначе представлялась создавшаяся обстановка в глазах противника. Последний должен был усмотреть в движении генерала Вале против английской этапной дороги от Иринги к Нейлангенбургу и совпавшей случайно по времени угрозе у Мкапиры со стороны майора Краута широко задуманную общую операцию, которая представляла большую опасность для его частей, расположенных у Мкапиры, даже теперь, после того, как майор Краут опять отошел назад на восточный берег Рухуджи. Противник, ускользая от этой опасности, быстро отступил от Мкапиры в западном направлении к Лупембе.

Колонны генерала Вале сосредоточились затем в районе между Лупембе и Мкапирой.

О колонне обер-лейтенанта Гюбенера, двигавшегося западнее других, отсутствовали всякие сведения; об ее сдаче у Илембуле стало известно значительно позднее.

Хотя усиление западной группой войск являлось для нас очень желательным, но выявившиеся затруднения в снабжении сделали необходимым использовать и занять для продовольствия более широкий район, почти до Сонги. Отряд майора фон-Граверта перешел к Ликуджу на дороге Сонга—Левале, отряд майора Краута—в район Мпепо, а капитан Винтгенс окружил неприятельский отряд, расположенный в укрепленном лагере у Китанды. Вскоре неприятель двинулся на выручку этому отряду, но посланные части были отбиты с тяжелыми для них потерями. В то время обстановка в отряде фон-Граверта сложилась крайне неблагоприятно. Неприятелю удалось угнать скот этого отряда, а запасы продовольствия в этом районе были ограничены. Майор Граверт, считая отход, ввиду недостатка боевых припасов, не имеющим надежды на успех, 24 января 1917 г. сдался, не сделав попытки к отступлению. Одно из приспособленных для передвижения 8, 8-сантиметровое морское орудие, доставленное с большим трудом в Лукуджу, и два пулемета — после приведения их в негодность, попали в руки неприятеля. На самом же деле положение отряда Граверта не было, повидимому, настолько безнадежным; по крайней мере, один сильный патруль под начальством вице-фельдфебеля Винцера, не пожелавший сдаться вместе с ними, ушел оттуда в южном направлении без помехи со стороны неприятеля. Этот патруль, после нескольких дней недоедания, нашел в областях западнее Тундуру обильное продовольствие. Поведение этого патруля показало мне, что и из безнадежного, на первый взгляд, положения почти всегда имеется выход, если начальник решается пойти на больший риск.

Продовольственные затруднения у генерала Вале увеличивались теперь с каждым днем. Находясь у озера Утунги, я не был в состоянии судить, можно ли эти затруднения значительно смягчить беспощадной отправкой в тыл всех нестроевых, как это было сделано у Руфиджи, или имелась возможность существенно улучшить материальное положение западной группы войск большей энергией в отношении поставки и распределения припасов. Временная проволочная связь с Махенге была мало практична, часто прерывалась, и при этом всегда требовалась посылка курьеров от генерала Вале в Махенге к войскам, которая отнимала несколько дней. Таким образом, мне было трудно получить представление по отрывочным сведениям. Во всяком случае, продовольственные затруднения были настолько значительны, что

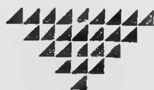
12*

сосредоточение таких крупных войсковых масс не признавалось более возможным, и некоторые части необходимо было отвести.

Отряд Краута и отряд Винтгенса были направлены на запад на Гумбиро с тем, чтобы оттуда, двигаясь на юг, пересечь дорогу Сонга—Видгафен, где предполагалось достаточное количество продовольствия в горах южнее Сонги. Сообщение об этом передвижении дошло до меня настолько поздно, что я не мог уже ничего изменить. От Гумбиро капитан Винтгенс повернул на север и в окрестностях озера Руквы дал успешный бой преследовавшей его неприятельской колонне. При приближении к Таборе он, совсем больной тифом, попал в плен. Его преемник, капитан Науман, старался теперь нанести вред неприятелю, действуя в его тыловом районе, и этим облегчить положение главной группы войск. У Иконии, восточнее озера Виктории, он основательно потрепал один бельгийский батальон; уничтожил у Кахе два железно-дорожных поезда с боевыми припасами и перебил сопровождающее их прикрытие. Его попытка пробиться ко мне, западнее Морогоро, привела к столкновению с сильными частями противника, от которых он опять уклонился к северу. Разделение его сил на три отдельных колонны закончилось сдачей двух из этих колонн. Сам он в течение четырнадцати дней оборонялся на горе Люита в Массейской степи против трех тысяч неприятеля, окружившего его и вынудившего его 2 октября 1917 года сдаться на почетных условиях. Несмотря на это, капитан Науман очутился спустя несколько дней в скверной камере в Даресаламе, где он должен был исполнять самую грязную работу. Лишь по прошествии нескольких месяцев он узнал, что основанием к этому послужил якобы отданный им приказ не брать пленных. Судебное расследование сняло с него это обвинение. Следует пожалеть, что эта отдельная операция, проведенная с большой инициативой и упорством, была совершенно не связана с общим планом военных действий и потому не принесла должной пользы.

В Гумбиро капитан Краут отделился от капитана Винтгенса и двинулся на юг, согласно приказа, данного ему генералом Вале. Переход этапной дороги противника Сонга — Видгафен не представлял никаких затруднений, но и не дал никакой добычи, так как неприятель хорошо обеспечил свои запасы, сильно укрепив этапные пункты. Точно так же и в стране теперь, в марте 1917 года, т.-е. в самое скудное время года, за несколько месяцев до нового

урожая, можно было найти лишь ограниченное количество продовольствия. После нескольких арьергардных боев против английских войск удалось произвести успешное нападение у Ровумы и на небольшой португальский лагерь у Митомони. Затем майор Краут двинул свой отряд вниз по реке Ровуме к Тундуру, а затем отправился в Мпотору для личного доклада командованию. Его две роты остались у Тундуру для охранения тамошней, богатой местными средствами, области. Три остальные роты продолжали движение дальше на восток и были временно подчинены капитану Лофу, который находился перед Линди.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
В РАЙОНЕ ЛИНДИ И КИЛЬВЫ

(Январь — август 1917 года)

(Чертежи XIV — XVI)

Операциями последних месяцев значительно сузился район, на который можно было рассчитывать для продовольствия частей. Плодородные области Лупембе, Иринги, Киссаки и нижнего течения Руфиджи были потеряны; занятая еще область включала в себе большие пространства необработанной земли. Наиболее выгодные для посева районы не были достаточно оценены; лишь позднее, во время операции, само собой выявилось, сколько были в состоянии доставить, например, области юго-западнее Кильвы и Ливале. Мне в то время было известно только в общих чертах, что восточная часть округа Линди была очень плодородна и характеризовалась как житница колонии.

Но этот богатый район был очень опасен своей близостью к побережью, и надо было теперь уже поставить вопрос, что предпринять в случае его потери.

Взоры, само собой, обращались через Ровуму на португальскую область. Но о последней имелось еще меньше сведений, чем о различных частях немецкой колонии. Однако, к счастью, некоторое число португальских туземных вождей переселилось в немецкую область, из-за ненависти к своим угнетателям, и, кроме того, мы, немцы, пользовались очень хорошей славой у более развитых черных, неоднократно работавших на наших плантациях. Таким образом, удалось составить себе, по крайней мере, приблизительную картину области восточнее озера Ниасса и установить, что, вероятно, южнее мало населенной степной полосы у Ровумы, шириной в несколько переходов, находится плодородный район Мвембе. Экспедиционный отряд из нескольких сот ружей под начальством майора Штюмера перешел Ровуму южнее Тундуру и очень быстро овладел Мвембой, откуда наши патрули произво-

дили поиски на берегу озера Ниасса до форта Джонстау и на восток на полпути до порта Амелия.

При слабой связи (гонцы от телефонной станции Ливале к Тундуру шли около трех, а от Тундуру к Мвембе — пяти дней) было трудно дать себе ясный отчет о положении у Мвембе. Лишь лейтенант резерва Брукер, прибывший из Мвембы в январе 1917 года для личного доклада командованию, внес необходимую ясность. Уже привезенный им европейский сорт картофеля заставлял предполагать, что там можно на кое-что рассчитывать в отношении продовольствия. Он описал нам местность, как плодородную, и рассказал, что район Тундуру богат и война там до сих пор не чувствовалась. Яйца и куры имелись еще в большом количестве в отличной плодородной стране. Когда Брукер спал в Тундуру на земле, тамошние европейцы считали это хвастовством, — так мало были они знакомы с войной. При общем затруднении в подвозе и при частых передвижениях войск все более и более острой становилась необходимость избавить войска от приносящих мало пользы этапных учреждений. Вследствие этого отряды капитанов Геринга и Либермана получили приказ передвинуться к району южнее Кильвы, где, по рассказам некоторых европейцев, должно было быть много продовольствия в горах Китурака. Чтобы сократить подвоз продовольствия с тыла, войска были двинуты на Кильву и при этом без отнимающей время разведки. К счастью, сведения о богатых местных средствах тамошних районов оправдались.

Отряды Геринга и Либермана описали большую дугу на юг от Мпоторы и начали затем наступление с юга на север — отряд Геринга ближе к морскому побережью, прямо на Кильву, а отряд Либермана — немного западнее последнего — против дороги Кильва—Левале. Целью этой операции являлось—по возможности атаковать с юга высаживавшегося в Кильве противника, мелкие отряды которого появились уже на полпути между Кильвой и Левале, и одновременно обеспечить плодородную область, расположенную на юг от Кильвы до реки Мбемкуру. Вдоль дороги Кильвы — Левале двигался более слабый отряд на Кильву, служивший поддержкой для боевых патрулей, которые очень часто заставали врасплох неприятельские летучие отряды в их стоянках и отбрасывали их назад. Скоро район Кильвы кишел нашими боевыми патрулями. Несколько неприятельских магазинов были

захвачены врасплох, и часть гарнизона уничтожена. Во время одного из таких нападений убитый позднее храбрый фельдфебель Струве ловко ворвался с большей частью 3 полевой роты в помещение одного магазина и, укрывшись за мешками с мукой, нанес большие потери неприятелю, который появился снаружи в большом числе. Но было затруднительно захватить много с собой из этого склада, и патруль должен был удовольствоваться уничтожением большей части запасов. Отметим также редкий случай, когда патрулю было придано полевое орудие, которое двигалось вместе с ним. Этот патруль, после тщательной разведки, достиг побережья у Кильвы — Кисивани и обстрелял несколько стоявших там транспортных судов. 18 апреля 1917 года капитан фон-Либерман, стоявший с 11 и 17 ротами на укрепленной позиции в расстоянии одного перехода юго-восточнее Кильвы, на дороге Кильвы — Левале, у Нголы, был атакован 8 ротами при двух орудиях. Обер-лейтенант флота Бюксель произвел со своей ротой такой яростный фланговый удар, что опрокинул одну за другой несколько рот аскари и обратил также в дикое бегство 40 индусский Патанский полк. Неприятель оставил около 70 убитых, и лишь случайно, как позднее передавали англичане, нами не были найдены их орудия, застрявшие в реке.

В общем, получалось впечатление, что силы неприятеля снова значительно истощены. Можно было предвидеть, что если он не придвинет очень крупных подкреплений, то имеющиеся налицо войска будут в недалеком будущем уничтожены, и его операции окажутся безуспешными. Очевидно, его теперешняя операция потребовала уже большого напряжения сил. Было установлено, что подвезена одна батарея из южной Индии и сформировано большое число новых рот аскари.

Материальное положение войск казалось мне опаснее неприятеля. Запасы пшеницы, доставленные вспомогательным пароходом, приходили к концу и я сомневался в том, будет ли возможным печь хлеб из одной только туземной муки мтамы, без примеси пшеничной. Я считал в то время, что хлеб составляет необходимую потребность для пропитания европейцев и потому сам лично попытался выпекать хлеб без пшеничной муки. Выпечка получалась уже сравнительно удовлетворительная. Позднее, под влиянием необходимости, все мы научились приготовлять отличный хлеб без пшеничной муки. Способы были очень различные. Затем

мы выпекали хороший хлеб не только из мтамы, но также из мухобо, из сладкого картофеля, из кукурузы, — одним словом, почти из всякой муки и в различных смесях, и, таким образом, с прибавлением вареного риса и вареной мтамы, также достигали желательного качества.

Одежда также требовала внимания. Надвигался кризис в снабжении сапогами. Мои опыты скоро показали мне, что хотя европеец может продолжительное время итти босиком по дорогам среднего качества, но ни в коем случае не через кустарник. Сандалии, которые каждый может изготовить сам из куска кожи, облегчают положение, но не могут, однако, заменить сапог. При случае я выучился выделке от руки кожи и изготовил себе, под руководством инструктора, вещь, которую, в крайнем случае, можно было принять за левый сапог, хотя, в сущности, она должна была быть правым сапогом. Очень полезно для европейца, если он настолько знаком с самыми простыми правилами этого ремесла, чтобы иметь возможность в несколько дней изготовить сапоги из шкуры антилопы, которую он сегодня застрелил и, кроме того, починить старый сапог, сделав его опять годным к употреблению без обычно требуемых сапожных инструментов: гвоздь должен служить шилом, древесный сук — колодкой, а нить вырезывается из мягкой кожи маленькой антилопы. На самом деле, нам никогда не пришлось очутиться в действительности в таком тяжелом положении, так как всегда новая добыча нам давала опять необходимое обмундирование и снаряжение, и мы не раз использовали трофейные седла, чтобы из них вырезывать подошвы и заплаты.

Почти каждый европеец все больше и больше становился южно-африканским путешественником и привыкал сам себя обслуживать, конечно, не всегда единолично, но в пределах своего маленького хозяйства, которое он вел самостоятельно, совместно со своим черным поваром и черным слугой. Многие обзавелись несколькими курами, которых перевозили вместе с собой, и крик петухов выдавал так же немецкий лагерь, как и селение туземцев. Приказ по одному отряду, который запрещал пение петухов до 9 часов утра, не принес никакой пользы.

Важный вопрос о соли был просто разрешен войсками у Кильвы при помощи добывания ее из морской воды. Но вместе с тем, чтобы при потере побережья можно было обеспечить снабжение солью, запасы которой начали истощаться в магазинах,

начали искать растения, содержащие соль, и обрабатывать их золу. На это обратили наше внимание туземцы этой местности, которые таким же способом покрывали свою потребность в соли. Добытая таким образом соль не была плохой по качеству, но не применялась в широких размерах, так как позднее мы могли своевременно покрывать нашу потребность в соли при помощи захваченной добычи. Большое количество слонов в этой местности давало много жира; сахар заменялся превосходным диким медом, который находился в изобилии. Войска очень хорошо научились добывать себе продовольствие, умели также предохранять от порчи полевые овощи и, таким образом, обеспечивать себя от недостатка.

Здесь необходимо особенно подчеркнуть, что санитарная часть в быстро сменявшейся трудной обстановке походной жизни сумела удовлетворительным образом разрешить особо важные вопросы о хине и перевязочных средствах. Уже упоминалось, что на севере приготовлялись из состава хинной коры хинные лепешки, по качеству лучше английских. После очищения северного округа большая часть хинной коры была доставлена в Килоссу; из этих запасов часть была транспортирована дальше на юг, по настоянию исполнявшего тогда должность санитарного офицера при штабе штабного врача Тауте. Приготовление лепешек не могло долго продолжаться за недостатком соответствующего оборудования; зато приготовлялась жидкая хина посредством вываривания хинной коры; она имела удовлетворительный вкус и под названием «Летовской водки» принималась, хотя и неохотно, но зато с пользой для больных.

Другим трудным вопросом было изготовление перевязочного материала. Чтобы пополнять недостаток в нем, который ощущался ввиду исчезновения изделий из полотна, употребляли даже части одежды всякого рода после дезинфекции; после перевязки их снова вываривали и делалали, таким образом, опять годными для употребления; кроме того, перевязочный материал с успехом изготовлялся также и из коры деревьев. Этому мы научились у туземцев, которые давным-давно изготовляли материю для одежды и мешков из коры миомбо. Врачебный и аптекарский персонал делал все возможное, чтобы сохранить отряд здоровым и жизнеспособным. Соответствующее хозяйственное обращение с наличными простыми средствами тем более заслуживает признания, что

именно санитарный состав, естественно, привык, вследствие климатических условий, несколько широко использовать свои запасы. Санитарный офицер при штабе, штабной врач Столовский, и позднее его преемник Тауте развили при этом самоотверженную деятельность, достойную подражания.

На такой же высоте находилась и хирургическая помощь. Лазареты, которые в течение первой части кампании располагались, большей частью, в массивных постройках, и где работали в продолжение нескольких лет стационарно, без перемены места, превратились теперь в подвижные учреждения, которые в каждый данный момент должны были быть в состоянии подняться со всеми больными и грузом и не отставать от войск в их многочисленных передвижениях. Был оставлен только самый необходимый материал; все остальное было отброшено. Поэтому, приготовления к хирургической операции всегда более или менее импровизировались. Местом для этого служила, большей частью, только что поставленная тростниковая хижина. Несмотря на это, штабной врач Мюллер, главный врач Тирфельд и другие не смущались при тяжелых случаях, среди которых было много операций слепой кишки.

Доверие, которым пользовались немецкие врачи, даже у неприятельских солдат, как это упоминалось выше, было ими вполне заслужено. Успешная и самоотверженная врачебная деятельность чрезвычайно укрепляла взаимное доверие между белыми и черными.

Таким образом, образовывалась все более и более тесная связь, соединявшая до конца различные элементы войска в одно спаянное целое.

У Линди неприятель все время усиливался, и было установлено, что части войск, расположенные до сих пор в районе западнее Кильвы, были переброшены в Линди на судах. Также и генерал О'Гради, командующий у Кибаты, появился у Линди. Невольно напрашивалась мысль, что неприятель крупными силами перейдет в наступление от Линди против наших слабых там частей войск и против нашей главной в продовольственном отношении области, как это он предполагал сделать раньше из Кильвы. Несколько попыток наступления, западнее Линди, были отбиты войсками стоявшего там капитана флота Лофе. Три из рот, прибывших с майором Краутом, не были использованы, как это первоначально име-

лось в виду по настоянию губернатора, на быстрое и основательное подавление восставшего племени Маконде, в юго-восточной части нашей колониальной области, но были подчинены капитану Лофу. Две из них приняли участие в действиях против Суди, южнее Линди, где неприятельские части сильно укрепились. Атакующие двинулись очень решительно на укрепления, но понесли при этом значительные потери, и атака не могла быть доведена до успешного окончания.

Позднее для поддержки был послан из Мпоторы капитан Роте с тремя ротами. Но дождливый период причинил нам много вреда. Уже переход через реку Матанду был затруднительным. Эта река в сухое время года состояла из немногих болот, но сейчас вода всех дождей, выпавших в районе Донде, стекала в долину Матанду. Образовался быстрый могучий поток, который можно было сравнить с рекой Фульдой у Касселя во время разлива и который увлекал за собой большие стволы деревьев. Хотя под руководством опытных инженеров были вбиты деревянные сваи и мы, воспользовавшись некоторыми островами, навели мост для повозок, но внезапно поднимавшаяся вода снова и снова сносила мост, при чем утонуло несколько человек. Построенные затем ниже по течению мосты постигла подобная же участь. Узкий висячий мост на канатах, сплетенных из коры деревьев, представлял собой незначительную и довольно сомнительную поддержку при нужде, так как можно было опасаться, что, подвергаясь действию воды и тропического солнца, канаты могли перепреть и порваться.

У Мбемкуру, при Нахунгу, капитан Роте натолкнулся на своем пути на такую же водную преграду. Течение было настолько быстрым, что уже первые попытки переправы на немногих находившихся налицо паромных лодках закончились неудачей. Ввиду недостатка продовольствия в районе Нахунгу, капитан Роте направился в богатую область северо-восточнее этой местности и этим совсем невольно очень резко разошелся с планами командования, по которым именно эту богатую область на северо-востоке от Нахунгу необходимо было сохранить, чтобы она могла служить резервом для войск, стоявших южнее Кильвы, и в случае необходимости, по тактическим соображениям, подкреплений можно было их также обеспечить продовольствием. Потеря времени, которое прошло, пока распоряжение по летучей почте достигло капитана Роте, являлось очень досадным, но в конце концов отряд Роте

был направлен в Линди еще настолько своевременно, что успел принять участие в нескольких удачных боях.

Ввиду обострения военного положения у Линди, стало необходимым усилить расположенные там войска. Поэтому генерал-майор Вале был привлечен из Махенге и принял на себя руководство у Линди; командование у Махенге перешло к капитану Тафелю. В середине июня 1917 года генерал Вале после нескольких боев, обнаруживших значительное усиление противника, отошел так далеко вверх по реке Лукуледи, что преследующий его неприятель, казалось, неосторожно обнажил свой северный фланг.

Я решил использовать этот случай, не зная еще точно, каким образом это будет выполнено. Было только ясно, что успех возможен при условии внезапного наступления, поэтому я двинулся с четырьмя ротами и двухорудийной горной батареей через Нахунгу по большой дороге, ведущей через Лютенде к Линди. У Лютенде находилась рота капитана Шаппюи, который лично вышел мне навстречу на один переход для ориентировки. 29 июня я с ротами прибыл в окрестности Лютенде, где приказал роте лейтенанта Вундера стать бивуаком позади роты Шаппюи, а остальным — расположиться еще в более глубоком тылу. Лично я со своим ловким спутником Нивенгузеном, который уже раньше играл главную роль при захвате лошадей у горы Эрок, отправился вперед для разведки. С высоты, на которой стояла рота Шаппюи, открывался далекий обзор, и были видны одиночные дома ферм окрестностей Линди, река Лукуледи и лежавший в ней пароход «Президент», укрывшийся там и приведенный в негодность. Может быть, было счастьем, что в этой, впрочем, бедной дичью местности мы не стреляли в несколько кабанов и в дикого козла, так как не особенно далеко от лагеря роты Шаппюи мы натолкнулись на свежие следы сильного неприятельского патруля, который, повидимому, прошел здесь недавно. Точно так же и разговор туземцев, за которыми мы наблюдали, дал нам основание заключить, что эти люди только-что видели что-то интересное. Когда мы их позвали, они, однако, это отрицали. Сделав большой круг, мы прибыли вечером в темноте в лагерь Вундера. Мы поделились нашими наблюдениями с командиром роты, с опытным штурманом Инкерманом, который на следующий день погиб смертью героя, и напомнили о необходимости усилить меры предосторожности. Точно так же было приказано, чтобы лагерь роты, находившийся на большой

прогалине и подвергавшийся опасности внезапного обстрела из окружающего кустарника, был перенесен на другое место. После чашки чая мы вернулись к нашим главным силам, расположенным сзади на расстоянии около четверти часа.

Утром 30 июня мы услышали в роте Вундера ружейную перестрелку, которая все больше усиливалась. Можно было предположить, что неприятель, учитывая условия местности, открыл огонь по лагерю роты из окружающего кустарника. Поэтому я немедленно двинулся с тремя ротами через кустарник, правее, т.-е. южнее, дороги, чтобы врасплох напасть на неприятеля с тыла. Но там мы скоро встретили аскари, которые рассказали, что противник в большом количестве неожиданно ворвался в лагерь и выбил оттуда роту. Один молодой аскари жаловался старому «бетшаушу» (сержанту) третьей роты, что неприятель у них все отобрал. «Ниамаза ве тутавафукузи» (заткни глотку, мы их выкинем) — был гордый ответ, который заставил немедленно замолчать возбужденного юношу и пристыдил его. Ответ бетшауша, действительно, лучше всего характеризовал положение. Неприятель, состоявший из нескольких рот 5 индусского полка и нескольких черных рот, рассчитывал встретить у Лутенде только слабый немецкий пост. Он неосторожно ворвался в наши невыгодно расположенные окопы и теперь, в свою очередь, попал в неблагоприятное положение — под обстрел со всех сторон из окружающего кустарника.

Положение было настолько ясно, что все младшие начальники даже без приказов поняли, что надо действовать быстро и решительно, и капитан фон-Шаппюи немедленно вмешался. Неприятелю было теперь скверно. Убитый позднее штабной врач Моон, оставшийся в лагере роты Вундера, попал там временно в руки противника и передавал потом, как чрезвычайно неприятно действовал наш сосредоточенный огонь с совсем близкого расстояния и как велика была паника, возникшая у неприятеля. Тем не менее, прикрытия, которыми являлись овраги и растительность, дали возможность части неприятеля уйти. Он обратился в дикое бегство. Но некоторые из его людей так сбились с пути, что спустя несколько дней одиночные люди, наполовину умирающие с голоду, забирались в плен нашими патрулями в кустарнике. Было похоронено около 120 убитых. Кроме наших огнеприпасов, временно захваченных неприятелем, нам попали в руки также его собствен-

ные боевые патроны, которые он успел доставить в лагерь, и еще около ста ружей и несколько пулеметов. Между тяжело ранеными, переданными нами в английский лагерь при Найтиви, находился также умерший позднее от своей раны командир английского полка.

Мы оставались теперь еще несколько недель в плодородном районе Лутенде и старались партизанскими действиями вредить неприятелю, который находился в своих укрепленных лагерях в районе Найтиви и южнее этого пункта, — потому мы не могли рассчитывать на успешное нападение. Далеко в юго-западном направлении мы часто слышали разрывы бомб с аэропланов и снарядов тяжелых орудий, направленных против отряда Вале. Рота фон-Шаппюи была двинута для усиления отряда Вале. За исключением сравнительно мелких действий у Линди, наступило некоторое затишье, которое являлось результатом нашего успеха у Лутенде.

Однако, противник, повидимому, усиленно сосредоточивал новые силы. Это подтверждали не только донесения о значительных транспортах войск, прибывавших в Кильву, но также и то обстоятельство, что в конце мая британский генерал Госкинс, принявший командование от генерала Смутса, был, в свою очередь, сменен генералом ван-Девентером. Таким образом, опять появлялся бур в качестве главнокомандующего, и слухи об ожидаемом прибытии новых европейских войск из Южной Африки, благодаря этому, казались правдоподобными. Южнее Кильвы неприятель тремя бригадами атаковал наши девять рот, но капитан фон-Либерман, принявший там командование вместо тяжело больного капитана Геринга, сумел чрезвычайно искусным маневром справиться с превосходными силами противника. 6 июля противник силой не менее одной бригады атаковал капитана Либермана у Униндн с фронта, но был отбит с большими потерями. Отважное поведение наших рот не обошлось без потер и у нас; между ними находился лейтенант резерва Блек, который, будучи ротным командиром, получил смертельную рану в нижнюю часть живота. В качестве храброго начальника патрулей в многочисленных боях, а также в штабе командования, этот доблестный и прямой человек оказал много выдающихся услуг и был тесно связан со мной. Капитан Шпангенберг с двумя ротами прикрывал правый фланг капитана фон-Либермана против другой неприятельской

бригады. Он выполнил эту задачу и так решительно двинулся вперед с двумя ротами против этой группы противника, что английское донесение, о котором мы узнали позднее, говорило о наступлении очень больших немецких сил.

Несмотря на этот успех у Унинди, большое численное превосходство противника и опасность, в случае обхода, потерять тыловые магазины и запасы вынудили капитана фон-Либермана постепенно, с непрерывными боями, отходить на юг. Мне казалось, что наступил момент для быстрого использования имевшихся в моем распоряжении рот и горной батареи, расположенной у Лутенде, для того, чтобы вмешаться, неожиданно для противника, в бои, которые вел капитан фон-Либерман, и таким образом, быть может, использовать благоприятный случай для решительного поражения неприятеля. Усиленными переходами двинулись мы от Лютенде прямо на север и беспрепятственно переправились в двух переходах ниже Нахунгу через Мбемкуру, которая снова превратилась в незначительный ручеек. Рои диких пчел, заставивших нас сделать крюк, причинили нам только незначительную задержку. После перехода Мбемкуру мы двинулись дальше на север в горы Руавы.

Два дня, пока происходило сосредочение войск, я использовал для подробных разведок, и 28 июля, к своему удивлению, случайно узнал от туземцев, что от нашего лагеря в Руаве в 6 часах пути имеется почти прямая дорога через горы к лагерю капитана фон-Либермана, который находился у источника воды Нарунгомбе. Немедленно же был послан европейский патруль, чтобы исследовать эту дорогу. 29 июля в лагере у Руавы я услышал перед обедом несколько выстрелов по направлению отряда Либермана; этим дело и ограничилось. Кроме того, посланный мной к отряду Либермана европеец вернулся утром и сообщил, что там все спокойно, поэтому я не предполагал серьезного боя. Однако, я должен был отказаться от этого предположения, так как в полдень явился с охоты очень надежный ван-Ройен и доложил, что он безусловно слышал продолжительный пулеметный огонь. Читатель, может быть, будет удивляться, что я только теперь начал движение к отряду Либермана, но надо принять во внимание, что переход туда был совершенно безводный, мои части были действительно до крайности истощены, и некоторые из них только недавно прибыли в Руаву. Уже начало темнеть, когда я придвинулся на расстоя-

ние трех часов от поля сражения отряда Либермана; роты же подошли уже глубокой ночью. Дальнейший переход через кустарник в полной темноте был бы бесцельным и, наверняка, привел бы к массе недоразумений, а уже сильно утомленные части окончательно и бесполезно утомились бы.

Вскоре после этого, в три часа утра, когда началось дальнейшее движение, поступило донесение от высланного вперед офицерского патруля, которое говорило, что хотя капитан фон-Либерман и разбил противника, но что затем, за недостатком патронов, он должен был отступить ночью на Михамбию. Арьергард очистил источник воды и во время отправления донесения готовился продолжать отход. Во всяком случае мой приказ удержать источник, так как я, безусловно, прибуду не позже 6 часов утра и вступлю в бой, был, к сожалению, опережен событиями. Я считал вполне вероятным, что, по своему обыкновению, неприятель, имевший в общем все-таки перевес в силах, немедленно укрепит источник воды и, таким образом, мне теперь придется при своей атаке вести бой, имея части, истомленные жаждой. А потому мне казалось, что атака имеет слишком мало шансов на успех. Теперь, после того, как я узнал о действительном положении дел у неприятеля, я, разумеется, прихожу к противоположному выводу. На самом деле, неприятель потерпел одно из самых тяжелых поражений за всю кампанию, несмотря на свое превосходство. Его седьмой и восьмой южно-африканские европейские полки были почти уничтожены. Все снова и снова производил он атаки густыми стрелковыми цепями на фронт наших рот аскари и каждый раз отбрасывался назад нашими контр-ударами. Возникший лесной пожар расстроил его боевой порядок. В конце концов вся масса его войск рассеялась в кустарнике в страшном беспорядке и бежала. Он бросил на поле боя пулеметы, массу ружей и сотни ящиков с патронами. При такой обстановке весьма вероятно, что мое вмешательство, даже после отхода отряда Либермана, довершило бы поражение этой главной группы противника. В то время многие из наших частей, к крайнему сожалению, не обладали еще достаточной ловкостью для того, чтобы в случае недостатка своих собственных патронов немедленно в течение боя вооружаться неприятельскими ружьями и патронами, которые валялись кругом в большом количестве. Жаль, что такой близкий и крупный успех был упущен благодаря случаю. Но все же следовало быть

благодарным за героические действия, которые совершила 7 храбрая рота аскари, при безусловно блестящем управлении боем капитана фон-Либермана, против подавляющего превосходства противника.

Все это стало ясным только позднее; в то время я считал правильным двинуться обратно к Михамбию на соединение с отрядом Либермана для того, чтобы обеспечить общее руководство, сделать его боеспособным, снабдив патронами, и, если это было необходимо, поднять настроение войск после тяжелого боя появлением подкрепления. Последнее оказалось ненужным: при моем прибытии я нашел отряд Либермана в блестящем настроении, и все роты гордились тем, что нанесли такие тяжелые потери превосходящему их неприятелю. Для меня операция у Нарунгомбе явилась новым доказательством того, как тяжело, даже при благоприятных условиях, нанести совместный удар на поле битвы при проведении операции многими колоннами в незнакомом африканском кустарнике при ненадежности связи. У Нарунгомбе, где вся обстановка сложилась на редкость благоприятно, проведение операции было в конце концов сорвано из-за ничтожной случайности, и, таким образом, я еще более убедился в необходимости еще до боя устанавливать самую тесную связь между войсками, с которыми я хотел действовать.

Удар у Нарунгомбе имел следствием бездействие противника у Кильвы в течение продолжительного времени, и мы снова вынуждены были обратиться к отдельным партизанскими действиям, которые причиняли неприятелю потери на его тыловых сообщениях, при чем патрули обстреливали из кустарника его автомобили и проходящие мимо отряды, а также при благоприятном случае производили штыковые атаки. Я растянул свой фронт дальше в сторону на Михамбия — Ндесса с целью дать теперь своим патрулям более широкую базу для их партизанских действий, а также для того, чтобы обеспечить себя от обходного движения неприятеля с запада и, наконец, облегчить снабжение продовольствием. В богатой стране Ндесса появлялись многочисленные летчики, против бомб которых мы были беззащитны, и в результате у нас были случаи нескольких тяжелых ранений. По воздушной разведке можно было заключить о повышенном интересе неприятеля к этому району, и скоро было также обнаружено его обходное движение еще глубже на запад. Хотя наши боевые па-

труди работали так удачно, что иногда целые роты неприятеля обращались в бегство с тяжелыми для них потерями, но противник все время пытался вести разведку. Он почти не скрывал своего намерения разведывать при помощи парламентеров. Я вспоминаю один случай, когда парламентер пришел сзади к нашему лагерю через кустарник; таким образом, он умышленно пересек все дороги, ведшие к нашему лагерю, и их обследовал. Ввиду приближения неприятеля сбор продовольствия, запасы которого постепенно истощались, становился все труднее. Мы не могли помешать тому, что наши беззащитные фуражиры и охотничьи команды, которые направлялись далеко во все стороны, выдавались неприятелю и затем настигались им врасплох. Влияние противника на туземцев выражалось в том, что южнее Михамбии некоторые деревни были внезапно покинуты туземцами. С давних пор это явление было для меня верным признаком, что неприятель предполагает двинуться туда. Наше продовольственное положение исключало возможность содержать продолжительное время такое большое количество войск в районе Михамбия—Ндесса. Очищение этой области становилось, повидимому, неизбежным; в то же время неприятель со значительными силами развивал усиленную деятельность на фронте генерала Вале, западнее Линди. Поэтому я решил с несколькими ротами перейти от Ндессы к генералу Вале с тем, чтобы достигнуть, может быть, того, что не удалось при Нарунгомбе, а именно — решительного частного успеха неожиданным усилением наших частей. Во всяком случае, войска генерала О'Гради попали 8 августа в очень тяжелое положение. При этом один индусский полк, ворвавшись через незанятый промежуток между двумя сильными немецкими опорными пунктами, был атакован и почти полностью уничтожен нашими расположенными сзади резервами. При преследовании в наши руки попало много ценного материала. Но неприятель вновь, спустя несколько дней, повторил атаку, и генерал Вале отошел перед его сильными обходящими отрядами к Нарунджу и на горы, лежащие на одной линии с Нарунджу, южнее реки Лукуледи.

Капитан Кель был оставлен на месте с 6 ротами и одной батареей; сам же я, с четырьмя ротами и двумя горными орудиями, перешел реку Мбемкуру, ниже Нахунгу, и двинулся затем через плоскогорье Муэра к миссионерской станции Намупа. Тамошний управляющий угостил нас, между прочим, мухобо (вид полевых

овощей со съедобными корнями), который был приготовлен, как картофель, и пополнил убывающие продовольственные запасы наших европейцев бананами и другими фруктами своих обширных садов.

При плохой дождливой погоде мы заняли с ранее прибывшими ротами лагерь при Ниенгеди у большой дороги Ниангао — Линди сзади отряда Вале. Я немедленно отправился в Нарунджу к генералу Вале для ознакомления с обстановкой. Здесь, совсем близко друг против друга, стояли наши войска и противник в почти непроходимой местности, густо заросшей и перерезанной ущельями; в более низких местах встречались многочисленные глубокие болота. Наши войска работали над стрелковыми окопами полной профили, которые были прикрыты с фронта засеками. Из семи рот, имевшихся в распоряжении генерала Вале, только наиболее слабые пять стояли у Нарунджу, две же остальные — на горе Кухо, на южном берегу реки Лукуледи. Ввиду опасности неожиданного нападения на наши слабые силы у Нарунджу, я распорядился об их усилении ротами горы Кухо, а на эту гору направил две из числа прибывших со мной рот. Уже на следующий день, 18 августа 1917 года, неприятель атаковал Нарунджу. Кроме капитана Либермана, с горы Кухо подошли также обе другие роты, прибывшие со мной. Я еще и сейчас вижу аскари третьей роты, которые прибыли до наступления темноты в Нарунджу после форсированного марша без остановки в Ниенгеди и слышу их радостные оклики, так как они рассчитывали еще раз основательно разбить неприятеля.

Но наше наступление в обхват правого неприятельского фланга привело только к его оттеснению назад; кустарник был слишком густым для наступления, которое должно было развернуться на коротком расстоянии под беспрерывным ружейным и пулеметным огнем противника. Темнота еще больше затрудняла управление боем, и не может быть никакого сомнения, что при передвижениях в пересеченной местности наши части не раз обстреливали друг друга, так как отличить противника от своих было теперь едва ли возможно. Так, например, когда я в полнейшей темноте услышал перед собой в кустарнике громкие голоса, то счел, что они принадлежат нашему обходному отряду, который совершенно отбросил неприятеля. Только спустя продолжительное время выяснилось, что это был противник, и скоро

можно было также услышать шум от его фортификационных работ. Точное выяснение места расположения неприятельских позиций имело для нас то значение, что мы могли при хорошем наблюдении взять его под обстрел 10,5-сантиметрового кенигсбергского орудия отряда Вале. Это было проделано с успехом; во всяком случае на следующий день неприятель очистил свою позицию и отступил.

Решительный успех, к которому мы стремились, не был достигнут, да и нельзя было на него рассчитывать при наличии трудных местных условий, а также потому, что мы во время боя 18 августа обнаружили свои силы неприятелю и, таким образом, лишились выгод внезапного нападения. Я должен был опять довольствоваться оборонительными действиями. Продолжительная стоянка в этой богатой местности не представляла никаких затруднений в отношении продовольствия. Войска редко продовольствовались так хорошо, как в районе Линди. Обширные поля сладкого картофеля и мухого простирались так далеко, насколько можно было охватить взглядом; точно также было достаточно и сахарного тростника. Уже многочисленные арабские плантации указывали на богатство и древнюю культуру страны. Итак, мы устроились по-домашнему, и если ружейные пули и залетали часто в наш лагерь, а летчики сбрасывали свои бомбы, то они едва ли вредили нам. После долгого перерыва зубной врач возобновил свою работу, в которой мы так нуждались, и открыл свой кабинет в европейском доме; он как раз занимался с больным, когда в комнату ударила граната. При произведенном обследовании помещения оказалось, что плантатор хранил свои запасы динамита именно в этой комнате. К счастью, граната в них не попала, иначе зубной врач и больной были бы навсегда избавлены от всякой зубной боли.

Возникал нелегкий вопрос, что может ожидать немецких женщин и детей, бежавших из Линди и теперь не знавших, что им делать. Некоторые из них получили приют в строениях плантации Мтуа, находившихся под неприятельским артиллерийским огнем. При уменьшении запасов продовольствия и при большом затруднении с транспортом и в квартирном отношении было желательно отправить женщин и детей в Линди. Некоторые были достаточно разумными, чтобы понять необходимость этого. Путем переговоров была обеспечена их правильная перевозка через

английские линии, и, таким образом, они могли отправиться в Линди. Однако, по неизвестным мне причинам, англичане затем не захотели больше продолжать такую перевозку. Поэтому мало-по-малу в католической миссии Нданда скопилась масса женщин и детей, а также небоеспособных мужчин. Там еще раньше была открыта военная санатория для выздоравливающих, которая была развернута в большой лазарет.

Все помещенные здесь люди нашли хорошее убежище и пищу в обширных постройках миссии и ее многочисленных садах.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ КОЛОНИИ

(Август — октябрь 1917 года)

(Чертежи XVI и XVIII)

В то время как теперь в районе Нарунджу наступило на несколько недель затишье, неприятель обнаружил более оживленную деятельность в занятой отрядом Штюмера части португальской области. Несколько английских колонн двигались концентрически с юго-запада и юга на Мвембе, и майор фон-Штюмер, который не считал себя достаточно сильным для обороны, очистил этот пункт. Затем отдельные роты постепенно отошли на Ровуму. Севернее этой реки общее руководство принял на себя капитан-лейтенант резерва Янцен, которого командование направило в Тундуру с двумя ротами и к которому присоединились отдельные роты прежнего отряда Штюмера. Одновременно и от Сонги наступали неприятельские отряды в направлении на Тундуру.

Выяснить точно группировку противника было трудно; у меня создалось впечатление, что он только хотел задержать у Нарунджу наши главные силы, чтобы вторгнуться крупными частями в район, который снабжал нас продовольствием, т.-е., главным образом, в области Тундуру—Массасси—Рупонда, и захватить наши запасы. Мне тогда казалось, что не исключена возможность одержать успех против этих частей противника, и потому 10 сентября 1917 года я выступил с пятью ротами из лагерей Нарунджу и Мтуа к Массасси. Первым выступил капитан Геринг с тремя ротами на Тундуру, которая к этому времени были занята неприятелем; отряд Янцена находился северо-восточнее этого пункта. Я разведал на велосипеде дорогу в Тундуру и опасался, что продовольственные затруднения будут очень велики. Это, к сожалению, подтвердилось. В самом районе было трудно организовать сбор и доставку продовольствия, а для более длительной операции не хватало времени организовать подвоз из Массасси.

Мелкие патрульные действия англичан и португальцев, появившихся с юга через Ровуму и беспокоивших наши склады и транспорты, во всяком случае задерживали наше передвижение. Капитан Кель не мог удержать противника, наступавшего со стороны Кильвы, несмотря на тяжелый бой у Мбео—Хини и целый ряд более мелких столкновений, и неприятель появился в районе Нахунгу. Его летучие колонны, преимущественно конные, обошли отряд капитана Келя глубоко с запада и продолжали движение вверх по реке Мбемкуру на Нангау. Связь с капитаном Келем, которая была установлена по телефонной линии Нахунгу—Нангау, была прервана сначала на несколько дней, а затем на более продолжительное время. Расположенные вдоль этой линии полевые магазины попали в руки противника и были им уничтожены. В предвидении перерыва этой необеспеченной от покушений противника телефонной линии была проложена новая линия от Рупонды в северо-восточном направлении. Однако, эта линия не доходила до расположения капитана Келя, и летучая почта от нее к последнему требовала несколько дней.

При медленной передаче сведений от и к отряду Келя было невозможно составить себе своевременно картину его положения и, так как нельзя было рассчитывать на успешные действия у Тундуру, то в начале октября я перешел с пятью ротами от Массасси к Рупонде, а затем дальше на северо-восток и соединился у Ликангары с отрядом Келя. При получении сведения, что неприятельские отряды приближаются к Рупонде с северо-востока, было приказано переправить больных и запасы из Рупонды к Лукуледи и к Мнахо. 9 октября 1917 года у Рупонды был отбит неприятельский патруль с некоторыми потерями для неприятеля. 10 октября более сильный противник — был установлен 25 индусский кавалерийский полк — напал на Рупонду с нескольких сторон. К сожалению, передвижения наших рот к Ликангаре произошли несколько раньше; иначе неприятель у Рупонды, вполне вероятно, столкнулся бы с частью наших рот и, может быть, потерпел бы поражение. Теперь же, кроме нескольких патрулей, в Рупонде совсем не было войск; большая часть больных попала в руки неприятеля, а также, к несчастью, и магазин, содержавший около 90.000 килограммов продовольствия. При Ликангаре не произошло никакого достойного упоминания сражения. Правда, появлялись неприятельские патрули и более слабые партии, но это

не мешало нашим боевым патрулям, которые направлялись против шедшей вдоль реки Мбемкуры главной тыловой дороги неприятеля, обстреливать и уничтожать иногда автомобили и захватывать почту и припасы. Это навело меня на предположение, что главные силы неприятельских войск, высадившиеся в Кильве, совершали обход еще дальше на север, по направлению к Рупонде.

Усилившаяся деятельность неприятеля в нескольких переходах восточнее Ликангары, где противник снял наши закупочные посты, а также рассказы туземцев, указывали на возможность передвижения более крупных неприятельских частей от Нахунгу в южном направлении, т.-е. против генерала Вале. Захваченная почта отмечала, что неприятель, несмотря на его широко развитую разведывательную и шпионскую системы, действовал почти вслепую. Например, он не знал, где я находился, хотя, казалось, придавал этому особенно большое значение. Все-таки, сведения о моем прежнем месте пребывания указывали ему, где можно предполагать главные силы наших войск. В то время как одно из его донесений говорило, что я нахожусь теперь в местности Лукуледи, другое предполагало, что я у Тундуру, а третье, такое же достоверное, говорило о Махенге. Болтливость наших европейцев, которые, несмотря на все указания, не переставали сообщать друг другу в своих частных письмах свои сведения о военном положении и свои предположения, принесла на этот раз кое-какую пользу; именно: так много болтали, слухи были так противоречивы, а также так слепо верили всяким небылицам, что из переписки немцев можно было получить самые противоположные сведения. Несмотря на это, невольное, введение противника в обман, было все же непонятно, как разумные люди могли важные дела и сведения, сообщение которых необходимо было скрывать от неприятеля, доверять почте, о которой они знали, что она ненадежна, так как письма часто попадали в руки противника.

Мне было ясно, что неверная оценка положения, в котором, очевидно, находился неприятель, может мне принести небольшую выгоду, если действовать быстро и решительно. Я надеялся, что теперь можно рассчитывать на решительный удар, которого я дважды искал в районе Линди и один раз у Тундуру и успех которого у Нарунгомбе висел на тонком волоске. При оценке общего положения мне казалось, что обстановка в отряде Вале складывается благоприятно. Принятый неприятелем план ведения

войны должен был навести на мысль, что отдельные колонны противника будут энергично подвигаться вперед, чтобы раздавить нас посредством окружения со всех сторон. Также и дивизия неприятеля из Линди вела настойчивое наступление. Перед ней, ведя беспрерывные бои, отходили от Махивы девять слабых рот генерала Вале. Местность у Махивы была лично мне немного знакома. Казалось очень вероятным, что мой отход туда не будет своевременно обнаружен неприятелем.

14 октября 1917 года, в надежде на военное счастье, я перешел с пятью ротами и с двумя горными орудиями через горы Ликангары в Мнахо, куда и прибыл ночью, и 15 октября на рассвете продолжал движение. При движении на узкой тропинке над обрывом походная колонна растянулась. Орудия оказались далеко позади; вьючные животные выбивались из сил, требовалась помощь со стороны аскари и носильщиков, и вице-вахмистр Сабат каждый раз умел преодолеть препятствия и двигать дальше свои пушки. Меня удивляло, что мне не посылались навстречу донесения из Махивы, но ружейный и пулеметный огонь заставлял предполагать, что там происходил бой. Перед наступлением темноты я прибыл к роте обер-лейтенанта Метнера, который находился в резерве сзади левого фланга отряда Вале. Неприятель, казалось, наступал в обход этого фланга через кустарник. Падающие пули имели для меня то неприятное последствие, что носильщик, который нес мою полевую сумку с самыми важными донесениями и картами, исчез на два дня. Обе прибывшие первыми роты были тотчас же направлены для контр-атаки против неприятельского обхвата, и противник был здесь отброшен. После этого роты окопались. 16 октября утром я направился туда и твердо установил, что противник там уже укрепился на расстоянии от 60 до 100 метров. Между тем как обер-лейтенант фон-Руктешель предлагал мне чашку кофе, надо было быть настороже, так как неприятель был довольно бдителен и, к сожалению, хорошо стрелял.

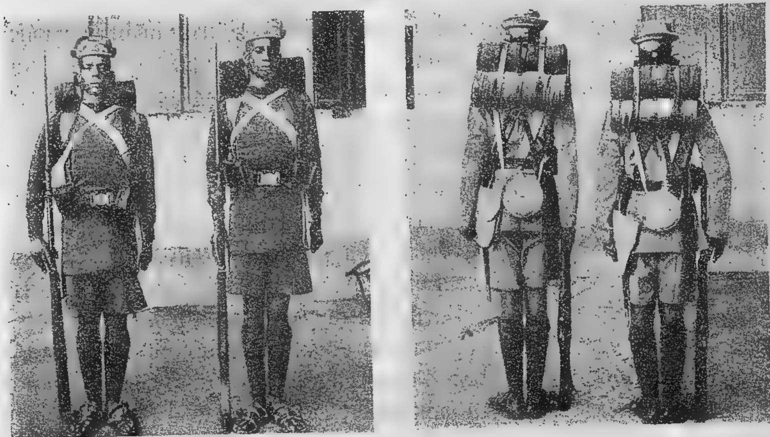
Случай для внезапного решительного наступления казался мне благоприятным. Обер-лейтенант фон-Руктешель должен был начать в полдень обход неприятеля слева (т.-е. севернее); еще левее направлялся отряд Геринга.

После того, как мы спокойно пообедали, я быстро отправился на левый фланг, где капитан Геринг с двумя ротами только-что

развернулся. Затем, после того, как он перешел широкую долину, он, к моему удивлению, начал обходить еще дальше влево. Скоро роты вступили в бой. Только постепенно для меня стало ясным это непонятное движение. Капитан Геринг неожиданно натолкнулся на нового противника, который прибыл от Нахунгу и теперь наступал с севера. Это было несколько батальонов Нигерийской бригады с двумя орудиями, которые ничего не знали о нашем прибытии к Махиве и рассчитывали разбить на-голову войска генерала Вале, наступая на его левый фланг и тыл, в то время, как фронт генерала будет энергично атакован дивизией из Линди. Нигерийская бригада была теперь так удивлена, как и капитан Геринг, но не так быстро разобралась в новой обстановке. Капитан Геринг, за которым непосредственно следовали резервы, наступал к кустарнику со своими двумя ротами так энергично, что совершенно смял отдельные части противника, отбросил их в беспорядке и окончательно обратил в бегство. Один неприятельский офицер, который вел патронную колонну, принял наши войска за свои, и таким образом нам удалось захватить около 150.000 патронов. Во время штурма было взято одно орудие со снарядами, и мы насчитали более ста нигерийских аскари убитыми. Правее капитана Геринга, где вели бой две роты под командой обер-лейтенанта фон-Руктешеля и тяжело раненого лейтенанта резерва Брукера, неприятель также был оттеснен несколько назад, в кусты.

Одновременно с этими боями на левом фланге, а также в следующие дни, неприятель вел настойчивое наступление на отряд Вале. При этом обнаружилось большое численное превосходство противника; все снова и снова прибывали свежие части против нашего фронта. Опасность, что фронт генерала Вале не выдержит, усиливалась, бой становился тяжелым. В то время можно было сильно опасаться, что наше обходное движение в трудно доступной болотистой местности может быть задержано слабыми силами противника, между тем как на фронте генерала Вале дело примет неблагоприятный для нас оборот. Тогда сражение было бы для нас потеряно. Я считал целесообразным, насколько возможно, увеличить потери, которые нес неприятель при своих фронтальных атаках, и так использовать все мои части, чтобы противник, усиливавший нажим на отряд Вале, действительно истощил все свои силы.

Поэтому предполагавшийся сначала охват неприятельского правого крыла не развивался дальше в следующие дни, а, наоборот, все свободные роты были переброшены для усиления фронта генерала Вале. Таким образом, удалось не только достигнуть того, что наш фронт прочно удерживался, но также и иметь достаточные резервы для сильных контр-атак, чтобы немедленно использовать каждую ошибку неприятеля и нанести ему действительное поражение. На такой странный тактический прием ве-

Английский Королевский африканский стрелок в походном снаряжении.

дения боя меня натолкнула личность неприятельского начальника. О генерале Бевесе мне было известно по сражению у Реаты (11 марта 1916 года), что он действует очень прямолинейно. Вместо того, чтобы стремиться достигнуть успеха умелым маневром, он предпочитает добиваться победы настойчивыми фронтальными атаками, которые ведут к очень большим потерям, если оборона держится прочно или располагает достаточными резервами. Я предполагал, что генерал Бевес и тут, у Махивы, будет руководствоваться подобными соображениями. Я считаю, что именно использование этой слабости в действиях неприятельского главнокомандующего и доставило нам здесь, у Махивы, такую блестящую победу. До 18 октября, т. е. в общем в продолжение четырех дней, продолжались атаки нашего фронта все новыми и новыми силами, но несколько личных наблюдений показали мне, что

на нашем правом фланге сила атаки постепенно ослабевает и полное поражение противника здесь становится очевидным.

Вечером 18 октября мы, в числе примерно в 1.500 людей, окончательно разбили неприятельскую дивизию, которая ввела в бой от четырех до шести тысяч человек, а также нанесли неприятелю самое тяжелое поражение, которое он когда-либо испытывал, за исключением Танги. По заявлению одного высшего английского офицера, неприятель потерял 1.500 человек, но у меня есть основание предполагать, что эта цифра слишком низка. У нас было убито 14 европейцев, 81 аскари и ранено 55 европейцев и 367 аскари; один европеец и один аскари пропали без вести. Принимая во внимание наши сравнительно небольшие силы, эти потери были для нас очень тяжелыми и тем более чувствительными, что не могли быть пополнены. Наши трофеи состояли из одного орудия, шести станковых и трех ручных пулеметов, а также двухсот тысяч патронов.

К сожалению, общая обстановка не позволяла теперь использовать нашу победу; у нас в тылу неприятель, занявший 10 октября Рупонду, продолжал большими силами движение дальше на юг и 18 октября атаковал у Лукуледи майора Краута. В заключение надо отметить, что наши войска, дравшиеся под командой капитана-лейтенанта Янцена в районе Тундуру, постепенно отошли оттуда на северо-восток к верховьям Мбемкуру и были переброшены к командованию через Рупонду еще до захвата 10 октября неприятелем этого пункта. Две из этих рот усилили наши роты, расположенные поблизости от Лукуледи для защиты магазина. Это были те три роты отряда майора Краута, которые 18 октября у Лукуледи были атакованы с севера превосходным противником. Хотя противник, силой, на наш взгляд, в шесть рот Золотобережного полка, и был отбит, но, чтобы прикрыть наши подвергавшиеся опасности запасы продовольствия и материала, хранившиеся в Хигугу и Хивате, майор Краут отошел к первому из этих пунктов. Кроме Хигугу и Хиваты, неприятель, который, по моим предположениям, безусловно, усиливался у Лукуледи, мог угрожать также и Нданде, где хранилось большое количество наших боевых припасов. Каждую минуту можно было ожидать, что неприятель вторгнется из Лукуледи в наш тыловой район, захватит наши припасы продовольствия и, таким образом, сделает нас небоеспособными. Мы не имели достаточно

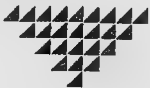
сил для непосредственного прикрытия наших сообщений с тылом, так как те 2.000 человек, которыми мы располагали, были нам необходимы для боя. Но, так как войска хотели и должны были остаться боеспособными, надо было устранить опасность другим способом.

Для этого имелось только одно средство, а именно окончательно разбить неприятеля у Лукуледи. Поэтому мы не могли терять времени при Махиве, и я должен был, как это ни было мне тяжело, отказаться от мысли об уничтожающем преследовании. В то время, как 19-го, рано утром, обстреливались некоторые посты противника, расположенные открыто, я уже выступил в поход со своими шестью ротами и двумя орудиями. На следующий день мы находились в двухчасовом расстоянии восточнее Лукуледи, и на рассвете 21 октября неприятель был атакован, повидимому, совершенно неожиданно для себя. Колонна майора Краута застигла врасплох севернее Лукуледи у дороги в Рупонду лагерь 25 индусского кавалерийского полка, стоявшего как раз с запряженными повозками наготове к выступлению на Массасси; лагерь был атакован, и неприятельский полк потерял всех обозных животных, в общем 350. В то время как я с отрядом Келя и Руктешеля вел у Лукуледи довольно серьезный бой против укрепившегося там противника, я тщетно ожидал наступления отряда Краута. Штурм на лагерь, без элемента внезапности, не обещал успеха. Когда же отряд был, в свою очередь, достаточно обстрелян с фланга минометами, я после отражения серьезной неприятельской контр-атаки отвел главные силы из-под действительного перекрестного огня во избежание бесполезных потерь. Новый противник, внезапно появившийся из кустарника и состоявший из сильного патруля и одной роты полка Королевских африканских стрелков (английские восточно-африканские аскари), был быстро отброшен. При этом обер-лейтенант Крегер был убит во главе своей роты. Тогда бой прекратился. Только ночью поступило донесение от майора Краута: не рассчитывая больше на успех атаки у Лукуледи и не слыша шума боя, он, описав большую дугу, отошел от этого пункта и расположился лагерем юговосточнее Лукуледи.

Из-за неудачно сложившейся обстановки нам не удалось на самом деле окончательно разбить неприятеля у Лукуледи, и цель моего предприятия была достигнута только отчасти; но потери

неприятеля можно было считать значительными. Кроме того, он был потрясен сильнее, чем я сначала предполагал. Во всяком случае произведенные разведки выяснили, что он опять очистил Лукуледи и отступил в северном направлении. В числе наших потерь было три убитых ротных командира. Еще и сейчас стоит перед моими глазами лейтенант резерва Фольквейн, как он, тяжело раненый в ногу, с трудом двигался, хромая, через кустарник впереди своей роты. Я также говорил с лейтенантом резерва Бацнером и обер-лейтенантом Крегером незадолго перед тем, как они были убиты. Здесь был убит также великолепный пулеметный начальник вице-фельдфебель Клейн, так часто водивший свой патруль к Угандской железной дороге. Но наши потери были не напрасны. Наши патрули преследовали неприятеля, обстреляли его лагерь в районе Рупонды и действовали на его сообщения с тылом. Но возможность для нас обеспечить продовольствием в районе Рупонды более крупные войсковые массы — наши собранные там запасы попали в руки неприятеля — вынудила меня отказаться от более широкого преследования.

В то время я считал вероятным, что наступление противника от Лукуледи на север было вызвано движением войск, которые под начальством капитана Тафеля направлялись сюда от Махенге. С ним с начала октября не было никакой связи. Он получил указания медленно отходить под натиском сильных неприятельских колонн, наступавших от севера (из Ифакары), с запада и юго-запады (Лукуджу, Мпонда) и искать соединения с главными силами, находившимися под моей командой. Я считал возможным, что он уже прибыл теперь в район Нангау или западнее этого пункта и что неприятель, обеспокоенный за свои собственные сообщения с тылом, повернул теперь обратно к Лукуледи

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНИЕ НЕДЕЛИ НА НЕМЕЦКОЙ ТЕРРИТОРИИ

(Октябрь — ноябрь 1917 года)

(Чертеж XVI)

24 октября ко мне в лагерь восточнее Лукуледи прибыл для переговоров губернатор из Хиваты, которая сделалась, между тем, центром гражданского управления. Я высказал свое твердое убеждение в том, что, несмотря на все продовольственные затруднения, которые должны были скоро возникнуть в немецкой Восточной Африке, возможно и необходимо было продолжать войну и дальше, если при этом мы будем базироваться на португальскую область. Это возможно было выполнить только в том случае, если мы очистим немецкую Восточную Африку и вторгнемся в португальскую колонию.

Вопрос о продовольствии становился очень острым: в оставшихся у нас магазинах мы имели налицо в круглых цифрах около пятисот тысяч килограмм. Этого должно было хватить примерно на полтора месяца. Но оказалось, что цифры не давали абсолютно верной картины. Наваленные в кучу мешки были неполного веса, а зерно пострадало от насекомых. Новой жатвы можно было ожидать не ранее марта. Поэтому при дальнейших операциях необходимо было двигаться на юг, хотя бы только из чисто продовольственных соображений. Во всяком случае, я рассчитывал на возможность, что капитан Тафель со своими войсками прибудет в район Массасси и Хиваты, и что я тогда смогу оставить ему запасы магазинов, расположенных, главным образом, в районе Хиваты, чтобы самому с частью войск перейти от Хиваты через плоскогорье Маконде по направлению на Линди и произвести нападение на главную этапную дорогу неприятеля у реки Лукуледи. Для дальнейшего ведения войны район Хиваты, по своему богатству местными средствами, имел для нас наибольшее значение. Но Хивата не была защищена и подвергалась опасности еще потому,

что неприятельские действия против Мнахо велись также и с севера, где в районе Нданды на дороге Лукуледи—Линди появились неприятельские конные отряды. Аэропланы противника также уделяли нашим лагерям у Хиваты усиленное внимание.

Вот причины, почему я в конце октября 1917 года со своими главными силами отошел от Лукуледи. Еще нельзя было предвидеть, представится ли снова случай для нападения от Хиваты на одну из колонн неприятеля, который, повидимому, собирался возобновить здесь наступление. Следующие недели наступление неприятеля было опять направлено против отряда Вале. Там появились совсем новые части, между ними также Капский отряд, сформированный из южно-африканских метисов. Последний находился у Центральной железной дороги и был переброшен через Дарессалам — Линди для подкрепления генерала Бевеса. К счастью, генерал Бевес еще не дождался этого подкрепления, когда он, по собственной вине, понес поражение у Махивы.

Генерал Вале шаг за шагом отступал вверх по Лукуледи. К сожалению, я не мог послать никакой поддержки и даже должен был взять у него несколько рот, чтобы в случае благоприятного стечения обстоятельств иметь под рукой части для наступления от Хиваты и в то же время охранять наши магазины. Во время боев в кустарнике с отрядом генерала Вале, которые происходили почти ежедневно, неприятель, повидимому, понес значительные потери, но настойчиво продолжал наступление; однако, нам не удавалось одержать решительного частного успеха и получить значительную добычу боевых припасов, а, между тем, патроны у нас все больше и больше истощались. 6 ноября я приехал верхом от Хиваты в Нангоо у Нданды и произвел здесь разведки местности вплоть до места расположения отряда Вале с целью выяснить условия наступления с войсками, расположенными у Хиваты. 7 ноября я отправился верхом от Нангоо в южном направлении через возвышенность Маконды назад в Хивату. В этот же день были опять обнаружены неприятельские части у Лукуледи: 9 ноября у Хигугу, рядом с Хиватой, произошло столкновение патрулей.

В этот критический момент, когда к Хивате начали приближаться головы неприятельских колонн, мы, естественно, должны были настолько своевременно броситься со всеми нашими силами на одну из неприятельских колонн, чтобы другие не успели

ввязаться в бой. Обязательным условием для такого удара являлось требование ввести в дело все наши наличные части, которые в общем были немногочисленны. При этом на первом плане стоял вопрос о боевых припасах, которые уменьшились круглым числом до четырехсот тысяч патронов; для 2.500 ружей и 50 станковых и ручных пулеметов этого количества было недостаточно для серьезного боя, и дальнейшее ведение операции было бы возможным только при условии захвата боевых припасов у противника. Для этого местность была неблагоприятна. В густом кустарнике каждый отдельный боец был склонен много стрелять и мало попадать, и запасы патронов были бы израсходованы раньше, чем мы могли бы достигнуть благоприятных для нас результатов. Удовлетворительное разрешение вопроса боевого снабжения затруднялось еще тем, что большинство запасов состояло из патронов с дымным порохом для ружья 71 года, в то время как войска только примерно на одну треть были вооружены ружьями этой системы, а две трети имели немецкие, английские или португальские современные винтовки; для последних же количество наличных патронов было недостаточно. Ничтожные запасы современных патронов необходимо было беречь для нашего главного оружия — пулеметов. В то время хороший совет был бы очень ценным. Ничего не оставалось другого, как выделить из каждой роты боевые отряды, вооруженные ружьями 71 года, и поручить им вести огонь; в резерве же держать два других отряда, имевших современные винтовки, в которых каждый человек нес, кроме 20 патронов соответствующего калибра, еще и патроны 71 года с дымным порохом. В таком случае отряды чередовались бы таким образом, чтоб когда первый отряд кончал бой, то он передавал бы свои ружья 71 года сменяющему его второму отряду, сам же брал бы у него современные винтовки и отходил бы в резерв. Таким образом, в лучшем случае, только одна треть имеющегося налицо боевого состава могла быть действительно введена в бой, и эти люди тоже должны были чрезвычайно беречь патроны.

Артиллерийские боевые припасы были израсходованы до последнего патрона, за исключением нескольких снарядов для обоих горных орудий и небольшого количество португальских артиллерийских патронов. Наша последняя полевая гаубица, а также захваченное при Махиве английское орудие были взорваны. Мы также уничтожили несколько дней тому назад и оба последние

10,5-сантиметровые кенигсбергские орудия. Днем позднее при Китангаре было уничтожено и потоплено одно немецкое горное орудие. Таким образом, остались только одно немецкое и одно португальское горные орудия. Недостаток в артиллерийском снабжении был в течение последних месяцев уже настолько велик, что мы редко имели более трехсот выстрелов. Это составляло примерно боевой комплект каждого из многочисленных английских орудий.

При таких условиях успешный переход в наступление был возможен только при исключительно благоприятной обстановке. Этот случай не наступил. Хотя высылались боевые патрули и неприятелю, по возможности, наносили вред, но, кроме этого, не оставалось ничего другого, как повести на Хивату отряд генерала Вале, а также оставшуюся еще при Мнахо для вывоза оттуда запасов 11 полевую роту. 10 ноября была неожиданно занята подошедшим с севера сильным противником миссия Нданда, находившаяся непосредственно в тылу генерала Вале, стоявшего у Нангоо. Тамошний полевой лазарет и часть наших запасов попали в руки неприятеля. Стоявший южнее Нданды отряд Либермана прикрыл отступление генерала Вале, который от Нангоо поднялся на плоскогорье Маконды по разведанной мной 7 ноября дороге, проходящей юго-восточнее Нангоо, затем отошел через плоскогорье к Хивате и, таким образом, ускользнул из поставленной ему неприятелем ловушки. 11 рота также отошла от Мнахо, и, таким образом, все части соединились у Хиваты, за исключением отряда капитана Тафеля и более мелких, расположенных южнее отрядов. Постепенная переброска наших запасов в восточном направлении на Намбиндингу производилась полным ходом, и, таким образом, могло начаться дальнейшее отступление на Китангари. При этом я внимательно наблюдал, не сделает ли одна из неприятельских колонн какую-либо ошибку. 14 ноября мне показалось, что я уловил такой случай.

Сильная неприятельская колонна, в состав которой входил 10 полк южно-африканской ездящей пехоты, обошла нас — от Лукуледи через Массасси, и в тот же день атаковала с юга Мвити, расположенную в двухчасовом расстоянии южнее Хиваты. В этом пункте, до сих пор слабо занятом, был днем раньше сосредоточен отряд фон-Либермана (три роты), прибывший из Хиваты. Несмотря на все затруднения с боевыми припасами, представлялась,

как я думал, возможность расположенному у Хиваты отряду Келя завязать у Мвити бой настолько внезапно, чтобы возможно было этого противника разбить отдельно; но я был слишком занят сложными распоряжениями по отступлению на Нанбиндингу и, к сожалению, отступил, не использовав представлявшийся у Мвити благоприятный момент.

Таким образом, мне оставался только постепенный отход на Намбиндингу. При очищении Хиваты в руки неприятеля попал лазарет, наполненный, большей частью, тяжело ранеными, а также взятыми раньше нами в плен европейскими солдатами противника и индусами, перенесенными в этот лазарет.

Отступление на Намбиндингу было произведено с 15 по 17 ноября, с непрерывными боями. Я хотел, чтобы неприятель действительно довел свое концентрическое движение с севера, запада и юга до полного соединения своих колонн; тогда, в то время как большая беспомощная масса людей неприятеля была бы расположена на узком пространстве, я мог отступить куда угодно. 17 ноября я должен был при Намбиндинге принять окончательное решение. Продолжительный бой в кустарнике грозил истощить наши последние боевые припасы. Было бы бессмысленным продолжать дальше это сражение, которое не могло дать нам никакого благоприятного результата. Следовательно, мы должны были отступить.

Одновременно мы должны были уменьшить наш боевой состав, так как наши многочисленные бойцы с малым количеством патронов представляли меньшую боевую ценность, чем малое число отборных людей с достаточным количеством боевых припасов. Этого же требовало и продовольственное положение. Только значительным сокращением числа едоков можно было достигнуть того, чтобы имеющихся наличных запасов хватило еще на двенадцать дней. Район, из которого мы могли собирать продовольствие, значительно сократился; новая закупка была расстроена неприятелем, а местные средства района — истощены. Запаса хины для европейцев могло хватить еще на один месяц. После израсходования этого последнего количества хины европейцы должны были погибнуть от малярии и ее последствий; мы не смогли бы больше выносить трудностей войны под тропиками. Только при условии сокращения числа европейцев до последнего предела наличной хины было бы достаточно для того, чтобы мы могли еще в те-

чение нескольких месяцев продолжать войну. Из этого вытекало, что нам следовало сократить наши войска примерно до 2.000 ружей и при этом установить число европейцев не свыше 300 человек. Все те, которые не вошли в эту норму, должны были быть оставлены. Следовало примириться с тем, что среди нескольких сотен европейцев и шестисот аскари, которых, в силу необходимости, мы покидали в лазарете Намбиндинги, находились также люди, которые охотно продолжали бы сражаться и по состоянию здоровья были бы к этому способны. К сожалению, нельзя умолчать, что между остававшимися здесь у Намбиндинги было также известное число европейцев, которые были не прочь сложить оружие. Но все-таки заслуживает внимания, что не только большинству европейцев, но также и многим аскари было очень тяжело оставаться вопреки своему желанию. Приходилось отказывать некоторым храбрым аскари в их просьбе следовать и сражаться вместе с нами. Когда же спустя два дня обер-лейтенант Грундман, несмотря на то, что он едва мог ходить после тяжелого ранения, опять прибыл ко мне и доложил, что он, невзирая на приказ, не мог заставить себя итти в плен, то я редко когда-либо радовался так, как этому непослушанию.

Здесь можно упомянуть, что неприятель в общем обращался по-человечески с нашими пленными, насколько я в состоянии об этом судить, но все же мне кажется, что он стремился нас обвинять в жестокости против английских пленных, чтобы этим иметь может быть, право принимать жестокие меры, а возможно, и по другим причинам. Лейтенант резерва Гуч был оставлен больным в Нданде и попал в неприятельские руки. По совершенно недоказанному и взятому с потолка заявлению одного черного, якобы лейтенант Гуч, во время одного набега, сжег английских раненых, он был закован в ручные кандалы и затем в течение морского переезда в Даресалам в продолжение нескольких дней был заперт в помещении рядом с уборной. В Даресаламе он несколько недель провел в тюрьме, не будучи вообще допрошен; когда же, наконец, с него сняли показания, оказалось, что произведенная над ним безрассудная жестокость была основана только на одном лживом заявлении черного. Далее, генерал Девентер сообщил мне, что против капитана Наумана, сдавшегося восточнее Кондоа-Иранги, было возбуждено преследование за убийство; как я позднее узнал, он также был посажен в тюрьму на продолжи-

тельное время и тоже не был допрошен, пока, наконец, не выяснилась его невиновность. Мне тем менее понятна причина этого издевательства над чувством справедливости, что у нас с английскими пленными обращались в высшей степени по-человечески, и очень часто они в материальном отношении были обставлены лучше, чем наши собственные люди *.

Принятые решения заставляли совершенно изменить приемы ведения войны. До сих пор мы собирали продовольствие в магазины и из них, главным образом, снабжали наши части; также и пополнение боевыми патронами всегда могло производиться из хранящихся запасов. Правда, при этой системе мы имели много легко уязвимых со стороны неприятеля слабых пунктов, которых не могли защищать, но она давала нам возможность держать под ружьем значительное количество частей, необходимых при наших условиях, а также применять их сосредоточенно и притом продолжительное время. Затем можно было иметь несколько постоянных лазаретов, позволявших спокойно лечить здесь больных и раненых и, таким образом, пополнять происходящую на фронте убыль выздоравливавшими людьми, имевшими боевой опыт. Естественно, такая система ставила наши боевые операции в большую зависимость от продовольственных и тыловых учреждений и затрудняла свободу маневрирования. Однако, я старался сохранить эту систему, так как она давала возможность содержать сравнительно сильные при наших условиях войска, вести успешную борьбу, а иногда основательно разбивать крупные войсковые соединения противника.

Теперь это не было больше возможным, и я был вынужден отказаться от указанных преимуществ. Конечно, являлось сомнительным, удастся ли содержать даже более слабые части без всяких магазинов. Перспектива через двенадцать дней сидеть в степи без продовольствия с пятью тысячами голодных негров была мало соблазнительна. Чтобы иметь возможность дальнейшего ведения войны, необходимо было рассчитывать только на захват неприятельских запасов. Удастся ли таким путем удовлетворять в нужных размерах те потребности частей, которые не могли быть покрыты с туземных полей? Удастся ли захватить до-

* Английское правительство доставляло для своих пленных предметы продовольствия, которых у нас самих не хватало. *Автор.*

статочное количество боевых припасов и подходящего к ним оружия? Это были серьезные вопросы. Но если бы удалось сделать части боеспособными при новом способе ведения войны, то необходимо было бы широко использовать независимость от тыла и подвижность с тем, чтобы все-таки при случае добиться местного превосходства над менее подвижным противником, несмотря на его подавляющую численность. При бесконечно обширном находящемся в нашем распоряжении пространстве мы могли ускользать из неприятного положения. Неприятель был бы вынужден постоянно держать в движении большое количество людей и материалов и терять свои силы в несравненно большей степени, чем мы сами. Таким образом, если мои соображения были правильны, представлялась возможность и в дальнейшем связывать большие неприятельские силы и бесконечно долго продолжать сопротивление. В то время было сомнительно — удастся ли это, но необходимо было пойти на риск.

Наше пребывание у Намбиндинги было непродолжительным; этот пункт, расположенный на плоскогорьи, был лишен воды, а имевшийся в долине источник находился под огнем неприятельских орудий и пулеметов. Под прикрытием патрулей, сдерживавших неприятеля у Намбиндинги, командование и главная часть войск отступили 18 апреля на Китангари. Неприятель нас не преследовал, да, вероятно, и не был в состоянии это сделать. Как это можно было заранее предвидеть, он употребил все усилия, чтобы нанести при Хивате так долго ожидаемый последний удар, и должен был теперь произвести новую перегруппировку и расчленять войска для дальнейших операций. В Китангаре повторилась старая история, что запасы продовольствия местного магазина были оценены слишком высоко. Все вместе взятые запасы, которыми можно было располагать, обеспечивали войска продовольствием примерно на десять дней; нельзя было рассчитывать на значительное пополнение этих запасов из района к югу от Китангари. Вопрос, куда необходимо было теперь направить дальнейшее движение, сводился, главным образом, к тому — где представлялось возможным опять в достаточной мере доставать продовольствие для войск. Нельзя было терять времени.

Мне было известно, что вдоль реки Ровумы англичане и португальцы систематически уничтожали наши продовольственные запасы. На наши маленькие магазины, закупочные пункты и про-

довольственные колонны был произведен ряд нападений, и запасы уничтожались. От туземцев требовали, чтобы они относились к нам враждебно. Северный и южный берега средней Ровумы были слабо населены; вверх по Ровуме, у Тундуру, в течение долгого времени дрались крупные войсковые соединения с обеих сторон, и продовольственные запасы были там, вероятно, истощены. О лежащем к югу от Нижней Ровумы плоскогорье Мафия я не мог получить действительно достоверных сведений. Даже если бы, как многие утверждали, там существовали в мирное время многочисленные хорошо обработанные поля, то теперь все-таки возникал вопрос, можно ли там и сейчас найти продовольствие после того, как сравнительно крупные португальские войска хозяйничали там в течение многих лет. В то время мне казалось возможным найти продовольствие в районе, где майором фон-Штюмером велись операции, а именно, в португальской области у слияния рек Ровумы и Лудженды, а также далее на юг в районе Нангавари и Мвембе. Это было также сомнительно: и там военные операции помешали туземцам обрабатывать землю. Однако, я думал, что между различными сомнительными перспективами эта последняя наиболее благоприятна, и решил пока двинуться вверх по Ровуме.

В зависимости от этого передвижения находилось также желание сделать части на долгое время боеспособными, добившись крупной добычи патронов и других военных материалов. Прежние сведения, а также сообщения туземцев, наводили на мысль, что и теперь где-нибудь в районе реки Ровумы хранятся необходимые для нас неприятельские запасы. 20 ноября мы достигли Невалы, где присоединилась последняя из тех частей, которым было поручено обеспечивать южное направление, и была закончена новая организация войск. В Невале были оставлены последние неспособные к передвижению, и 21 ноября 1917 года я двинулся дальше на юг к Ровуме с 300 европейцев, 1.700 аскари и 3.000 носильщиков и прочих цветных. Для переноски груза был использован весь наличный состав. По мере того, как во время похода уничтожалось продовольствие, свободные носильщики отпускались, чтобы по мере возможности уменьшать число едоков. Многим из наших хороших старых носильщиков мы вынуждены были отказать в их просьбе оставаться у нас; большинство из них было согласно продолжать службу без вознаграждения, некоторые хо-

тели даже оставаться не только без платы, но и без продовольствия и доставлять себе свое пропитание самостоятельно из остатков нашей пищи и диких плодов пори. Тогдашний полевой интендант, лейтенант флота Беш, с большой предусмотрительностью произвел в эти тяжелые дни необходимую теперь новую реорганизацию в отношении носильщиков и снабжения.

Ему принадлежит главная заслуга сохранения дальнейшей боеспособности войск.

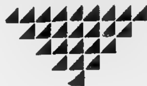
Как и можно было предполагать, донесения отмечали только слабые отряды неприятеля поблизости от Ровумы. 21 ноября мы прибыли к Мпили на берегу реки и только-что собрались стать лагерем, как впереди послышались выстрелы охотничьего патруля. При обследовании мы заметили перед нами большой пруд, на противоположном берегу которого купали лошадей. Сзади него была скалистая гора. Скоро появился туземец, повидимому, шпион, который передал письмо: «мы — английская кавалерия и хотим войти в соприкосновение с португальскими пехотными полками». Трудно было установить, являлось ли это хитростью. Было ясно, что в настоящий момент мы могли иметь дело только со слабым кавалерийским отрядом. Неприятель был быстро отброшен атакой во фланг и понес, повидимому, во время преследования некоторые потери; пять пленных европейцев принадлежали к 10 Южно-Африканскому конному полку и по продовольственным соображениям были отправлены обратно в Невале к неприятелю. Добытым лошадям, числом около десяти, мы были очень рады, как верховым и как возможной прибавке к продовольствию.

Дальнейшее движение вверх по Ровуме совершалось очень медленно. Большинство не привыкло к продолжительным переходам крупными войсковыми соединениями. Колонны непомерно растягивались. Жены аскари следовали по-одиночке на расстоянии нескольких сот метров друг от друга. Прошло некоторое время, прежде чем они стали соблюдать правильный порядок движения. Выяснилось, что отбор взятых с собой аскари не во всех ротах производился с необходимой тщательностью. При новой реорганизации рот, которую волей-неволей приходилось производить во время боя, были оставлены некоторые хорошие надежные люди, а вместо них были взяты с собой другие, правда, более выносливые, но менее надежные. Некоторые шли в бой со своими сыночками на плечах; вместо них лучше было бы взять таких же надежных

людей, не таскавших с собой балласта — жены и ребенка. Теперь же всего этого нельзя было уже изменить.

Очевидно, мы теперь избавились от дальнейшего наблюдения со стороны неприятеля; летчики, обыкновенно сопровождавшие наши передвижения, не показывались, в наш лагерь не падала ни одна бомба. Одна из неприятельских колонн с продовольствием переправилась через Ровуму с одного берега на другой через наш лагерь. Она была желанной добычей. В этой местности мы почти что ничего не находили из полевых плодов, но зато охота давала нам значительную прибыль. Несколько буйволов и большое число антилоп, особенно из водяных козлов, попадались по дороге. Но мы не должны были задерживаться; таявшие продовольственные запасы постоянно напоминали нам о движении. К счастью, я имел в своем распоряжении несколько знающих страну европейцев, которые незадолго перед тем работали в районе впадения реки Лудженды в Ровуму. Там уже в мирное время находилась португальская фактория, а во время войны был установлен более или менее сильный гарнизон. Можно было предполагать, что и теперь там, вероятно, найдется что-нибудь у неприятеля. Те немногие туземцы, которых мы встречали, говорили также о более или менее сильном гарнизоне, который некоторые определяли в две тысячи англичан или португальцев.

Правда, таким сообщениям туземцев нельзя было придавать особенного значения но все же эти сообщения давали мне уверенность в том, что в той местности у Нгомано можно было кое-что сделать.

КНИГА ТРЕТЬЯ

БОИ НА НЕПРИЯТЕЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧЕРЕЗ РОВУМУ

(Ноябрь 1917 — январь 1918 года)

(Чертежи XV, XVI и XX)

Рано утром 25 ноября 1917 года наша авангардная рота переправилась в брод через Ровуму немного выше устья реки Лудженды. Главные силы, 9 рот, двигались до 12 часов дня сзади на расстоянии около двух переходов. Капитан Геринг с 3 ротами был направлен ниже по течению на южный берег Ровумы, чтобы попытаться атаковать португальский лагерь, о котором имелись донесения. О капитане Тафеле совершенно отсутствовали какие-либо сведения, и я рассчитывал, что он, вероятно, достигнет Ровумы значительно западнее нас.

Чувство отсутствия всякой поддержки, а также абсолютная неуверенность в будущем вызывали у многих ощущение, которое можно было характеризовать, как полное безразличие. На походе охотничьи патрули относились беспечно к тактическим требованиям скрытности марша, и, как позднее выяснилось, их выстрелы были отчетливо слышны у неприятеля. Во время перехода через реку некоторые спокойно и основательно мылись в воде на глазах у неприятеля. По отношению к многим потребовалась известная настойчивость, чтобы внушить им правила боевой службы.

Скоро после переправы на южный берег раздались выстрелы. Авангардная рота наткнулась на неприятельских разведчиков, из которых многие остались убитыми на месте перестрелки. Следующее время, в течение которого постепенно прибывавшие роты переправлялись и, в свою очередь, прикрывали переправу следующих частей, я использовал для производства разведки. Недалеко перед нашим фронтом, на другом берегу Лудженды, были слышны сигналы и видны люди. Мы подошли вплотную к неприятельскому лагерю и могли рассмотреть с расстояния нескольких сот метров

расхаживавших людей, одетых в белое. Другие рыли окопы. Была также замечена колонна носильщиков. Повидимому, перед нами находились значительные силы противника.

В то время, как я еще обдумывал, можно ли рассчитывать на успех атаки и как организовать наступление, из лагеря показалась колонна, одетых в хаки *) аскари, силою около роты, и начала наступление против наших частей. Я предполагал, что противник совершенно правильно рассчитывает атаковать всеми своими силами наши войска, занятые переходом через реку, а потому бросился бегом назад и приказал переправившимся уже ротам занять соответствующую оборонительную позицию. Но благоприятный момент, на который я рассчитывал, не наступил: неприятель не появлялся. Опять передо мной встал вопрос: что следует предпринять? Могло возникнуть сомнение, не будет ли более целесообразным, принимая во внимание наших многочисленных носильщиков, пройти мимо расположенного здесь, у Нгомано, противника и двигаться дальше вверх по реке Лудженде. При этом неприятель должен был бы или пропустить нас без задержки или же был бы вынужден выйти из своего укрепленного лагеря и решиться на тяжелую атаку.

С другой стороны, было вполне вероятным, что неприятель не успел еще укрепить слишком сильно свой лагерь, и наша атака не встретит больших препятствий. Разведка показала, что полоса густого строевого леса тянулась вдоль берега по ту сторону реки Лудженда и примыкала непосредственно к лагерю. Это давало возможность неожиданно и решительно атаковать здесь более крупными силами. Я еще колебался, когда капитан Мюллер заставил меня остановить свой выбор на последнем решении, которое, хотя и было очень рискованным, но в то же время давало надежду на долгожданный решительный успех и, кроме того, на захват патронов и военного снаряжения, в которых мы, безусловно, нуждались. Нельзя было терять времени.

Поэтому атака была предпринята еще в тот момент, когда последние части переправлялись через реку. В то время, как наше легкое горное орудие обстреливало стрелковые окопы противника на западной окраине лагеря, и несколько рот, наступая с запада и севера, отвлекали внимание противника, отряд капитана Келя переправился через реку Лудженду в одном километре выше Нго-

*) Хаки — обмундирование защитного цвета.

мано, двинулся вдоль берега по густому строевому лесу и стремительно атаковал неприятельский лагерь с юга. Я лично находился на небольшом холме, западнее лагеря, недалеко от нашего орудия. Непосредственно за мной постепенно подтягивался отряд генерала Вале, который переправлялся через реку последним. Я имел перед собой через густой, но низкий, кустарник сносный обзор неприятельской позиции. Пулеметы противника стреляли недурно, и снопы пуль ложились очень часто на наш небольшой песчаный холм. Я должен был отослать назад в укрытое место несколько европейцев и аскари, которые бесполезно здесь толпились и были хорошо видны неприятелю. Знакомый нам по прежним боям чистый звук неприятельских ружей и отсутствие минометов говорили за то, что перед нами, вероятно, португальцы. За время войны мы научились точно распознавать глухой полный звук наших старых ружей 71 года, резкий треск наших винтовок с остроконечной пулей, двойной звук выстрела английских ружей и чистый тон португальских винтовок, не превышавших 6 *мм* калибра. Точно так же и наши аскари это тотчас заметили. В прежних боях представлялось очень неприятным, что минометы противника всегда так быстро пристреливались по нашему расположению; от их действия при дымном патроне наших винтовок образца 71 года было очень трудно укрыться. Однако, сегодня минометов не было, и предательский дым наших добрых старых ружей 71 года не приносил большого вреда, но зато когда их пули попадали, то они производили солидные дыры. Скоро наши аскари поняли, что они могут в этом бою проявить свою солдатскую доблесть, несмотря на недостатки своего вооружения. «Сегодня день старых ружей», — кричали они своим немецким командирам, и я увидел со своего холма, как стрелковые цепи отряда капитана Келя атаковали бегом неприятельские окопы и их захватили.

Это послужило сигналом для штурма также и на других участках. Со всех сторон наши части ворвались в расположение противника, который был сильно потрясен концентрическим огнем. Из неприятеля, силой около 1.000 человек, смогли спастись едва ли больше 300 человек. Наши аскари набросились на добычу, не обращая внимания на продолжавшего еще стрелять неприятеля. Точно так же толпа носильщиков и боев быстро учла положение и немедленно появилась в лагере. Они рылись в горшках с жиром и других продовольственных запасах, открывали консервные банки

и опять отбрасывали их, когда рассчитывали найти в другой банке что-нибудь более вкусное. Царил ужасный беспорядок. Взятые только-что в плен португальские аскари принимали наравне с другими деятельное участие в грабеже своих собственных запасов. Не было никакого другого выхода, как только энергично вмешаться. Я стал очень внимательно следить и примерно семь раз охотился за одним знакомым мне носильщиком, который каждый раз вырывался от меня и немедленно опять появлялся для грабежа в другом месте. Все-таки, в конце концов, удалось восстановить порядок.

Мы похоронили около 200 убитых. Примерно 150 европейцев было отпущено на свободу под честное слово не принимать больше участия в этой войне против Германии и ее союзников. Несколько сотен аскари были взяты в плен. Были захвачены ценные и крайне необходимые для нас медицинские медикаменты, которые, благодаря столетнему колониальному опыту португальцев, были отличного качества. Нам досталось также несколько тысяч килограмм европейского продовольствия и всевозможное вооружение, 5 пулеметов и около 30 лошадей, но, к сожалению, не оказалось продовольствия для туземцев. Почти половина нашего войска была вновь перевооружена, на этот раз по-португальски, и имела достаточное количество боевых припасов. Было захвачено до 250.000 патронов, и эта добыча в течение декабря возросла почти до целого миллиона. Из захваченных документов выяснилось, что португальские европейские роты только за несколько дней перед этим прибыли в Нгомано, чтобы выполнить непосильный приказ англичан — помешать немцам отступить через реку Ровуму. Просто удивительно, как, к нашей большой удаче, все эти части были сосредоточены в Нгомано именно в такое время, что захват этого пункта окупил затраты, и мы одним ударом избавлялись от большей части наших затруднений.

Однако, продолжало все-таки существовать одно основное затруднение, и оно беспрестанно гнало нас вперед. Это была забота об обеспечении продовольствием всей массы наших туземцев. Вследствие этого мы поднялись вверх по реке Лудженде. День за днем искали наши патрули проводников-туземцев и продовольствия. Но ближайшие дни принесли мало утешительного. Туземцы, и без того немногочисленные в этой местностои, бежали ввиду появления португальцев от их беспощадной жестокости и прятали свои ничтожные запасы. Один мул и лошадь отправи-

лись друг за другом в наши котлы. К счастью, местность была очень богата дичью, и охотник почти на каждом шагу мог подстрелить одну из многочисленных антилоп или цесарок.

Если вначале походные колонны непомерно растягивались и двигались беспорядочно, то скоро выработались необходимые навыки. Носильщики, бои, женщины и дети научились наравне с аскари соблюдать дистанции и скорость движения. В порядке, равномерно тянулась в неизвестную страну длинная лента войск гуськом, друг за другом, по узкой туземной тропинке и сквозь кустарник. Спустя два часа после выступления назначался обыкновенно первый получасовой привал, а спустя еще два часа — второй такой же привал. Шесть часов в день чистого походного движения, то-есть 25 — 30 километров, составляли норму дневного перехода, но очень часто переходы делались длиннее. Войска разделялись на отдельные отряды, при чем каждый из них состоял из трех рот, одной колонны носильщиков и полевого лазарета.

Передовой и тыловой отряды двигались в одном переходе впереди и сзади главных сил. В каждом отряде боевые роты со своими пулеметами находились впереди. Они имели при себе только самый необходимый патронный и санитарный груз и небольшие вьюки, по одному на каждого европейца. Аскари бодро маршировали вперед, вытянувшись прямо, как свечки, с ружьями на плечах, прикладом назад, как это издавно было в обычае у колониальных частей. Шла оживленная беседа, и, как результат многочисленных трофеев из неприятельских лагерей, везде дымились папиросы. Храбро маршировали вместе со всеми маленькие музыкантские ученики, подростки в форме аскари; большая часть из них несла свое имущество в узле на голове. Доверчиво окликали меня аскари на своем языке: «Ямбо, бвана обас» (добрый день, полковник) или «Ямбо, бвана генерали», а маленький музыкантский ученик выражал свою надежду поехать когда-нибудь в «Улейа» (Европу) и в Берлин. Однако, развлекаясь болтовней, аскари в то же время зорко наблюдали за всем, и никакое движение в густом кустарнике не могло ускользнуть от их рысьих глаз. Головной изучал каждый след и мог по ним судить о движении и близости неприятельских частей. Точно так же находились в строю и носильщики пулеметов, большей частью бравые ваниамунзи и васукума. За ротами или отрядами следовали носильщики с грузом продовольствия, багажа, лагерных принадлежностей

и с больными, которых надо было нести. Груз, весом около 25 килограмм, переносился на голове или попеременно на одном плече. Выносливость этих людей была огромна. Все они прочно сжились с войсковыми частями. Когда случалась нехватка продовольствия или неудачная охота, они только говорили «хайзуру» (ничего не значит, в другой раз получим). Многие ходили босиком и часто с занозами в ногах. Иногда во время перехода кто-либо из них решительно вынимал свой нож и отрезал себе целый кусок мяса от поврежденной ноги, затем маршировал дальше. За носильщиками следовали женщины («биби»). Многие аскари имели при себе во время похода жен и детей. Некоторые из последних родились во время переходов. Женщины несли «мали» (собственность) свою и мужа, связанные в один узел, на голове. Часто они имели еще завернутого в платок маленького ребенка, который висел за их спиной, и из платка выглядывала курчавая головка. О защите и порядке у женщин заботился европеец или надежный старослужащий аскари с несколькими другими аскари. Все любили пестрые и яркие краски, и после какой-нибудь крупной добычи все шествие, длиною в несколько километров, имело из-за пестрых платков вид карнавала.

Также и во время марша надо было заботиться о добывании продовольствия. Охотничьи патрули двигались через кустарник впереди или по сторонам колонны. Некоторые из их оставались с несколькими носильщиками поблизости от старых лагерных стоянок, если здесь появлялись следы или дичь. Другие патрули направлялись по следам людей в поиски деревень, чтобы там раздобыть продовольствие.

По прибытии на лагерную стоянку четыре аскари и мой бой Серубили рубили ветки и делали стойки для палаточных полотнищ или для хижины из травы. Иногда устраивалась также высокая походная кровать из ветвей, которые покрывались травой. Скоро появлялся бородатый «Баба», мой повар, и с озабоченным видом давал свои указания по устройству кухни. Прибывшие носильщики приносили воду, рубили своими топориками дрова и срезали траву. Охотничьи патрули приносили свою добычу, и скоро везде дымились кухонные костры.

Колонны носильщиков вымолачивали между тем в деревнях зерно и доставляли его на бивак. В «киносе» (толстый деревянный сосуд) зерно толклось большими дубинами, и далеко в кустарнике

слышались глухие удары. Доставлялись донесения, кроки местности, захваченные документы, и ящик, поставленный в тенистое место, заменял письменный стол. При более продолжительной стоянке устраивался стол из ветвей. По вечерам ели все вместе, по-товарищески, у огня; бои приносили ящики для сидения, а старшие командиры имели складные стулья. Затем все шли на отдых под москитную сетку и рано утром двигались дальше в неизвестность. Найдем ли мы продовольствие и хватит ли нам наличных скудных запасов до этой находки? Эти вопросы ежедневно вставали перед нами в продолжении недель и месяцев. Вечное передвижение не было одним сплошным удовольствием. Проезжая, я иногда случайно слышал о себе лично замечания, вроде: «Как, все еще дальше? Малый, право, родился в семье деревенского почтальона».

Когда мы достигли устья реки Хиулези, затруднения по части продовольствия сделались так велики, а местность, которая до того считалась богатой, так изменилась, что я отказался от своего первоначального намерения держать все части вместе. Это казалось в данный момент бесполезным и в тактическом отношении. От англичан, если они следовали за нами, не приходилось ожидать настойчивого преследования крупными силами, в связи с ежедневным удлинением их тыловых сообщений и ввиду усиливавшихся в связи с этим затруднений в подвозе. Переданное мне через парламентера письмо английского главнокомандующего генерала ван-Девентера, в котором он мне предлагал сдаться, укрепило меня в предположении, что генерал ван-Девентер не ожидал нашего отступления и не мог в данный момент помешать нашему вторжению в португальскую колонию. Ни он, ни раньше его генерал Смутс не думали о том, чтобы предлагать нам сдаться в то время, когда обстановка складывалась для англичан благоприятно. Почему же делали они это при настоящем положении вещей или в сентябре 1916 года у Киссаки, когда обстановка была для нас безусловно хорошей? Это, конечно, было не трудно разгадать. Времени до наступающего в конце декабря периода дождей оставалось очень мало для подготовки к новой операции, а с началом дождей подвоз, который у противника производился, главным образом, на автомобилях, должен был натолкнуться на непреодолимые затруднения.

Следовательно, мы располагали временем и могли без колебаний разделиться на несколько колонн. Временной потери связи

15*

между собой нечего было опасаться. Таким образом, отряд генегала Вале отделился и двинулся через горы Мкула, сам же я направился дальше вверх по реке Лудженда.

В указаном выше письме генерала ван-Девентера упоминалось также о сдаче капитана Тафеля. Это собщение было для нас тяжелым и неожиданным ударом.

Когда генерал Вале в мае 1917 года отправился для руководства войсками у Линди, капитан Тафель принял на себя командование в Махенге. Для обеспечения богатого местными средствами Махенгского округа с севера он выделил отряд из нескольких рот под командой капитана флота Шенфельда. Этот последний сумел придать устойчивость своему маленькому отряду искусным использованием 10,5-см. кенигсбергского орудия; кроме того, он хорошо обеспечил свои части в продовольственном отношении обработкой полей и садов.

У среднего Рухудже был расположен также слабый отряд под командой капитана Аумана, а северо-восточнее Сонги в районе Ликуджу — отряд капитана Линке. Этот последний имел частые столкновения с неприятелем и страдал от недостатка продовольствия в бедной местности. Поэтому он постепенно отошел к северу в направлении на Мпонду. Здесь он был усилен двумя ротами и одним орудием, переведенными сюда из главных сил. Командование этим отрядом принял капитан Отто. Сильные английские и бельгийские части двинулись в августе 1917 года со всех сторон на Махенге. Капитан Тафель предвидел это и переправил свои продовольственные запасы из района Махенге на Мгангиру. 11 сентября Махенге было очищено.

Хотя отдельные бои протекали все время благоприятно, но превосходство неприятеля становилось все-таки очень заметным, а недостаток боевых припасов делался все более чувствительным в ротах аскари, вооруженных большей частью ружьем 71 года с дымным патроном.

Позднее я узнал от капитана Отто, который пробился с одним патрулем отряда Тафеля и явился ко мне в декабре 1917 года в Хирумбу, что капитан Тафель двигался на юг тремя колоннами западнее Ливале. При этом он имел несколько, большей частью удачных, боев в районе верхнего Мбемкуру и захватил большое количество боевых патронов. Затем он двинулся дальше на юг к реке Бангалле и, предполагая, что я нахожусь в районе Массасси,

повернул на восток. Прибыв южнее этого пункта, он узнал от туземцев, что прошло уже несколько дней, как немцы не дерутся больше севернее Ровумы. Капитан Тафель повернул тогда к Ровуме, переправился через нее около устья реки Бангаллы, так как рассчитывал найти продовольствие на южном берегу. Его запасы были совершенно истощены. Но он ничего не нашел и не подозревал, что на расстоянии около перехода высланный мною отряд Геринга захватил португальский лагерь Нампакешо и обнаружил в этом богатом районе так много продовольствия, что мог отлично просуществовать в течение 14 дней. Тогда капитан Тафель вернулся назад на северный берег Ровумы и сдался противнику.

Известие о сдаче оружия капитаном Тафелем, в то время когда мы так близко находились друг от друга и легко могли соединиться, заставило меня опять призадуматься, стоило ли разделять свои войска. Я прямо подвергался пытке, когда прекратились всякие сведения из отряда Геринга, с которым у Нгомано поддерживалась связь при помощи патрулей. Точно так же и позднее я был вынужден постоянно обращать внимание младших начальников на необходимость самой тесной связи, когда при дальнейшем движении вверх по реке Лудженде пришлось сильно разбросать отдельные отряды и роты, чтобы облегчить поиски продовольствия. Нельзя было, конечно, требовать от младших начальников, которые позднее выказали превосходные качества по управлению отрядами и научились действовать в духе общей обстановки, чтобы они уже с самого начала имели необходимые для этого навыки.

Губернатор остался при армии и после очищения нами нашей колониальной области. По закону, который, конечно, не предусматривал случая войны в колониях с европейской державой, высшее военное командование принадлежало ему. Этому праву он придавал чрезвычайно стеснительное для командующего толкование и много раз очень неудачно вторгался в круг моей деятельности. Против этого я был раньше бессилен и потому должен был очень ценить, что, по крайней мере, теперь, за пределами колониальной области, у меня были развязаны руки. Ведь если я и не соглашался с требованиями губернатора, то необходимо понять, что в этой крайне тяжелой военной обстановке существовало достаточно противоречий во мнениях, а это чрезвычайно затрудняло работу военного начальника, с которого можно было снять только формальную ответственность, но ни в коем случае не моральную.

Быть может, будет понятно, что в то время я не всегда был достаточно нежен и внимателен с окружавшими меня людьми. Таким образом, случалось, что именно офицеры штаба, работавшие, однако, с большой преданностью делу и достойные признательности, терпели иногда несправедливые упреки. Если они тем не менее не приходили в дурное расположение духа и продолжали бодро дальнейшую работу, то за это им следует принести особую благодарность. Главным образом, благодаря их работе удалось при таких неблагоприятных обстоятельствах достигнуть успеха, который все охотно приписывают исключительно одному мне. Я, с давних пор дорожа дружескими, товарищескими отношениями, желал, конечно, лучшего, чем такое положение, когда все сотрудники немного ворчали. К счастью, это было только временно.

Наше положение было теперь таково, что при встрече с противником мы не могли справляться об его силах. У нас не было времени для продолжительных разведок. Может быть, этому следует приписать ту твердость и решительность, которая привела к тому, что при столкновениях с португальскими войсками было захвачено в течение декабря три укрепленных лагеря. Решающее значение при этих предприятиях имели младшие начальники, которые иногда впереди всех бросались на неприятеля. Они не должны были терять времени и потому не ожидали особых приказаний. Лейтенант резерва Кемпнер, двигавшийся с 11 ротой в авангарде вверх по реке Лудженде, наткнулся 2 декабря у Нангвале на укрепленный португальский лагерь. Как и большинство португальских лагерей, он был расположен на голой возвышенности с широким обстрелом. Доблестная 11 рота немедленно развернулась и двинулась в атаку по открытому пространству, шириной в 300 метров. Аскари несли полное походное снаряжение и не могли развить такой скорости, как ротный командир и его эфенди (черный офицер). Последние вскочили на бруствер и оттуда—внутрь неприятельского укрепления и, таким образом, находились некоторое время совсем одни среди неприятельского гарнизона, силою около одного взвода. Неприятель, повидимому, настолько растерялся, что под впечатлением «ура» наших налетевших, как буря, аскари немедленно исполнил приказ — сдать оружие. Кроме того, следует упомянуть, что в наши руки попал склад боевых патронов и продовольствия, которых хватило для всего войска на несколько дней. Когда португальский офицер

хотел предложить лейтенанту Кемпнеру стакан коньяку очень хорошего сорта, то бутылка оказалась пустой. Это вторично заставило смутиться ее владельца, но только с той разницей, что на этот раз был смущен и его противник, лейтенант Кемпнер. Только один из амбашей (черный ефрейтор) при этом смеялся.

Меня серьезно беспокоила судьба капитана Геринга, об отряде которого не было никаких сведений. Точно так же об отряде генерала Вале, который двигался вверх по реке Хиулези, было известно только, что он разбил и уничтожил в горах Мкула португальский отряд из нескольких рот, занимавший укрепленную позицию. Продолжительная попытка установить связь с генералом Вале при помощи гелиографа успеха не имела, хотя португальцы с гор Мкула отчетливо видели наши сигналы из Нангвале. Взятые в плен европейцы-португальцы отказались дать обязательство не сражаться против нас в этой войне и были тогда отправлены генералом Вале на север к Ровуме по продовольственным соображениям.

Капитану Штеммерману удалось только после многодневной осады взять одно сильное укрепление, бому Хао, которая упорно оборонялась противником. Так как на успех штурма рассчитывать было нельзя, то неприятель был отрезан от воды; его положение в окопах сделалось невыносимым, и он принужден был сдаться.

Мы потеряли, между прочим, несколько хороших черных унтер-офицеров и офицеров.

Я отсутствовал в день боя у Нангвале, так как должен был устранить задержки в движении следующих сзади рот и позаботиться, чтобы этот марш шел по намеченному плану. Затем, ускорив свое движение, я легко наверстал происшедшую со мной задержку и прибыл в Нангвале настолько своевременно, что успел принять на себя распределение добычи. Все-таки в самом лучшем случае мы жили изо дня в день. У Нангвале, где полгода тому назад наши войска нашли такой богатый местными средствами район, картина теперь совершенно изменилась. Кроме захваченных запасов, здесь положительно ничего не имелось; даже дичь была на далеком расстоянии в окружности или перебита, или разогнана. Это было большим разочарованием, так как я рассчитывал избавиться в этом районе от очень тяжелых продовольственных затруднений. Поэтому части пришлось опять разделить. По све-

дениям от пленных и из захваченных бумаг, выяснилось, что гарнизон в Нангвале снабжался продовольствием при помощи колонн носильщиков, приходивших издалека из района Мвалиа. Следовательно, там можно было кое-что найти.

5 декабря капитан Кель с 5 ротами, одним орудием и колонной носильщиков боевых припасов выступил из Нангвале в район Мвалия — Медо. Я сам продолжал движение вверх по Лудженде. К счастью, оправдались заявления лейтенанта резерва фон-Шербенинга и других европейцев, производивших раньше разведки с патрулями в этой местности, что мы скоро вступим в область, богатую продовольствием. Однако, запасы оказались не особенно обильными, и мы были очень довольны, что охота могла опять покрывать большую часть нашей потребности в продовольствии. Действительно, большое количество гиппопотамов, встречавшихся в реке на протяжении нескольких переходов, иногда большими стадами, от 15 до 20 голов, сделалось для нас очень существенным средством питания. И я лично не мог отказать себе в удовольствии выстрелить в голову сильного гиппопотама; животное сразу шло ко дну, образуя над собой водоворот, как тонущее судно. Спустя некоторое время оно опять всплывало на поверхность воды с поднятыми кверху ногами и только слабо билось. Тогда его притягивали к берегу при помощи каната. Водящиеся здесь в большом количестве крокодилы напоминали при этом об осторожности, и много хорошей добычи не могло быть вытащено вследствие этой опасности. Жареное мясо гиппопотама напоминало вкусом жесткое воловье мясо, при чем язык является особенно вкусным. Но самое главное, это — превосходный жир, который, между прочим, войска быстро научились приготовлять. Его белоснежный аппетитный цвет был теперь совсем другим, чем у грязно-желтого жира во время первых попыток у Руфиджи. Во время моих многочисленных разведывательных и охотничьих скитаний в лесах сопровождавшие меня аскари и люди, которых мы брали с собой для переноски дичи, выдали мне некоторые тайны африканского кустарника и леса. Мы уже давно выучились готовить очень хорошее кушанье из различных лиственных растений (называемых млендой); теперь туземцы показали мне также всевозможные очень вкусные дикие плоды. Мы также узнали, что косточки от плода мбинджи, мякоть которого раньше была мне известна, как содержащая синильную кислоту, безусловно лишены этой

кислоты и в жареном виде представляют исключительно вкусное блюдо, напоминающее наши орехи.

17 декабря 1917 года командование прибыло в Хирумбу (Мтарика). Обер-лейтенант Руктешель выдвинулся со своей ротой вперед и быстро прогнал слабый португальский пост. Это была одна из факторий португальской Ниасской компании. В руках этой торговой компании находилось также и гражданское управление северной частью португальской колонии, которая и далее на юг управляется другими частными компаниями. Португальский чиновник в Хирумбе, по имени Фернандец, был, повидимому, очень дельным человеком. Солидные постройки его фактории, расположенной на совершенно открытой возвышенности, содержались в безукоризненной чистоте; подходящие вплотную к фактории окопы обеспечивали ее от нападения. Прекрасные сады и огороды с фруктами и овощами находились на берегу протекающей вблизи Лудженды. Аллеи из тутовых и манговых деревьев окаймляли хорошо устроенные дороги; манговых деревьев, которые называются туземцами «эмбе», было много, и притом различных сортов, около фактории и в ближайших туземных деревнях. Их плоды начали уже созревать и были так многочисленны, что стоило организовать правильный сбор войсковыми частями. Этим отчасти предупреждалось бесцельное расхищение манго, чем вообще отличаются чернокожие. Превосходный сладкий фрукт пришелся по вкусу всем европейцам и большей части цветным и при недостатке сахара являлся в течение целых недель действительно ценной добавкой к пище. Когда я после прибытия в Хирумбу вышел на веранду европейского дома, обер-лейтенант Руктешель положил передо мной свиное сало, которого мы были уже давно лишены; здесь, как и на многих других португальских факториях, разводились европейские породы свиней.

Мы устроились оседло на несколько недель. Один отряд двинулся дальше вверх по течению и занял небольшую факторию Луамбалу. Генерал Вале тоже двигался в знакомую уже нам область Мвембе, густо покрытую факториями. Скоро наши патрули по сбору продовольствия и летучие отряды очутились в отлично обработанном районе Хирумба—Луамбала—Мвембе и продвинулись за границы этого района. Туземцы этой области вели себя большей частью благоразумно и относились к нам дружелюбно, так как они по прежнему опыту знали, что им нечего бояться немецких войск.

Несмотря на это, некоторые спрятали свои запасы в кустарнике и не хотели ничего поставлять или давали очень мало. Но наши люди давно уже научились тщательно обыскивать все места, которые казались им подозрительными; так, например, они обнаруживали запасы продовольствия, спрятанные в дуплах пней. Другие протыкали палкой рыхлую почву вновь устроенной огородной грядки и находили под ней скрытые склады урожая. Одним словом, было обнаружено множество таких тайников, и когда мы во время рождественских праздников сидели все вместе в большой тростниковой хижине, то были освобождены от самых тяжелых продовольственных забот. По рассказам наших чернокожих, река Лудженда была несколько месяцев тому назад настолько богата рыбой, что в некоторых местах ее можно было вылавливать целыми корзинами. Но почему-то в это время рыбы попадалось очень мало, и это были почти исключительно сомы, длиною в руку, и более мелкая рыба, которые тоже слегка разнообразили нашу пищу.

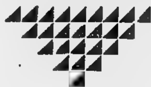
Связь с отрядом Келя, продвинувшегося в район Медо, поддерживалась постами летучей почты. Я предполагал, что противник, вероятно, по своему обыкновению готовится окружить нас со всех сторон, и считал, что подготовка этой операции займет, по крайней мере, месяц. Следовательно, можно было ожидать крупных действий со стороны неприятеля только после периода дождей, который должен был окончиться, по моим предположениям, в конце февраля. К этому примерно времени я и решил расположить более сосредоточенно свои силы в районе Нанунгу. Следовательно, к этому времени мы должны были сохранить продовольственные запасы этого района и жить, насколько это возможно, запасами, которые можно было получить из других более отдаленных областей, лежавших за пределами нашего теперешнего широкого квартирного расположения. Сначала результаты охоты у Хирумбы были незначительны, но затем повысились, когда на восточном берегу реки Лудженды и особенно вверх по течению были обнаружены крупные стада антилоп. Теперь в сухое время года при низкой воде переход через реку караванов носильщиков, доставлявших свои грузы на восточной берег, производился по многочисленным бродам. Кроме того, для переправы имелось налицо несколько больших пирог. Для дальней разведки и сбора продовольствия высылались на несколько недель патрули. Патруль

лейтенанта Шербенинга, высланный на несколько месяцев, двинулся от Хирумбы через Мтенде, Махуа, затем дальше на юг через реку Лурио и, наконец, вверх по реке Малеме и захватил врасплох португальскую бому Малему. Один итальянец, охотившийся на слонов у реки Лудженды, добрался до нас совершенно ободранный и изголодавшийся; он сопровождал затем патруль лейтената Шербенинга. Однако, его здоровье было настолько подорвано затянувшейся малярией, и селезенка так непомерно распухла, что, в конце концов, его пришлось отнести из района Махуа на его плантацию, расположенную у Малакотеры.

В начале января 1918 года англичане начали шевелиться. Два неприятельских батальона (1 и 2-й батальоны 1 полка Королевских африканских стрелков), направленных от юго-восточного берега озера Ниасса, сблизились с отрядом капитана Геринга, который занял укрепленный лагерь в остром углу при слиянии рек Луамбалы и Луджены с целью обеспечить склады продовольствия, находившиеся дальше вверх по Луджене. 9 января, утром, атака противника, произведенная только частью сил, была отбита. Когда же неприятель пополудни, получив подкрепление, снова перешел в наступление, при чем части противника двигались также и по восточному берегу Луджены, на север, в направлении на магазины, то и капитан Геринг со своими главными силами перешел на этот берег реки. В лагере на западном берегу остался только один сильный патруль, сдерживавший неприятеля. К этому же времени неприятельские войска перешли в наступление от Мтангулы на Мвембе. Было установлено, что здесь действует 11 Капский отряд, состоящий из южно-африканских метисов.

Теперь начались мелкие набеги и стычки патрулей, а это, при невозможности выделить достаточную охрану для наших носильщиков, доставлявших продовольствие, ставило нас часто в затруднительное положение. Англичане ловко использовали эту тяжелую для нас обстановку для попыток подорвать верность наших аскари и носильщиков. Конечно, многие из них были утомлены войной: лишения были действительно очень велики. Многие колебались и чувствовали себя неуверенно, не зная, куда могут еще забросить их наши скитания. Большинство черных очень привязаны к своим родным местам и родичам. Они говорили себе: «если мы будем продолжать движение дальше, то мы попадем в совершенно незнакомую нам страну. Отсюда, где мы находимся теперь, мы

найдем еще дорогу обратно; позднее мы не сумеем уже вернуться». Английское нашептывание и листовки, которые ежедневно посылались полковником Бакстером в наши части, нашли благоприятную почву, и много хороших аскари и старослужащих дезертировало. К этому надо прибавить неизбежные мелкие неприятности, семейные обстоятельства и тому подобное, которые облегчали людям их стремление к побегу. Случилось, что один старый «сол» (черный фельдфебель), выполнивший самостоятельно блестящий набег, ловко проведший при возвращении крупный караван носильщиков между неприятельскими отрядами и представленный за подвиги в эфенди (черные офицеры), внезапно исчез. Он тоже дезертировал. Много значила еще и впечатлительность черных, а также их способность к быстрым и необдуманным решениям под влиянием посторонней пропаганды. Но если полковник Бакстер может похвастаться, что внес своей деятельностью в наши ряды некоторое разложение, то это все-таки было кратковременным явлением. Скоро вернулись опять прежняя предприимчивость и доверие даже у тех, кто повесил было голову. Пример хороших аскари, которые попросту смеялись над неприятелем, сулившим им золотые горы, если они дезертируют, одержал верх. При такой длительной и кровопролитной войне настроение бывало иногда подавленным. Этому надо не только удивляться или возмущаться, а следует упорно бороться с этим, как боролись лучшие люди, которых было много среди наших европейцев, аскари и носильщиков.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВОСТОЧНЕЕ РЕКИ ЛУДЖЕНДЫ

(Январь — май 1918 года)

(Чертежи XVIII и XX)

Патруль капитана Отто, посланный ко мне капитаном Тафелем до его сдачи, прибыл в Хирумбу. Он доложил мне подробно о тамошних событиях. Теперь капитан Отто двинулся с двумя полевыми ротами на Луамбалу и принял на себя там общее командование также и над отрядом капитана Геринга (3 рота). Надо считать, что наибольшую опасность представляло для нас наступление неприятеля в районе Луамбалы и именно на восточном берегу Лудженды. Ведь было ясно, что если противник будет наступать там вниз по течению, то мое положение у Хирумбы, на западном берегу реки, в области, продовольственные запасы которой постепенно истощались, будет крайне неблагоприятным, особенно при наличии в моем тылу реки, которая сильно вздулась от выпавших в то время дождей.

Мне было нужно выйти из этого положения и своевременно оттянуть свои силы на восточный берег Лудженды. К сожалению броды были уже непроходимы вследствие высокого уровня воды, и общую переправу с одного берега на другой предполагалось произвести при помощи трех наличных пирог.

Роты были постепенно переведены на восточный берег без всякой помехи. Сбор продовольствия становился крайне затруднительным. К счастью, капитан Кель задержал в районе Медо и Намуну наиболее благоразумных туземцев для возделывания быстро поспевающих полевых овощей и доложил, что уже с половины февраля можно рассчитывать на сбор нового урожая. Но до того времени оставался еще целый месяц, следовательно, мы всеми силами должны были стремиться возможно дольше оставаться в районе Хирумбы. К счастью, нас вывело из затруднения, как некогда манна сынов Израиля, огромное количество грибов, по-

являющихся в это время года. Еще в Германии я интересовался сведениями о грибах, а потому очень легко нашел в африканском лесу близких родичей наших немецких сортов, вроде шампиньонов, боровиков и других. Я часто собирал их целыми корзинами в очень короткое время, и если даже грибы представляли слишком однообразную, малопитательную и неудобоваримую пищу, все-таки они были для нас значительной поддержкой.

При дожде, как из ведра, мы двинулись дальше на восток. Сухие обычно горные ущелья обратились теперь в быстрые реки. Для устройства переправы рубились росшие на берегу деревья, которые валились поперек ущелья, а из жердей устраивались самодельные перила. Я из-за приступа лихорадки двигался верхом на муле. Повидимому, я оказался особенно восприимчивым в отношении малярии и часто страдал от нее. Мой мул перебрался на другую сторону вплавь вместе с другими немногими верховыми животными, не попавшими пока в котел. По прибытии на лагерную стоянку мои люди быстро выстроили для меня из веток походную постель, которую постарались сделать выше, чтобы избежать сырой почвы, и растянули оба моих палаточных полотнища. Обер-ветеринар Губер заботился о материальном благополучии сотрудников штаба, и под его руководством наш ловкий черный повар, бородатый старый «Баба», принимался немедленно за работу. Таким образом, несмотря на мокрые от дождя дрова, мы могли всегда быстро собираться за общим столом у огня. Часто доктор Губер успевал распорядиться и срочно устроить навес, покрытый травой.

В солнечные дни быстро сушился и резался табак. Деятельный полевой интендант, лейтенант флота Беш, всегда очень изобретательный, когда дело шло о материальном обеспечении войск, позаботился и об этом и собрал у туземцев очень хороший табак. Однако, несмотря на все это, лишения были чрезмерно велики, и пропаганда противника не всегда пропускалась мимо ушей, так как он обещал, что каждый перебежавший к нему черный сможет свободно вернуться на свою родину и жить спокойно на своей земле. Вместе с некоторыми исчез однажды утром один бой, верно служивший в течение многих лет одному из офицеров, — вероятно, его «биби» (жене) надоела военная служба.

Отряд капитана Отто выступил от Луамбалы прямо на восток в Махуа и встретил здесь у реки Лурио местность, богатую про-

довольствием. Отряд Геринга, двигавшийся от Луамбалы на Мтенде, нашел по пути большие запасы продовольствия. Жатва в этой области собиралась значительно раньше, чем в германской Восточной Африке; мале (кукуруза) начала уже созревать и большей частью годилась в пищу.

Командование перешло сначала от Хирумбы в Мтенде, а затем через несколько дней двинулось дальше в Нанунгу. Отряд Вале, направленный от Хирумбы на Мтенде, был здесь обойден несколькими неприятельскими ротами, которые неожиданно появились на одном из холмов в тылу отряда и прервали, нарушили службу летучей почты и подвоз. Генерал Вале ускользнул из этого неудобного положения окольной дорогой и перешел в Нанунгу, поближе к командованию.

У Нанунгу мы нашли богатые запасы продовольствия, и можно было опять, как и в прежнее время, организовать закупочные посты и устроить магазины в районе Нанунгу, Намуну и еще южнее, у Лурио. Большое количество дичи обеспечивало хорошую добычу, и, кроме того, туземцы охотно обменивали садовые плоды и мед на мясо, но еще охотнее брали различные части одежды. Особенно был приятен на вкус очень похожий на вишню сладкий фрукт пори, который в изобилии произрастал в районе Нанунгу. Мне он очень нравился, и я заставлял приготовлять из него варенье. Мы случайно получали также и другие лакомства, главным образом земляные орехи, а крик петухов выдавал, что повсюду и в лагерях и в туземных деревнях имеются куры и яйца.

Наступление периода дождей не вполне точно совпало с предсказанием туземцев. Правда, случались сильные ливни, но, благодаря холмистому характеру местности, вода быстро стекала и собиралась в главной артерии этой страны, в реке Мсалу, которая превратилась в серьезное препятствие. Принятый в армию вице-фельдфебелем секретарь полевой почты Гартман навел через реку Мсалу понтонный мост, который связал нас с отрядом генерала Вале. Этот последний оставался еще на западном берегу реки. Пловучими устоями для моста служили лодки из коры. Необходимость беспрепятственного сообщения через вздувшиеся реки в этой богатой водою местности занимала мое внимание. До сих пор мы носили с собой на всякий случай несколько пирог. Но переноска их в течение долгого времени была тяжела, и, кроме того, это средство приносило слишком мало пользы. Доброволец

военного времени Герт, плантатор с нижнего Руфиджи, особенно заинтересовался этим вопросом и научился постройке лодок из коры у местных туземцев, хорошо знакомых с этим делом. После того как эта попытка быстро увенчалась успехом, во всех ротах усердно занялись постройкой таких лодок, для изготовления которых при известном навыке требовалось не более двух часов. Такие лодки не были использованы нами в большом количестве, но они дали нам уверенность, что в случае необходимости даже сильные потоки не будут служить препятствием для наших неповоротливых караванов и грузов.

После некоторого знакомства с местностью мы открыли на реке Мсалу броды, которые даже при высокой воде давали нам возможность поддерживать сообщение между обоими берегами. Наши боевые патрули под командой сержанта Валетта и других отправлялись из наших укрепленных лагерей у Нанунгу, переправлялись через реку, составлявшую западную границу нашего лагерного района, и производили поиски неприятеля, занимавшего лагери у Мтенде. Одному из этих патрулей, усиленного состава и снабженному двумя пулеметами, удалось западнее Мтенде атаковать неприятельский караван с продовольствием. Но затем наши недостаточно быстро оторвались от частей противника, прикрывавших караван, и, атакованные со всех сторон, оказались в тяжелом положении. Оба пулемета были потеряны, а их прислуга, европейцы, — перебиты. Правда, аскари постепенно вернулись в полном составе в Нанунгу, но командир патруля, фелелдфебель Мюслин, отстал во время отхода и попал в руки противника. Другой патруль, с которым капитан Мюллер переправился на севере через Мсалу, быстро выбил английский пост у Лосиндже. В этом же районе был захвачен лагерь английского лейтенанта Вингольта, который, как об этом упоминалось раньше, бежал из нашего плена и сделался одним из лучших английских патрульных начальников. Туземцы, на которых усиленно влияли английские патрули, оказывали неприятелю услугу в качестве шпионов и получали за это различные части одежды. Кроме того, на строителя лодок, добровольца Герта, было произведено туземцами нечаянное нападение у реки Мсалу около хижины одного из вождей, и он был убит.

В то время, то-есть во второй половине марта 1918 года, у нас сильно приподняли настроение вести, принятые нашей стан-

цией беспроволочного телеграфа, о чрезвычайно мощном германском наступлении на западном фронте. Я держал пари с санитарным офицером при штабе, доктором Тауте, что Амьен будет скоро взят. Период многонедельного затишья, которое наступило теперь в связи с приостановкой наших операций, я использовал, чтобы привести в порядок мою правую ногу, которая из-за песчаной блохи в течение полугода причиняла мне большие неудобства. Песчаные блохи, которые встречаются в некоторых лагерях в несметном количестве, въедаются в тело, главным образом, у края ногтей на ногах и причиняют болезненное воспаление. Если не обращать внимания, то они проникают в мясо все глубже и, по мнению врачей, служат причиной уродства ног у многих туземцев и потери пальцев. Я тоже страдал от этих насекомых, и при ходьбе постоянно образовывались нарывы. К счастью, наш штабной врач Тауте смог сделать мне операцию и безболезненно вырвал ноготь.

Я пострадал еще и в другом отношении. Во время одной из разведок я наткнулся правым глазом на стебель травы выше человеческого роста. Затем, ввиду лечения атропином, хрусталик потерял способность сокращаться, а потому я не мог хорошо видеть правым глазом, а также разбирать какой бы то ни было шрифт или карту. Такое состояние было очень тягостным, так как мой левый глаз был сильно поврежден вследствие огнестрельной раны, полученной еще в 1906 году при усмирении восстания готтентотов в юго-западной Африке, и я мог читать им только при помощи увеличительного стекла.

Но таких стекол нельзя было достать, и, таким образом, я был вынужден разрабатывать различные операции, будучи лишен возможности хорошо видеть.

Патрули отряда Келя продвинулись из района Медо—Намуну до морского побережья, захватили у нижнего течения реки Лурио и далее к югу от этой реки португальские укрепления и взяли несколько пушек, некоторое число ружей и патронов, преимущественно старой системы, а также значительное количество продовольствия. Туземцы относились к нашим патрулям дружелюбно и видели в них освободителей от португальского гнета. В свою очередь, патрули отряда Отто высылались от Махуа в район южнее реки Лурио, и обер-лейтенант Метнер, главный докладчик нашего правительства, отлично изучивший нравы и обычаи тузем-

цев, хорошо отзывался об уме и благоразумии португальских туземцев и о разумных и широких взглядах их вождей.

Лейтенант фон-Шербенинг, захвативший со своими патрулем бому Малему, доносил о большом богатстве этой страны. Чтобы нам тоже что-либо досталось из этого изобилия, он прислал в Нанунгу добытую свинью, а так как она не могла итти, то ее несли на протяжении 300 километров. Ко сожалению, оказалось что это была не европейская свинья, а из породы водящихся в пори свиней, которых мы часто убивали в лесу.

Опять наступил период, когда сведения о неприятеле получались с большим трудом. Однако, многое можно было все-таки извлечь даже из тех несовершенных карт, которые находились в нашем распоряжении. Я не сомневался, что неприятель следующие свои операции начнет главными силами от морского побережья, из района Порт-Амелия. В то же время было установлено появление более крупных сил противника у Мтенде, а также имелись, правда очень неопределенные, сведения о движении неприятельских войск на Махуа с юго-запада. Это давало мне основание предполагать, что одновременно с предстоящим наступлением главных сил противник намерен другими частями вести операции с запада. Казалось, создавалась обстановка, при которой я мог использовать действия по внутренним операционным линиям и отдельно атаковать одну из колонн противника. Условия, в которых противник находился в отношении подвоза, говорили за то, что его колонны, наступавшие с запада, не могли быть особенно сильными. Таким образом, именно здесь мог представиться благоприятный случай, которого я искал. Поэтому я остался с главной частью своих войск в районе Нанунгу и, кроме того, перевел сюда от Лурио отряд капитана Отто. С этими силами я предполагал развить наступление в западном направлении. Капитану Келю ставилась задача сдерживать продвижение главных неприятельских сил от Порт-Амелия и постепенно, шаг за шагом, отходить назад в направлении на меня.

Капитан Мюллер, который после долголетней службы в штабе принял на себя командование отдельным отрядом из 2 рот, был выдвинут вперед из района Нанунгу на Махуа, чтобы нанести здесь возможный вред неприятелю. Он обошел Махуа и напал врасплох юго-западнее этого пункта на укрепленную продовольственную факторию Канене. Защитники, англичане-европейцы,

поняли, что потеря запасов неизбежна. Чтобы этому помешать хотя бы отчасти, они растащили запасы спирта и попали в наши руки сильно навеселе.

Сам я в середине апреля двинулся также на Махуа и уже с далекого расстояния услышал со стороны этого пункта оживленную перестрелку. Капитан Мюллер столкнулся у Коривы, северо-восточнее Махуа, с батальоном противника под командой

Переход колонны носильщиков через реку в период дождей.

полковника Бартона. Последний был послан в набег и тут-то атакован нашими на походе. Несмотря на то, что с нашей стороны в бою участвовало едва 70 ружей, нам все-таки удалось произвести охват правого фланга противника и так энергично взять его под действительный пулеметный огонь с термитного холма *, что неприятель обратился в паническое бегство. При этом он потерял свыше 40 человек. Обер-лейтенант Вундерлих получил тяжелую рану в нижнюю часть живота, был отправлен в лазарет в Нанунгу на расстоянии двух переходов от места боя и скоро умер.

* Термиты — насекомые (см. стр. 129); их гнезда из земли или дерева образуют в Африке целые ряды небольших холмов.

Удар, для которого я предназначал главные силы, был уже успешно проведен слабым отрядом Мюллера. Поэтому я опять вернулся со своими частями в район, лежащий непосредственно к западу от Нанунгу. Там в то время обнаружилось наступление более серьезного противника, сильные патрули которого переправились через реку Мсалу. Мой план — захватить врасплох более крупную часть противника непосредственно после ее переправы через реку — не удался; полученные мною сведения оказались неверными. Но все-таки наши боевые патрули в целом ряде мелких столкновений у реки Мсалу и западнее нанесли противнику в общем значительные потери, и его боевые отряды скоро очистили восточный берег Мсалу. Наши продовольственные патрули, задача которых состояла в доставке продовольствия дальше по направлению на Махуа, неожиданно натолкнулись 3 мая в районе Сайди на более сильные неприятельские отряды, которые представляли большую угрозу для нашего полевого лазарета и наших запасов продовольствия у Макоти.

Для обеспечения наших будущих операций, которые предполагалось вести преимущественно в западном направлении, часть нашего продовольствия была перенесена в Макоти. Мы немедленно выдвинули боевые патрули, которые имели у горы Кирека, около Макоти, несколько столкновений с неприятелем. Я решил принять сначала меры против неприятельских патрулей, а потому выслал туда капитана Шульца с сильным патрулем для поддержки наших передовых частей и сам двинулся 4 мая с главными силами по дороге Нанунгу — Махуа. Я рассчитывал получить здесь возможность быстро атаковать неприятельские части, если бы они где-либо неожиданно появились. Общая обстановка скоро выяснилась, благодаря тому, что в течение дня наши патрули наткнулись на нового противника у горы Кирека. Один из отрядов противника был отброшен, и можно было предполагать, что сзади, в укрепленных лагерях, находятся более крупные силы. 5 мая, утром, я выступил из своего лагеря на Макоти. Во время передвижения я страстно желал, чтобы неприятель избавил нас от атаки на его укрепленную позицию, и надеялся, что он выйдет из своих окопов и тогда бой развернется в открытом поле.

Если бы нам в этом случае удалось внезапно атаковать неприятеля нашими главными силами, то мы могли рассчитывать на значительный успех.

В 11 часов утра я прибыл к горе Кирека и отправился вперед к капитану Шульцу, занявшему своими патрулями несколько скалистых пещер в строевом лесу. Как раз когда я подходил, я получил донесение от одного соля (черного фельдфебеля), вернувшегося с патрульного обхода, что большие силы неприятеля двигаются развернутым порядком и должны сейчас появиться на близком расстоянии. Я дал знать об этом обер-лейтенанту Белю, только что подошедшему со своей ротой к отряду Шульца, и поручил ему в случае неприятельской атаки немедленно вступить в бой. Затем я вернулся назад и отдал приказ о движении наших следовавших сзади рот, которые постепенно прибывали. Между тем впереди завязался бой. Неприятель, наступая густыми стрелковыми цепями, быстро отбросил наши патрули, но затем, к своему большому удивлению, попал под сильный пулеметный огонь роты Беля и слегка отступил. Прибывший вслед затем отряд Геринга был немедленно направлен для обхода справа. Этим движением противник был совершенно застигнут врасплох и с крайне тяжелыми для себя потерями был отброшен.

Таким образом, после многих километров стремительного преследования мы подошли к неприятельским позициям. На нашем левом фланге, где были введены в дело две подошедшие последними роты, сражение неоднократно передвигалось с места на место, и мне было трудно отличить в кустарнике своих от противника. По этой причине прошло некоторое время, прежде чем я смог составить себе точную картину положения дел на этом фланге. Только донесение майора Краута, посланного мною туда для ознакомления, показало мне, что наш левый фланг при своем продвижении вперед попал на одной из прогалин под очень сильный огонь неприятеля и остановился. Контр-атака противника, которая почти достигла места расположения командования, могла поставить нас в очень тяжелое положение. Но, к нашему большому счастью, как раз в этот момент прибыл обер-лейтенант Бюксель, который был со своей ротой в отделе, а потому поздно появился на поле боя и мог теперь отразить атаку.

Между тем на нашем правом фланге капитан Геринг убедился, что фронтальная атака неприятельских укреплений не имела никаких шансов на успех. Поэтому он приказал лейтенанту Мейеру обойти с сильным патрулем позицию противника, чтобы взять под огонь с тыла неприятельский миномет и, если возможно,

захватить его. Это предприятие не удалось, так как неприятель совершенно неожиданно выдвинул новые резервные части, которые оказались в состоянии сдержать патруль Мейера. Таким образом, бой затих. К наступлению полной темноты мы находились в тесном соприкосновении с неприятелем. С обеих сторон изредка раздавались отдельные выстрелы.

Во время боя канцелярская работа — в Африке тоже приходилось писать, хотя и меньше, чем это обычно практикуется — прекращалась. Однако, и тут нельзя было обойтись без некоторого количества входящих бумаг, вроде жалоб и других неприятностей. С командирами рот я мог время от времени переговорить лично, для чего я их вызывал к себе. Сам я менял свою стоянку по возможности реже, чтобы избежать затруднений и досадных проволочек в доставке донесений. Пища приготовлялась в тылу, где был также устроен и перевязочный пункт. Наш штаб получал тоже уже готовое продовольствие, которое доставлялось в боевую линию нашими черными слугами.

Чтобы восстановить управление частями для дальнейшего ведения боя, войска были отведены назад и сосредоточены. Я нашел более целесообразным провести ночь в таком положении с тем, чтобы иметь возможность возобновить на следующий день бой и попытаться, прежде всего, отрезать неприятеля от источника воды, который должен был находиться где-либо вне его лагеря.

Около полуночи поступило донесение, что один из наших патрулей наткнулся на дороге Нанунгу — Махуа на превосходившего его противника. Я должен был опасаться, что эта часть противника, которую я считал достаточно сильной ввиду ее самостоятельного выступления, будет продолжать наступление дальше на Нанунгу и таким образом захватит расположенные на этой дороге ротные обозы (боевые припасы, перевязочный материал, продовольствие, больные и т. д.), а также магазины в Нанунгу. Поэтому я еще ночью отошел с главными силами через Макоти опять на дорогу Нанунгу — Махуа. В соприкосновении с противником были оставлены только сильные патрули, которые, однако, не заметили, что противник, в свою очередь, еще в течение ночи очистил позицию и отступил в направлении на Махуа. 6 мая выяснилось, что донесение о присутствии крупных сил противника на дороге Нанунгу — Махуа, вызвавшее мое отсту-

пление, было ложно; там вообще не оказалось никакого неприятеля. За противника был, повидимому, принят капитан Мюллер. Последний, услыхав выстрелы английских минометов, проявил похвальную инициативу и двинулся форсированным маршем к месту боя из своего лагеря, находившегося северо-восточнее Махуа. По прибытии на поле сражения он установил, что неприятель уже отошел. Противник состоял из 4 стрелковых и одной пулеметной роты, и его силы, судя по размерам его позиции, доходили до 1.000 человек. Несмотря на это он был совершенно разбит нашими 300 бойцами (мы имели 62 европейца и 342 аскари). У противника было убито 14 европейцев и 91 аскари, и попало в наши руки 3 европейца и 3 аскари. Кроме того, мы взяли госпиталь примерно со 100 ранеными, а остальные раненые, по показаниям туземцев, были противником захвачены с собой. Наши потери составляли: убитыми 6 европейцев, 24 аскари и 5 других цветных и ранеными 10 европейцев, 67 аскари и 28 других цветных.

В то время, когда мы одержали успех над неприятельскими колоннами, наступавшими с запада, отряд Келя должен был выдерживать длительные и иногда очень серьезные бои с дивизией противника, двигавшейся от Порт-Амелия на Нанунгу. У Медо неприятель, по своему собственному признанию, понес очень большие потери; в другом бою, западнее Медо, капитану Шпангенбергу со своими двумя ротами удалось очень ловко обойти неприятеля, подойти с тыла к его полевой гаубичной батарее и атаковать ее. Почти вся прислуга и упряжка были перебиты. К сожалению, нельзя было увезти с собой орудия и боевые припасы, и они были приведены в негодность. Но, несмотря на такие отдельные успехи, отряду Келя пришлось отступить дальше. Наступал момент, когда своевременные действия моих главных сил на участке Келя могли, повидимому, привести к решительному успеху над генералом Эдвардсом.

Снова вопрос о продовольствии тяжелым бременем ложился на нашу свободу передвижения. Основные местные хлебные продукты были съедены включительно до мтамы, которая созревает в этой местности раньше, чем в немецкой Восточной Африке. Но нового урожая мтамы еще не было. Для ускорения созревания мы сушили не совсем поспевшие зерна мтамы, чтобы не оказаться вынужденными к отступлению исключительно из-за про-

довольственных соображений. Высушенное таким образом зерно вполне годилось для употребления, и так как мтамы было много в этой местности, то каждый мог получить неограниченное число, и никто не терпел недостатка.

Я перешел с главными силами дальше на юго-запад в направлении на Махуа и расположился лагерем в районе гор. Тимбани у горы Корома. Это передвижение было вызвано наличием засеянных полей в этом районе, откуда я предполагал, в случае крайней необходимости, направиться еще южнее, чтобы использовать богатые продовольственные районы плодородной местности при слиянии рек Малема и Лурио. К западу от горы Тимбани местность была благоприятна для завязки решительного боя с генералом Эдвардсом, который двигался вслед за отрядом Келя от Нанунгу и дальше в юго-западном направлении. Необыкновенно скалистая и пересеченная местность у горы Тимбани и в 6 километрах северо-восточнее этой горы до позиций, на которые отходил отряд Келя, была неблагоприятна для задуманного мною решительного боя. 21 мая обнаружили себя дымом своих костров новые лагери противника к западу от позиций отряда Келя. Я предполагал, что 22 мая эти новые части противника двинутся в тыл отряда Келя. Тут, к сожалению, я упустил дать последнему вполне определенный приказ о немедленном отходе с его главными силами из неблагоприятного района на юго-запад от горы Тимбани. Вместо точного и ясного распоряжения я дал указания, предоставлявшие большую свободу действий.

Таким образом, случилось, что отряд Келя только утром 22 мая отправил своих носильщиков с грузом боевых припасов и с остальным багажом. Но и это было бы недурно при правильном управлении колонной носильщиков и разумном исполнении приказа — отступить назад на расстояние в полтора часа. Однако, не отдавая себе ясного отчета в серьезности положения, носильщики и находившийся с ними губернатор остановились в закрытой и пересеченной местности, где они могли ежеминутно подвергнуться неожиданному нападению, не будучи в состоянии успешно обороняться. Сам я в тот день утром произвел еще раз разведку очень благоприятной для стоянки носильщиков местности югозападнее горы Тимбани и между прочим встретил здесь раненого накануне в отряде Келя лейтенанта Кемпнера, которого несли в тыл. Со стороны отряда Келя, где утром было отбито несколько

атак противника, был слышен на далекое расстояние шум боя. С капитаном Келем была установлена телефонная связь, и я, не имея никаких сведений о судьбе его багажа, решил около 11 часов вернуться обратно в лагерь Коромы.

Как раз, когда я в 12 часов прибыл в лагерь, внезапно в очень близком расстоянии раздался минометный огонь. Не могло быть никакого сомнения, что минометы появились между нами и отрядом Келя. Вслед за этим прервалось телефонное сообщение с последним. Не оставалось теперь другого решения, как немедленно двинуться из лагеря Коромы в полном составе против этого нового противника, при чем у меня была некоторая надежда, что, несмотря на неблагоприятную местность, может быть, удастся его захватит врасплох и разбить. Не прошло и часа, как мы прибыли к горе Тимбани и быстро отбросили передовые отряды противника. Некоторые из наших резбежавшихся носильщиков сообщили, что губернатор и багаж отряда капитана Келя подверглись внезапному нападению и что весь багаж погиб. Самому же губернатору, яко бы, удалось с трудом убежать; другие говорили, что он взят в плен. Противник вел оживленный огонь из минометов и был атакован нашими ротами с нескольких сторон. Но он занял выгодную позицию, на которой окопался и укрыл часть захваченного багажа. К сожалению, мы отбили у него очень мало вещей. Все-таки неприятель был окружен и взят под концентрический огонь, от которого он понес большие потери. По перехваченному позднее сообщению, один только 1-й полк Королевских африканских стрелков потерял около 200 человек.

В этом окружении противника приняли также участие несколько рот и патрулей капитана Келя. Наконец, и этот последний повернул со всеми своими силами против нового противника, появившегося у него в тылу, и рассчитывал его разбить, в то время как крупный патруль был оставлен фронтом на северо-востоке, чтобы сдерживать наступавшего здесь неприятеля. Но этот патруль оказался слишком слабым. Он был оттеснен назад, и пришлось для его усиления вновь выделить подкрепления из отряда капитана Келя. Если неприятель и понес в общем значительные потери, то все-таки мы не смогли достигнуть полного успеха. С наступлением темноты бой прекратился, и мы отошли в удобный для боевых действий район между горами Тимбани и Коромой, которой был мною разведан.

Между тем губернатор оказался в лагере у горы Коромы. Во время этого приключения он потерял весь свой багаж и был взят на попечение унтер-офицером Редером, испытанным и способным начальником одной из колонн носильщиков. Я также внес свою долю, чтобы выручить губернатора из его затруднительного положения, и преподнес ему пару синих носок, которые мне были приготовлены его женой еще в начале войны и которые, к сожалению, красили ноги.

Кроме очень чувствительной потери около 70.000 патронов, мы могли пожаловаться на потерю большого запаса бумажных денег, которых, насколько мне помнится, было 30.000 рупий. Раньше было отклонено мое предложение расплачиваться реквизиционными расписками вместо бумажных денег и тем избавиться от больших нарядов на охрану и избежать бесполезных потерь. Печатались миллионы бумажных рупий, которые было очень тяжело таскать с собой, особенно в этот период войны. Теперь, чтобы все-таки в будущем избежать подобного рода потерь, интендант уничтожил, по моему настоянию, большую часть бумажных денег, которые с такими затруднениями возились за нами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В РАЙОНЕ РЕК ЛУРИО И ЛИКУНГО

(Май — июнь 1918 года)

(Чертеж XX)

23 мая ил лагеря Коромы были двинуты в Кориву остатки багажа и главные силы по дороге, проложенной через кустарник. Главная часть нашей колонны носильщиков и больные были отправлены раньше. Арьергард под командой капитана Отто оставался еще несколько дней у горы Коромы и успешно отбил здесь несколько атак неприятеля. Можно было предполагать, что в результате только-что окончившейся операции противника на окружение главная масса его войск должна была собраться у Тимбани, и что ему требовалось некоторое время для налажения своего подвоза до возобновления наступления. Возвращавшиеся патрули сообщали об усиленном автомобильном движении по дороге Нанунгу — гора Тимбани. Другие патрули отмечали наступление неприятельских колонн с востока на северный берег Лурио.

Без помехи со стороны противника я перешел сначала в богатую область Квири, южнее Махуа, а затем дальше к реке Лурио. При этом выяснилось, что часть наших тяжело раненых и больных не смогут выдержать многодневных переходов в своих носилках. При настоящих условиях было трудно оказывать врачебную помощь, и имелось слишком мало санитаров, чтобы было можно оставлять отдельных больных в различных местах. Таким образом, не оставалось ничего другого, как собирать время от времени всех больных, которые не могли выдержать дальнейшей переноски, организовывать отдельный лазарет и оставлять их на месте под наблюдением врача. Сам главный врач колониальных войск, доктор Мейкснер, был оставлен больным в таком лазарете в Квири. Здесь я пришел проститься с лейтенантом резерва Шефером, который оказал нам такую большую помощь в 1915 году при подготовке к сражению у Яссини и который теперь заболел болотной лихо-

радкой. Опытный африканец ясно сознавал свое положение, был, как всегда, любезен и спокойно ожидал своей скорой неизбежной смерти.

Я не хотел задерживаться долго севернее Лурио, так как предполагал, что эта река, вода в которой незадолго перед этим сильно поднялась, будет представлять серьезное препятствие. Мне было необходимо быстро и без замедления переправить через это препятствие наши большие обозы. Когда же мы подошли к реке Лурио, то оказалось, что многочисленные в это время года броды представляют удобное сообщение между обоими берегами. Поэтому мы оставили часть своих сил на северном берегу, а с остальными войсками расположились лагерем на южном.

Страна была очень богата; жители доверчивы; во время прежних действий патрулей и разведывательных отрядов создались хорошие отношения, и один из моих ординарцев был радостно встречен старыми знакомыми.

Мне надо было привлечь сюда англичан и заставить их направлять сюда все новые и новые части. Если бы я затем начал медленно отходить, то, по моим предположениям, крупные отряды противника последовали бы, вероятно, за нами, но не смогли бы ничего предпринять вследствие больших затруднений с организацией подвоза. Таким образом, можно было выиграть достаточно времени, — а это было главной целью, — для действий против более слабых неприятельских лагерей и постов, расположенных дальше на юг. Такой лагерь был обнаружен высланным вперед в южном направлении отрядом капитана Мюллера у Малемы, в том самом районе, где наши войска имели уже раньше удачные дела.

Капитан Мюллер после многодневного боя захватил бому Малему. Она была занята английским полубатальоном, который отступил ночью в южном направлении. Одновременно из этой бомы ушел на север и португальский патруль, который затем повернул обратно. Капитан Мюллер принял его за отступающих англичан, атаковал во время движения и был очень удивлен, что убитые оказались португальцами.

После боя капитан Мюллер переменил место своего лагеря. При этом обер-лейтенант Шроттер, больной малярией, остался в боме на короткое время и был взят в плен появившимся неожиданно английским патрулем. Во время движения этого патруля на бому Шроттеру удалось бежать, потеряв все свои вещи. С не-

покрытой головой,—а это много значит при тропическом солнце,— добрался он, в конце концов, до наших частей, совершенно истощенный.

Сообщения туземцев и патрулей не оставляли больше никаких сомнений в том, что крупные неприятельские силы, высадившиеся в Мозамбике, наступают с запада на бому Малему и уже находятся на расстоянии нескольких переходов. Одновременно были получены донесения о движении неприятельских войск на бому Малему с запада со стороны Малакотеры. Наступавший же с севера противник достиг через несколько дней реки Лурио, так что мы были вынуждены очистить северный берег. По захваченным документам и по боям, которые мы имели на северном берегу, можно было установить, что этот неприятель сильнее, чем я это предполагал. При помощи летучих автомобильных колонн он мог быстро двигаться вслед за нами со всеми своими тыловыми учреждениями, а также с войсковыми частями, которые я оценивал в 3—4 батальона с приданными частями.

Местность вдоль реки Малема, в которой находились наши лагеря, была наредкость богата. Мтама вполне созрела; томаты, бананы, сладкий картофель (батaтен) и другие плоды и овощи встречались в изобилии. Пища была очень разнообразна. Дичи и рыбы было тоже достаточно. Туземцы уже раньше имели дело с немецкими войсками и были очень доверчивы. Когда я однажды ехал верхом из одного отряда в другой, то из своих хижин сбежались женщины, чтобы посмотреть на совершенно незнакомого «джаму» (животное), так как я ехал верхом на лошади. Богатая продовольствием область была так обширна, что мы не могли использовать полностью местные средства, а также прикрыть целиком весь район от противника. Было совершенно невозможно помешать крупным массам неприятельских аскари и его тылам пользоваться продовольствием этой области. Мы не были в состоянии лишить неприятеля возможности широко базироваться на эту богатую страну и тем сократить свою линию подвоза. Мы не могли также настолько полно использовать местные средства, чтобы после нашего отхода оставшегося продовольствия не хватило для крупных неприятельских отрядов; к тому же в настоящее время мы были очень подвижны. Благодаря продолжительной остановке раненые и больные настолько поправились, что все, даже находившиеся в лазарете, были вполне способны к походу.

Это преимущество было бы опять потеряно в случае крупных боевых действий. Я решил постепенно очистить район, несмотря на его исключительное богатство, чтобы уйти из кольца, которое образовали вокруг меня неприятельские колонны в плодородной области реки Малемы. При этом я хотел задержать эти неприятельские колонны меньшей частью своих сил с тем, чтобы они действительно увязались за моим арьергардом. Попавшие в наши руки директивы английского командующего существенно помогли мне при разработке оперативных соображений. Он не хотел вторично, как при Кориве, позволить себя провести и потому приказал во всех случаях, как только будет установлено с нами соприкосновение, немедленно высылать несколько отрядов в обход в расстоянии 5 — 10 английских миль от наших флангов. Генерал Эдвардс, которому я однажды позднее об этом рассказывал, чрезвычайно смеялся тому, что я получил сведения о его указаниях и сообразно этому принимал свои меры. Было ясно, как на ладони, что при соответствующем эшелонировании моих частей в глубину неприятельские обходные колонны подвергались большой опасности попасть между моими отрядами и подвергнуться внезапной атаке с фланга или тыла наших частей, расположенных сзади. К сожалению, мне не всегда удавалось выполнение этого плана действий. В этом чрезвычайно густом кустарнике, даже при очень тщательном наблюдении за бивуачными огнями и пылью, можно было располагать только ограниченными отправными данными, чтобы верно направить колонну, а последней было очень трудно сохранить правильное направление. К этому еще следует прибавить массу препятствий вроде густого кустарника, болот и речных потоков. Несмотря на все это, все-таки удавалось иногда брать под неожиданный огонь одну из неприятельских обходных колонн. Неизбежные трения при движении отдельными колоннами в густом кустарнике должны были быть у англичан больше, чем у нас. Часто при столкновении происходила путаница, при которой и свои и противник не знали, кого именно они имеют перед собой. Так, например, однажды отряд обер-лейтенанта Руктешеля, стоявший недалеко от неприятеля, отходил в направлении на наши расположенные сзади части. При этом он натолкнулся в кустарнике, на расстоянии 30 шагов, на разведывательный отряд, который оказался неприятельским. Совершенно спокойно на глазах у неприятеля были выдвинуты на позицию пулеметы, и противник, принявший наших за

англичан, был внезапно обстрелян с близкого расстояния действительным огнем и обратился в бегство. Также наши собственные патрули часто попадали случайно в расположение неприятельских войск. При такой именно обстановке вице-фельдфебель резерва Шаффрат приказал своему патрулю залечь в густой траве, открыл действительный огонь по тыловым частям наступающих неприятельских колонн и затем быстро спрятался. Таким образом, в течение нескольких часов ему удалось несколько раз нанести противнику чувствительные потери и захватить добычу.

Задерживая противника мелкими частями, я хотел выиграть время, чтобы напасть с главными силами на лежащую далее к югу страну, разбить и рассеять расположенные там слабые неприятельские гарнизоны. Эту область, по имеющимся у нас под рукой описаниям, можно было считать богатой продовольствием. Ближайшей целью при осуществлении этого плана являлась португальская бома Молоке. Судя по захваченной карте, она в мирное время служила местопребыванием высшего гражданского управления и штабом какого-то войскового соединения, крупнее роты. Следовательно, там можно было найти туземцев и продовольствие. Между нами и Альто-Молоке лежала высокая горная цепь Инагу. Дорога от бомы Малемы на Молоке, ведущая западнее в обход гор Инагу, была закрыта английским батальоном, занимавшим укрепленный лагерь у Инагу. Таким образом, можно было ожидать, что наше движение по этой дороге будет нарушено, а это при длине наших колонн носильщиков было нежелательным. По меньшей мере, мы должны были задержаться, и план внезапного нападения на Альто-Молоке был бы расстроен. А мне как раз было необходимо застигнуть противника врасплох, так как можно было рассчитывать захватить в Молоке большое количество боевых припасов и оружия.

Поэтому мы оставили пртивника, укрепившегося у Инагу, в покое и выступили на Альто-Молоке в обход гор Инагу с восточной стороны. Оперативная обстановка складывалась довольно своеобразно, и ее очень хорошо характеризовал один южно-африканец на своем не вполне чистом южно-германском наречии: «Это очень смешная война: мы бегаем за португальцами, а за нами бегают англичане». Мы двигались по тропинкам, проложенным неприятелем, а также напрямик через кустарник. Во время нашего похода мы должны были переправиться через несколько больших

рек. Эта область тоже отличалась богатством, и мы скоро наткнулись на свежие человеческие следы, тянувшиеся по направлению на Альто-Молоке, а также на такого рода лагерные постройки, которых я еще ни разу не встречал. Это были плотные и очень аккуратно построенные тростниковые хижины. Некоторые костры еще тлели, а валявшиеся кругом отрезанные куриные головы имели совсем свежий вид. Происходили также перестрелки с португальскими патрулями, и мы захватили несколько ружей с боевыми патронами.

Теперь нельзя было терять времени. Отряд Мюллера был сделан очень подвижным путем освобождения от всякого багажа. Этот отряд двинулся вперед и застал в Альто-Молоке только несколько португальских офицеров и унтер-офицеров, пивших в этот момент кофе на веранде очень красивого европейского дома и захваченных в плен. Я с главными силами двигался медленно. Авангард под командой капитана Келя имел целый ряд мелких стычек, которые в целом стоили неприятелю значительных потерь. Один из наших патрулей аскари был застигнут врасплох более сильным неприятельским патрулем во время сбора продовольствия и захвачен в плен. Он был затем свидетелем, как тот патруль вместе с другим английским отрядом имели в кустарнике столкновение с нашими частями и понесли большие потери; во время этой стычки аскари удалось бежать. Беспечность, с которой многие из наших европейцев начали опять действовать, несмотря на все предостережения, повела к нескольким бесполезным потерям. Один аскари, отец которого старый эфенди Плантан раньше принадлежал к аскари Висмана из племени зулу, был особенно надежным и развитым человеком, и я охотно брал его с собой на разведку. Он не вернулся назад из одного совершенно бесполезного патрульного предприятия и, вероятно, попал в плен. В общем можно утверждать, что большая часть наших потерь в Восточной Африке была излишней и вызывалась необдуманными действиями.

В конце концов главные силы соединились с авангардом — отрядом капитана Келя. Это призошло на большой дороге Альто-Молоке—Инагу, на одной европейской плантации с богатыми запасами продовольствия для войск. Отсюда была восстановлена связь с капитаном Мюллером по телефону, установленному неприятелем. Капитан Мюллер сообщил, что боевых припасов захвачено мало и что они, большей частью, были заблаговременно вывезены много-

численными караванами носильщиков в юго-западном направлении. Сильные патрули были немедленно высланы по их следам. 16 июля главные силы вступили в Альто-Молоке, и здесь мы нашли прекрасные массивные европейские дома. Они были расположены очень живописно на небольшой возвышенности, с которой открывался вид на далекое расстояние—на окрестные леса и на могучие, крупные и скалистые горы на горизонте. На многочисленных апельсинных деревьях как раз в это время окончательно созрели апельсины, и фактория сразу получила у цветных название «бома я махунгва» (апельсинная бома).

Многочисленные карты и всякого рода переписка, найденные в фактории, дали нам довольно ясное представление о местности, лежавшей в направлении на Квелимане. Судя по этим документам, от Альто-Молока через или до Квелимане существовала проволочная связь; при впадении реки Лугелла в реку Ликунго находилось управление крупного общества—Лугелльской компании. Там имелись обширные плантации и сады, и хранились большие запасы продовольствия. В общем, главная фактория Лугелльской компании была, повидимому, центральным складом продовольствия и военных предметов для крупных войсковых соединений. Если мы желали использовать шансы, которые нам давала такая обстановка, то младшие начальники должны были действовать очень быстро и решительно, и их нельзя было ограничивать никакими слишком точными указаниями, так как картина, которую я себе рисовал, была построена, главным образом, на непроверенных предположениях. Наши патрули, высланные для преследования, должны были уметь быстро и самостоятельно применяться ко всем изменениям обстановки в том случае, если бы первоначальные предположения не оправдались в действительности. Они не должны были терять времени; иначе неприятель мог своевременно увезти продовольствие. Для этого в его распоряжении была железная дорога, которая начиналась недалеко от главной фактории Лугелльской компании и шла на юг к реке Намакурра, по которой ходили пароходы.

Как это иногда бывает, наши патрули и роты, высланные для преследования, только случайно не достигли полного успеха. Но не надо забывать, что, помимо многих других условий, требуется очень здравое тактическое суждение для самостоятельного решения вопроса, когда следует продолжать настойчивое преследование всеми силами и когда нужно его прекратить. Но, чтобы все-таки

использовать, по возможности, выгоды своего положения, я, еще в день своего прибытия в Альто-Молоке, выдвинул для преследования весь отряд капитана Мюллера, главные силы которого я до сих пор задерживал. Различными патрулями и мелкими летучими партиями были захвачены в районе Альто-Молоке отдельные португальские аскари, которые самочинно водворялись маленькими тиранами в окрестных деревнях и на которых нам жаловались туземцы.

Район Альто-Молоке, как это мы и предполагали, оказался очень богатым. Поэтому мы были в состоянии обеспечить всем необходимым отряд Мюллера, чтобы облегчить ему преследование неприятеля. Один из патрулей этого отряда захватил у Или магазин противника. Неприятельская колонна носильщиков была отпущена англо-португальским отрядом, расположенным в расстоянии нескольких переходов к востоку от Альто-Молоке. Эта колонна, ничего не подозревая о нашем присутствии, хотела пройти через район Альто-Молоке и была направлена нашим интендантом для переноски продовольствия, захваченного в Или. Это мероприятие, к сожалению, не удалось, так как у Или появился новый английский отряд, повидимому из Инагу, и прогнал наш патруль.

Дальнейшее движение на Или наших главных сил затруднялось сильными неприятельскими патрулями, подошедшими с севера к дороге Альто-Молоке—Или. Наши энергично преследовали один из этих патрулей и атаковали на биваке. Но у меня получилось впечатление, что более крупные части противника приближаются к нам с севера от Или и Альто-Молоке. Я не хотел задерживаться, а, наоборот, стремился возможно скорее соединиться с отрядом Мюллера, который направлялся к реке Лугелла. Итак, я обошел Или с юга и захватил португальскую факторию Нампепо. В этой стороне основаны различными португальскими компаниями небольшие чисто построенные фактории, которые расположены друг от друга в расстоянии около перехода и находятся в центре районов, управляемых компанией. Целый ряд таких факторий вместе с их магазинами попал в наши руки во время передвижений. Нампепо было одной из таких факторий, но более крупной, чем остальные, и находилось, кроме того, в исключительно богатой местности. Особенностью бивака у Нампепо являлась охота на домашних свиней, которые одичали и в большом количестве водились в кустарнике. Таким образом, мы кроме свинного жаркого и студня, имели также и великолепную кровяную колбасу. Один немецкий плантатор из

окрестностей Морогоро Гаутер, доставлявший много колбасы в Морогоро во время войны, приобрел достаточные знания в колбасном производстве и был нам очень полезен. Воловьи кишки он заменил свиными, и удовольствие от этого лакомства было так велико, что мы не обращали внимания на пули, попадавшие в наш лагерь.

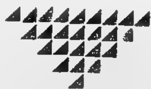
Значительная неприятельская колонна приближалась с севера к боме Нампепо, которую удерживало наше охранение под командой капитана Шангенберга. С высоты можно было отчетливо наблюдать наступление большой колонны противника. Ввиду того, что наше положение было чрезвычайно благоприятно для контр-атаки, мы не беспокоили неприятеля во время его движения. Однако, против всякого ожидания противник нас не атаковал. Поднимавшиеся из кустарника в расстоянии около 1.500 метров клубы дыма показали нам, что противник расположился там биваком. Наши патрули обошли неприятеля, подкрались ночью к его лагерю и обстреляли последний. Отряд Келя присоединился к нам, и я с главными силами выступил дальше, чтобы двигаться вслед за отрядом Мюллера в направлении на реку Лугеллу. Капитан Шпангенберг остался в соприкосновении с противником и должен был затем следовать за нами в качестве арьергарда на расстоянии одного перехода.

Между тем отряду капитана Мюллера удалось переправиться в-брод через реку Ликунго у устья реки Лугеллы и здесь нанести чувствительное поражение португальскому батальону, который был выдвинут сюда с юга для прикрытия района. Мы захватили несколько пулеметов. Громадные запасы Лугелльской компании попали в наши руки. Можно было с избытком снабдить всех продовольствием и материалом для одежды; остальные же продовольственные запасы (около 300.000 килограммов) и оборонительные постройки были сожжены. Капитан Мюллер считал свою задачу выполненной, и, так как в виду не имелось другой выгодной цели, он вернулся обратно на восточный берег Ликунго, где и ожидал моего прибытия.

Я опасался, что богатая добыча последних недель соблазнит отдельных европейцев к самовольному присвоению себе различных вещей, и воспользовался случаем, чтобы доказать неправильность подобного образа действий, подтвердив поэтому, что военная добыча принадлежит правительству и каждый нуждаю-

щийся в чем-либо из добычи обязан был заявить об этом. Тогда вещь оценивалась и оплачивалась желающим ее получить. Мне было важно не допустить разложения войск, чтобы иметь возможность обращаться к чувству чести и требовать исполнения приказов.

Время от времени мы захватывали боевые припасы, и даже небольшое португальское орудие попало в наши руки. Но крупной добычи патронов, на которую мы рассчитывали и к которой стремились, мы не находили. Я вообще сомневался, были ли в Альто-Молоке и Или такие большие запасы, и не имел ли я в этом случае дело с обычной привычкой туземцев к преувеличению. Это еще совершенно не указывало на злой умысел с их стороны, наоборот, туземцы относились к нам очень хорошо. Так, например, они по собственной инициативе привели к нам обратно бежавшего от нас пленного португальского офицера. Точно так же туземцы задержали и избили нескольких наших черных боев, вероятно, во время грабежа и доставили их в лагерь, извиняясь тем, что они их приняли за португальцев. Если даже европейцу трудно верно определять численность, то туземец и подавно путает крупные цифры, и употребляемые им выражения «минги» (много) или «кама маджани» (как трава) может одинаково означать 50, как 5.000.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДАЛЬНЕЙШИЙ ПОХОД В ЮЖНОМ НАПРАВЛЕНИИ

(Июнь — июль 1918 года)

(Чертеж XX)

Но, где бы ни хранились крупные запасы патронов, они во всяком случае не попали в наши руки. Они стоили того, чтобы возобновить поиски. Что они должны были находиться где-либо в этом районе, на это указывала общая оперативная обстановка, а также захваченные нами документы. Весьма вероятно, что более крупные запасы хранились далее к югу; их или переправили туда ввиду нашего наступления, или же они еще раньше находились там. Не исключалась возможность, что патроны будут быстро переброшены к морскому побережью для погрузки их, в случае необходимости, на пароход.

Во время похода наши сильные патрули обследовали местность более чем на один переход и захватили несколько мелких продовольственных магазинов, но не нашли никакого оружия или боевых припасов. Отряд Мюллера, с которым мы 27 июня соединились у Муджебы, выступил еще в тот же день дальше на юг. Туземцы говорили об одной большой боме Орига, которая была расположена где-то еще южнее в приморском районе и где должно было находиться очень много боевых припасов. На отряд Мюллера возлагались поиски этой бомы. Сведения об этой боме, как всегда бывало в таких случаях, не отличались большой точностью. Я не сомневался, что во время похода, наверно, поступят другие противоречивые донесения. Но для поверки сведений не имелось много времени. Приходилось верить, что в них есть хотя бы немного правды. Учитывая эти данные, капитану Мюллеру предоставили самую широкую свободу действий. Если бы ему по дороге попался достойный внимания предмет действий, то, не теряя времени, он обязан был решить, как следует лучше всего поступить. Я с главными силами, конечно, двинулся бы к нему

на помощь и во всяком случае справился бы с создавшимся положением. Главныв образом, он не должен был выжидать особых приказов и инструкций. Я сознавал, что этим самым ведение операций передавалось почти исключительно в руки младшего начальника; это было возможно только при отличной тактической подготовке и широкой инициативе последнего.

Наш авангад, в составе трех слабых рот, должен был в то же время выполнять задачу, возлагаемую обыкновенно на конницу, выдвинутую далеко вперед для разведки, и действовать со всей решительностью, какой вообще необходимо требовать от авангарда. При другой обстановке я бы сам двигался вместе с авангардом и обеспечил себе таким образом большее влияние на ход операции. Но опыт научил меня, что мое присутствие при главных силах необходимо ввиду больших расстояний между нашими отдельными колоннами, так как это давало возможность быстро устранять задержки, а также своевременно вмешиваться при непредвиденном изменении общей обстановки. Не надо забывать, что все наше движение было всецело основано на учете обстановки и, как это в самом деле часто случалось, неожиданное появление неприятельских отрядов с другого направления могло сразу, одним ударом коренным образом изменить положение и потребовать новых срочных распоряжений. В то время мы двигались по узким туземным тропинкам или прямо без дорог через густой кустарник в походной колонне по одному. При величине дневного перехода в 30 километров и при большой длине походной колонны голова ее должна была выступать еще в темноте, то-есть в 5 часов утра, чтобы хвост мог достигнуть новой стоянки в тот же день, хотя бы поздно вечером, перед самым наступлением темноты. Это было необходимо, так как нужно было заготовить материал для нового лагеря, нарубить дров, нарезать травы и построить для больных навесы. Из сказанного вытекает, что все войска не могли двигаться в одной колонне; иначе получалась бы непомерная растяжка.

Отряд Мюллера, составлявший авангард, двигался в одном или двух переходах впереди главных сил. Арьергард, отряд капитана Шпангенберга, следовал сзади в расстоянии одного перехода. Связь поддерживалась постами летучей почты.

В донесениях, которые я получал по летучей почте из отряда Мюллера, упоминалось теперь довольно часто название «Коко-

зани». Здесь, по полученным сведениям, должны были находиться обширные склады неприятеля, охраняемые сильными войсковыми частями. Но где же было расположено это Кокозани? На наших картах нельзя было найти этого пункта. Только постепенно выяснилось, что на португальских картах Кокозани носило название Намакурру. По всем имеющимся данным, как и по географическому положению этого пункта Кокозани являлось наиболее подходящим объектом для действия. Но могли ли мы рассчитывать захватить этот, вероятно сильно укрепленный, лагерь при наших сравнительно ограниченных средствах? Об этом трудно было судить ввиду полного отсутствия соответствующих данных, и наши шансы можно было выяснить, только произведя нападение. Капитан Мюллер по собственной инициативе повернул на запад и двинулся на Кокозани. Во время марша подтвердилось, что действительно через реку Ликунго имеется брод, о котором говорили туземцы.

Теперь я двинулся с главными силами на соединение с капитаном Мюллером и отдал такое же распоряжение и арьергарду, которым руководил капитан Шпангенберг. 1 июля после обеда главные силы достигли реки Ликунго и немедленно через нее переправились. Этот мощный поток имел в ширину около 400 метров, и вода в самых глубоких местах брода была по шею. Каждому пришлось двигаться в воде около часу. Переправа закончилась благополучно, и части расположились лагерем на западном берегу. На следующее утро мы выступили дальше по следам двигавшегося впереди отряда Мюллера.

По дороге мы встретили около 30 туземцев. Они работали в Кокозани и сообщили нам, что там стоит лагерем много португальцев и аскари и что туда прибыло большое количество ящиков. Разговор с этими людьми, не знавшими языка Кизуахели, велся через переводчика. Некоторые из наших аскари владели местным наречием или родственными ему диалектами. Скоро мы получили от авангарда важное донесение о том, что накануне капитан Мюллер обошел неприятеля у Кокозани и захватил его совершенно врасплох. При полном дневном свете наш отряд совершенно открыто повел стремительное наступление с севера на постройки фактории через поле, засеянное сизой. Нашим удалось ворваться в португальские укрепления и после крайне ожесточенного рукопашного боя, длившегося несколько часов, разбить находившиеся

там три португальские роты. Неприятель понес тяжелые потери. Было захвачено много ружей, патронов и два полевых орудия.

Сам я двигался несколько впереди головы колонны главных сил и утром вступил в обширные и открытые поля плантации. Затем я продолжал движение вдоль полевой железной дороги, которая была проложена через поля посередине большой грунтовой дороги и пересекала ширококолейный железнодорожный путь. Этот последний, как выяснилось позднее, вел от реки Намакурры на север и кончался недалеко от реки Лугеллы. Когда накануне капитан Мюллер подошел к этому железнодорожному пути, он задержал там поезд, только что прибывший из Лугеллы. Можно себе представить взаимное изумление, когда из вагонов вышло несколько португальских унтер-офицеров, которых капитан Мюллер захватил в плен у Лугеллы и опять отпустил.

При нашем вступлении в факторию ко мне вышел навстречу капитан Мюллер, сильно прихрамывая. Он высказал свое удивление, что я со своим отрядом прошел спокойно по большой дороге прямо в Кокозани, так как где-то поблизости, он предполагал, должны находиться еще две английских роты. Он до сих пор не мог установить точно их местопребывания, но на основании захваченной переписки нельзя было сомневаться в их присутствии в этом районе. Затем капитан Мюллер сообщил мне, что ему не удалось до сих пор найти более крупных запасов ружейных патронов и поиски все еще продолжались. При более глубоком размышлении мне теперь казалось наиболее вероятным, что разыскиваемые склады огнеприпасов должны были храниться не в самой фактории, а непосредственно у ширококолейной железной дороги и именно у ее южного конечного пункта. Там противнику было необходимо, конечно, устроить большие склады; здесь же могла производиться только перегрузка с транспортных судов реки Намакурры на железную дорогу. Надо было выяснить, насколько эти предположения могут оказаться верными. Я немедленно вернулся назад и у самой плантации наткнулся на голову колонны наших главных сил.

Передние роты были не очень довольны тем, что должны повернуть обратно к железной дороге для дальнейшего движения на юг вдоль этой дороги. Были также вполне понятны после утомительного перехода нелестные выражения о моем распоряжении. К счастью для себя, я их не слышал.

В сравнительно плохом настроении подходили передние люди к железнодорожной станции; они не верили серьезно в возможность столкновения. Вдруг совершенно неожиданно несколько аскари нашей головной части упали, сраженные неприятельскими пулями с совсем близкого расстояния. Были стянуты остальные части главных сил, успевшие развернуться для боя. К моменту моего прибытия положение еще не совсем выяснилось; неприятель, повидимому, укрепился, а ближняя разведка была еще не закончена. Завязался затяжной огневой бой. Начался дождь, было холодно, и все чувствовали себя скверно. Сам я отправился к роте обер-лейтенанта Руктешеля, расположенной приблизительно в расстоянии 70 метров от глинобитных станционных построек. Как только кто-нибудь показывался у неприятеля, рота открывала меткий ружейный и пулеметный огонь с высоких термитных холмов.

По моему мнению, в данное время обстановка для штурма станции была неблагоприятной. Мы должны были двигаться в атаку по густому кустарнику, который держался противником под сильным огнем. Это вряд ли позволяло надеяться на успех. Можно было ожидать, что многие стрелки не пошли бы в атаку, а те которые бы добрались до неприятельских укреплений, залегли бы, вероятно, перед ними и не двинулись бы дальше. Следовательно, ничего нельзя было бы достигнуть. К тому же моя разведка навела меня на мысль, что артиллерийский огонь, особенно с двух сторон, по целям, которые частью были очень хорошо видимы, мог оказаться очень действительным, напугать неприятельских аскари и заставить их бежать. Это был бы благоприятный момент для хорошего пулеметного огня. Но начинало темнеть, а наша пушка была разбита. Таким образом, сегодня уже ничего нельзя было предпринять. Поэтому главная масса войск вернулась обратно в лагерь, и только отряд капитана Поппе в составе трех рот остался в тесном соприкосновении с противником.

На другой день с большим трудом мы привели в порядок нашу пушку. К счастью, она оказалась того же образца, как и орудия, захваченные капитаном Мюллером, и таким образом можно было, путем замены отдельных частей, составить из этих трех орудий одно годное для стрельбы орудие. Следовательно, имелась надежда использовать с успехом захваченные третьего дня 200 патронов. После обеда орудие должно было открыть по станции

огонь с расстояния нескольких сот метров. Другое, меньшее орудие, калибром в 4 *см,* находилось в передовых пехотных цепях, то-есть на дистанции около 100 метров, и было готово вести перекрестный огонь совместно с первым орудием. Все пулеметы были наготове. Сам я утром опять посетил факторию для переговоров и приказал передать тамошним мирным жителям, что им нечего бояться, если после обеда будет небольшая стрельба. Белые женщины и дети были очень напуганы боями, и часть из них бежала в кустарник.

Сильно измученный, я отправился в лагерь, когда внезапно у станции прекратился шум боя. По телефону передали, что впереди у станции слышны громкие крики — ура. Постепенно выяснилась следующая картина: неприятель был, повидимому, несколько потрясен метким концентрическим огнем, который мы вели с 12 часов 2 июля. Теперь начался обстрел сразу с двух сторон артиллерийскими снарядами, и, как только противник пытался шевелиться, по нем открывался пулеметный огонь. Молодые войска неприятеля не выдержали и начали волноваться. Наши роты учли этот критический момент и с превосходной инициативой немедленно его использовали. Они сразу бросились на противника с громкими криками «ура» и одним прыжком очутились на неприятельской позиции. Противник обратился в бегство; англичане уверяли, что они были увлечены португальцами. Во всяком случае они бежали, а наши роты энергично преследовали. Неприятель бросился к реке Намакурре, которая протекала непосредственно в тылу его позиции. Многие быстро сбрасывали сапоги и кидались в воду; при этом утонула главная масса неприятельских войск и в том числе их начальник майор Горе-Браун.

За время с 1 по 3 июля неприятель потерял: 5 европейцев и 100 аскари убитыми, 4 европейца и около 100 аскари утонувшими, и 421 аскари пленными. Кроме европейцев, взятых в плен (5 англичан и 117 португальцев), 55 португальцев было эвакуировано, и 46 больных и раненых португальцев были оставлены в лазарете Кокозани. У нас было убито 8 аскари, 1 носильщик пулемета и ранено 3 европейца, 11 аскари и 2 носильщика пулеметов. В первый момент после боя нельзя было определить, насколько велико количество боевых припасов и продовольствия, захваченных нами на станции. 7 станковых и 3 ручных пулемета, а также 2 орудия попали в наши руки; последние были приведены в негодность.

Все новые и новые ящики захваченных боевых припасов доставлялись в наш лагерь. Интендант, лейтенант флота Беш, был в отчаянии, так как он не знал, откуда достать носильщиков для переноски этого груза. К этому еще прибавилось более 300.000 килограмм продовольствия и запасы сахарного завода Кокозани. Каждый из наших цветных мог получить из добычи материалу для одежды, сколько ему было угодно, и мой бой Серубили заявил мне: «Это все-таки совсем другое дело, чем у Танги; ведь каждый получает здесь столько сахару, сколько он пожелает». Действительно, весь лагерь был завален сахаром; каждый черный был так богато снабжен продовольствием всякого рода и одеждой, что люди, как по команде, перестали воровать, а это, пожалуй, что-нибудь да значит для черных. Также было захвачено много европейского продовольствия и консервов. Все наши европейцы могли быть обеспечены на несколько месяцев. К сожалению, мы не смогли увезти с собой полностью большое количество найденных хороших вин. Часть вин была выделена для больных, как укрепляющее средство; остальное вино необходимо было выпить тут же, на месте. На вызванное этой выпивкой очень бурное веселье смотрели сквозь пальцы, и каждый после такого долгого периода лишений позволил себе дать волю своим чувствам. На заводе в Кокозани имелось также большое количество бочек с отличной водкой, заготовленной для английских войск. Но, несмотря на самое горячее желание, все-таки было невозможным выпить всю водку, и пришлось большую часть вылить в реку Намакурру.

Все новые и новые караваны носильщиков продолжали прибывать с добычей, и наш интендант все сильнее приходил в отчаяние. Последнее достигло высшего предела, когда со станции было передано по телефону, что только что подошел речной пароход. С него сошел английский штабной врач, который не имел никакого представления о событиях у Кокозани. Ближайший осмотр парохода обнаружил крупный груз патронов, свыше 300 ящиков.

В общем мы захватили около 350 современных английских и португальских ружей, — приятное приобретение для перевооружения еще один раз в соответствии с обстоятельствами. Ружья образца 71 года были почти совсем изъяты из обращения, а ставшие лишними патроны к этим ружьям были употреблены с пользой для боевых стрельб.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОПЯТЬ НА СЕВЕР, К РЕКЕ НАМИРРУЕ

(Июль 1918 года)

(Чертежи XIX и XX)

По найденным оперативным документам, следовало ожидать, что в непродолжительном времени должны выступить нам навстречу крупные неприятельские силы из Квелимане. Но местность между реками Намакуррой и Замбези изобиловала большим числом речных преград, и, таким образом, наше дальнейшее движение на Замбези было бы связано с большими затруднениями и чрезвычайно стесняло бы нашу свободу маневрирования Следовательно, местность к югу и юго-западу от нашей теперешней стоянки являлась неблагоприятной для нашего способа ведения военных действий. В конце концов, мы были бы вынуждены основательно застрять у Замбези, не имея средств для переправы через эту могучую реку, на которой господствовали неприятельские канонерские лодки.

Я считал более целесообразным отказаться от теперешнего направления марша. Но, вместе с тем, при совершенном отсутствии сведений было трудно решить, куда именно я должен направиться. Только одно казалось ясным, — что неприятель не двигался вслед за нами; по крайней мере, он совершенно не беспокоил наш арьергард и оставленные последним при отходе патрули. Казалось вероятным, что неприятельские войска, в случае если они последовали за нами, стремятся нас обогнать, двигаясь по параллельной дороге. Если эти мои соображения были действительно верными, — а они, казалось, подтверждались некоторыми сведениями от туземцев — то необходимо было признать, что неприятель недостаточно осведомлен о нашем положении у Намакурры и что даже отпущенные нами из плена португальские солдаты не могли дать ему верной картины. Мы старались внушить этим людям, что мы хотим укрепиться у Намакурры, упорно здесь

обороняться и затем со временем уйти на Квелимане. Неожиданное поражение при Намакурре должно было заставить противника, преследовавшего нас, ускорить свое движение. При этом, по всей вероятности, его колонны будут неверно направлены и проскочат мимо нас, тем более, что противник должен был сильно опасаться за такую важную гавань, как Квелимане. Таким образом, мне пришла мысль выждать у Намакурры, пока преследующие неприятельские колонны действительно не пройдут мимо нас форсированным маршем, и тогда направиться опять назад на северо-восток. При этом у меня мелькала еще мысль, что неприятель будет обеспокоен таким направлением нашего движения, которое вело примерно в область Мозамбик и в главный этапный порт того же названия. Таким образом, можно было ожидать, что, как только противник обнаружит наше движение туда, он немедленно повернет для защиты этой области с ее многочисленными магазинами. Если же он этого не сделал бы, то мы получали свободу действий в Мозамбике. В случае, если бы обстановка сложилась так, как я намечал, то неприятель был бы вынужден к усиленным походным передвижениям, чрезвычайно изнуряющим его войска, а мы могли выиграть время, чтобы сберечь наши силы и дать раненым и больным возможность поправиться.

Было трудно определить удобный момент для начала нашего движения в северо-восточном направлении; в этом отношении мы должны были отчасти положиться и на военное счастье. Если бы я выступил случайно слишком рано и наткнулся на одну из неприятельских колонн, то все-таки имелась надежда нанести ей отдельное поражение. Но, в первую очередь, для нас было важно иметь возможность беспрепятственно переправиться через реку Ликунго. Имевшиеся сведения о бродах были очень сомнительны. Чтобы не пользоваться тем же самым бродом, по которому мы переправлялись при движении сюда, я с главными силами двинулся вечером 4 июля к другому броду, лежавшему в одном переходе к югу. Но лейтенант резерва Отт произвел разведку и установил, что в указанном месте вообще не существовало брода. В то же время, по сообщению туземцев, а также по найденным следам, можно было предположить, что в тот же день в этом районе побывал английский патруль. Положение могло оказаться затруднительным. Чтобы не терять времени на разведку, я двинулся вдоль западного берега реки Ликунго к нашему старому броду. К сожа-

лению, я снял там охранение и не знал, был ли он еще свободным. Поэтому я очень обрадовался, когда 5 июля переправа через реку была произведена удачно и без всяких задержек. Отряд Келя остался временно у Кокозани и должен был следовать в арьергарде.

Теперь мы опять двигались без дорог, прямо через кустарник, в колонне по одному. Но слишком большая длина колонны затрудняла движение и была опасной в случае столкновения с неприятелем. Поэтому мы старались сократить глубину походного порядка и пришли к тому, чтобы двигаться через пори двумя, а позднее и большим числом походных колонн. Это имело тот недостаток, что теперь не одна, а несколько колонн должны были прокладывать себе дорогу через кустарник и расчищать лесную чащу, но выгоды от сокращения глубины походного порядка были настолько велики, что вполне искупали это неудобство.

Донесения наших патрулей и сведения, полученные от туземцев, указывали, что неприятельские колонны продвинулись в юго-западном направлении меньше, чем я этого ожидал. Как в районе между нижним течением рек Мониги и Ликунго, так и у Муджебы неприятельские войска продолжали двигаться на юго-запад. Таким образом, получалось удивительное положение: противник несколькими колоннами двигался в юго-западном направлении, в то время как мы шли между этими колоннами в обратном направлении на северо-восток. Этого нельзя было долго скрывать от неприятеля, тем более, что дело дошло до стычек между патрулями, и неприятельские войска, направленные вдоль телефонной линии из Мулеваллы на Мукубеллу, пересекали нашу дорогу. Мы двинулись дальше на Осиву, отбросили расположенный западнее этого пункта слабый португальский отряд и 14 июля 1918 года заняли Осиву. К сожалению, вопреки нашим ожиданиям мы не нашли в этой фактории богатых запасов продовольствия и боевых патронов. Очевидно, многочисленные неприятельские войска успели использовать все продовольственные средства этой страны, или же продовольствие было отсюда уже вывезено. Нашему боевому патрулю под командой вице-фельдфебеля Гюттинга, высланному на Муатаму, удалось здесь напасть врасплох на смешанный отряд, состоявший из англичан и португальцев. К сожалению, нельзя было вывезти запасы, находившиеся в этой фактории, и пришлось сжечь магазины.

Между тем не прекращались распросы у туземцев о том, где можно достать продовольствие; нельзя было ждать до получения сведений от дальних патрулей, высланных на Муруа в поисках за продовольствием. Различные патрульные бои показывали, что неприятель добился ясного представления об обстановке и сообразно этому изменил направление движения своих колонн. Недостаток продовольствия заставил нас продолжать наш марш вперед. Поэтому бой нашего арьергарда под командой капитана Келя со смешанной англо-португальской колонной у Осивы не был доведен до успешного конца, так как наши главные силы находились уже в движении на Типу. Таким образом, мы задержались на несколько дней в сравнительно бедном районе между Осивой и Муруа. Захваченные нами документы показали нам, что один английский патруль двигался по нашему маршруту впереди нас.

Было интересно наблюдать, как пленные англичане, которых мы вели с собой, принимали как должное тяжесть больших переходов, многочисленные переправы через реки и многие неудобства в отношении продовольствия и биваков. Они понимали, что мы, немцы, тоже должны были переносить все эти лишения и, сверх того, нести еще патрульную и сторожевую службу и собирать продовольствие, следовательно, находились в более тяжелых условиях, чем они. Они переносили все с известным юмором, и, очевидно, им было интересно изучать войну с точки зрения «немцев». Совершенно иначе вели себя португальские офицеры. Разумеется, их положение было незавидным; большинство из них страдало сифилисом, и английские пленные тщательно их избегали. В действительности, они не были настоящими закаленными в походах солдатами; получив свой обильный паек из добычи, захваченной у Намакурры, они не сумели его бережно расходовать. Дорогое масло они сразу уничтожили вместе с рисом, и нельзя было требовать, чтобы немцы помогли им теперь из своих собственных скудных запасов. Передвигались они тоже с трудом, так как их сапоги были порваны. Одним словом, их переводчик, офицер генерального штаба, взятый в плен у Намакурры, не переставал мне жаловаться на неудобства, которых я при всем желании не мог устранить. Затем он постоянно просил, чтобы его освободили. Я бы очень охотно пошел ему навстречу, если бы он согласился дать обязательство не сражаться больше против нас, но он отказывался это сделать. От меня ведь нельзя было требовать,

чтобы я кого-нибудь освободил без какого-либо обязательства за это и тем самым дал ему возможность снова стрелять в нас. Продовольственные затруднения гнали нас все дальше вперед. После того, как наши расчеты на продовольствие в районе Осивы не оправдались, я решил достигнуть области к востоку от реки Лигонджи, — эта область, судя по картам, была густо населена и хорошо обработана. По дороге в этот район авангард под командой капитана Мюллера быстро захватил бому Типу, где хранились запасы продовольствия на несколько дней, главным образом, земляных орехов, которые, таким образом, попали в наши руки. Слабый португальский гарнизон оказал незначительное сопротивление и быстро отступил; только почтовый курьер, португальский сержант, был взят в плен.

Мы приобрели большой навык в быстром и точном распределении добычи; главные силы только слегка замедлили свое движение, и я еще вижу перед собой улыбающееся лицо одного из пленных англичан, который, казалось, совершенно забыл, что португальцы являются их союзниками. Повидимому, их забавляло, что одна португальская фактория за другой захватываются нами без особых церемоний. Взятые у противника документы снова дали нам очень ценные сведения. На расстоянии двух дней находилась другая бома, по названию Намирруе, в которую для усиления португальского гарнизона прибыла еще и английская рота. Следовательно, можно было предполагать, что в этом пункте хранились значительные продовольственные запасы. По крайней мере, по нашим сведениям, туда стягивались продовольственные колонны для своего пополнения. Английские войска, находившиеся в этой боме, принадлежали, повидимому, к новому противнику, подошедшему сюда со стороны Мозамбика. Наш прежний неприятель, который, по нашим расчетам, передвигался теперь с юго-запада на северо-восток, не мог так быстро нас обогнать. Итак, наш авангард немедленно выступил дальше на Намирруе с одним орудием. Меньшее орудие было приведено нами в негодность и брошено у Намакурру, после того как все патроны были израсходованы. Капитан Мюллер должен был выяснить, что можно предпринять у Намирруе, и действовать по собственному почину, сообразно с обстановкой. Главные силы остались сначала у Типы, на восточном берегу реки Молоке. Они должны были заняться сбором продовольствия и настолько задержать наступавшего с юго-запада

неприятеля, чтобы капитан Мюллер имел достаточно времени у Намирруе. Вскоре небольшие разведывательные отряды противника появились у Типы на западном берегу реки, которая здесь не являлась сколько-нибудь значительным препятствием. Дело дошло до целого ряда мелких патрульных стычек на восточном берегу Молоке. Отряд капитана Келя имел несколько арьергардных боев, занимая последовательно позиции вдоль дороги Типа — Намирруе. Так как мне было неясно, где лучше использовать главные силы — на фронте ли отряда Келя, или же у Намирруе, то я сначала медленно двигался вслед за отрядом Мюллера. В это время поступило донесение от последнего, что неприятельский отряд, силой около одной роты, укрепился на горе Фельс у Намирруе, и что он, даже несмотря на поддержку своего орудия, ничего не может сделать. Кроме того, весьма вероятно, для поддержки этого отряда могли прибыть английские войска с севера или северо-запада. Для нас представлялся, может быть, благоприятный случай разбить их в открытом поле. Тогда я с главными силами двинулся на Намирруе и 22 июля переправился через реку Намирруе в 4 километрах выше горы Фельс, занятой неприятелем. На восточном берегу мы расположились лагерем и почти сразу вслед за этим имели несколько патрульных стычек. Сам я с лейтенантом Бешем обошел гору кругом и прибыл к капитану Мюллеру, занимавшему лагерь непосредственно у самой горы, у юго-восточного ее края.

Неприятельская позиция прикрывалась патрулями с пулеметами. Наверху горы можно было рассмотреть отдельных лошадей, а иногда появлялись и люди. Если у противника показывалась удобная цель, то она немедленно обстреливалась, чтобы помешать неприятелю посылать людей с горы вниз к воде. Но казалось, что у него была возможность доставать воду из источника, которого мы не знали.

После чашки кофе у капитана Мюллера мы направились дальше кругом горы и встретили лейтенанта резерва Кемпнера и другие патрули, которые вели тщательную разведку. Мы должны были для сохранения скрытности движения пробираться через густой кустарник и попали в многочисленные крапивные бобы; соприкосновение с этим растением причиняет нестерпимый зуд кожи. Мы как раз находились в середине такой чащи, когда со стороны лагеря главных сил послышалась оживленная перестрелка. Одновременно неприятель на горе открыл огонь залпами, подавая, оче-

видно, этим сигналы своим друзьям. У меня сразу мелькнула мысль, что сюда двигается незначительный неприятельский отряд, который не имеет никакого представления о прибытии наших главных сил. Я тотчас же решил использовать этот редкий случай и ввести в дело все свои силы. Но, как я ни старался возможно скорее присоединиться к нашим, я подвигался вперед очень медленно в густой чаще, и, кроме того, зуд доводил до сумасшествия. Наконец, мы достигли лагеря как раз перед наступлением темноты. Мой заместитель майор Краут сначала ввел в бой только слабые части. Ввиду яркого лунного света я мог рассчитывать использовать для сражения надвигавшуюся ночь. Немедленно были развернуты все имевшиеся под рукой силы, за исключением одной роты, оставленной для защиты лагеря. На правом фланге капитан Геринг, назначенный для охвата, произвел полный обход неприятеля и появился у него в тылу. Тут он услышал собачий лай, направился на него и нашел в овраге у телефона английского командующего, полковника Дикинсона, с его адъютантом и санитарным офицером, которых и взял в плен. Затем он немедленно продолжал наступление. Одновременно отряды Шпангенберга и Поппе атаковали с фронта и левого фланга. Очень скоро неприятель, состоявший из одного батальона, был опрокинут и бежал в полном беспорядке. Все отряды энергично преследовали, но, вследствие царившей кругом темноты и густого кустарника, потеряли соприкосновение с противником, о котором не было даже известно, откуда он появился.

Только позднее выяснилось, что неприятель двигался параллельно с нами и одновременно переправился через реку Намирруе, немного выше по течению. Несмотря на постоянную работу радиостанций, неприятелю было почти невозможно составить себе ясное представление об обстановке, благодаря ежедневной перемене стоянок находившимися в движении отрядами, закрытому характеру местности, покрытой кустарником, и большому числу колонн. В связи с этим он также не мог своевременно ориентировать своих начальников обо всех изменениях в обстановке. Таким образом, и в данном случае отдельная колонна, и даже не вся целиком, наткнулась на нас. Через реку переправился только один батальон, который и пострадал очень сильно при встрече с нашими главными силами, так как оторвался от своих и очутился в опасном положении.

Назначенная для преследования рота вернулась безрезультатно на следующий день. Следует отметить, что и в данном случае, после успешного сражения, было трудно побудить младших начальников и части к крайнему напряжению всех сил для использования до конца одержанного успеха. Обер-лейтенант фон-Шреттер возобновил все-таки преследование и вел его в течение не-

«Бома» — европейская фактория, укрепленная против набегов туземцев.

скольких дней, так как этого действительно требовала обстановка. Но он не мог ничего достигнуть, кроме нескольких патрульных стычек.

Я с главными силами остался на месте. Окончательный успех зависел не от преследования разбитого уже противника, а от действий против неприятеля, осажденного нами на горе Фельс и лишенного теперь ожидаемой помощи.

Впервые за эту войну мы захватили миномет вместе со снарядами. Постепенно мы разыскали на поле сражения его отдельные части. 17 оказавшихся налицо мин были подготовлены к действию. Пробная стрельба холостыми зарядами дала удовлетворительные результаты, и в 4 часа дня могла начаться боевая стрельба по засевшему на горе неприятелю. Руководство действиями было

поручено капитану Мюллеру, отряд которого не только не принимал накануне участия в бою, но даже ничего о нем не знал. К нему присоединилась рота обер-лейтенанта фон-Руктешеля, оставшаяся во время боя в лагере. Миномет был поставлен с одной стороны горы, а пушка — с другой; наши пулеметы были расположены вокруг горы и подготовлены к ведению огня. В 3 часа 45 минут обер-лейтенант Руктешель попрощался с пленным английским полковником Дикинсоном, который находился на его попечении, и сказал ему, что рассчитывает вернуться через час. В 4 часа первый снаряд упал в центре неприятельского расположения. Как раз в это время неприятельский начальник был занят вопросом, не следует ли ночью произвести вылазку. Гора сразу ожила, и везде показались люди, которые метались в разные стороны. Они были взяты под огонь пулеметов и орудий. Очень скоро неприятель выкинул белый флаг, но продолжал стрелять.

Обер-лейтенант Руктешель вернулся к своему гостю, как и обещал, через час, но, к сожалению, с простреленной ногой. Его ординарец, который хотел вынести его с поля сражения после ранения, был убит. Между тем капитан Мюллер взобрался на гору с другой стороны и взял штурмом лагерь. Он был занят взводом ездящей пехоты Золотобережного полка и полуротой пехоты, из которых никто не спасся. Лошади тоже были почти все перебиты. С нашей стороны был убит ружейной пулей храбрый лейтенант резерва Зельке перед самым вторжением на неприятельскую позицию. Его похоронили на поле сражения. Добыча оказалась очень скромной, но за два дня боя неприятель понес сильные потери в личном составе. Его отряды, которые по своей численности лишь немногим уступали нашим частям, принимавшим участие в бою, были совершенно разбиты. Здесь, как и раньше у Намакурру, выяснилось, что англичане насильно вербовали в свои войска черных из немецкой Восточной Африки, а также старых немецких аскари.

Наша основная операция у Намирруе удалась только потому, что слабый отряд Келя, силою всего в три роты, сдерживал наступавшего с востока противника. Этот отряд медленно отходил от Типы на Намирруе и должен был ежедневно выдерживать арьергардные бои против неприятеля, напиравшего с крайним упорством. Теперь капитан Кель подошел к Намирруе на расстояние

полуперехода; я его перевел на восточный берег реки Намирруе. Между тем высланные патрули узнали от туземцев, что у Пекеры расположен неприятельский магазин под защитой гарнизона. Это сведение казалось мне очень правдоподобным, так как Пекера находилась в густо населенной и очень плодородной области, к востоку от реки Лигонджи. Наши расчеты оправдались, когда мы после двухдневного марша прибыли в Пекеру. Расположенный здесь конный взвод Золотобережного полка был уничтожен, а несколько мотоциклистов захвачено в плен. Таким же образом мы быстро овладели бомой Халау и целым рядом других факторий, где португальцы сосредоточили богатые запасы, особенно земляных орехов. Наши патрули доходили до Ангохе, и мы в самое короткое время сделались хозяевами обширной и исключительно богатой области. Часть пленных португальских офицеров убежала однажды ночью и благополучно добралась до неприятельских войск, расположенных в Ангохе. Повидимому, среди них было несколько человек, хорошо знакомых с местностью еще со службы в мирное время.

Наступивший затем в течение нашего пребывания в районе Халау спокойный период дал возможность поправиться нашим больным и раненым, которые очень ослабели от продолжительных переходов; здоровые также нуждались в небольшом отдыхе. Все несколько утомились от беспрерывных передвижений и напряжения последнего времени. Достойно внимания, что последние успехи пробудили воинственный дух среди носильщиков, большинство которых представляло из себя хороший и надежный элемент. Многие из них заявили о своем желании поступить в аскари. Даже мой старый повар был согласен взяться за винтовку.

К 5 августа продовольственные запасы начали истощаться, и главным продуктом питания сделался горький мухого. Неприятельские патрули, которые двигались сюда с северо-востока, показали мне, что неприятельские колонны, следовавшие с юго-запада, перегнали нас за время нашего отдыха и теперь стремятся сосредоточиться у Вамалеа (с.-в. Халау), чтобы затем атаковать нас.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НАЗАД К РЕКЕ ЛУРИО

(Август — сентябрь 1918 года)

(Чертеж XX)

Чтобы ввести неприятеля окончательно в заблуждение относительно наших планов, я 7 августа двинулся по дороге на Вамаку и расположился лагерем в трех часах северо-восточнее Халау, в районе с достаточным продовольствием. Несколько неприятельских патрулей было отогнано. Из Вамалеа явился неприятельский офицер-парламентер, заявивший, что английский командующий согласен на обмен пленного врачебного персонала. Далее, он просил меня назначить место и время, когда можно было бы передать нам обмундирование для английских пленных. Эти очень прозрачные предложения показали мне, что неприятель подготовляет что-то серьезное именно на севере и стремится облегчить свою задачу, заманив меня в ловушку. Были пойманы различные неприятельские шпионы, подтвердившие мое подозрение. Их показания о том, что неприятель предполагает атаковать нас тремя колоннами, соответствовали обычному приему подобных операций.

Когда 10 и 11 августа стычки патрулей и передовых постов выяснили мне, что более сильная неприятельская колонна наступает по дороге Вамалеа—Халау, я предположил, что, по меньшей мере, еще одна колонна продвигается еще южнее, параллельно первой и что, повидимому, ее целью являлось Халау. Я решил отдельно атаковать эту южную неприятельскую колонну. Шансов на успех моего плана было мало, так как неприятель избегал дороги и часто двигался прямо через кустарник. Учитывая вероятное развитие операции, я приказал произвести разведку и наметить определенную дорогу. Несмотря на это, наше движение, начатое 11 августа вечером, продолжалось целую ночь напролет. Только с рассветом достигли мы выбранного мною пункта восточнее Халау. Сильные

патрули, в том числе целая рота под начальством капитана Келя, находились еще на походе.

Моей основной мыслью являлось движение на запад с тем, чтобы затем повернуть опять на север или в район Блантире, или восточнее озера Ниасса. Не тревожимые неприятелем, мы переправились у Метила через реку Лигонджу и пересекли дорогу Типа — Намирруе. Находящаяся там могила офицера 1 батальона второго полка Королевских африканских стрелков показала мне, что неприятельская колонна, двигавшаяся вслед за нами от Типа, теперь совершенно обошла нас с севера у Вамалеа. Во время дальнейшего похода к Или мы пересекли прежнюю стоянку английских войск, пришедших сюда с запада и выступивших дальше по направлению на Альто-Молоке. Они тоже сделали большой крюк и, следовательно, истратили много сил. Надо было удивляться, что все эти неприятельские колонны показали сразу такую высокую подвижность. Они изменили способ своего снабжения и освободились, по крайней мере частично, от необходимости подвоза. По указаниям пленных, они высылали вперед команды фуражиров, доставлявшие от туземцев продовольствие и распределявшие его по частям. Этот сбор продовольствия производился крайне беззастенчиво. Доверчивость, которую незадолго перед тем, во время нашего пребывания в Или, выказывали нам туземцы, теперь исчезла. Они видели теперь в каждом аскари своего неприятеля, и отдельные люди, отставшие во время переходов, неоднократно подвергались нападению со стороны туземцев.

Когда мы прибыли к Или, то быстро захватили находившийся там английский телеграфный пост. Найденные бумаги дали полезные сведения о передвижении неприятельских войск. Судя по этим документам, более крупные магазины находились у Нумарроэ и у Регоне, а большие силы из Альто-Молоке и Мукоби должны были попытаться опередить нас, в то время как одна колонна следовала непосредственно по нашим пятам. Неприятель, незадолго перед тем бродивший ощупью в темноте, очевидно, получил с некоторых пор достоверные сведения о наших передвижениях. Было крайне трудно определить дорогу на Регоне, так как нельзя было найти проводников. Но от Или к Нумарроэ вела вновь построенная телефонная линия из медной проволоки. Если бы мы следовали вдоль этой линии, то могли бы быть уверенными, что натолкнемся по пути на какое-нибудь ценное указание. Действительно, когда мы

выступили из Или, то части неприятельской колонны оказались совсем близко от нас. Наши оставленные сзади патрули даже встретились у строений Или с аскари, которых они приняли за своих, обменялись с ними сигаретками и огнем и только потом заметили, что это неприятель.

Озабочивали хозяйственные вопросы. Изготовление хлеба для пленных европейцев натолкнулось при продоложительном марше на большие затруднения. Эти люди были в достаточной мере неопытны и не умели сами себе помочь. Наконец, все-таки, удалось устранить эти затруднения и доставлять большое количество муки, но другими способами. Капитан резерва Крюгер, на котором лежали заботы о военнопленных и который вскоре затем умер, уже в то время был тяжело болен и изнурен лишениями; он при всем своем желании не всегда умел найти средства и пути для удовлетворения иногда очень далеко шедших желаний пленных.

Утром 24 августа мы переправились через реку Ликунго и подвигались дальше по направлению на Нумарроэ. Уже с расстояния нескольких миль мы увидели гору и постройки бомы Нумарроэ. Во время одного привала на походе мы позавтракали в веселом обществе с лейтенантом резерва Отт, вице-фельдфебелем резерва Норденгольцем и другими командирами из авангарда. Мы давно уже привыкли во время привалов доставать без всякой церемонии несколько ломтиков хлеба и банку с жиром или салом гиппопотама. Обер-лейтенант флота Фрейнд имел даже масло со времен Намакурры. Также и аскари и носильщики, ожидавшие прежде своего обеда по приходе на бивуак, все больше и больше перенимали «дестюри» (обычай) европейцев. Как только наступало время привала, каждый из черных доставал свой завтрак. Было чрезвычайно приятно, когда, таким образом, часть войск лежала в лесу в лучшем настроении и набиралась необходимых сил для новых усилий, новых продвинулся вперед.

Мы были еще в двух часах пути восточнее Нумарроэ, когда послышались первые выстрелы в авангарде. Одна неприятельская рота впереди на нашем пути следования искусно и медленно отходила теперь перед нами от одного рубежа к другому на Нумарроэ. Состояние лейтенанта Отт, раненого пулей в грудь, было, повидимому, серьезным. Я уклонился с главными силами, во главе которых двигался отряд Гэринга, и прошел мимо противника прямо на бому Нумарроэ. Еще до наступления темноты наше орудие было

поставлено на позицию и открыло огонь по боме и ее стрелковым окопам, которые были заняты противником. Отряд Геринга, не теряя времени, обошел еще южнее, чтобы, воспользовавшись оврагами, подойти к боме вплотную с тыла. Авангард (отряд Мюллера), насколько можно было судить по шуму боя, также значительно продвинулся вперед.

Неприятельские стрелки стреляли не плохо, и, несмотря на расстояние около тысячи метров, ружейные пули ложились совсем близко, как только показывался кто-нибудь из нас.

Скоро стемнело; перестрелка то внезапно разгоралась, то утихала, пока, наконец, неожиданно мы не услышали шума боя со стороны отряда Геринга. Затем наступила тишина. Отряд Геринга ворвался врасплох сзади в расположение неприятеля и взял с боя некоторые стрелковые окопы, в которых упорно держался противник. Но отступавший неприятель был принят другим немецким отрядом за своих, и ему удалось уйти. Ночь была очень холодная, к тому же дождь лил, как из ведра, а наш багаж еще не прибыл. На следующий день нами были похоронены три неприятельских европейца и сорок один аскари, кроме того нами было захвачено в плен: 1 европеец и 6 аскари ранеными, и 1 европеец, 7 аскари и 28 других цветных. Между пленными находился также и неприятельский командир майор Гаррад, который командовал здесь половиной второго батальона 4 полка Королевских африканских стрелков. У нас были убиты вице-фельдфебель Норденгольц пулей в голову, 6 аскари и один носильщик пулеметов, и ранено 3 европейца, 18 аскари и 4 носильщика пулеметов. Мы захватили 40.000 патронов, 2 легких пулемета и, кроме того, ручные гранаты, санитарное имущество и большие запасы продовольствия. Между нашими ранеными, оставленными в солидных, чисто выстроенных домах, находился также лейтенант резерва Отт, который, как всегда, был в отличном настроении духа. К счастью, его ранение не было так тяжело, как этого опасались сначала, но было невозможно взять его с собой.

25 августа я во всяком случае хотел достигнуть лагеря Регоне. Из захваченных документов я узнал, что, из опасения захвата нами, туда были доставлены ценные запасы, между которыми имелись также снаряды для минометов. Гарнизон Регоне был, вероятно, в данный момент еще слаб, но, ввиду близкого нахождения неприятельских колонн, надо было ожидать, что к 26 августа обста-

новка изменится и время для атаки будет упущено. Дорога шла по ущелью крутой, скалистой цепи гор. Скоро наш авангард наткнулся там на неприятеля и задержал его, пока я с главными силами не прошел мимо этого противника прямо на Регону. При карабканьи по скалистой и пересеченной горной местности дело едва не дошло до столкновения между двумя немецкими отрядами, которые приняли друг друга за противника. Пулеметы уже были поставлены на позицию, когда, к счастью, ошибка была выяснена.

Мы продвигались дальше через горы в то время, как под нами немного уже сзади был слышен пулеметный огонь в нашем авангарде. Движение было так затруднительно, и наша колонна так растянулась вследствие того, что мы могли двигаться через горы только гуськом, что поставленная мной в этот день задача — Регоне — далеко не была достигнута. Мы даже вообще не знали точно, где, в сущности, должна была находиться Регоне. Только потому, что мы скоро увидели в отдалении место скрещения нескольких дорог, мы считали, что там расположена Регоне. На полпути к Регоне мы заметили большой палаточный лагерь, и я решил, что это другая половина батальона, которая была двинута из Регоне на поддержку к Нумарроэ.

При дожде, лившем, как из ведра, мы должны были стать лагерем в кустарнике. На следующий день замеченный палаточный лагерь был снят, а бома Регоне оказалась занятой довольно крупными силами. Штурм этой бомы через открытый холм не давал никаких шансов на успех, и мы ограничились поисками патрулей и отдельных отрядов. Как это было видно из захваченных нами бумаг, неприятель решил дать нам возможность беспрепятственно завязать бой у Регоне с тем, чтобы затем сильным резервом, расположенным вне бомы, атаковать нас во фланг и в тыл. Поэтому была предписана особая осторожность, и инициатива, с которой рота лейтенанта Боля, несмотря ни на что, двинулась против бомы, могла иметь опасные последствия. Показавшиеся вне укреплений некоторые неприятельские лагеря и колонны были неожиданно для них обстреляны, и были захвачены продовольственные запасы. Найденные бумаги подтверждали приближение к Регоне более сильных неприятельских колонн с юга и юго-востока. На севере также были расположены войска; находились ли они теперь в районе Лиомы — Малакотеры или у Малемы установить было трудно. Но было уста-

новлено, что они, действительно, там были и, вероятно, также продвигались к Регоне с севера.

Так как немедленная атака Регоне не имела надежды на успех, а также нельзя было и рассчитывать на удачное выполнение более длительной операции ввиду возможного вмешательства извне, то я решил двигаться дальше. Из-за препятствия, которое представляли реки и болота южнее озера Ниассы, я считал невыгодным намеченное мною раньше направление движения на запад, особенно еще и потому, что неприятель мог легко сосредоточить туда войска с помощью парохода и железной дороги, а также снабжать их продовольствием. Более целесообразным казалось мне дальнейшее движение на север, восточнее озера; весьма вероятно, неприятель был бы очень удивлен нашим возвращением в немецкую Восточную Африку и предполагал бы целью нашего похода исконную столицу этой области, т.-е. Табору. Под этим впечатлением он, чтобы избавить свои главные силы от обходного движения к Таборе и избежать затруднений в отношении организации подвоза, естественно, оттянул бы свои войска к побережью португальской Восточной Африки и оттуда перебросил бы их морем в Даресалам и затем дальше, в самую Табору. В общем, мои расчеты оправдались. Я склонялся к решению, прибыв не к Таборе, а на северный берег озера Ниасса, двинуться дальше в другом направлении, вероятнее всего, на запад. Во всяком случае, нужно было сначала достигнуть северного края озера Ниасса. До тех пор должно было пройти больше месяца, и многое могло измениться.

У Регоне замечено было движение и сбор здесь большого количества войск, которые, вслед за нами, обыскивали места наших бивуаков и тогда только медленно двигались за нами. Местность со своими многочисленными ущельями и водяными потоками была особенно благоприятна для занятия нашими арьергардами позиций. По дороге на Лиому был захвачен крупный неприятельский магазин с большим количеством табаку. Отряд Миллера, высланный вперед к Лиоме, скоро донес, что этот пункт занят неприятелем, силу которого нельзя было установить даже приблизительно. 30 августа я с главными силами подошел к этому выдвинутому вперед отряду. Расположение неприятельских укреплений все еще нельзя было точно установить в густом кустарнике. Повидимому, противник только перед нами прибыл сюда и еще не закончил своих работ по укреплению позиций. Поэтому я немедленно повел наступление.

Сначала отряды Мюллера и Геринга обошли неприятеля, чтобы атаковать его с севера, в то время как главные силы продвигались постепенно многочисленными ущельями по лесу.

При недостатке сведений сам я не мог составить себе точной картины. Вдруг внезапно послышалась оживленная стрельба в тылу, где двигались наши колонны носильщиков. Сильный неприятельский патруль обстрелял эти колонны. Большая часть нашего багажа была потеряна. Капитан Поппе, находившийся в моем распоряжении, был направлен с двумя ротами против этого патруля. По прибытии он уже не нашел там противника, но, двигаясь в направлении его отхода, наткнулся на укрепленный лагерь, который немедленно захватил с боя. При этом был тяжело ранен вице-фельдфебель Шафрат. Об этом происшествии мне лично доложил капитан Поппе, когда его, тяжело раненого пулей в грудь, несли в тыл. Он передал мне, что неприятель окончательно разбит и захвачена богатая добыча оружия и боевых припасов. Роты отряда Поппе последовали за отходившим противником и наткнулись на новый большой лагерь. На этот же лагерь вышел с севера отряд Геринга, и, таким образом, неприятель был взят под действительный перекрестный огонь. Новый противник, приближавшийся с северо-востока, сдерживался в это время отрядом Мюллера.

Только поздно ночью я получил об этих различных событиях мало-мальски ясное представление, которого мне не могли дать даже мои личные разведки. Во время одной из этих разведок одна из многочисленных ружейных пуль, пробив штаны сопровождавшего меня запасного Гаутера, попала в бедро лейтенанту флота Бешу и задела у него артерию. К счастью, поблизости оказался перевязочный пункт. Поэтому я мог проститься с нашим прежним интендантом, исполнявшим одновременно должность офицера для поручений, с уверенностью, что он выздоровеет. Свое скудное имущество он роздал товарищам и пожелал им в будущем всего хорошего. Мне он также подарил пригоршню сигарет. Я имел привычку много курить во время серьезных боев.

Я встретил среди кустарника также обер-лейтенанта фон-Руктешеля с несколькими носильщиками и носилками, которыми он временами должен был пользоваться из-за своей все еще не зажившей ноги. Он всеми силами поддерживал порядок в колонне во время тяжелого перехода и теперь, с винтовкой в руках, радовался, что может принять участие в бою с неприятельскими патру-

лями, которые показались на фланге и в нашем тылу. Часть наших колонн разбежалась в густом кустарнике и только по прошествии нескольких часов опять вернулась к нам. По наступлении темноты находившийся в ущелье перевязочный пункт наполнился ранеными. Было получено донесение, что обер-лейтенант фон-Шреттер и обер-лейтенант флота Фрейнд убиты. Во время вторичной разведки вице-фельдфебель Боллес и Гюттих нечаянно очутились близко от неприятельской стрелковой цепи и были неожиданно обстреляны; Боллес был убит, Гюттих, тяжело раненый, попал в плен. Вице-фельдфебель Турман пробрался на расстояние пяти шагов от неприятельских стрелковых окопов и, будучи прекрасным стрелком, обстреливал успешно с термитного холма те цели, которые появлялись внутри неприятельского лагеря, пока сам не получил смертельную рану.

Капитан Геринг не пытался атаковать лагерь, находя это бесцельным, и потому с наступлением темноты оставил для наблюдения за противником только патрули, а остальные части стянул назад. Таким образом, главные силы собрались в нескольких группах севернее неприятельского лагеря, и я решил на следующий день, после уборки поля сражения, двинуться дальше.

Мы вынуждены были оставить часть наших больных и раненых, а также больных пленных, при английском санитарном офицере и в девять часов утра выступили дальше на север несколькими колоннами. У нас не было проводников; местность была совершенно незнакомая, и я только в общих чертах мог указать начальнику авангарда, что желаю пройти мимо одной из расположенных на севере гор. Скоро со стороны авангарда послышался шум боя. Только постепенно удалось выяснить, что наш авангард свернул на неприятеля, появившегося слева и сзади него. Пули этого последнего ложились довольно часто и близко от командования, двигавшегося впереди главных сил.

Посланный мной назад аскари должен был привести голову главных сил на то место, где я находился. Положение было, несомненно, благоприятным, чтобы сжать противника между нашим авангардом и нашими главными силами и основательно разбить его. Я ждал, но наши главные силы не появлялись. Наконец, я бегом отправился назад и по следам обнаружил, что наши главные силы были неверно направлены и давно прошли стороной мимо нас. Зато я увидел голову отряда Штеммермана, в состав которого входила главная

часть наших колонн носильщиков и наших больных; Штеммерман, ничего не подозревая, двигался прямо на неприятеля. Я успел еще во-время вернуть отряд. Сам я теперь догнал передовые отряды Мюллера и Геринга, которые, между тем, продолжали движение на север. Они следовали по дороге, которая поднималась на горы и наверху совсем терялась. Я не обращал больше внимания на шум боя, который время от времени доносился ко мне издалека сзади. Позднее днем я с удивлением заметил, что остальные части не последовали за отрядами Мюллера и Геринга, а двигаются правее нас по долине. Я еще не подозревал, что наша походная колонна была еще раз обстреляна новым противником, подошедшим с востока, и при этом большая часть одного полевого лазарета попала в руки неприятеля.

Чтобы опять соединить части, я искал спуска со своей горы, но спуститься оказалось невозможным: скалы были почти отвесной крутизны. Мы направлялись дальше по тропинке, проложенной туземцами, и наступил вечер, когда капитан Мюллер донес мне, что этот спуск кончается пропастью. К счастью, здесь нашлась еще небольшая боковая тропинка. Мы последовали по ней, и нам удалось спуститься вниз; и здесь, в некоторых местах, попадались крутые спуски, но голые ноги носильщиков давали точку опоры, и я сам, сняв сапоги, спустился вниз. Стало так темно, что хоть глаз выколи, а у нас не было воды. Но, наконец, нашли и воду, и у меня отлегло от сердца, когда мы натолкнулись на остальные части наших войск, которые, под командой генерала Вале, также искали соединения. 30 и 31 августа мы потеряли убитыми 6 европейцев и 23 аскари; ранеными—11 европейцев, 6 аскари; пропавшими без вести — 5 европейцев, 29 аскари и попавшими в плен — 5 аскари; кроме того, мы потеряли 48.000 патронов, необходимые медикаменты, перевязочный материал и часть багажа отряда Мюллера. Потери неприятеля были не менее велики, как это выяснилось из захваченного позднее списка потерь первого батальона 1 полка Королевских африканских стрелков. Кроме этого батальона, в бою также участвовала и часть третьего батальона этого полка и 2 полк Королевских африканских стрелков.

Наши войска сражались блестяще, хотя часть наших носильщиков, из которых недоставало более двухсот человек, была сильно перепугана неожиданным огнем. Не было никаких сведений об отряде Келя, но наш командный состав сделался к этому времени

настолько искусным и ловким в ведении боевых действий в кустарнике, что мне нечего было беспокоиться. На следующий день мы застигли врасплох на бивуаке английскую продовольственную колонну.

Затем мы пересекли дорогу Кутеа — Малема, на которой скоро появились неприятельские войска, и переправились через реку Лурио у Мтатеры. Один английский закупочный пост бежал, и было захвачено некоторое количество продовольствия. Отряд Келя соединился теперь опять с главными силами. Он последовал за преследующим нас противником и установил, что последний был силой в несколько батальонов. Мы двинулись вниз по реке Лурио в богатый район Мпуеры. Соль (черный фельдфебель) Салим, который раньше во время патрулирования в этом районе взял здесь жену, верно последовавшую за ним, оставил ее теперь у ее отца — местного вождя.

Здоровье войск было несколько подорвано: все кашляли, и появились признаки крайне неприятной легочной эпидемии, которая в ближайшие недели должна была стоить нам многих людей, и которую врачи рассматривали, как одну из разновидностей испанки. Ввиду того, что в этой местности имелось налицо богатое продовольствие, я дал крайне измученным последними действиями войскам день отдыха, который был необходим также и для многочисленных больных. Капитан Кель со своей ротой был оставлен сзади без багажа для действий в тылу у противника, чтобы причинить последнему возможно больший урон. Он донес о прибытии более крупных неприятельских войсковых частей в район Мтатере и восточнее этого пункта. Было ясно, что в данный момент противник продолжает еще преследовать нас с полным напряжением всех сил и для этой цели держит свои войска сосредоточенными. Обстановка казалась мне неблагоприятной для частичного успеха уже потому, что его нельзя было использовать, а сражение стоило бы нам раненых, которых мы не могли бы взять с собой. Так как я предполагал в ближайшее время разведать район севернее Луамбалы в продовольственном отношении, то не хотел оттягивать дальше движения туда.

5 сентября, во время дневки, продовольствие было пополнено в богатой области Мпуеры, и 6 сентября рано утром мы выступили в северном направлении. Можно было предположить, что неприятель направится несколькими колоннами вниз по реке, т.-е. в се-

веро-восточном направлении, поэтому наши части двигались через кустарник в развернутом боевом порядке, и я ежесекундно ждал столкновения с северной неприятельской колонной; но мы пересекли наиболее вероятный путь ее следования, не обнаружив никаких следов ее. Около полудня мы подошли к цели нашего перехода — к источнику воды, расположенному у горы Хулуа. Здесь, со стороны авангарда, послышались первые выстрелы, и скоро разыгрался оживленный бой. Капитан Мюллер — начальник авангарда — натолкнулся на хвост неприятельской колонны, которая двигалась на северо-восток под острым углом к направлению нашего походного движения. Он быстро атаковал находившийся в хвосте второй батальон 2 полка Королевских африканских стрелков, обратил их в бегство и захватил полевой лазарет, а также колонну его ослов.

Отряд Геринга развернулся правее, рядом с отрядом Мюллера, и, в свою очередь, быстро отбросил части противника, но не двинулся дальше вперед, так как противник развернул более крупные части — первый батальон 2 полка Королевских африканских стрелков и, повидимому, части третьего батальона того же полка. Наш левый фланг при движении вперед начал подниматься по очень пологому скату, натолкнулся на свежие неприятельские части, затем отошел несколько назад и занял отлогий холм с большим обстрелом—на дистанцию в несколько сот метров. Об этих событиях я получил ясное представление только тогда, когда опять вернулся на левый фланг с правого, куда я направил отряд Геринга.

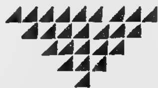
Бой становился довольно жарким, но наше продвижение, в общем, остановилось. Со стороны арьергарда под начальством капитана Шпангенберга, прибытия которого я теперь ожидал, послышался огонь минометов. Арьергард отбил у Мпуеры атаку одной неприятельской колонны и обратил ее в беспорядочное бегство. В семь часов утра он двинулся дальше за главными силами, во исполнение данных ему указаний. Он прибыл около пяти часов пополудни на поле боя, и я раздумывал, не следует ли еще сегодня здесь, у горы Хулуа, попытаться ввести в дело все свои резервы, чтобы разбить на-голову 2 полк Королевских африканских стрелков. Но я отказался от этой мысли; времени было очень мало, так как оставался всего час до темноты, и я был убежден, что на следующий день на рассвете на поле сражения прибудут свежие части неприятеля. К тому же ведение серьезного боя, наверное, стоило бы нам значительных потерь, а я хотел их избежать при ограниченной чи-

сленности своих сил — в 176 европейцев и 1.487 аскари, которые состояли в наших списках на 1 сентября 1918 года. Обер-лейтенант флота Вейниг, который действовал со своим орудием в отряде Геринга, донес мне, что он, как единственный еще уцелевший офицер, принял командование над этим отрядом. Скоро были доставлены на перевязочный пункт капитан Геринг, тяжело раненый в грудь, и обер-лейтенант Боль с тяжелой раной в голову.

Итак, я не бросил свои резервы в суматоху ночного боя в кустарнике, но по уборке поля сражения двинулся дальше в северо-западном направлении. Скоро наступила полнейшая темнота, и движение в густой высокой траве производилось очень медленно. Пройдя пять километров, я расположился лагерем. Потери в бою 6 сентября составляли 6 аскари, 4 пулеметных носильщика убитыми, 13 европейцев, 49 аскари, 15 других цветных ранеными, 3 европейца, 13 аскари, 12 носильщиков пропавшими без вести, и 3 аскари, 3 носильщика попали в плен. По нашим наблюдениям, у неприятеля было ранено около 10 европейцев и 30 аскари, и, кроме того, 8 европейцев и 45 аскари были взяты нами в плен. Часть пленных больных и раненых, а также наши собственные тяжело раненые, были оставлены на поле сражения на попечение английского санитарного персонала. Захваченные позднее при Мвембе бумаги указывали, что 6 сентября колонна 4 полка Королевских африканских стрелков понесла большие потери и временно стала неспособной к походу.

Во время нашего дальнейшего движения неприятель нас не беспокоил. Капитан Кель остался еще со своей ротой западнее Мпуэры, чтобы действовать в тылу неприятеля на его сообщения. Он двигался вслед за нами и имел при горе Мильве небольшое столкновение с первым батальоном 6 полка Королевских африканских стрелков, прибывшим к этой горе с юга 8 сентября. Мы двигались колонной в несколько рядов напрямик через пори, богатой дичью областью. Несколько буйволов было убито во время похода. Мы пересекли у Канене этапную дорогу противника, ведшую от озера Амарамбы к Махуа. Неприятель сжег магазин в Канене, но мы нашли в окрестностях достаточно продовольствия, и материальное положение войск можно было бы признать хорошим, если бы так сильно не свирепствовали легочные болезни. Около пятидесяти процентов получили бронхиальный катарр, и в каждой роте от трех до шести человек имели воспаление легких; вследствие того,

что носилок имелось, примерно, только на восемьдесят больных, около двадцати человек с более слабым воспалением легких должны были попеременно итти пешком. Удовлетворительная организация транспорта больных была невозможна при нашем способе ведения войны; с другой стороны, нельзя было просто оставлять больных лежать в пори. Это вынужденное положение должно было до крайности действовать на нервы отличного заведывающего санитарной службой штабного врача Тауте. Было счастьем, что этот человек, высоко одаренный как в медицинском, так и в административном отношении, стойко держался под тяжестью своей ответственности. Эпидемия прекратилась, благодаря его распорядительности, а также благодаря перемене местности и климата, вызванной обстановкой. Некоторые из аскари и другие цветные, нуждавшиеся в уходе, медленно тащились за войсками; некоторые из них падали духом, когда находили лагерные стоянки уже покинутыми. Но известное количество, все-таки, прибывало, особенно если войска делали один из коротких переходов или же если можно было устроить дневку, что, во всяком случае, удавалось редко.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЕЩЕ РАЗ НА НЕМЕЦКОЙ ЗЕМЛЕ

(Сентябрь — октябрь 1918 года)

(Чертежи XX и XXI)

Но мы не должны были слишком мешкать. Военная обстановка настоятельно требовала, чтобы мы быстро прошли бедные продовольствием и сильно разоренные последним периодом войны области восточнее озера Ниассы. Быстрота была при этом тем более необходима, что неприятель мог перебросить войска пароходом на северный берег озера Ниассы и таким образом предупредить нас, крупными частями, в занятии тамошней области. Когда мы подошли к реке Луджենде, местность сделалась гористой и пересеченной многочисленными потоками и ущельями. Направление движения не могло быть установлено только по одному компасу. Являлось необходимым принимать во внимание водоразделы и итти вдоль горного хребта. К счастью, начальник авангарда — капитан Шпангенберг — нашел несколько туземцев, которые, как знатоки тропинок, облегчали ему выбор хорошей дороги. Но иногда являлось совершенно невозможным избежать некоторого блуждания, а это замедляло наше движение, в то время как неприятель мог по хорошей дороге быстро двигать войска и продовольствие от Малокотеры на Луамбалу.

Я немного беспокоился, достаточно ли понизился уровень воды в реке Лудженде для того, чтобы иметь возможность использовать броды. Правда, приготовление лодок из коры не составило бы больших затруднений, но, при быстром течении реки, переправа всех войск едва ли прошла бы без задержек.

Во всяком случае, я был теперь заинтересован в том, чтобы неприятель не помешал нашей переправе, и это также заставляло торопиться. К счастью, высланные вперед патрули нашли брод ниже Луамбалы, и переход в этом пункте через реку не представил никаких затруднений.

Из нескольких убитых гиппопотамов мы опять изготовили жир, и опять явилась возможность пополнить продовольствие в области Мвембе, куда мы прибыли 17 сентября. Там после длинного промежутка была назначена дневка. Здесь у Мвембе легочные болезни достигли своего высшего предела. С половины августа заболело 7 европейцев и около 200 цветных, из которых 2 европейца и 17 цветных умерло. Магазины Мвембе были уничтожены слабыми неприятельскими частями, но местность все-таки давала еще достаточное количество продовольствия. Вопрос о носильщиках стал очень острым. Люди были весьма изнурены продолжительными переходами, эпидемией и переноской многих больных, а мы в то время приближались к их родным местам. Было вероятно, что носильщики из племени вангони дезертируют, как только они достигнут своей родины, находящейся севернее Ровумы. В районе Мвембе и в хорошо возделанных долинах реки Лухеринго мы встретили несколько неприятельских разведывательных патрулей, которые хотя и были отогнаны, но тем не менее указывали на то, что неприятель в общем осведомлен о наших передвижениях.

Наши дальние патрули были посланы в Митомони и в Макалоге. Южнее Ровумы мы оставили долину Лухаринго и двинулись напрямик через степь, очень богатую дичью, которая также встречалась в изобилии у самой Ровумы, куда мы прибыли 28 сентября. Но богатство дичью имело также свои плохие стороны. Опять был случай нападения львов на пост. Мы снова вступили на немецкую землю и оставались у Нагвамире два дня. Несколько неприятельских магазинов и транспортов, не получивших уведомления о нашем появлении, были застигнуты врасплох. Местность оказалась необыкновенно богатой, и войско могло основательно отдохнуть. Высланные к Митомони патрули донесли о находящемся там сильно укрепленном лагере и о прибытии подкреплений, подходящих с запада. Сонга была также занята неприятелем невыясненной силы. Различные сведения, как и географическое положение делали вероятным, что и к Сонге от озера Ниассы были направлены подкрепления.

Мы двигались дальше на Сонгу и южнее этого пункта вступили в густо населенную область. Неприятельская связь по радио-телеграфу указывала, что Сонгу занимали неприятельские войска и что другая колонна прибыла в район Сонги, вероятно,

из Митомони. 4 октября я двинулся западнее Сонги, далее на север. Когда авангард, под начальством капитана Шпангенберга, достиг большой дороги Сонга — Видгафен, он был атакован тремя неприятельскими ротами с минометами, подошедшими сюда с запада. Неприятель был отброшен несколько назад.

Вследствие гористой и пересеченной местности, неблагоприятной для атаки, и позднего часа представлялось сомнительным, сможем ли мы достигнуть еще в тот же день действительно решительного успеха, между тем на следующий день мог подойти новый противник. Поэтому я не продолжал наступления, а двинулся дальше на запад, мимо неприятеля, в лагерь у миссионерской станции Перумихо.

При дальнейшем движении через страну Вангони носильщики этого племени дезертировали в большом количестве, как мы этого и опасались. Было бы чрезмерным требованием, чтобы эти люди, не видевшие в течение нескольких лет своих близких, прошли бы теперь через свою родную область без оглядки. Для этого у негров слишком развито чувство родины. Даже и Самарунга, один из моих лучших носильщиков, очень привязанный и надежный малый, испросил себе отпуск для посещения своей деревни, находившейся поблизости. Он вернулся честно обратно и привел с собой своего брата. Оба затем двигались вместе с нами, и, даже когда ушел брат, Самаринга еще остался. Чтобы поднять его подавленное настроение, я дал ему часть своей мясной порции, но на следующее утро он все-таки исчез после того, как привел мои вещи в полный порядок.

Севернее Сонги нами были опять атакованы отдельные неприятельские разведывательные патрули. В течение многих дней двигались мы через некогда населенную богатую страну, которая могла бы прокормить тысячи фермеров в здоровом прекрасном климате. 14 октября мы прибыли к Пангире (Якоби) в живописно расположенную миссионерскую станцию, в которой миссионер Грешель радушно принимал меня во время моего последнего мирного путешествия перед войной. Семья миссионера была уведена, но туземцы, принадлежавшие к племени вабена, остались и, как в мирное время, встретили нас доверчиво. Также многие старые аскари, оставившие по каким-либо причинам войска, явились опять. И здесь были встречены и прогнаны отдельные разведывательные патрули. В богатой скотом области Вабены были уве-

личены крайне ограниченные до сих пор войсковые гурты скота, и, таким образом, мы получили подвижной продовольственный резерв, который значительно облегчал работу обоза. После выступления из Пангире оставленные в этом пункте патрули были обстреляны неприятельским отрядом. У Убены наш арьергард под командой капитана Мюллера был атакован несколькими неприятельскими ротами, подошедшими с юга. Таким образом, сильная неприятельская колонна двигалась вслед за нами. Свободные, совершенно открытые степи Убены не были благоприятны для нашего способа ведения войны, так как нас здесь подавлял ружейный и артиллерийский огонь с больших расстояний. С разных сторон мы получили сообщения о приближении более крупных неприятельских сил от Мвакеты на Убену; эти сведения оказались отчасти неверными и привели к короткому столкновению между собою двух немецких патрулей.

Была весьма вероятной перевозка неприятельских войск водой на северный берег озера Ниассы и их движение на Убену и дальше на север, что и подтвердилось позднее. При моем решении — отказавшись от дальнейшего движения на Табору, направиться в Родезию между озерами Ниасса и Руква, а затем между озерами Ниасса и Танганайка, — необходимо было теперь же изменить направление. Нельзя было терять ни одного дня, тем более, что крутой горный хребет Ливингстона, а также гор вокруг Мбеджи очень стесняли свободу передвижений. При выборе маршрута необходимо было принять во внимание то, что ротные запасы сильно сократились, и их следовало пополнить. По словам туземцев, возможность для этого представлялась в районах Кидугаллы и Гомбовано, в то время как в Уссангу, особенно у Нов. Утенгуле, мы рисковали остаться без продовольствия.

16 октября я двинулся с главными силами из Убены, оставив там генерала Вале, двух других европейцев и несколько аскари, больных и раненых, и достиг Кидугаллы; отряд Келя двинулся вслед за нами 18 октября. В тот же день бома Убены была занята неприятельскими аскари силой свыше ста человек, а 200—300 выступили на север в направлении на Ирингу. Из захваченных газет мы узнали, что 29 сентября пал Комбре и что бельгийцы подошли на три километра западнее Рубе. Мы прочли о прекращении военных действий в Болгарии, об отступлении графа Гертлинга и о занятии Сент-Кентена и Армантьера. Но очищение позиций и

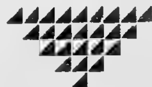
отдельных пунктов могло вызываться различными соображениями, и потому я не придавал особого значения этим сведениям.

Дальнейшее движение шло на Гомбовано и Брандт через район, чрезвычайно богатый скотом. Миссии и школы были покинуты. Но садовые плоды, особенно тутовые ягоды и персики, пришлись нам очень кстати. Мы также нашли в пори большое количество диких винных ягод и других сладких фруктов. Мелкие стычки патрулей показали нам, что неприятельские войска двигаются от озера Ниассы прямо на север в район Брандта. В Руиве мы обнаружили большие английские магазины и должны были уничтожить целый склад кожи. Затем наше движение продолжалось на миссию Ст.-Утенгуле, которая также была мне хорошо знакома еще с мирного времени; теперь она стояла заброшенная. Далее мы достигли миссии Мбози. Туда англичане вызвали мужчин из окрестностей и после освидетельствования отправили их в Нейлангенбург, вероятно, для того, чтобы сделать из них аскари. В Мбози находился большой английский магазин, в котором между другими запасами имелось семьдесят пять кулей соли и сорок семь кулей кофе.

В этой местности было трудно ориентироваться: она была, большей частью, нам мало знакома, а неприятель в течение ряда лет ее еще изменил устройством магазинов и транспортных дорог. Для предварительных разведок нам не хватало времени и сил, и, кроме того, эти разведки обнаружили бы наши намерения. Туземцы относились к англичанам крайне враждебно и оказывали нам большую помощь, но на-ряду с этим их указания часто бывали очень неопределенными. В то время, как мы устроили дневку в Мбози и пополняли там продовольствие, наши патрули были выдвинуты далеко вперед, — один к Галуле (миссия С. Мориц), другой—к Итаке, третий—в направлении на Нейлангенбург и, наконец четвертый — в направлении на Фифе. Отсутствие некоторых из них должно было продолжаться несколько недель; донесения от них нельзя было выжидать.

Тем не менее, было достаточно ясно, что мимо Мбози, от Фифы через Рвибу и Нейлангенбург, проходила главная этапная дорога неприятеля. Несколько находившихся на ней магазинов и двигавшиеся по ней продовольственные колонны были захвачены, и запасы их уничтожены. Наличие этой дороги указывало, что в районе Фифе должен был находиться более крупный английский

магазин. По всей вероятности, можно было захватить его быстрым нападением до прибытия туда более значительных неприятельских частей. Утром 31 октября к Фифе был выслан боевой патруль. Вечером того же дня туземцы и патрули сообщили о наступлении более крупных неприятельских сил по дороге Нейлангенбург — Рвиба. 1 ноября на рассвете я выступил со всеми войсками сначала к горе Рвиба; там следы показали нам, что значительная неприятельская колонна незадолго перед тем прошла через эту гору в направлении на Фифе. Этот неприятель не был обнаружен немецким боевым патрулем, высланным к горе Рвиба.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВТОРЖЕНИЕ В БРИТАНСКУЮ РОДЕЗИЮ

(Ноябрь 1918 года)

(Чертеж XXI)

Посланный 31 октября к Фифе наш второй боевой патруль задержался у горы Рвибы. Теперь я со всеми своими войсками должен был немедленно двигаться дальше к Фифе, чтобы достигнуть его раньше противника и в случае, если наш первый боевой патруль завязал там бой, — поддержать его. Девятичасовой переход (только время движения) от Мбози к Фифе потребовал чрезвычайного напряжения от войск, но донесения наших патрулей, следы неприятеля и найденные на ветках его записки указывали, что неприятель, безусловно, ставит все на карту, чтобы достигнуть Фифе в тот же день, т.-е. 1 ноября. Однако, учитывая величину перехода противника, можно было предполагать, что наш боевой патруль, который, по моим ожиданиям, должен был занять Фифе 31 октября или, самое позднее, на рассвете 1 ноября, помешает противнику занять магазин Фифе. После полудня мы обстреляли несколько патрулей, не приостанавливая нашего движения. Позднее днем более слабые отряды неприятеля были быстро отброшены в горах недалеко от Фифе. Сам я, с отрядом Шпангенберга, свернувшего с дороги вправо, подвигался вдоль горного хребта к одному месту, где мы ожидали найти лагерь противника.

Местность становилась более открытой и была большей частью покрыта по колено кустарником и высокой травой, когда мы увидели в нескольких сот метрах перед нами ряд палаток и расхаживающих людей. Последние вели себя так беспечно, что мы едва не приняли их за наш собственный боевой патруль. Но с расстояния 200 километров нас встретил очень сильный и сначала очень меткий ружейный и пулеметный огонь. К счастью, наши стрелки не отвечали на него, так как я находился впереди них и очутился между обоими отрядами. Через некоторое время не-

приятель, повидимому, начал горячиться и стрелять вверх. Стало темнеть, так что мой патруль мог отойти к нашим стрелковым цепям. Таким образом, по крайней мере, выяснилась обстановка: перед нами находился на укрепленной позиции с хорошим обстрелом противник силою в несколько рот. Его передовые отряды были отброшены назад. Магазины же находились частью вне окопов и позднее попали в наши руки. Я отказался от штурма этого противника, так как можно было ожидать больших потерь, наоборот, я считал этот случай благоприятным, чтобы обстрелять неприятеля в его тесном лагере нашими минометами, а с возвышенности—нашим орудием и затем, если бы противник показался, то и ружейным и пулеметным огнем. Наши пулеметы были ночью придвинуты вплотную к его позиции и окопались. Разведка подходящей позиции для орудия была отложена до следующего утра.

Было вероятно, что открытие нами минометного и ружейного огня вынудит двигавшегося из Нейлангенбурга неприятеля атаковать нас. Такая атака наших высот была бы очень трудной. Однако, несмотря на обстрел 2 ноября, во время которого были отмечены некоторые потери у противника, новый неприятель не появлялся. Обстрел лагеря не дал больших результатов, так как наш миномет был уничтожен после первых же выстрелов слишком рано разорвавшейся миной. Одно же только настильное оружие не могло дать результатов против укрытого неприятеля. После обеда наши главные силы, с гуртами скота, более чем четыреста голов, двинулись из Фифе и миссии Мвенцо — прямо в Родезию. По прибытии в лагерь мы увидели сильные клубы дыма над магазинами Фифе, которые поджег отряд Мюллера после нашего ухода. По направлению миссии Мвенцо были неоднократно слышны короткие вспышки ружейного огня.

Постепенно начали поступать оттуда донесения. Кроме наших высланных из Мбози боевых патрулей, к Мвенцо прибыли также и другие наши патрули, которые перестреливались с английскими патрулями, а иногда также, по ошибке, и между собой. Одно из донесений отмечало появление неприятельского патруля в совершенно темных, неизвестных нам до сих пор, мундирах; во всяком случае, дело шло о прибытии новой войсковой части. После выяснения оказалось, наконец, что мы долго принимали за неприятеля свой собственный патруль, вследствие его обмундирования, которое перестало быть форменным. В самой миссии

Мвенцо находился постоянный неприятельский лазарет, из которого можно было пополнить наш санитарный материал. Запасы хины были пополнены количеством свыше четырнадцати килограмм, и, таким образом, мы были обеспечены хиной до конца июня 1919 года.

Различные сведения и показания пленных выяснили, что из района Брокен-Хиль через Казаму, а оттуда далее к Фифе двигались транспорты неприятеля, состоявшие из автомобилей и повозок, запряженных волами. Сама Казама казалась более крупным центром и важным дорожным узлом. Во всяком случае, можно было ждать, что на дороге от Фифе на Казаму находятся магазины неприятеля и что сама Казама представляет подходящую цель для действий. Кроме того, насколько можно было судить по карте, Казама была расположена так, что по достижении этого пункта являлось возможным двигаться далее на юг вокруг озера Бангвеоло и достигнуть водораздела между реками Замбези и Конго или, наконец, направиться далее на запад между озерами Бангвеоло и Моеро. Сведения были, во всяком случае, очень неопределенные и основывались почти исключительно на словах нескольких аскари, которые мальчиками сопровождали торговые караваны в район озера Моеро.

Сначала не было сведений о реках и особенно о Люапала, вытекающей из озера Бангвеоло и впадающей в озеро Моеро, и этот важный вопрос оставался открытым. Только по прошествии нескольких дней захваченные карты и описания выяснили все это. Судя по ним, Люапала являлась очень серьезным препятствием: она отличалась глубиной, и ее ширина местами достигала нескольких километров; кроме того, она была окружена сплошными болотами. Ввиду приближения периода дождей переправа через нее на пирогах натолкнулась бы на затруднения, так как при нашем приближении пироги, наверное, были бы переправлены на противоположный берег и спрятаны. В то время я использовал каждую минуту для изучения карт и описаний путешествий и углублялся в них при каждой остановке. Вследствие недостатка данных для ориентировки нам угрожала большая опасность запереть самих себя в районе, перерезанном быстрыми реками и озерами.

Прежде всего, необходимо было быстро уничтожить этапную дорогу Фифе — миссия Каджамби — Казама. Подвижные боевые патрули были высланы вперед и форсированным маршем захватили

много мелких магазинов, взяли в плен их управляющего и захватили даже несколько повозок, запряженных волами. Капитан Шпангенберг следовал с тремя ротами непосредственно за главными силами в расстоянии около одного перехода.

Усиленное походное движение и поворот в юго-западном направлении в совершенно новой незнакомой стране не улыбались некоторому числу носильщиков. За один только день дезертировали из штаба 20 человек племени вафипа, которые были уроженцами окрестностей Бисмаркбурга, и 13 носильщиков из других областей.

6 ноября главные силы вступили в Каджамби; католическая миссия Каджамби состоит из очень живописных и просторных массивных построек. Миссионеры напрасно бежали. В доме сестер на мое имя было оставлено письмо от одной католической сестры. Она была родом из Вестфалии и, как землячка, обращалась к моему чувству милосердия. Она, наверно, избавила бы себя от многих неудобств, если бы не только сама, но также и все остальные, принадлежавшие к составу миссии, спокойно остались на своем посту. Мы им причинили бы так же мало вреда, как старому английскому миссионеру в Перумихо у Сонги. Страна была исключительно богата; в саду миссии росла превосходная земляника. В полдень со стороны арьергарда, расположенного в двухчасовом расстоянии северо-восточнее Каджамби, послышались ружейные выстрелы: капитан Кель остался там для сбора продовольствия; европейцы и аскари большей частью были для фуражировки разбиты на отдельные патрули; в это время они были атакованы неприятельским отрядом. Капитан Кель вышел из этого тяжелого положения и на следующий день опять собрал свой отряд на позицию у миссии Каджамби, при чем неприятель случайно попал под наш внезапный удачный огонь. 7 ноября продолжалось дальнейшее движение наших главных сил на Казаму. Неприятель нас не преследовал. Но если бы он все-таки продолжал наступление, то можно предполагать, что он не мог бы этого сделать со слишком большими силами по продовольственным соображениям. Можно было, повидимому, создать фронт и дать удачное сражение после быстрого захвата Казамы, базируясь на этот пункт.

Но это были виды на будущее; сначала нужно было быстро захватить самую Казаму, которая, по имеющимся в то время

сведениям, не была очень сильно занята, но зато хорошо укреплена. Капитан Шпангенберг с авангардом все время усиливал скорость своего движения, увеличивая длину дневных переходов. Я следовал с главными силами; продовольствие еще было в достаточном количестве, а также подтверждались сведения различных описаний, по которым леса должны были изобиловать вкусными фруктами пори.

8 ноября отряд Шпангенберга имел несколько патрульных боев севернее Казамы, а 9 ноября он занял Казаму, гарнизон которой, состоявший из полуроты, отступил к югу. Там было захвачено небольшое количество патронов; другие запасы ружейного склада также имели ничтожную ценность. В этом пункте имелись большие ремонтные мастерские автомобилей и повозок; мы захватили также более двадцати бурских фургонов. Очень значительна была добыча европейского продовольствия. Удивительно, что одно английское общество в Казаме — насколько я помню, это была Африканская озерная компания — оставило письменное распоряжение туземцам уничтожить запасы этой компании. Эти последние явились тогда в большом количестве для грабежа, и отряд Шпангенберга нашел строение, инвентарь и запасы большей частью уничтоженными. Благодаря его вмешательству удалось сохранить, между прочим, выстроенный и обставленный с большим вкусом дом британского комиссионера.

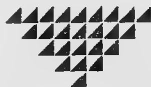
Со времени нашего отхода от Фифе казалось, что, чем дальше мы продвигались, тем крупнее были неприятельские магазины. Получалось впечатление, точно мы уничтожали ту этапную линию, которая, начинаясь от Брокен-Хиля и немного севернее его, находилась еще в периоде формирования. Мы могли рассчитывать при быстром дальнейшем движении встретить еще более богатые запасы; захваченные бумаги, а также указания туземцев, казалось, подтверждали это предположение. На расстоянии трех дней перехода дальше вдоль телефонной линии должны были храниться у парома через Хамбези большие запасы, которые частью были доставлены сюда на лодках.

Сам я 11 ноября прибыл на велосипеде в Казаму к капитану Шпангенбергу, и этот последний немедленно выступил дальше на юг к парому Хамбези.

Главные же силы прибыли в Казаму 12 ноября. Сзади, по направлению нашего движения, под вечер стал слышен ружейный

и пулеметный огонь. Наш арьергард был атакован в своем лагере в расстоянии двух часов севернее Казамы. Неприятель, который вел бой у Каджамбы, не последовал непосредственно за нами, а выбрал параллельную дорогу. Ночью отряд Келя прибыл к Казаме. Мне теперь казалось, что предприятие против магазина у Хамбези является самым верным и важным, тем более, что судя по обстановке, противник должен был продолжать преследование и, таким образом, снова дать нам случай для боя.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПЕРЕМИРИЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

(Ноябрь 1918 года — февраль 1919 года)

(Чертежи III и XXI)

Таким образом, у Казамы остался только отряд Келя, чтобы затем следовать за нами в расстоянии одного перехода. 13 ноября я с главными силами двинулся за отрядом Шпангенберга. Я выехал вперед на велосипеде, выбрал место для лагеря и ожидал части, когда капитан Мюллер подъехал ко мне также на велосипеде и доложил, что заключено перемирие. Один английский мотоциклист, который должен был доставить это известие британским войскам, въехал по ошибке в Казаму и был там взят в плен отрядом Келя. При помощи английского телефонного провода, вдоль которого мы двигались, мы могли быстро и сравнительно сносно объясниться и, таким образом, мы получили от англичан уведомление о перемирии.

Телеграмма, которую вез мотоциклист, гласила: «12/XI—18. Доставить полевым телеграфом и конным посыльным. Передать полковнику Леттов-Форбеку через парламентера. Премьер-министр Англии сообщил, что перемирие подписано в пять часов 11 ноября и что военные действия прекращаются на всех фронтах в 11 часов 11 ноября. Я отдаю приказ своим войскам немедленно прекратить военные действия, кроме тех частей, которые атакованы противником, и я, конечно, убежден, что Вы сделаете то же самое. Условия перемирия будут Вам переданы немедленно после их получения. До того я предлагаю вам оставаться в вашем настоящем положении, чтобы облегчить сношения. Генерал ван-Девентер.

Так как сообщение посылалось через Ливингстон, то важно, чтобы Карвунфор получил его в одно время с неприятелем; все усилия должны быть сделаны, чтобы сегодня же доставить ему это сообщение» *.

* В оригинале — по-английски.

Наши ощущения были очень неопределенные; лично я, не имея представления о действительной обстановке в Германии, надеялся на благоприятное или, по крайней мере, не особенно плохое окончание военных действий.

Необходимо было быстро предупредить высланный вперед отряд Шпангенберга, и я тотчас же сел на велосипед и в сопровождении ополченца Гаутера поехал к этому отряду. На полпути я встретил велосипедный патруль Рейсмана из отряда Шпангенберга, который доложил, что капитан Шпангенберг прибыл к парому Хамбези. Хотя я не сомневался в правильности английского уведомления о перемирии, все-таки, наше положение было не особенно завидным. Мы находились в области, бедной местными средствами, и потому были вынуждены время от времени менять место стоянки. Уже исходя только из этого, было необходимо разведать переправы через реку Хамбези и сохранить их для нас. Если враждебные действия опять бы начались, мы тем более должны были бы иметь обеспеченную переправу на другой берег. Этот вопрос не терпел отлагательства, так как приближался период дождей, а с ним и поднятие воды в реках. Более или менее сильные грозы уже начались. Следовательно, было очень много вопросов, которые надо было урегулировать с капитаном Шпангенбергом, лично на месте, и с английским офицером, который заранее, вероятно, будет находиться на этой стороне Хамбези. Во всяком случае, необходимо было и в дальнейшем производить закупку и доставку продовольствия. С этой последней целью я отправил назад моего проводника, а сам поехал с патрулем Рейсмана в отряд Шпангенберга.

Мы прибыли около восьми часов при полной темноте; капитан Шпангенберг был еще на разведке, но помощник казначея Домен и другие европейцы отлично меня угостили, как только узнали о моем прибытии. Я мог убедиться, что магазин Казамы содержал также овсянку, варенье и другие хорошие вещи, бывшие до сих пор мне неизвестными.

После своего возвращения капитан Шпангенберг доложил мне, что он также получил от англичан уведомление о перемирии. Я лег спать в его палатке, и он около полуночи принес мне переданную через англичан телеграмму генерала ван-Девентера, полученную через Салисбури. Судя по этой телеграмме, Германия согласилась на безусловную сдачу всех войск, действовавших в Восточной Африке; Девентер добавлял к этому, что требует немедлен-

ного освобождения английских военнопленных и нашего перехода в Аберкорн, где надо было сдать все оружие и боевые припасы, но европейцы все же могли сначала сохранить свое оружие. Полный текст этой телеграммы гласил:

«13/XI — 18. В Северный отряд. Корвунфору, через Фифе.

Послать полковнику Леттов-Форбеку с парламентером. Военное министерство Лондон телеграфирует, что статья 17 перемирия, подписанного германским правительством, устанавливает безусловную сдачу всех германских сил, оперирующих в Восточной Африке, в продолжение одного месяца, считая с 11 ноября.

Мои условия следующие: во-первых, немедленно передайте всех пленных, находящихся в ваших руках, как европейцев, так и туземцев, ближайшему отряду британских войск. Во-вторых, без промедления перейдите с вашими частями в Аберкорн, так как это ближайший пункт, в котором я могу снабжать вас продовольствием. В третьих, передайте все оружие и снаряжение моему представителю в Аберкорне. Но в то же время я разрешаю вернуть всем вашим офицерам и европейцам всех чинов их личное оружие, принимая во внимание доблестное поведение во время войны, однако, с условием, что вы без замедления направите ваши силы в Аберкорн. Там будут сделаны распоряжения отправить всех германцев в Марогоро и вернуть на родину всех германских аскари. Не откажите в любезности дать скорый ответ, указав вероятный срок прибытия в Аберкорн, а также число германских офицеров и рядовых, аскари и прочих.

Генерал ван-Девентер» *.

Это известие, если бы оно подтвердилось, достаточно говорило за себя и указывало на крайне тяжелое положение родины; иначе она никогда не сдала бы войска, которые так доблестно и успешно боролись с неприятелем.

Не вдаваясь в подробности, я должен был сказать себе, что требуемые от нас условия были безусловно неизбежны и их необходимо было честно выполнить. 14 ноября, в восемь часов утра, во время одной условленной встречи у реки с британским уполномоченным, который из Казамы переселился в резиновую факторию Хамбези, я передал ему телеграмму в Германию, в которой я доносил о происшедшем и добавлял к этому, что я буду действовать в соот-

* В оригинале — по-английски.

ветствии со сложившейся обстановкой. Уполномоченный сообщил мне, что германский флот поднял восстание, что вообще в Германии революция, и что, по одному сообщению, официального подтверждения которого он до сих пор не имеет, император 10 ноября отрекся от престола. Все эти сообщения казались мне невероятными, и я не поверил, пока они не были мне подтверждены несколько месяцев спустя во время возвращения на родину.

Наши войска, европейцы и цветные, твердо верили, что в этой войне Германия не будет побеждена, и все решили сражаться до последней крайности. Конечно, было сомнительно, хватит ли наших сил, если война продлится еще несколько лет, но, по крайней мере, в течение года мы могли спокойно ожидать всяких случайностей; войско было хорошо вооружено, снабжено и обеспечено продовольствием, и обстановка в настоящее время была так благоприятна для нас, как этого давно уже не было. Правда, аскари видели, что нас становилось все меньше и меньше,—насчитывалось еще 155 европейцев, из них 30 офицеров, санитарных офицеров и высших чинов, 1.168 аскари и около 3.000 других цветных, — но когда я однажды заговорил об этом с одним из моих ординарцев, то он уверял меня: «я останусь при вас и буду сражаться до тех пор, пока не буду убит». Подобные заявления были сделаны и многими другими. Я убежден, что это не являлось только пустой фразой.

14 ноября пополудни я опять прибыл на велосипеде к главным силам, сообщил европейцам о разговоре у парома Хамбези, а также мое решение выполнить официально переданные мне условия, в достоверности которых я не сомневался.

Перед освобождением пленных меня посетил старший из них, полковник Дикенсон, и простился со мной. По его словам, более чем трехмесячный плен дал ему полезные сведения о нашей лагерной жизни, об организации наших походов и об управлении боем. Он восторгался простотой наших распоряжений и точностью их выполнения; без сомнения, он смотрел на все без предубеждения.

Точно так же и наши аскари узнали о положении вещей. Необходимо было заранее предвидеть, что уплата им содержания за многолетнюю службу вызовет затруднения; это касалось и носильщиков, и все-таки для нас было делом чести добиться, чтобы было уплачено этим людям, которые с таким большим самоотвержением сражались и работали для нас. Требуемая сумма — дело шло при-

близительно о полутора миллионах рупи (в мирное время один рупи равнялся 1,33 марки) — была сравнительно умеренной, и лейтенант резерва Кемпнер был выслан вперед на велосипеде, чтобы возможно скорее добыть эту сумму от англичан или через их посредничество. Но наши неоднократные хлопоты остались без последствий. Правда, несколько раз сообщалось, что этот вопрос принят во внимание военным министерством, но на этом дело и закончилось; я также не получил никакого ответа на мою телеграмму германскому правительству в Берлин. В конце концов, не оставалось ничего другого, как составить списки не получивших платы и выдать расписку каждому носильщику и аскари.

Теперь мы передвигались маленькими переходами в Аберкорн через Казаму. Англичане подробно ознакомили нас с условиями перемирия. Выяснилось, что требовалась не «безоговорочная сдача», как это первоначально сообщил генерал ван-Девентер, а «безоговорочное очищение колоний» (эвакуация). Я несколько раз заявлял протест против толкования английским военным командованием слова «эвакуация» с включением в него сдачи и обезоруживания, но не получил ответа ни от правительств союзных стран и Соединенных Штатов, ни от германского правительства. Я колебался, должен ли я согласиться на сомнительное толкование слова «эвакуация», или же, наоборот, двинуться к бельгийской колонии или вообще в другое место. Но, в конце концов, статья, относившаяся к колониальным войскам, была таким незначительным пунктом в сравнении со всей совокупностью мирных условий, что я решил двигаться к Даресаламу, как того требовал генерал ван-Девентер, в ожидании, во всяком случае, что англичане, согласно условиям перемирия, немедленно отправят нас оттуда на родину. Как это позднее выяснилось, эта надежда не оправдалась.

Недалеко к северу от Казамы мы перегнали противника, с которым происходили последние стычки, первый батальон 6 полка Королевских африканских стрелков. Едва достигший 30-летнего возраста любезный командир, полковник Гаукинс, передал через полковника Дикенсона мне и немецким офицерам предложение на завтрак; я должен был отказаться, как мне ни улыбалось это выражение внимательного отношения к нам. Но полковник Гаукинс, все-таки, посетил меня в один из следующих дней и провел у меня за чашкой кофе около часу в оживленной беседе. Надо признать, что офицеры этого батальона держали себя в этом, действительно,

несколько неловком положении с большим умением и с тем уважением, на которое имеет право каждый честный противник. Впрочем, Гаукинс сообщил мне, что по продовольственным причинам он не имеет возможности двигаться дальше и просил нас помочь скотом, которым мы обладали в достаточном количестве.

Лейтенант резерва Кемпнер отправился вперед на велосипеде в Аберкорн. По его возвращении я поехал сам на одном из автомобилей генерала Эдвардса. Прием самого генерала Эдвардса, а также прием в столовой его штаба, был очень радушным. Я высказал свою точку зрения генералу Эдвардсу, указав, что не признал обязательства о сдаче нашего оружия, но что готов подчиниться, если это принесет пользу не нам лично, а германскому правительству. Мне было заявлено, что сданные нами оружие и боевые припасы будут приняты в расчет тех запасов, которые Германия, согласно условиям перемирия, должна сдать союзникам. Кроме того, мне было сказано, что сдача нами оружия не будет, даже с внешней стороны, носить характера капитуляции.

По словам англичан, аскари и носильщики будут помещены в Таборе в особых лагерях до тех пор, пока им не будет выплачено жалованье, и они не будут водворены на родину. Европейцев же задержат в Дaресаламе до отхода парохода, т.-е., вероятно, только на несколько дней. Эти условия не были соблюдены со стороны неприятеля. Как аскари в Таборе, так и европейцы в Дaресаламе содержались полтора месяца и больше в лагерях для пленных за колючей проволокой.

25 ноября войска прибыли в Аберкорн. Там на площади, на которой происходила сдача оружия, был водружен английский флаг; таким образом, нельзя отрицать, что, благодаря этому, передача оружия носила, отчасти, характер капитуляции. Сдано было: одно португальское орудие, 37 пулеметов (из них 7 немецких, 16 станковых и 14 ручных английских), 1.071 английское и португальское ружье, 208.000 патронов и 40 артиллерийских патронов. При этом англичане очень спешили убрать передаваемые ружья. Между ними не было ни одного современного немецкого ружья! — Личный состав войск определялся: губернатор, 20 офицеров, 5 санитарных офицеров, один врач-доброволец, один старший ветеринар, один старший аптекарь, один секретарь полевого телеграфа, 120 европейцев других чинов, 1.156 аскари и 1.598 войсковых носильщиков. Прибытие отдельных отрядов задержалось на несколько часов,

вследствие сильных ливней. Лагерная стоянка для аскари была окружена высокой засекой из колючек и по небрежности сделана чрезвычайно тесной. Это возбудило у многих наших аскари сильное недовольство, что иногда переходило в насилие над английскими аскари. Но люди, в конце концов, примирились с неприятным положением, а генерал Эдвардс, со своей стороны, признал, что здесь напрасно был создан случай для недоразумения. Мы, все-таки, не были военнопленными, бегства которых он должен был опасаться, а добровольно подчинились ему для выполнения неприятной обязанности. Он отказался от подобных распоряжений при дальнейшем передвижении к Бисмаркбургу, и, таким образом, мы двигались туда вместе с батальоном Гаукинса без малейшего взаимного стеснения. 28 ноября мы расположились лагерем у сильного водопада реки Каламбо на расстоянии трех часов от Бисмаркбурга. Здесь мы оставались несколько дней, так как отъезд на пароходе из Бисмаркбурга все время откладывался. Различные офицеры засыпали меня вопросами, не будем ли мы продолжать войну. Такие стремления были, несомненно, неудобны, так как и без того от меня требовалась масса хладнокровия и выдержки, чтобы выйти из нашего крайне тяжелого положения. Но я испытывал больше радости, чем неудобств, видя такие проявления здорового воинственного духа и решимости даже теперь, после того, как мы сдали все оружие, штурмовать неприятельский лагерь, чтобы снова создать базу для дальнейшего ведения войны.

3 декабря я получил телеграмму генерала ван-Девентера, помеченную 2 декабрем. Она гласила следующее:

«Я прошу подтвердить вашу телеграмму с предъявлением вашего формального протеста против обращения с вашими войсками, как с военнопленными. Это будет точно передано военному министерству. Тем не менее, я уверен, вы согласитесь, что у меня не было другого выхода, как считать ваши части военнопленными во исполнение распоряжения нашего военного министерства после того, как я получил от него уведомление о капитуляции германского правительства» *.

В тот же день первый эшелон войск был посажен на четыре парохода. На одном из них «Сент-Жорж», кроме команды из состава английского флота и одного конвойного офицера, были помещены только губернатор и офицеры командования с их черными

* В оригинале — по-английски.

слугами. В отношении продовольствия мы получили от англичан консервированное мясо, финики и сухари, а старший ветеринар, доктор Губер, прекрасно заботился о нашем физическом состоянии и здесь на корабле, как и раньше столько лет в пори. Британский командир, конвойный офицер и вся команда были к нам чрезвычайно внимательны. Когда, после короткой остановки, вечером 3 декабря у бельгийской станции Фуа ночью разразилась сильная буря, которая разорвала парусинный навес от солнца и, между прочим, унесла сюртук доктора Губера, то все английские матросы с особым вниманием хлопотали около совершенно промокших немцев.

5 декабря мы прибыли в Кигому. Этот пункт находился в руках бельгийского командования, и, сверх всяких ожиданий, бельгийцы нас здесь хорошо приняли и держали себя при этом с тактичной сдержанностью, которая была нужна по отношению к нам. Для всех европейцев были накрыты в больших сараях столы — зрелище, от которого мы в течение нескольких лет отвыкли. Появилось даже немного красного вина. Бельгийский губернатор командировал для нашего официального приема своего офицера-ординарца, свободно говорившего по-немецки, и я охотно воспользовался случаем, чтобы перед поездкой по железной дороге поблагодарить местного коменданта за товарищеские отношения, которые должны существовать между солдатами, даже между противниками, при условии взаимного уважения.

У англичан наблюдались только отдельные случаи плохого обращения со стороны некоторых младших офицеров, которые от природы были грубы. Старшие начальники немедленно вмешивались самым тактичным образом, когда отдельные более молодые товарищи хотели, например, безоговорочно удалить немецкого больного из отделения вагона. В поезде мы, европейцы, были очень хорошо размещены и ночью могли, как в мирное время, устраивать себе хорошие спальные места, одно над другим, вытягивая кожаные подушки и поднимая диваны. В Таборе нас встретило много немцев. Они жаловались на грабежи со стороны бельгийцев и англичан. Весьма вероятно, что творилось много беззаконий. В Дадоме мы провели ночь и на следующий день утром имели случай получить воду и основательно помыться.

В Морогоро было послано извещение о прибытии нашего поезда, и здесь после полудня мы встретили снова немецких женщин,

оставленных два года тому назад в Морогоро и окрестностях. Они приготовили чай и кофе, устроили буфеты с булочками и напекли в большом количестве пирожных. К этому надо прибавить еще самые лучшие фрукты.

Англичане нас встречали почти так же хорошо, как и немцы. Кроме одного очень любезного пожилого санитарного офицера, у меня особенно остался в памяти высокий, как жердь, капрал. Последний, повидимому, еще до прибытия нашего поезда выпил за наше здоровье целый ряд стаканов. Но мне все-таки удалось, в конце концов, избавиться и от него.

В Дavailable Даресалам мы прибыли 8 декабря в 7 часов утра. Европейцы были хорошо размещены в больших палатках в лагере, обнесенном колючей проволокой. Питание было хорошее и обильное, а в английской лавке можно было купить по дешевым ценам всякого рода необходимые вещи. Губернатор Шнее и я были встречены начальником штаба британского главнокомандующего генералом Хеппардом и проведены к предоставленному нам очень живописно расположенному дому вне лагеря. Генерал ван-Девентер любезно послал в виде приветствия закуску. Здесь были размещены майор Краут, капитан Шпангенберг и старший ветеринар доктор Губер. Здесь мы опять встретили генерала Вале, который был оставлен несколько месяцев тому назад больным в Убене в неприятельских руках и теперь совсем поправился. Мы опять устроили общую столовую, а наша свобода передвижения вне дома была ограничена только тем, что мы должны были всегда иметь при себе британского конвойного офицера. Сначала эти офицеры были крайне неаккуратны, но в конце концов, создалось сносное положение, и я имел возможность отыскать в Даресаламе своих знакомых и устраивать свои личные дела. Большей частью мне предоставлялся для этого автомобиль. Комендант лагеря пленных, майор Хоскен, который еще в Танге выказал в отношении пленных немецких женщин и детей много внимания и заботы, и теперь, в Даресаламе, старался избавить нас от излишних придирок.

Мы еще во время переезда по железной дороге были удивлены, встречая почти на каждой станции больше англичан-европейцев, чем мы имели во всей колонии войск; но Даресалам был прямо переполнен белыми войсками. Я оценивал их численность не ниже пяти тысяч человек, а в гаражах стояло много сотен автомобилей, требовавших ремонта.

Такое скопление людей представляло большую опасность при появившейся эпидемии испанской инфлуенцы. Конвойные офицеры рассказывали мне, что иногда в Дересаламе в один только день от этой болезни умирало от пяти до семи офицеров. Скоро среди нас начались заболевания. Повидимому, наши заразились во время перевозки на корабле по озеру Танганайка, а затем во время переезда по железной дороге. В концентрационном лагере в Дересаламе болезнь передавалась от одного человека к другому. Вскоре после своего прибытия в Дересалам капитан Шпангенберг сопровождал меня в город; там он, чья железная натура так легко переносила все лишения походной жизни, почувствовал себя плохо и 18 декабря умер в лазарете от инфлуенцы и воспаления легких.

Почти все европейцы нашего лагеря болели, и, к сожалению, кроме капитана Шпангенберга, умерло еще девять европейцев, т.-е. почти десять процентов всего нашего состава. Точно так же из интернированных в Таборе туземцев умерло 150 аскари и 200 носильщиков.

В Дересаламе в различных лагерях для пленных находилось также несколько сотен немецких аскари, попавших раньше в руки англичан. Некоторые из них пробыли несколько лет в английском плену и все-таки отказывались поступить в английские войска, что предлагалось им, по их словам, неоднократно. Из лагеря наши аскари могли непосредственно видеть немецкий лагерь военнопленных для белых солдат. Было очень приятно, что из-за этого мы, европейцы, нисколько не потеряли в глазах аскари. Так же, как и раньше, они выказывали нам самую большую преданность и дисциплину, и, несомненно, в этом заключалось выражение большого внутреннего уважения, которое они питали к нам, немцам. Они понимали — для этого у них было достаточно развития, — что настоящий военный успех был все-таки на стороне немцев, и издавна привыкли, что мы в самые трудные времена честно разделяли с ними все лишения и всегда сердечно относились к их многочисленным мелким запросам.

Они и теперь охотно выказывали нам свою привязанность и свое доверие; черные слуги были уверены, что получат невыданное им вознаграждение от своих начальников, которые в настоящее время едва ли располагали даже личными средствами. Представилось несколько печальных случаев убедиться в неблаговидном поведении англичан. Каждый знал, что в лагерях для пленных

деньги наших людей часто и притом на значительные суммы удерживались английскими офицерами. Прежние бои, а также другие туземцы, приезжали иногда издалека, чтобы приветствовать нас, и у меня составилось впечатление, что туземцы очень охотно опять хотели бы быть под немецкой властью. Вероятно, между англичанами-европейцами было много низкого элемента. Некоторые их них даже брали взятки от туземцев, другие даже днем врывались для грабежа в дома немецких европейцев.

При таких обстоятельствах я считал необходимым взять с собой в Германию находившееся в Даресаламе и на Центральной железной дороге частное имущество немцев, которые были в отсутствии и не могли сами о нем позаботиться. Я опасался оставить это имущество в Африке без немецкого надзора. Было довольно трудно разыскать и собрать эти вещи. В конце концов, это было сделано. Для меня было приятной неожиданностью найти, при вскрытии различных сараев, несколько ящиков с моими собственными вещами, которые я в начале войны передал на хранение фирме Деверс в Даресаламе. Были также спасены некоторые из моих вещей, оставленных в Морогоро. Однако, последних я все-таки не получил, так как англичане каждый раз находили какой-нибудь предлог, чтобы отклонить мою просьбу о поездке в Морогоро. Я так и не мог выяснить, было ли это простой грубостью, или же имелась налицо какая-то более глубокая, неизвестная мне, причина. В общем, я не без интереса наблюдал, как сильно вкоренилась у англичан привычка давать самым любезным образом неопределенные обещания, их не исполнять и таким образом все время тормозить дело.

При таких обстоятельствах мне приходилось иногда обращаться к начальнику административного управления, (который, отчасти, соответствует начальнику нашего этапного отдела); после многих расспросов я нашел его в моей старой квартире, в которой я помещался до войны. У разумных англичан я встречал взгляд, что Германия должна владеть колониями по экономическим соображениям, а также для излишка населения. Англия имеет слишком много колоний, и в настоящую минуту ей даже не хватает подготовленного личного состава для управления ими.

Хотя англичане при передаче условий перемирия и подчеркивали, что мы должны возможно скорее прибыть в Даресалам для своевременного, еще до 12 декабря, направления нас дальше, но

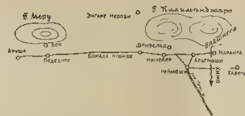
сами они не особенно торопились с выполнением этого пункта договора. Наша посадка на пароход все время оттягивалась, но все же, в конце концов, она состоялась 17 января 1919 года, следовательно, в пятую годовщину моей высадки в Даресаламе.

Для описания возвращения на родину хватило бы материала на целую книгу, которая в отношении траги-комических происшествий едва ли могла бы найти себе равную. На корабле, кроме нас, 114 немецких солдат, находилось еще восемнадцать граждан, 107 женщин и 18 детей, а также конвой из 200 британских солдат. Не трудно согласиться, что поводов для бесконечных недоразумений было более чем достаточно для такого смешанного собрания, состоявшего из немцев и англичан, из военных и штатских, из солдат и моряков, из взрослых и детей, помещенных в тесном пространстве корабля. Этот пароход был захваченный англичанами «Фельдмаршал» Германской Восточно-Африканской линии. Но все-таки удалось избежать сколько-нибудь серьезных столкновений, так как на это были направлены все усилия как миролюбивого командира корабля капитана Кинга, так и молодого полковника Грегга, начальника английского конвоя.

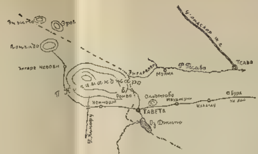
В конце февраля мы через Капштадт прибыли в Роттердам. Появившиеся там при высадке многочисленные немцы показали мне, к моему удивлению, что наша восточно-африканская война возбуждала на родине большое внимание. Многие голландцы высказывали нам свое сочувствие.

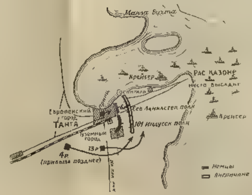
Действительно, ведь наша маленьшая горсть, не превосходившая трех тысяч европейцев и примерно одиннадцати тысяч аскари, в течение всей войны приковывала к себе во много раз превосходящего врага. Как я уже отметил в предисловии, против нас было выставлено около 300.000 человек с тысячью автомобилей и многими десятками тысяч верховых и вьючных животных, и эти войска были снабжены всем, чем располагал мир, объединившийся против Германии, с его неистощимыми вспомогательными средствами. Однако, несмотря на эту подавляющую при нашей обстановке численность противника, наш маленький отряд, имевший ко дню заключения перемирия едва 1.400 бойцов, все-таки держался и был готов к бою, воодушевленный высоким духом предприимчивости. Это объясняется чувством крепкой взаимной связи и крайней предприимчивостью, без которых боевые успехи невозможны.

Чертеж I

Чертеж II

Чертеж III

Чертеж IV

Чертеж V

Чертеж V

Чертеж VII

Чертеж IX

Чертеж VIII

Чертеж X

Чертеж XI.

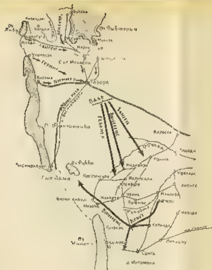
Вторжение бельгийских и британских колонн в глубь германской Восточной Африки середина 1916 г.

Чертеж XII.

Отступление немецких главных сил (август 1916 г.).

Чертеж XIII

Чертеж XIV

Чертеж XV

Движение частей западной группы на Табору в 1916 году и дальнейший марш на Махенге и движение капитана Винтгенса и майора Краута из района Махенге

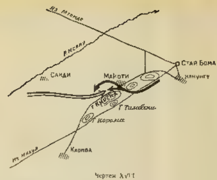
Чертеж XVII

Чертеж XVI

Чертеж XIX

Чертеж XVIII

Чертеж XXI.

Возвращение в немецкую Восточную Африку от вторжения в Родезию до перемирия у реки Хамбези. Движению к пункту посадки (Бисмаркбург).

Чертеж XX

Поход в португальскую Африку (с 25 мая 1917 г. по 28 сентября 1918 г.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

СОБЫТИЯ ДО ВСТУПЛЕНИЯ В ВОЙНУ ЮЖНО-АФРИКАНСКИХ ВОЙСК

Глава пятая

Между Северной и Центральной железными дорогами

(Июнь—август 1916 года)

Глава шестая

Продолжительные бои в районе Руфиджи

(Август—сентябрь 1916 года)

Глава седьмая

Нападение противника на юго-восточную часть колонии

(Сентябрь 1916—январь 1917 года)

Глава восьмая

Заботы и затруднения во время пребывания в области Руфиджи

(Январь—март 1917 года)

Глава двенадцатая

Последние недели на немецкой территории

(Октябрь—ноябрь 1917 года)

КНИГА ТРЕТЬЯ

БОИ НА НЕПРИЯТЕЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

(От перехода в португальскую Африку до перемирия)

Глава первая

Через Ровуму

(Ноябрь 1914—январь 1918 года)

Глава вторая

Восточнее реки Лудженды

(Январь—май 1918 года)

Цена 1 руб. 75 коп.

50 55535

ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК
Москва „19", Манежная, 7

